

С. А. Дианов

**ОРГАНЫ ГЛАВЛИТА НА УРАЛЕ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920-1941 гг.)**

Монография

Пермь

2011

УДК 94 (470)
ББК ТЗ (2РОС 36) 6
Д 44

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор
кафедры теории и истории государства и права Ленинградского
государственного университета им. А.С. Пушкина *М.В. Зеленов*;
доктор исторических наук, профессор кафедры
истории и философии Тамбовского государственного технического
университета *А.А. Слезин*

Д 44   **Дианов, С. А.** Органы Главлита на Урале в межво-
енный период (1920-1941 гг.): монография / С. А. Дианов.
Пермь, 2011. – 334 с.

ISBN 978-5-85218-495-5

Монография является продолжением работы автора по изучению истории органов политической цензуры в СССР.

В основу исследования положен институциональный подход, разработанный в социологии для решения конкретно-исторической проблемы: деятельности советского учреждения – уральских отделений Главлита в 1922–1941 гг. Исследовательский фокус переносится с центральных учреждений на региональные, а вводимые в оборот источники позволяют придать человеческое измерение управленческим (контрольным) практикам.

Издание адресовано историкам, правоведам, преподавателям, студентам и аспирантам вузов, а также краеведам и всем тем, кто интересуется историей Урала в советский период.

УДК 94 (470)
ББК ТЗ (2РОС 36) 6

ISBN 978-5-85218-495-5

© Дианов С. А., 2011

Содержание

Введение	5
Глава 1.	
Главлит как институт политического контроля в советской системе.....	41
<i>1.1. Институализация цензуры в политической системе .....</i>	<i>41</i>
<i>1.2. Органы Главлита и партийные комитеты ВКП (б) .....</i>	<i>47</i>
<i>1.3. Литы и органы государственной безопасности (ОГПУ–НКВД).....</i>	<i>58</i>
Глава 2.	
Создание и развитие системы органов Главлита на Урале	69
<i>2.1. Уралобллит как централизованное цензурное ведомство (1922–1933 гг.).....</i>	<i>69</i>
<i>2.2. Организационное устройство цензурных органов в 1934–1941 гг. ....</i>	<i>101</i>
<i>2.3. Люди цензурного ведомства: уровень руководства.....</i>	<i>115</i>
Глава 3.	
Кадровый состав уральских цензурных органов в 1920–1940 гг.	139
<i>3.1. Формирование кадрового аппарата в 1922–1933 гг. ....</i>	<i>139</i>
<i>3.2. Социальный и профессиональный состав уральской цензуры в 1934–1941 гг. ....</i>	<i>146</i>
<i>3.3. Организация системы повышения квалификации цензоров.....</i>	<i>157</i>
Глава 4.	
Цензурный режим на Урале в 1922-1941 гг.	167
<i>4.1. Цензурный контроль над издательской деятельностью в регионе .....</i>	<i>167</i>
<i>4.2. Цензура зрелищных мероприятий (театр, эстрада, музыка, кино) .....</i>	<i>185</i>
<i>4.3. Радиовещание на Урале как объект политической цензуры .....</i>	<i>207</i>
Глава 5.	
Повседневная жизнь цензурного аппарата в 1930-е гг. (на примере парторганизации Свердловского обллита)	219
<i>5.1. Парторганизация Свердловского обллита в 1933–1940 гг.: состав и практики профессиональной активности .....</i>	<i>219</i>
<i>5.2. Повседневная жизнь партийной организации обллита .....</i>	<i>229</i>

<i>5.3. Парторганизация обллита как объект политического контроля.....</i>	<i>241</i>
Заключение.....	255
Список сокращений.....	263
Приложения.....	265
Список использованных источников и литературы.....	313

Введение

Актуальность исследования. Вопрос о необходимости цензуры в современном информационном обществе остается дискуссионным. Быть или не быть цензуре в России сегодня активно обсуждается в СМИ и глобальной сети Интернет. Сторонники цензуры утверждают, что система ограничительных мер, закрепленная в нормативно-правовых актах РФ, способна эффективно защитить личность, ее права и свободы от информационного насилия. Так петербургский историк Ф.К. Ярмолич считает, что сегодня российское общество «интуитивно чувствует необходимость существования цензуры»¹. Противники цензуры, в свою очередь, выступают за упразднение какого бы то ни было контроля властных органов за духовным миром личности. Каждая из сторон приводит различные аргументы в защиту своей позиции. Это не может не радовать исследователя истории российской цензурной политики, главным принципом которого является научная объективность.

Общественный дискурс подготовил почву для научного исследования проблем цензуры. Говоря об актуальности изучения истории цензуры, исследователи склоняются к пониманию того, что без систематизированных знаний о содержании и механизмах функционирования цензуры нельзя адекватно представить общие закономерности и особенности исторического развития российского общества². Действительно, сложно говорить о духовной жизни и культуре, например, советского общества, не изучив цензурную политику правящей коммунистической партии. Цензура была не только средством поддержания идеологического порядка, но и инструментом формирования образа мыслей советских людей. Научный же интерес к советскому периоду обусловлен причинами, лежащими на поверхности. Так, открытые в начале 1990-х гг. секретные архивные фонды позволили ученым прикоснуться к тайнам Главлита. Атмосфера гласности дала возможность высказаться представителям творческой интеллигенции, которые подверглись гонениям за свои убеждения в предшествующий период. Факты «устной истории» стали важным источником в процессе реконструкции практик деятельности органов Главлита. Немалый вклад в изучение советской цензуры внесли и правозащитные организации. Другими словами, тема цензурного прошлого Страны Советов стала научно-популярной. Отсюда вполне понятным выглядело стремление ученых охватить своими исследованиями весь советский период и всесоюзный масштаб деятельности органов Главлита. Изучение же региональной истории цензурных органов отодвигалось на

---

¹ Ярмолич Ф.К. Цензура на Северо-Западе СССР. 1922–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 3.

² Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991. М., 2009. С. 5-6.

второй план. Только в начале 2000-х гг. обнаружались отдельные попытки исследования проблем советской цензурной политики на периферии. Научный интерес к истории местных органов Главлита стал обретать рамки научных исследований.

Интерес автора настоящего исследования к изучению истории становления и развития цензурных органов на Урале вызван следующими обстоятельствами. Во-первых, ощущается нехватка как эмпирического, так и теоретического материала по истории цензуры. Отсутствие комплексных научных трудов приводит порой к необъективному видению места и роли цензурных органов в духовной жизни региона. Во-вторых, повседневная жизнь работников Главлита также мало подвергалась изучению, как и сама их организация. По этой причине представляет определенные сложности определение места Главлита в политической системе и статуса цензора в советском обществе.

Объектом данного исследования является советская система власти в начале 1920-х – конце 1930-х годов.

Предметом исследования являются местные органы Главлита на Урале в 1922-1941 гг., их структура, кадровый состав и основные направления деятельности.

Территориальные рамки исследования охватывают административные границы бывшей Уральской области – условное название «Большой Урал». В начале 1920-х гг. в Уральский регион входили Пермская, Екатеринбургская, Челябинская, Уфимская и Тюменская губернии. На основании постановлений ВЦИК РСФСР от 3 ноября 1923 г. и 12 ноября 1923 г. была образована Уральская область. В ее состав вошли Пермская, Екатеринбургская, Челябинская и Тюменская губернии. На территории области было создано 15 округов³. Данная административно-территориальная единица просуществовала чуть более десяти лет. 17 января 1934 г. Уральская область была разделена на Челябинскую, Свердловскую и Обско-Иртышскую. В свою очередь 7 декабря 1934 г. Обско-Иртышская область была упразднена, ее территория вошла в состав Омской области⁴. Территория же современной Курганской области с января 1934 г. по февраль 1943 г. входила в состав Челябинской области с центром в г. Челябинске. 3 октября 1938 г. из Свердловской области была выделена как самостоятельный административный субъект Пермская область, переименованная в 1940 г. в Молотовскую область⁵.

---

³ СССР по районам. Уральская область / сост. О.А. Константинов. М.-Л.: ГИЗ, 1926. С. 11.

⁴ *Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.)* / под ред. В.П. Петровой. Тюмень, 2003. С. 10.

⁵ *Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии*. Пермь, 1994. Вып. 1. С. 57.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1922 г. по 1941 г. 6 июня 1922 г. был создан Главлит как орган гражданской цензуры. Во второй половине 1922 г. полномочия по предварительной цензуре были переданы от органов государственной безопасности (ГПУ) Главлиту. Исследование доводится до 1941 г. В годы Великой Отечественной войны на первое место вышла деятельность органов военной цензуры, изменилось содержание и формы работы органов Главлита. После войны они оказались в структуре системы органов государственной безопасности.

Степень изученности проблемы. Деятельность органов Главлита на момент их организационного устройства не являлась тайной. В первой половине 1920-х гг. в РСФСР небольшими тиражами издавались труды видных партийных деятелей, тексты их выступлений на съездах, конференциях и совещаниях, в которых открыто признавалась необходимость проведения цензурной политики и обосновывалась идея создания института цензуры⁶. В 1923 г. под редакцией С.И. Сахарова был опубликован первый сборник документов, содержащий нормативные документы Главлита – «Положение о Главлите», «Инструкция Главлита и его местным органам», «О Главном репертуарном комитете по контролю за репертуаром»⁷. Данная работа отнюдь не является аналитической, как это склонен утверждать Ф.К. Ярмолич⁸. В водной статье к сборнику С.И. Сахаров лишь кратко обозначил назначение Главлита и его местных органов: «В теперешнем виде Главлит является центральным учреждением по проведению мер ограничительного характера в отношении печати, издательств и зрелищ».

С некоторыми нормативными документами Главлита советские граждане имели возможность ознакомиться и в последующее время. В 1927-1931 гг. известный советский правовед Л.Г. Фогелевич составил сборники «Действующее законодательство о печати»⁹. В 1934 г. Л.Г. Фогелевич подготовил очередной сборник документов, содержащий такие циркуляры Главлита, как: «Об обязанности уполномоченных Главлита следить за оформлением книги», «О запрещении выпуска значков, жетонов и пр. без разрешения органов Главлита», «О пе-

---

⁶ *Лебедев-Полянский П.И.* О пролетарской культуре (Стенограмма речи, произнесенной в Москве 20 ноября 1920 г.). Ростов-н/Д: Донское обл. отд. ОГИЗ, 1921; *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М.: Изд-во «Красная Новь», 1923; *Пельше Р.А.* Основные задачи политико-просветительной работы // Политпросветрбота и искусство. М.: ГИЗ, 1926.

⁷ *Законы о печати* / сост. С.И. Сахаров. М., 1923.

⁸ *Ярмолич Ф.К.* Указ. соч. С. 4.

⁹ *Действующее законодательство о печати.* Систематический сборник / сост. Л.Г. Фогелевич. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР. Издание первое, 1927; Издание второе, 1929. Издание третье, 1931.

репечатках и исправлениях» и т.д.¹⁰ В 1935 и 1937 г. вышли еще два сборника документов. В указанные труды Л.Г. Фогелевича по понятным причинам не могли войти секретные циркуляры Главлита. Вместе с тем, общая информация о Главлите, его структуре и направлениях деятельности в 1920-1930-е гг. была общедоступной.

В 1930-е гг. получила развитие внутриведомственная литература, содержащая не столько инструктивный и циркулярный материал Главлита, сколько аналитические обзоры о деятельности региональных отделений Главлита, статьи самих цензоров об опыте и результатах своей работы. В частности это «Бюллетени Главлита РСФСР». В нашем распоряжении находятся № 1-3 за 1932 г., № 4-5 за 1933 г.¹¹ и № 8 за 1934 г.¹² Допуск к этой литературе имелся только у работников цензурных органов. Однако сам факт налаживания в цензурном ведомстве своего рода внутренней журналистики уникален, актуальны и его различные интерпретации¹³.

Несмотря на отмеченные позитивные моменты, в советской историографии не сложилась традиция писать о Главлите и цензуре в целом. При этом будем иметь в виду то обстоятельство, что писать о деятельности цензурных органов отнюдь не запрещалось. В центральной прессе СССР появлялись статьи, заметки журналистов, порой довольно критичного характера. Примером может служить публикация в номере № 169 «Известий ЦИК» от 21 июля 1935 г. статьи Н. Вольнева «Где город Глухов?», в которой журналист рассказал о «нелепостях», творимых уполномоченными Воронежского обллита¹⁴. Вопрос о причинах отсутствия специальных трудов по цензурной проблематике в советской исторической науке остается дискуссионным. Так Н.Н. Клепиков утверждает, что тема цензуры была закрыта и советские историки намеренно ее обходили, рассматривая цензурную проблематику «опосредованно, главным образом, за счёт изучения руководящей роли партии различными сферами общественной жизни». Ф.К. Ярмолич помимо идеологического запрета называет «узость источниковой базы», что «не позволило советским историкам всесторонне осмыслить феномен цензуры»¹⁵.

Отсутствие источников не помешало некоторым исследователям на Западе опубликовать труды, посвященные истории цензуры в

---

¹⁰ Основные директивы и законодательство о печати. 1919-1934 / сост. Л.Г. Фогелевич. Издание четвертое. М.: Советское законодательство, 1934. С. 99, 102-103.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 991. Л. 1-14, 15-27, 28-41, 42-53, 54-67.

¹² ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 123. 1-16.

¹³ Например: *Фэйнсод Мерл*. Смоленск под властью Советов / перевод с англ. Л.А. Кузьмина; вступит статья Е.В. Кодина. Смоленск, 1995. С. 385-400.

¹⁴ *Известия ЦИК СССР*. 21 июля 1935 г. № 169. С. 3.

¹⁵ *Клепиков Н.Н.* Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920 –1930-е гг.: дис. ...канд. ист. наук. Архангельск, 2005. С. 3; *Ярмолич Ф.К.* Указ. соч. С. 6.

СССР. Так в 1925 г. в журнале «Восточная Европа» была размещена статья Г. Кандлера «Цензура прессы в Советской России»¹⁶. В этой публикации немецкий исследователь описал функции Главлита и его местных органов, основываясь лишь на проведенном им анализе текста «Положения о Главлите» от 6 июня 1922 г. В этом же издании была опубликована статья Артура Юста «Пресса в Советском Союзе», основным сюжетом которой стали рассуждения автора о состоянии свободы СМИ в СССР¹⁷.

Интерес к культурному строительству в СССР за рубежом в последующее время все возрастал. В западной советологии образовались две школы: «тоталитарная» (Х. Аренд, К. Дейч, Ф. Нойман, Д. Кеннан, Р. Арон, М. Фейнсод) и «ревизионистская» (Дж. Хаф, Р. Такер, С. Коэн, Ш. Фитцпатрик, А. Гетти). «Тоталитаристы» считали Главлит порождением исключительно большевистского режима, «ревизионисты» же рассматривали его как нормальное государственное учреждение, имеющее аналоги в других государствах. Среди специальных работ второй половины XX в., посвященных советской цензуре, отметим труды Р. Гуля, А. Гаева, М. Дьюхерста и Р. Фарелла, Е. Симмонса и др.¹⁸ А.В. Суров в своем исследовании отдает западным ученым первенство в разработке «новых методологических подходов» к изучению феномена советской цензуры¹⁹. Вместе с тем следует иметь в виду, что основные усилия зарубежных исследователей были направлены на описание результатов деятельности цензурных органов (запреты на издание книг, репрессии писателей и т.д.). Содержание же, формы и механизмы осуществления цензурного контроля исследованы не были.

В 1989 г. американские исследователи М.Т. Чолдин и М. Фридберг подготовили издание сборника статей «Красный карандаш: художники, ученые и цензоры в СССР»²⁰. Среди авторов публикаций были отечественные писатели-эмигранты. В предисловии к изданию, в частности, подчеркивалось, что в этом коллективном труде нашли отражение дискуссии о характере советской цензуры, имевшие место на конференции в Вашингтоне в мае 1983 г. Не представляет большой трудности определить цель подобного издания. Политический курс

---

¹⁶ *Kandler G. Pressezensur in Sowjet-Russland // Osteuropa. 1925/1926. S. 256-258.*

¹⁷ *Just Artur W. Die Presse der Sowjetunion // Osteuropa. 1925/1926. S.559-563.*

¹⁸ *Гуль Р. Одвуконь. Светская и эмигрантская литература. Нью-Йорк, 1973; Gaev A. Soviet Press Control // Bulletin of the Institute for the Study of History and Culture of the USSR. Munchen. 1955. № 5. P. 3; The Soviet Censorship / Ed. by M. Dewhirst, R.Farrell. Metuchen, New Jersey, 1973; Simmons E.J. The Origins of Literature Control // Survey. London. 1961. № 36/37.*

¹⁹ *Суров А.В. Цензурная политика Советского государства в 1917 - нач. 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002. С. 14, 15.*

²⁰ *The Red pencil. Artists, Scholars, and Censors in the USSR / ed. by M.T. Choldin and M. Friedberg. Boston. London-Sydney-Wellington. 1989. 243 p.*

М.С. Горбачева вызывал симпатии и надежды у всей западной общественности. «Советская цензура теперь бесспорно более либеральна и менее строга, чем это было до прихода М.С. Горбачева к власти, – писали М.Т. Чолдин и М. Фридберг. – Что находится под вопросом, так это возраст гласности, будет ли далее культурная и интеллектуальная жизнь в СССР находиться под контролем безликих цензоров, наделенных неограниченными правами?». Американские исследователи также недвусмысленно намекали о необходимости скорейшего упразднения Главлита. Материалы же публикаций представляли уровень эссеистики и содержали личные мнения писателей о состоянии культуры в СССР. В качестве примера можно взять статью А.Гершковича «Советская культура в середине 1980-х гг.: новая оттепель?»²¹.

Первые публикации о цензуре в советской печати появились в перестроечное время. К ним можно отнести труды Ю.М. Батурина, М.А. Федотова и В.С. Красногорова²². Обращение известного правоведа М.А. Федотова к цензурной проблематике было обусловлено его научными интересами²³. В то же время необходимо признать, что размещенная в разделе «Законопроектные работы» статья под названием «Гласность и цензура: возможность сосуществования» преследовала не столько презентацию авторского взгляда, сколько выражение официальной позиции Кремля. Без санкции властных структур представляются невозможными суждения ученого на предмет современной оценки состояния цензуры в стране. «Сфера гласности кончается там и тогда, где и когда она используется в ущерб интересам народа, социализма, – заявлял М.А. Федотов. – Но должна ли эта граница охраняться именно цензурой? Думается, что пресловутый «синий карандаш» более уместен в руках редактора, чем чиновника»²⁴. Заметим, в сентябре 1990 г. М.А. Федотов занял пост заместителя министра печати и информации РСФСР.

Содержание указанной публикации впоследствии неоднозначно толковалось исследователями. Т.М. Горяева и Н.Н. Клепиков целиком заимствовали конструкцию определения понятия «цензура»²⁵. При

---

²¹ Там же. С. 2-12.

²² Батурин Ю.М. Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 г. // Советское государство и право. 1989. № 3. С. 134-142; Федотов М.А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 80-89; Красногоров В. Гласность и безгласность. Заметки по истории отечественной цензуры // Нева. 1990. № 3. С. 146-165.

²³ М.А. Федотов в 1989 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Средства массовой информации как институт социалистической демократии (государственно-правовые проблемы)».

²⁴ Федотов М.А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 87.

²⁵ Цензура, по мнению М.А. Федотова, – родовое понятие. Оно охватывает различные виды и формы контроля официальных властей за содержанием выпускае-

этом суждения М.А. Федотова о причинах и условиях становления советской цензуры не были приняты во внимание. Ф.К. Ярмолич, упоминая об этом, пришел к выводу, что М.А. Федотов смог только показать саму организационную эволюцию цензуры от периода гражданской войны до 1931 г.²⁶ А.В. Суров предложил считать «ошибочным» мнение М.А. Федотова о том, что В.И. Ленин ничего не знал о существовании Главлита и предлагал иной путь развития цензуры: привлечение членов Политбюро к рецензированию книг²⁷.

Выразим мнение, что М.А. Федотов не преследовал цель «показать эволюцию цензуры». Его суждения о причинах и условиях становления советской цензуры также не следует считать историческим экскурсом. В разделе «Марксизм-ленинизм о цензуре», говоря о позиции В.И. Ленина, М.А. Федотов характеризовал общеполитическую обстановку до создания Главлита. В.И. Ленин не мог знать о Главлите, так как в феврале–мае 1922 г. такого ведомства просто не существовало. Поручение вождя членам Политбюро от 19 мая 1922 г. осуществлять ежедневный просмотр небольшевистских изданий М.А. Федотов отнюдь не считал альтернативой специальному органу цензуры. Наоборот, учреждение Главлита, по мнению исследователя, стало следствием проводившегося политического курса²⁸.

Исследователи перестроечного периода все же осторожно касались темы цензурной политики, проводимой властью. В трудах С.А. Галина, В.С. Жидкова и Т.М. Горяевой уже наблюдается стремление к независимой оценке цензурных практик²⁹. Однако эти оценки касались не цензурных органов, а степени влияния системы ограничений и запретов на процессы культурного строительства в советском обществе.

Процесс распада СССР вызвал и ликвидацию Главлита в октябре 1991 г.

Крушение «Министерства правды» привело к значительному росту публикаций в российской прессе, посвященных истории советской

мых в свет и распространяемой массовой информации с целью недопущения или ограничения распространения идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными и вредными. Контроль осуществляется в зависимости от вида СМИ (печать, телевидение, радиовещание, кинематограф). Необходимо различать цензуру, налагающую запрет на обнародование сведений определённого рода, и цензуру, вторгающуюся в творческий процесс. См.: *Горяева Т.М.* Указ. соч. С. 9; *Клепиков Н.Н.* Указ. соч. С. 14.

²⁶ *Ярмолич Ф.К.* Указ. соч. С. 7.

²⁷ *Суров А.В.* Указ. соч. С. 16.

²⁸ *Федотов М.А.* Указ. соч. С. 84-85.

²⁹ *Галин С.А.* Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти (1917-1925). М., 1990; *Горяева Т.М.* Журналистика и цензура (По материалам советского радиовещания 1920-30-х годов. Источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 4. С. 112-123; *Жидков В.С.* Театр и время: От Октября до перестройки. М., 1991.

цензуры. С 1992 г. начинается изучение Главлита и практик деятельности его местных органов на профессиональном уровне. За последние 20 лет фонд российской исторической науки пополнился десятками монографий, сотнями статей и иного рода публикаций о цензуре и цензорах, Главлите и Литах. Логичным представляется выделить два этапа в развитии современного отечественного цензуроведения.

На первом этапе (1992–2001 гг.) исследователи собирали и систематизировали первичный эмпирический материал. Следует подчеркнуть, что сложившиеся в западной историографии подходы определили вектор изучения Главлита. В традициях «тоталитарной» школы была написана статья А.Ю. Горчевой «Главлит: становление советской тотальной цензуры»³⁰. «Тотальная цензура», «тотальный гнет», «вседозволенность контроля», «безграмотные исполнители», «многотысячная армия цензоров» – такие эпитеты ввела в научный оборот А.Ю. Горчева с целью описания советского цензурного ведомства. Главлит, по мнению исследователя, представлял собой настоящую машину уничтожения свободы мысли и слова. «Народу Главлит обходился очень дорого, – писала А.Ю. Горчева. – Не говорим о зарплате огромного количества людей, которые бдительно читали периоду, о льготах...»³¹. С определенной долей поспешности исследователь назвала «безнравственной» практику социалистических соревнований в цензурных органах. Данная публикация как никакая другая отражает настроения части ученых, которые первыми начали освещать секреты Главлита.

В 1993–1995 гг. сразу несколько российских исследователей подготовили к публикации научные труды, которые сегодня можно рассматривать как классику цензуроведения. Работая над изданием своей первой монографии по цензуре, А.В. Блюм опубликовал серию статей, в которых также содержались «тоталитарные» мотивы³². В 1994 г. состоялась презентация книги А.В. Блюма, которая стала первой в российской историографии монографией, посвященной истории советской цензуры³³. На обширном архивном материале исследователь предпринял попытку реконструировать процесс создания Главлита, его местных органов, а также дать анализ практикам деятельности

---

³⁰ Горчева А.Ю. Главлит: становление советской тотальной цензуры // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1992. № 2. С. 32-40.

³¹ Там же. С. 35-36.

³² Блюм А.В. Частные и кооперативные издательства 20-х годов под контролем Главлита (по архивным документам) // Книга: Исследования и материалы. 1993. Т. 66. С. 175-191; Он же. Как поссорились ГУС с Главсоцвосом (цензурные преследования детской литературы в 20-е годы) // Вопросы литературы. 1993. Вып. 2. С. 315-320; Он же. «Звезда» в годы Большого террора: хроника цензурных репрессий // Звезда. 1993. № 11. С. 170-182.

³³ Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917-1929. СПб., 1994.

цензоров в период НЭПа. Структура книги дает представление читателю о глубоком проникновении автора в предмет исследования. Однако избранная А.В. Блюмом методология не позволила ему объективно интерпретировать многие факты и явления. «Шестое июня 1922 г. – одна из самых страшных, роковых дат в истории страны: именно в этот день вышел декрет Совнаркома о создании Главлита...», – такое экспрессивное суждение было положено в начало главы «Как был создан Главлит»³⁴. Далее А.В. Блюм подытоживает: большевики создали институт «тотальной цензуры» – «одной из самых жесточайших, которые когда-либо знал мир». Все содержание книги пронизывала идея осуждения цензурной политики советского правительства. А.В. Блюм не смог в этой работе удержаться от субъективных оценок прошлого. Заметим, что его взгляды оказали сильное воздействие на ряд коллег, занимавшихся в это время изучением данной проблематики.

Аналогичные взгляды и оценки можно обнаружить, в частности, в работах Г.В. Жиркова и Т.М. Горяевой. В первых публикациях Г.В. Жиркова поднимались вопросы становления советской цензуры, предлагалась оригинальная периодизация: период «комиссародержавия» (1917-1919 гг.) и период «диктата» государственного издательства – ГИЗ (1919-1921 гг.)³⁵. В свою очередь Т.М. Горяева, работая над докторской диссертацией, занималась изучением как общих вопросов создания органов цензуры в СССР, так и частных, а именно темой «цензура и радиовещание»³⁶. Как и А.В. Блюм, Т.М. Горяева доказывала «тоталитарную» сущность советской цензуры. По мнению исследователя, отличие советской цензуры от царской заключалось в отсутствии законности, а также в полной «безнаказанности, таинственности и размытости допустимых норм»³⁷. Другой отечественный историк В.С. Измозик проводил исследования по теме «цензура и перлюстрация»³⁸. Перлюстрацией органы Главлита фактически не занимались, это была прерогатива ОГПУ–НКВД. Однако существовавший в структуре Главлита Иностраннный отдел время от времени привлекался к цензуре зарубежной корреспонденции.

Во второй половине 1990-х гг. появились новые научные труды. По-прежнему большое число публикаций приходилось на

---

³⁴ Блюм А.В. Указ. соч. С. 82.

³⁵ Жирков Г.В. История советской цензуры: Период комиссародержавия (1917–1919) // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 1994. № 2. С. 82–92; Он же. История советской цензуры: Период диктата государственного издательства (1919–1921 гг.) // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 3. 1995. № 16.

³⁶ Горяева Т.М. Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры / сост. Т.М. Горяева. Минск, 1995.

³⁷ Там же. С. 19.

³⁸ Измозик В.С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26-35.

А.В. Блюма, Г.В. Жиркова и Т.М. Горяеву³⁹. Вместе с тем, интерес к истории цензуры продолжал возрастать. Так нижегородский исследователь М.В. Зеленов обратил свое внимание на цензурные практики в исторической науке СССР⁴⁰. Итогом работы указанных исследователей стало издание монографий и защита докторских диссертаций. В 2000 г. были опубликованы монографии А.В. Блюма, Т.М. Горяевой, М.В. Зеленова. В 2001 г. Г.В. Жирков издал учебное пособие по истории цензуры в России XIX-XX вв.⁴¹

В своей новой монографии А.В. Блюм расширил хронологические рамки исследования до 1953 г.⁴² Не отступая от ранее выдвинутых тезисов о «тотальной» цензуре, А.В. Блюм на этот раз сосредоточил внимание на раскрытии таких вопросов, как эволюция структуры Главлита, технологии цензурного контроля, охрана государственных и военных тайн. Отдельная глава была посвящена кадровому составу Главлита и местных цензурных органов. А.В. Блюм одним из первых исследователей смог назвать точное количество работников всего цензурного аппарата (на 1939 г.). Наконец, А.В. Блюм подверг анализу репрессивные практики в среде самих цензоров. В 1936-1938 гг. цензурные кадры периодически проходили чистки. По данным исследователя органы Главлита подвергались подобным «массированным атакам» вплоть до начала 1950-х гг.⁴³ В этой книге прежние взгляды и оценки были подвергнуты автором ревизии, Главлит же стал рассматриваться с позиций, близких к институциональному подходу. Заметим, что позднее А.В. Блюм сосредоточил свое внимание на издании сборников документов о Главлите.

В 2000 г. Т.М. Горяева завершила работу над докторской диссертацией на тему «История советской политической цензуры. 1917-1991 гг.»⁴⁴. Исследователь предложила выделить в истории советской

---

³⁹ Блюм А.В. Как громили «вредительскую группу Маршака». Доносы цензора Чевычелова // Мир образования. 1996. № 1. С. 70-73; *Он же*. Поэт и цензор. По «оттепельным» документам Ленгорлита // Звезда. 1997. № 7. №. 2. С. 216-222; *Он же*. «У мысли стоя на часах...»: Ленинградская печать в годы Большого террора: хроника цензурных репрессий // Новый журнал (СПб.). 1998. № 1. С. 176-190 и др.; Жирков Г.В. Цензура русской журналистики // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 1997. № 2. С. 75-84; История советской политической цензуры. Документы и комментарии / отв. сост. Т.М. Горяева. М., 1997.

⁴⁰ Зеленов М.В. Главлит и историческая наука 20-30-х годов // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 21-36; *Он же*. К истории создания органа централизованной цензуры. 1917-1922 // Ученые записки Волго-Вятской академии государственной службы. Т. 2. 1999. С. 220-227.

⁴¹ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учеб. пособие. М., 2001.

⁴² Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953. СПб., 2000.

⁴³ Блюм А.В. Указ. соч. С. 58.

⁴⁴ Горяева Т.М. История советской политической цензуры. 1917-1991 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 669 с.

цензуры два периода: с 1917 г. по 1930-е гг. и с 1940 г. по 1991 г. По мнению Т.М. Горяевой к 1939-1940 гг. полностью сложилась система партийно-государственного управления страной. Важнейшим условием и определяющим звеном в этой системе стала политическая цензура, проводившаяся как через Главлит, так и напрямую, по партийной вертикали⁴⁵. Т.М. Горяева первая из исследователей рассмотрела особенности функционирования органов цензуры в годы Великой Отечественной войны, а также послевоенное состояние Главлита и его местных структур. Анализу подверглась система политической цензуры в период хрущевской «оттепели» и в последующий период «застоя». Кроме того, важным представляется отметить, что в качестве методологии исследования Т.М. Горяева использовала не только концепцию тоталитаризма, но и концепты теории систем. В частности, системный анализ позволил Т.М. Горяевой отойти от известных схем характеристики тоталитарного режима и обозначить взаимовлияние политических, экономических и культурных факторов на процесс развития института советской цензуры. На основе диссертационного материала Т.М. Горяева подготовила к изданию монографию⁴⁶. В 2009 г. монография была переиздана и в настоящее время является одним из самых востребованных трудов по истории советской цензуры.

Параллельно с комплексным исследованием Т.М. Горяева завершила работу над темой цензурного контроля над радиовещанием. Впервые в отечественной историографии появилась монография, в которой раскрывались этапы становления в СССР государственно-идеологического контроля над радиовещанием. Привлекая разного вида источники, в том числе и микрофонный материал 1920-1930-х гг., Т.М. Горяева показала, что радио не сразу стало объектом цензурного контроля. Только во второй половине 1920-х гг. Главлиту и его местным органам было поручено осуществление предварительной цензуры в отношении материалов, предназначенных в радиоэфир⁴⁷. Заметим, что к этой и предыдущей работе Т.М. Горяевой у исследователей имеется одно важное замечание. Т.М. Горяева последовательно отстаивала тезис о том, что коммунистическая партия всесторонне контролировала и детально регламентировала деятельность органов цензуры. Сомнение в этом вопросе высказал М.В. Зеленов, а позже Ф.К. Ярмолич⁴⁸. По мнению М.В. Зеленова, партия не всегда в одинаковой мере воздействовала на Главлит, и документально всеобъем-

---

⁴⁵ Там же. С. 190-191.

⁴⁶ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. М., 2002.

⁴⁷ Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – 1930-х годах. Документальная история. М., 2000.

⁴⁸ Ярмолич Ф.К. Указ. соч. С. 9.

лющий партийный контроль над цензурой показать не представляется возможным⁴⁹.

В 2000 г. состоялась защита докторской диссертации М.В. Зеленова⁵⁰. Это исследование отличается от других многими обстоятельствами. Во-первых, была предложена оригинальная тема для исследования: партия–цензура–историческая наука. Во-вторых, методологической основой работы стала не концепция тоталитаризма, а теория систем. В-третьих, М.В. Зеленов предпринял попытку отойти от уже утвердившихся в исторической науке штампов о «тотальной» цензуре, подвергнув критике ряд суждений А.В. Блюма, Т.М. Горяевой и др. Говоря о содержании понятия «цензура», М.В. Зеленов предложил такой вариант: «Цензура есть функция политической системы, если ограничение информации осознано как цель и метод сохранения и упрочения существующей системы общественных отношений»⁵¹. Организационные и регулятивно-контрольные мероприятия отдельного института или частей цензурной системы, направленные на ограничение информации, М.В. Зеленов обозначил как «цензурная политика».

В отличие от Г.В. Жиркова, М.В. Зеленов не стал дробить период с 1917 по 1921 гг. Он предложил свое видение периодизации процесса становления советской цензуры:

Первый период – 1917–1921 гг. В указанное время контроль над информационным пространством страны не был сосредоточен в одном органе власти. Функции цензуры выполняли разные структуры (Книжная палата, ОВЦ ВЧК, Политотдел ГИЗа, Аппарат ЦК РКП (б)).

Второй период – 1921–1923 гг. В это время происходит выделение из области политической борьбы цензурной политики, понимание ее специфики и организационное оформление органов государственной цензуры.

Третий период – 1923–1927 гг. На этом этапе происходит организационное укрепление и развитие партийной и государственной цензуры.

Четвертый период – 1927–1929/31 гг. Цензурные практики совершенствуются, основным объектом цензурной политики становятся архивные фонды и литература. Причем только к 1933 г., согласно выводам М.В. Зеленова, Главлит сосредоточил основные направления цензуры в своих руках⁵².

---

⁴⁹ Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000. С. 37.

⁵⁰ Зеленов М.В. Политика аппарата ЦК РКП (б) – ВКП (б) в области цензуры исторической науки в 1919-1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2000. 774 с.

⁵¹ Зеленов М.В. Указ. соч. С. 16.

⁵² Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000. С. 454-456.

Таким образом, логичным представляется выделить следующие тенденции в историографии 1990-х – нач. 2000-х гг. В 1990-е гг. сложилось сообщество историков цензуры – цензуроведов. К ним следует отнести таких исследователей, как А.Ю. Горчева, А.В. Блюм, Г.В. Жирков, Т.М. Горяева, М.В. Зеленов. В их первых трудах ощущалось влияние западной историографии. Главлит представлялся как ключевое звено в тоталитарной политической системе. Органы цензуры рассматривались как инструмент подавления свободы и творчества в советском обществе. Сами работники цензуры наделялись неограниченными правами, льготами, умело пользовались своей «безнаказанностью». Вместе с тем, в конце 1990-х гг. обнаруживается тенденция отказа от первичных категоричных формулировок; концепция тоталитаризма подверглась критике. В 2000 г. защищаются две докторские диссертации по истории советской цензуры, где ощутимо меняются подходы к толкованию цензурной проблематики.

Обратим внимание и на то, что региональный аспект истории советской цензуры не был раскрыт. К 2001 г. не появилось ни одного комплексного исследования, пролившего свет на цензурные практики в провинции. Вне поля зрения исследователей оставались вопросы, например, цензуры зрелищ, кинематографа, контроля за издательским делом и книготорговой сетью. Нерешенными были задачи, связанные с характеристиками кадрового состава региональных отделений Главлита. Это не полный перечень лагун, которые в будущем предстояло разрешить новой когорте исследователей-цензуроведов.

С 2001 г. начинается новый этап в развитии отечественного цензуроведения. Под редакцией М.Б. Конашева и Н.Г. Патрушевой один за другим издавались сборники научных трудов по истории цензуры в России, объединяющие научные силы столичных историков и их коллег в регионах⁵³. Для настоящего исследования особый интерес имеют публикации М.Б. Конашева «Академия наук и цензура: 1917-1927 гг.» и И.Е. Левченко «Парадоксы цензуры». Согласно данным М.Б. Конашева к 1927 г. Академия наук СССР была полностью под контролем Главлита. Несмотря на то, что в начале 1920-х гг. академические издания были освобождены официально от цензуры, на практике это положение не действовало⁵⁴. В сравнительно небольшой по объему статье уральский историк И.Е. Левченко классифицировал цензуру по 14 критериям: правовой статус, субъект, объект, цель, направление деятельности, сфера применения, специфика функционирования, период и характер осуществления, мера открытости, степень централизации, технология деятельности, характер решений, режим деятельно-

---

⁵³ *Цензура в России: история и современность: сб. научных трудов. Вып. 1 / сост. ред. М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева. СПб., 2001; Вып. 2. СПб., 2005; Вып. 3. СПб., 2007; Вып. 4. СПб., 2008.*

⁵⁴ *Конашев М.Б. Академия наук и цензура: 1917-1927 гг. // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 1. СПб., 2001. С. 117-118.*

сти, состояние⁵⁵. В качестве замечания можно отметить не совсем удачные аргументы, приводимые автором в подтверждение своих тезисов. Так, говоря о таком критерии, как технология деятельности цензуры, И.Е. Левченко, ссылаясь на мнение А.В. Блюма, замечает: «Подлинного мастерства вычитывания, вычеркивания, вписывания достигли советские цензоры-редакторы»⁵⁶. Представляется, что подобные аргументы выглядят весьма голословно, как и любые другие суждения о «мастерстве» цензоров.

Диссертационный фонд по истории советской цензуры продолжал пополняться новыми исследованиями. В 2002 г. в Ярославле состоялась защита диссертации А.В. Сурова⁵⁷. На первый взгляд работа воспринимается как дублирование трудов А.В. Блюма, Т.М. Горяевой и др. Скромное название первой главы «Создание органов цензуры» не дает представление о личном вкладе исследователя в изучаемую тему. При детальном же знакомстве с материалом формируется несколько иная картина. Достоинством данной работы можно считать включение материалов по Ярославской губернии, рассмотрение механизма формирования местных цензурных органов. А.В. Суоров назвал точную дату образования Ярославского гублита – 1 января 1923 г.⁵⁸ Кроме того, среди исследовательских задач А.В. Суоров постулировал изучение практики цензурного контроля над репертуаром зрелищных предприятий как в масштабах РСФСР, так и Ярославской губернии. Надо заметить, что не всегда статистические данные, приводимые А.В. Суоровым, отражали реальное положение дел на местах. Так, анализируя количественный состав губернских органов цензуры в масштабе РСФСР, исследователь обращается к данным «Еженедельника Наркомпроса РСФСР». По мнению А.В. Суорова самые большие штаты имели Петроградский, Московский гублиты и Уральский обллит (4 человека)⁵⁹. Вместе с тем, как показало наше исследование, Уралобллит имел в своем штате всего 2 работников. Доверие автора официальным документам и малоэффективная критика источника обнаруживается и в других частях исследования. В целом диссертационная работа А.В. Суорова открыла новую страницу в изучении советской цензуры – ее региональный аспект.

Комплексное исследование по становлению системы контроля над зрелищами провела Г.А. Бондарева. Хронологические рамки ее

---

⁵⁵ Левченко И.Е. Парадоксы цензуры // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 2. СПб., 2005. С. 173-181.

⁵⁶ Там же. С. 180.

⁵⁷ Суоров А.В. Цензурная политика Советского государства в 1917 - нач. 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002.

⁵⁸ Там же. С. 66.

⁵⁹ Суоров А.В. Указ. соч. С. 71.

диссертационной работы были ограничены периодом НЭПа⁶⁰. Во вводной части исследования Г.А. Бондарева предложила классифицировать современные направления в изучении советской цензурной политики по объектам цензуры, как то: «цензура и журналистика» (Г.В. Жирков), «цензура и историческая наука» (М.В. Зеленов), «цензура и радиовещание» (Т.М. Горяева) и т.д.⁶¹ В итоге научные труды А.В. Блюма оказались в рамках темы «Цензура и еврейский вопрос», что в действительности таковым не является. Как уже ранее отмечалось, указанные исследователи разрабатывали как отдельные сюжеты, так и общие вопросы цензурной проблематики. К достоинствам работы Г.А. Бондаревой отнесем освещение таких дискуссионных вопросов, как, например, разграничение компетенций между Главлитом, Главреперткомом и Главполитпросветом. Исследователю удалось отразить перипетии длящегося конфликта между Главполитпросветом и Главлитом за право на цензуру зрелищ⁶². Привлекая материалы, содержащиеся в центральных государственных архивах, Г.А. Бондарева показала основные черты и особенности театрально-музыкальной цензуры зрелищ в 1920-е гг., а также цензурные практики в отношении эстрадного репертуара и кинематографа⁶³. Нет сомнения, что данное исследование во многом еще более выиграло, обратись Г.А. Бондарева к документам, содержащимся в региональных государственных и муниципальных архивах.

Продолжением активного изучения истории региональных отделений Главлита стало диссертационное исследование Н.Н. Клепикова⁶⁴. Территориальные рамки исследования были определены границами современной Архангельской и Вологодской областей. Автор сосредоточил внимание на исследовании проявлений политической цензуры в различных областях культурной и общественной жизни на Европейском Севере РСФСР (издательское дело, средства массовой информации, библиотеки). Обратимся к выводам, которые сделал исследователь. Согласно доводам Н.Н. Клепикова, на протяжении всех 1920-х гг. положение в цензурной системе исследуемого региона было довольно тяжёлым⁶⁵. Главная причина – недостаток финансовых средств, выделяемых местными властями на содержание аппарата цензуры. Кроме того, губернское партийное руководство ограничивало претензии цензурного органа на расширение своего штатного состава, проводя линию на децентрализацию её функций, за счёт при-

---

⁶⁰ Бондарева Г.А. Советская цензура зрелищ в период Новой экономической политики (1921-1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

⁶¹ Там же. С. 12-13.

⁶² Бондарева Г.А. Указ. соч. С. 63-72.

⁶³ Бондарева Г.А. Указ. соч. С. 131-163, 164-187.

⁶⁴ Клепиков Н.Н. Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920 –1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005.

⁶⁵ Там же. С. 186.

влечения к исполнению цензурных обязанностей ответственных партийцев. Ситуация в корне изменилась после реорганизации цензурных органов в начале 1930-х гг. Н.Н. Клепиков утверждал, что изменение источника финансирования (с краевого на государственный), наделение цензоров материальными благами и привилегиями ещё более «цементировало» цензурную систему на местном уровне.

Вслед за Т.М. Горяевой Н.Н. Клепиков полагал, что началу 1940-х гг. произошло окончательное установление «всеохватного» цензурного контроля и руководства за всеми сферами общественной жизни, использование различных форм и средств давления и воздействия на информационно-творческий процесс⁶⁶.

Среди других трудов Н.Н. Клепикова можно отметить публикацию в сборнике «Цензура и доступ к информации: история и современность». Исследователь описал механизм обеспечения контроля над информационным пространством Северного края в начале 1930-х гг.⁶⁷ Заметим, что в этом же сборнике были опубликованы статьи М.Б. Конашева и М.В. Зеленова. Так М.Б. Конашев призвал своих коллег отказаться от рассмотрения цензуры как одного из государственно-политических инструментов коммунистической диктатуры. По его мнению, главным механизмом становления и утверждения системы советской цензуры была внутривластная борьба 1920–1930-х гг.⁶⁸ В свою очередь М.В. Зеленов, предлагая результаты своего анализа материалов партийных собраний органов цензуры, счел возможным предположить, что работники Главлита отражали интересы не только собственно цензуры, но и всех слоев населения⁶⁹.

Пензенский историк А.М. Подлужная в 2007 г. завершила работу над диссертацией «Политическая цензура в Пензенском регионе в 1920–1930-е гг.»⁷⁰. По данным А.М. Подлужной, интенсивность проводимой цензурной политики на территории Пензенской области по разным направлениям изменялась в различные периоды. Так наиболее эффективно органам Главлита удавалось решать вопросы идеологического контроля в сфере печати⁷¹. С середины 1920-х гг. объектами цензурной политики становятся система народного образования и ра-

---

⁶⁶ Клепиков Н.Н. Указ. соч. С. 187-188.

⁶⁷ Клепиков Н.Н. Механизм ограничения информации в свете международной дискредитации СССР в начале 1930-х гг. (на примере Северного края) // Цензура и доступ к информации: история и современность / отв. ред. М.Б. Конашев. СПб., 2005. С. 73-75.

⁶⁸ Конашев М.Б. Внутривластная борьба 20-х - 30-х гг. в СССР и концепция становления советской цензуры // Там же. С. 75-76.

⁶⁹ Зеленов М.В. Высший цензурный комитет СССР между властью и обществом в 1920-е – 1930-е годы // Там же. С. 69-70.

⁷⁰ Подлужная А.М. Политическая цензура в Пензенском регионе в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007.

⁷¹ Там же. С. 30.

диовещание. Одним из главных выводов автора можно считать о том, что к концу 1930-х гг. в Пензенском регионе не удалось создать стройную систему цензурных учреждений. Этому процессу препятствовало вмешательство в деятельность цензуры других партийных и советских органов. Вместе с тем, как замечает А.М. Подлужная, поставленные задачи контроля цензурные органы в Пензе выполняли вполне успешно. Говоря о недостатках работы, следует отметить слабую проработку вопроса об эволюции структуры цензурных органов в Пензенском регионе. Довольно мало информации о руководителях местных отделений Главлита, их вкладе в организацию цензурного контроля. В отдельном параграфе исследователь предприняла попытку изучения кадрового аппарата цензуры. Однако вместо анализа кадрового состава цензурного ведомства А.М. Подлужная представила данные только об аппарате советских служащих Пензы в целом. Предположим, что эти проблемы будут ею решены в будущих публикациях.

Одним из последних крупных научных трудов стала диссертационная работа питерского историка Ф.К. Ярмолича⁷². Предметом его исследования стало изучение структуры, кадрового состава, основных направлений деятельности органов советской цензуры на территории трех регионов Северо-Запада СССР: Ленинградской области, Кольского полуострова и Карелии. Эту работу выделяет, прежде всего, попытка автора критично переосмыслить уже устоявшиеся в историографии выводы и оценки. Так Ф.К. Ярмолич назвал некоторые идеи и суждения Т.М. Горяевой «дискуссионными», а выводы А.В. Блюма «поспешными»⁷³. Согласно позиции исследователя тезис о «тотальности» советской цензуры является спорным, так как выбор именно такой дефиниции для описания советских цензурных реалий формирует однобокое и достаточно схематичное понимание. Еще одним дискуссионным моментом, по мнению Ф.К. Ярмолича, является вопрос о централизации цензуры в лице Главлита⁷⁴.

Одной из сильных сторон в работе Ф.К. Ярмолича является проведенный им анализ кадрового состава цензурных органов. Исследователь пришел к выводу, что к началу 1940-х гг. четкой структуры органов Главлита на Северо-Западе СССР не возникло; она была организована эпизодично и на уровне крупных городов⁷⁵. Этот вывод перекликается с позицией А.М. Подлужной и дает возможность говорить о выявлении общей тенденции при характеристике системы органов Главлита на местах. Далее, Ф.К. Ярмолич выдвинул тезис о том, что социальный статус советского цензора в 1930-е гг. был низким.

---

⁷² Ярмолич Ф.К. Цензура на Северо-Западе СССР. 1922–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

⁷³ Там же. С. 9.

⁷⁴ Там же. С. 10.

⁷⁵ Ярмолич Ф.К. Указ. соч. С. 168.

Только с конца 1940-х гг., по мнению исследователя, властями были предприняты усилия для поднятия социального престижа работника цензуры. Среди недостатков работы следует назвать невыдержанность хронологических рамок исследования. В основном анализу подверглись цензурные практики 1920–1930-х гг. Период 1945–1964 гг. представлен фрагментарно, не были проведены сравнительные характеристики состояния системы цензуры довоенного и послевоенного времени.

Среди публикаций последних лет выделим также статьи А.П. Романенко и Е.Г. Елиной. В своей работе А.П. Романенко указал на избыточность цензурных функций в советском обществе⁷⁶. По мнению исследователя, тотальная цензура была органической частью советской словесности, она соотносилась (с внешней стороны) с канцелярской организацией всей советской культуры, естественно вписываясь в эту структуру. С внутренней стороны цензура была соотнесена с герменевтическими принципами социалистического реализма, носившими документальный характер. В сталинский период специфика советской цензуры состояла не только в ее гипертрофированности и всеохватности, но и в небывалом прежде сочетании многоуровневой структуры контроля над речью с проникновением в стиль речи. Таким образом, убежден А.П. Романенко, советская цензура 1920–1950-х гг. была гипертрофирована «и вширь, и вглубь».

Е.Г. Елина предложила свое видение процесса становления цензурного контроля над журналистикой в 1920-е гг.⁷⁷ В отличие от Г.В. Жиркова, Е.Г. Елина выделила три периода во взаимодействии журналистики и цензуры (1917–1922 гг., 1922–1925 гг., 1925–1991 гг.). Каждому периоду была присуща определенная модель. «Тотальность» цензурирования, по мнению Е.Г. Елиной, сложилась в конце 1925 г. В это время завершается построение основной модели взаимодействия литератора и цензуры. Главлит и его органы были не опасны для авторов произведений, так как факты вычерков и изъятий для них напрямую не представляли угрозы. Реальная опасность для творчества несла в себе «цензура ликвидаторская», решающая проблему дозволенности – недозволенности путем наложения запрета на имя автора⁷⁸.

Попытки уральских исследователей приоткрыть тайны советской цензуры были предприняты еще в середине 1990-х гг. Вместе с тем, специальных трудов по истории уральских органов Главлита так и не было издано. Одним из первых ученых, обратившихся к изучению архивных документов о деятельности Уралобллита, стал И.Е. Левчен-

---

⁷⁶ Романенко А.П. Герменевтические принципы советской цензуры // Цензура как социокультурный феномен. Саратов, 2007. С. 142-163.

⁷⁷ Елина Е.Г. Журналистика и цензура в советской России 1920-х годов // Цензура как социокультурный феномен. Саратов, 2007. С. 176-190.

⁷⁸ Там же. С. 190.

ко⁷⁹. В 1995 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Цензура как общественное явление». Работа была выполнена в методологических концептах социальной философии⁸⁰. Собственно Уралобллит и цензорам была посвящена третья глава исследования. Хронологические рамки работы были ограничены первой половиной 1920-х годов. Автор рассмотрел вопросы об образовании Уралобллита, его структуре и компетенциях. И.Е. Левченко обозначил ряд трудностей, с которыми столкнулись первые уральские цензоры при осуществлении своей деятельности: нехватка квалифицированных кадров, недостаточное внимание партийных и советских органов к их нуждам.

В ноябре 1995 г. в г. Екатеринбурге состоялась Международная научная конференция «Цензура в России». В изданном по материалам конференции сборнике были опубликованы статьи А.И. Бакановой, Г.И. Степановой и Н.В. Кузнецовой. Как отмечала А.И. Баканова, специального исследования или каких-либо обобщающих трудов о деятельности цензуры на Урале на осень 1995 г. не существовало⁸¹. В своей статье А.И. Баканова описала практики «библиотечной цензуры» в 1920–1930-е гг. В частности, детально рассмотрению подвергся вопрос о цензурных гонениях коллектива издателей Уральской советской энциклопедии. В этом же ключе была представлена статья Н.В. Кузнецовой «Репрессированный П. Бажов и его репрессированные книги»⁸². В статье повествовалось о творчестве уральского писателя П.П. Бажова и его книгах, оказавшихся под запретом. Хотя Н.В. Кузнецова и упомянула о факте в биографии писателя, работавшего в органах цензуры, все же она представила его как жертву цензуры. Вместе с тем, следует иметь в виду, что книги П.П. Бажова беспрепятственно проходили предварительную цензуру. Инициатива гонений исходила отнюдь не от Свердловобллита.

В публикации Г.И. Степановой содержалось описание источниковой базы о деятельности органов цензуры, содержащейся в фондах бывшего партийного архива Свердловской области⁸³. По данным Г.И. Степановой, начиная с 1923 г. уральские цензурные органы периодически отчитывались о результатах своей деятельности перед партий-

---

⁷⁹ Левченко И.Е. Уралобллит как «блюститель» общественных нравов // Социальные проблемы Уральского региона: матер. IX Уральских социолог. чтений. Екатеринбург, 1994.

⁸⁰ Левченко И.Е. Цензура как общественное явление: автореф...канд. филос. наук. Екатеринбург, 1995.

⁸¹ Баканова А.И. Из истории цензуры на Урале (обзор источников) // Цензура в России: матер. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 53.

⁸² Кузнецова Н.В. Репрессированный П. Бажов и его репрессированные книги // Там же. С. 66-70.

⁸³ Степанова Г.И. Деятельность органов цензуры в документах Центра документации общественных организаций Свердловской области (1918-1991 гг.) // Там же. С. 30-34.

ными комитетами ВКП (б). Кроме того, как утверждала исследователь, партийным органам были подконтрольны и кадровые вопросы в работе цензуры. Примеры вмешательства партийных инстанций в деятельность уральских цензоров Г.И. Степанова описала в последующих публикациях. Например, ею был установлен факт снятия с работы в 1937 г. начальника Обллита по формулировке «как не внушающего политического доверия»⁸⁴.

В то же время не все уральские ученые впоследствии активно обращались к опубликованным материалам своих коллег. Так, Е.А. Игишева в своем историографическом труде назвала публикации тюменского историка Д.Л. Савельева чуть ли не единственными по истории цензурных органов на Урале⁸⁵. В результате в монографии Е.А. Игишевой можно обнаружить некоторые неточности. Например, дата образования Уралобллита оказалась неопределенной: «в январе 1923 г.». Уралобллит был образован 15 декабря 1922 г. Не совсем понятно, что имеет в виду Е.А. Игишева, ссылаясь на утверждение Д.Л. Савельева, согласно которому «недостатком в деятельности уральских органов цензуры являлось то, что значительное влияние на их работу оказывали партийные структуры власти». Мы, безусловно, признаем вклад Д.Л. Савельева в исследование цензурных практик местных органов Главлита в 1920-е гг. Вместе с тем, его основные работы территориально локализованы рамками Тюменской губернии⁸⁶.

В настоящее время проблемами истории органов советской цензуры на Урале активно занимается Е.Н. Ефремова. В одной из своих публикаций Е.Н. Ефремова рассмотрела статус советского цензора в номенклатуре советских служащих 1930-х гг.⁸⁷ Автор справедливо за-

---

⁸⁴ *Степанова Г.И.* Политический контроль за печатным словом // Толерантность и власть: судьбы Российской интеллигенции. Пермь, 2002. С. 141.

⁸⁵ *Игишева Е.А.* Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в современной отечественной историографии. Екатеринбург, 2008. С. 195; *Она же.* Деятельность правоохранительных органов на Урале в 1920-е гг.: современная историография // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 59. С. 75-83.

⁸⁶ *Савельев Д. Л.* Формирование системы местных органов государственного управления культурой и их деятельность в 1917-1920-х годах (на материалах Тюменской губернии): автореф. дис.... канд. ист. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2001. 23 с.; *Он же.* Местные органы Главлита – основа политической цензуры в сфере культуры (1920-е гг.) // Тюменский исторический сборник / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2000. Вып. 4. С. 76-81; *Он же.* Деятельность Наркомпроса по финансированию учреждений культуры и образования в 1920-х годах (на материалах Тюменской губернии) // Наука и образование: VII Общерос. межвуз. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых: матер. конф.: в 5 т. Томск, 2003. С. 25-29; *Он же.* Политическая цензура как социокультурный феномен // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: по материалам Всерос. конф.: в 2 кн. Барнаул, 2003. С. 46-54.

⁸⁷ *Ефремова Е.Н.* Статус советского цензора в отчетах Свердловобллита // Жизнь провинции как феномен духовности: сб. ст. по матер. Всерос. науч. конф. Нижний Новгород, 2010. С. 345–353.

мечает, что, несмотря на привилегированность своего положения, уральский цензор постоянно испытывал угрозу лишиться своего статуса. Причиной к отстранению от исполнения обязанностей могло стать как недостаточно добросовестное, с точки зрения руководства, выполнение им своих функций, так и превышение полномочий. В другой статье исследователь поставила вопрос о партийной цензуре, осуществляемой в 1920–1930-е гг. аппаратом Свердловского истпарта⁸⁸. Следует отметить, что Е.Н. Ефремова ввела в научный оборот большое количество архивных документов, ранее не доступных исследователям.

В заключение историографического обзора обозначим основные результаты своих трудов по данной теме. В 2009-2011 гг. автор настоящего исследования подготовил и издал две монографии по истории создания и деятельности уральских органов Главлита⁸⁹. Эти работы стали частью специального исследования, посвященного комплексному анализу деятельности органов советской цензуры на Урале в период их организационного строительства в 1922-1941 гг. В настоящей работе предполагается завершить работу над этим исследованием.

Принимая во внимание степень изученности темы и общий вектор исторических изысканий в рассматриваемой предметной области, сформулируем цель и задачи исследования.

Цель работы – реконструировать на основе применения методов конкретно-исторического исследования процесс создания и функционирования местных органов Главлита на Урале в 1922–1941 гг.

Задачи исследования:

- определить место Главлита в политической системе СССР;
- обозначить основные этапы организационного строительства органов Главлита на Урале в 1922-1941 гг.;
- раскрыть роль Уралобллита как центра политической цензуры на территории Уральской области;
- рассмотреть практики взаимодействия цензурных органов с партийными комитетами РКП–ВКП (б) и органами госбезопасности;
- изучить проявления политической цензуры в различных областях культурной и общественной жизни (издательское дело, зрелища, радиовещание) на Урале в 1922-1941 гг.;
- проанализировать количественный и профессиональный кадровый состав служащих органов цензуры;
- на материалах протоколов партийных собраний Уральского и Свердловского обллитов представить практики профессиональной и

---

⁸⁸ *Ефремова Е.Н.* Партийная цензура историко-краеведческих изданий 1920-1930-х гг. на Урале // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 4 (82). С. 183-197.

⁸⁹ *Дианов С.А.* «Крепкая узда пролетарской диктатуры»: органы Главлита на Урале в 1922-1941 гг. Пермь, 2010; *Он же.* Уральская цензура в лицах. Политическая цензура на Урале в 1920-1930-е гг. Пермь, 2011.

общественной активности работников цензурного ведомства на основании изучения протоколов партийных собраний;

– посредством создания биографических очерков о руководителях уральских органов Главлита рассмотреть личностный аспект становления и функционирования института политической цензуры.

Методология исследования. В качестве методологии исследования нами выбрана концепция институционализма в том виде, в котором она представлена в работах Т. Парсонса, Б. Малиновского, В.В. Радаева⁹⁰. Содержание ее может представлено в следующих положениях.

Во-первых, общество рассматривается через призму социальных организаций, созданных для упорядочивания общественного поведения людей. Во-вторых, в организациях решающая роль принадлежит нормам, посредством которых ее участники регулируют социальное поведение. В-третьих, при их изучении ведущее значение придается исполняемым ими функциям в обществе, в том числе в контексте взаимосвязей с иными социальными институтами. В-четвертых, социальные институты эволюционируют в соответствии с объемом и спецификой решаемых ими задач.

Институциональная теория была сформулирована в границах социологической теории. Ее применение для исторических исследований возможно в том случае, если предметом изучения является деятельность определенной организации – в составе государственной власти, или шире – внутри политической системы; если в распоряжении историка находятся источники, позволяющие понять действующие в ней нормы и функции.

По нашему мнению, исследование органов Главлита на Урале такой шанс предоставляет.

Эвристические возможности институциональной теории применительно для исторического исследования заключаются в том, что она позволяет анализировать историческое прошлое не как нечто бесформенное, разнонаправленное, но увидеть в обществе элементы социального порядка, регулирующего социальный хаос, тем самым обнаружить в нем прочный социальный каркас. В нашем случае – элемент этого каркаса – органы политического контроля – Главлит.

Кроме того, в исследовании использовались традиционно применяющиеся в исторической науке принципы и методы. В первую очередь назовем принципы историзма и научной объективности. Применение принципа историзма позволило выяснить предпосылки и тен-

---

⁹⁰ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000; *Он же*. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998; *Малиновский Б.* Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с.; *Радаев В.В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 3. С. 5-26, и др.

денции формирования органов цензуры в политической жизни советского общества, рассмотреть этапы их становления и развития, соотнести их деятельность с другими институтами политической системы СССР. Под научной объективностью понимается видение предмета исследования, каким он существовал в реальности, вне зависимости от субъективных наслоений, содержащихся в источниках, в оценочных суждениях историков и общественных деятелей.

В исследовании применялись также специальные исторические методы: историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный, документально-иллюстративный, методы количественного анализа исторических источников, метод комплексного анализа и т.д.

Исследовать особенности социального статуса и бытовые условия жизни советского цензора помогает такое направление исторических исследований, как *история повседневности*. В трудах Н.Л. Пушкаревой подчеркивается, что применение ее в историческом исследовании позволяет воссоздать пути приспособления людей к событиям внешнего мира, изучить обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле, а также эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей⁹¹.

Ключевое понятие в данном исследовании – цензура. Под *цензурой* мы будем понимать контроль официальных властей за содержанием, выпуском в свет и распространением печатной продукции, содержанием пьес, кинофотопроизведений, радио- и телевизионных передач, а иногда и частной переписки с тем, чтобы не допустить или ограничить распространение идей и сведений, признаваемых высшими инстанциями нежелательными и вредными⁹².

Источниковая база исследования. Основу исследовательской базы составили в основном архивные документы, а также нормативно-правовые акты, документы органов государственной власти, сборники документов, хронологически относящиеся к исследуемому периоду. Преобладало стремление выявить, в первую очередь, первичные источники. Источниковая база исследования представляет собой несколько групп исторических документов и материалов.

Первая группа – архивные материалы. Эта группа источников представлена документами двух центральных и двенадцати уральских государственных и муниципальных архивов. Для решения поставленных соискателем задач были задействованы документы двух фондов Государственного архива РФ (ГАРФ) – это непосредственно сам фонд Главлита (Ф. Р-9425) и фонд Наркомпроса РСФСР (Ф. А-2306). Будем

---

⁹¹ Пушкарева Н.Л. История повседневности как направление исторических исследований [Эл. ресурс]. :<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>.

⁹² Большая энциклопедия: в 62 т. Т. 57. М., 2006. С. 197.

иметь в виду, что фонд Главлита не содержит документов ранее 1937 г. В описи 1 Ф. Р-9425 содержатся докладные записки начальника Главлита Н.Г. Садчикова в СНК СССР, приказы начальника Главлита по цензурному ведомству за 1938–1940 гг. В переписке Главлита с ЦК ВКП (б) по цензурным вопросам можно обнаружить уникальные документы. Например, в «Справке о кадрах центрального аппарата Главлита» от 3 января 1939 г. содержались сведения о количестве штатных работников центрального аппарата и совместителей⁹³. В докладной записке Н.Г. Садчикова «О кадрах органов цензуры», адресованной секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову, можно обнаружить данные об уральских отделениях Главлита, в частности, Челябинском и Пермском обллитах. В этом же документе упоминалась фамилия начальника Пермского обллита А.М. Огибенина⁹⁴. В описи 2 Ф. Р-9425 находятся документы о штатном расписании местных органов Главлита. Нам удалось найти сведения о штатном расписании Свердловского, Молотовского и Челябинского обллитов на 1941 г.⁹⁵

В описи 69 Ф. А-2306 содержатся такие документы, как «Отчет Главлита за 1925 г.»⁹⁶, переписка Главлита с его местными отделениями, с советскими учреждениями и организациями за 1927–1929 гг.⁹⁷ В описи 36 имеется документ, раскрывающий штатную численность Главлита на 20 октября 1922 г.⁹⁸ Важно подчеркнуть, что хоть документов в Ф. А-2306 и немного, все же они дают возможность исследователю изучить практики деятельности Главлита РСФСР за 1920-е гг.

Обращение к фондам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), дало возможность установить, что в описи 60 Ф. 17 находятся протоколы заседаний Главреперткома за 1924–1925 гг., а также переписка Главлита с Агитпропотделом ЦК ВКП (б)⁹⁹. В этой же описи содержится переписка Главлита и Главреперткома с местными цензурными органами¹⁰⁰. В совокупности эти документы позволяют выявить тенденции во взаимоотношениях партийных и цензурных органов, а также понять принципы принятия решений по цензуре зрелищного репертуара. В описи 9 Ф. 17 были обнаружены анкетные данные на пять служащих уральских органов цензуры (М.Р. Ланге, П.П. Бажов, А.З. Неупокоев, В.М. Труха-

---

⁹³ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 12. Л. 2-3.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 10. Л. 101-104.

⁹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 28. Л. 41-41об., 57-57об., 83-83об.

⁹⁶ Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 514. Л. 12-15.

⁹⁷ Там же. Д. 1586 (Переписка Главлита с Совкино о запрете демонстрации кинофильма).

⁹⁸ Там же. Оп. 36. Д. 97. Л. 27-28об.

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 751, 752, 753.

¹⁰⁰ Там же. Д. 808, 809.

новский, П.Н. Шмелев) по состоянию на январь 1927 г.¹⁰¹ Эти данные были использованы в исследовании для изучения социального и профессионального облика уральского цензора.

В описи 2 Ф. 82 РГАСПИ были обнаружены шесть выпусков «Бюллетеней Главлита РСФСР» за 1932–1933 гг. Для настоящего исследования важным является второй номер этого издания от 1 августа 1932 г. Здесь содержится отчет инспектора Главлита о состоянии цензуры на Урале, об аппарате Уралобллита и его возможностях¹⁰². В третьем номере от 16 декабря 1932 г. была размещена статья А. Орлова «Организационно-политическое состояние крайобллитов», в которой деятельность аппарата уральской цензуры подверглась жесткой критике¹⁰³. Наличие этих документов дает возможность сравнить позиции Главлита и Уралобллита на причины кризисных явлений в цензурной практике в начале 1930-х гг.

В Ф. Р-577 Государственного архива Свердловской области (ГАСО) находятся три описи дел, в которых содержится документация Уралобллита (с 1922 по 1933 гг.) и Свердловского обллита (с 1934 по 1941 гг.). Заметим, что в описи 1 перечислены документы периодичной отчетности окружной цензуры – 15 окрлитов¹⁰⁴. Однако сами документы, датированные 1926 г., обнаружить не удалось. По данным работников архива эти 15 архивных дел «выбыли» в районы в конце 1970-х гг. Проведенный нашими усилиями поиск данных документов в уральских городских и муниципальных архивах в 2008–2010 гг. дал положительный результат только по Ирбитскому району. Предположим, что документы были списаны и уничтожены; актов об этом не сохранилось. В описи 2 имеются циркулярные распоряжения, инструкции Уралобллита за 1922–1933 гг., а также переписка Уралобллита с Главлитом, материалы, запрещенные уральской цензурой к печати и демонстрации¹⁰⁵. В описи 3 обнаружены приказы Свердловского обллита за 1932–1940 гг., стенограммы совещаний уполномоченных обллита, материалы по соцсоревнованию с Горьковским крайлитом и годовой отчета обллита за 1939 г.¹⁰⁶

В фонде Уральского отдела народного образования (Ф. Р-233) имеется одно архивное дело, в котором представлены копии инструкций и циркуляров Уралобллита за 1923–1924 гг.¹⁰⁷ Основная часть документов адресована уездной и окружной цензуре.

---

¹⁰¹ Там же. Оп. 9. Д. 3439. Л. 168-168об. (П.П. Бажов), Д. 3544. Л. 35-35об. (М.Р. Ланге), Д. 3574. Л. 142-142об. (А.З. Неупокоев), Д. 3644. Л. 137-137об. (В.М. Трухановский), Д. 3675. Л. 101-101об. (П.Н. Шмелев).

¹⁰² Там же. Ф. 82. Оп. 62. Д. 991. Л. 16об.–17.

¹⁰³ Там же. Л. 29об.–30.

¹⁰⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 15–27, 29–30.

¹⁰⁵ Там же. Оп. 2. Д. 1–35.

¹⁰⁶ Там же. Оп. 3. Д. 1–20.

¹⁰⁷ Там же. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64.

Большую ценность для данного исследования представляют документы, хранящиеся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). В описи 1 Ф. 4284 находятся протоколы собраний партийных организаций Уралобллита (за 1933 г.) и Свердловского обллита (за 1934–1941 гг.)¹⁰⁸. Материалы партсобраний – это уникальный исторический источник, анализ которых дает возможность ответить на многие вопросы, реконструировать механизмы принятия управленческих решений в цензурном ведомстве, а также психологический климат в коллективе цензоров. В описи 13 Ф. 4 обнаружены отчетный доклад обллита в Свердловский обком ВКП (б) за 1935 г. и отчет о работе Коми-Пермяцкого окрлита по состоянию на февраль 1935 г.¹⁰⁹ С целью продолжения сбора биографических сведений о работниках уральской цензуры мы обратились к личным делам, хранящимся в описи 20 этого же фонда¹¹⁰. Заметим, что некоторые дела являются недоступными исследователям. Примером может служить закрытость сведений о начальнике Свердловского обллита (1938–1941 гг.) А.П. Горских. Архивное дело, в котором содержится необходимая информация, не выдается исследователю по причине «сведений, не подлежащих огласке»¹¹¹. Нам удалось взять только выписку краткого содержания из этого документа.

В Государственном архиве Пермского края (ГАПК) документы о деятельности местных органов цензуры в 1920-е не сохранились. В описи 3 Ф. Р-684 были обнаружены два дела, в которых содержатся циркуляры Уралобллита за 1931–1933 гг., директивное письмо Уралобллита «Об организационной работе райгорлитов и борьбе с обезличкой, текучестью кадров в них» за 1933 г., резолюция областного совещания цензоров Уральской области от 15 ноября 1933 г.¹¹² Пермский обллит как самостоятельная структура был создан осенью 1938 г. В настоящем исследовании был проведен анализ отчетов Пермского обллита за 1939 г. и Молотовского обллита за 1940 г. Данные документы удалось найти в описи 3 Ф. Р-1156 ГАПК¹¹³. Здесь же имеются отчеты Молотовского обллита за военный период.

В Пермском государственном архиве новейшей истории (Перм-ГАНИ) были обнаружены анкетные данные на двух пермских цензоров. Георгий Семенович Казанцев занимал должность начальника

---

¹⁰⁸ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 1–10.

¹⁰⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443.

¹¹⁰ Там же. Оп. 20. Д. 1168 (А.Н. Ивановская), Д. 3152 (А.Ф. Плоскирев), Д. 5438 (В.С. Устюгов), Д. 5856 (О.Д. Цветкова) и др.

¹¹¹ Там же. Оп. 16. Д. 1070. Автору данного исследования руководство архива подтвердило закрытость данного дела по причине «сведений, не подлежащих огласке».

¹¹² ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 70, 88, 111, 123.

¹¹³ Там же. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–26; Д. 2. Л. 1–13.

Пермского горлита в период с 1932 по 1934 г.¹¹⁴ Его суждения о состоянии пермской цензуры были опубликованы в «Бюллетене Главлита РСФСР и ОБЦ» в 1934 г.¹¹⁵ Мария Николаевна Пермякова замещала эту должность в 1937–1938 гг., а в период с осени 1939 г. по июль 1950 г. возглавляла Пермский обллит¹¹⁶. Кстати, указанные выше два годовых отчета в Главлит составляла М.Н. Пермякова.

В Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО) имеется фонд Челябинского обллита (Ф. Р-496). Документы гублита и окрлита за 1920-е гг. отсутствуют. В описи 1 имеются приказы и распоряжения Челябинского обллита за 1934–1941 гг., списки штатного состава на 1 января 1939 г., а также переписка начальника обллита П.Н. Шмелева с районными уполномоченными и политредакторами¹¹⁷. В описи 2 находятся сведения о кадровом составе челябинской цензуры, отчеты о расходовании финансовых средств на содержание аппарата обллита, перечень вакантных должностей в городах и районах Челябинской области¹¹⁸. В описи 1 Ф. Р-407 содержатся документы Златоустовского окрлита за 1925–1927 гг. К сожалению, здесь нет отчетов окрлита, статистических данных. Среди обнаруженных материалов можно отметить «Алфавитную книжку» разрешенного и запрещенного театрального репертуара, списки пьес на русском, украинском и татарском языках, запрещенных к постановке, циркуляры и инструкции Главлита и Уралобллита.

В государственном архиве Тюменской области (ГАТО) хранятся документы органов Главлита, начиная с момента образования обллита в 1944 г.¹¹⁹ Сведений о гублите и окрлите не сохранилось¹²⁰. Несколько лучше положение с документами в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). В описи 1 Ф. 1 была обнаружена копия положения Уралобллита «О губернских отделениях по делам литературы и издательств», датируемая началом 1923 г.¹²¹ В другом архивном деле имеются три отчета начальника Тюменского гублита В.А. Чуканцева-Муромского в Уралобллит за период с 15 декабря 1922 г. по 1 февраля 1923 г.¹²² Кроме того, среди документов обнаружен и отчет гублита за март 1923 г. Таким образом, представляется возможным описать процесс создания Тюменского гублита и первичный опыт работы тюменских цензоров.

---

¹¹⁴ ПермГАНИ. Учетная карточка образца 1926 г. Казанцев Г.С., 1903 г.р. Л. 1, 2.

¹¹⁵ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 123. Л. 12об. –13.

¹¹⁶ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 243. Д. 1879. Л. 1–22.

¹¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 2–13.

¹¹⁸ Там же. Д. 3–12.

¹¹⁹ ГАТО. Ф. Р-1800. Оп. 1 (1944–1977 гг.).

¹²⁰ Несколько документов по переписке тюменского окрлита с Уралобллитом обнаружены в Ф. Р-84 (Тюменский окрполитпросвет). Оп. 1. Д. 156.

¹²¹ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 533. Л. 5–6об.

¹²² Там же. Д. 547. Л. 12–12об., 13-14об., 30-30об.

Как и Тюменский, Курганский обллит был образован в период войны в 1943 г. В Ф. Р-1737 Государственного архива Курганской области (ГАКО) находятся документы Курганского обллита за период 1943–1991 гг.¹²³ Материалы же по цензуре 1920-х г. были обнаружены в фонде Курганского уездного и окружного отделов народного образования (Ф. Р-47 и Ф. Р-48). В небольшом массиве документов содержится анкеты на уездных цензоров (А.З. Неупокоев, Д.Л. Головачев), несколько отчетных докладов в Уралобллит о деятельности Курганского улита и окрлита в 1923–1924 гг.¹²⁴ В описи 3 Ф. Р-48 имеются материалы переписки курганских цензоров с местным отделом ОГПУ¹²⁵. В этом же архивном деле есть списки районных уполномоченных Курганского окрлита по состоянию на 1 января 1927 г.

В Шадринском государственном архиве Курганской области в фонде окружного отдела народного образования (Ф. Р-213) имеются отчетные материалы Шадринского окрлита за 1926–1927 гг.¹²⁶ Среди документов есть сведения о количестве уполномоченных окрлита в районах Шадринского округа, анкетные данные о начальниках райлитов. В Ф. Р-1011 удалось обнаружить биографические сведения о первом работнике Главлита в Ирбитском уезде – Александре Григорьевиче Арыкине¹²⁷. Было установлено, что факт работы цензором в Ирбите не был отражен в автобиографии. В публикациях краеведов, посвященных жизнеописанию деятельности А.Г. Арыкина, также не имелось данных о его работе в Главлите.

В Кунгурском городском архиве Пермской области в фонде окружного отдела народного образования (Ф. Р-143) также имеются документы о деятельности Кунгурского окрлита за 1926–1927 гг. В основе своей это циркуляры вышестоящих цензурных органов, переписка кунгурского цензора Д.Е. Васильева с начальником Уралобллита М.Р. Ланге, письмо Уралобллита об организации специальных курсов-конференций для служащих от 20 февраля 1929 г.¹²⁸ В этих же материалах была обнаружена форма расписки цензоров о неразглашении государственных тайн, которая подавалась в ОГПУ¹²⁹.

В Нижнетагильском городском историческом архиве в Ф. Р-21 сохранилась переписка Тагильского окрлита с советскими учреждениями и организациями (1927 г.), а также с местным Епархиальным управлением РПЦ¹³⁰. Несколько документов содержат докладные записки районных уполномоченных в окрлит. В ряде документов отра-

¹²³ ГАКО. Ф. Р-1737. Оп.1, 2, 3.

¹²⁴ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 175, 198, 203.

¹²⁵ Там же. Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 2.

¹²⁶ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 805.

¹²⁷ Там же. Ф. Р-1011. Оп. 1. Александр Григорьевич Арыкин.

¹²⁸ МУ «Кунгурский городской архив». Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 15, 18.

¹²⁹ Там же. Д. 82. Л. 130.

¹³⁰ МУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 620.

жены моменты осуществления инспектором окрлита цензуры театрального репертуара в 1929 г.¹³¹. Некоторые циркуляры Уралобллита адресовались местным СМИ¹³².

Наконец, особо хотелось бы выделить массив документов, хранящихся в Ирбитском государственном архиве Свердловской области. Здесь был сформирован специальный фонд Ирбитского окружного управления по делам литературы и издательств (Ф. Р.-472). В семи архивных делах содержатся сведения не только о становлении и развитии органов цензуры в Ирбите в 1923–1929 гг., но и большое количество циркулярного материала Главлита РСФСР и Уралобллита¹³³. С анализа этих документов берет начало наше исследование истории органов советской цензуры на Урале. Итогом этой работы, как уже ранее отмечалось, стала подготовка и издание сборника документов «Без визы не допускать».

Вторая группа – опубликованные официальные документы государственных органов, документы ЦК ВКП (б) и местных Советов. Это законодательные акты советского государства, содержащие директивные указания об основных направлениях культурного развития, которые определяли линию работы в исследуемой сфере деятельности органов Главлита.

В постановлениях ЦК ВКП (б) определялись базовые принципы проводимой в СССР культурной политики¹³⁴. В декретах СНК РСФСР содержались основные решения по вопросам организации и деятельности Главлита. Прежде всего, следует назвать такие документы как декрет СНК РСФСР «Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства (Главлит)» от 6 июня 1922 г.¹³⁵, «Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства РСФСР (Главлит) и его местных органов» от 6 июня 1931 г.¹³⁶ Среди других нормативных актов, использованных в данном исследовании, отметим декрет СНК РСФСР «О Комитете по контролю за репертуаром при Главном Управлении по делам литературы и издательства» от 9 февраля 1923 г.¹³⁷, «Положение о Народном Комиссариате Просвещения

---

¹³¹ Там же. Д. 1112, 822, 1036, 1038.

¹³² Там же. Ф. Р-113 (Редакция газеты «Рабочий»). Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4.

¹³³ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1–7 (1923-1929 гг.).

¹³⁴ См.: Постановление Секретариата ЦК РКП (б) «О критике и библиографии» от 13 марта 1925 г.; Постановление Секретариата ЦК ВКП (б) «О сатирических журналах» от 3 августа 1928 г.; Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О порядке разрешения издания новых журналов» от 18 января 1929 г.; Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г.; Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О наглядных пособиях по истории партии» от 13 августа 1935 г., и др.

¹³⁵ СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 461.

¹³⁶ СУ РСФСР. 1931. № 31. Ст. 273.

¹³⁷ СУ РСФСР. 1923. № 14. Ст. 177.

РСФСР» от 5 октября 1925 г.¹³⁸, Постановление СНК РСФСР «О реорганизации главного управления по делам литературы и издательства (Главлит)» от 5 октября 1930 г.¹³⁹, Постановление СНК РСФСР «О сборах по Главлиту» от 16 февраля 1925 г.¹⁴⁰

Третья группа – справочная литература. В данном исследовании использованы документы Главлита, опубликованные в различных сборниках. Имеет смысл разбить эту группу по хронологическому принципу на три периода: 1) 1920–1930-е гг.; 2) 1940–1980-е гг.; 3) 1990–2010-е гг.

Ранее уже отмечалось, что первые сборники документов о Главлите стали выходить в РСФСР с 1923 г. В 1920–1930-е гг. шесть сборников документов вышли в свет под редакцией Л.Г. Фогелевича. Кроме этих трудов следует назвать уникальный сборник инструктивного материала Главреперткома, в котором были размещены: «Инструкция о порядке осуществления последующего контроля местными органами по контролю за зрелищами и репертуаром», «Инструкция о порядке приема Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром и его местными органами новых постановок», «Инструкция по осуществлению репертуарного контроля районными уполномоченными краев, областей» и др.¹⁴¹ В отсутствие специально назначенных уполномоченных ГРК цензуру зрелищ в городах и районах осуществляли работники Главлита. В опубликованных инструкциях регламентировались принципы и порядок цензуры зрелищ.

В 1936 г. был опубликован сборник материалов по радиовещанию¹⁴². В этом издании содержалось постановление Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР от 11 августа 1935 г. «Об улучшении радиовещания на узлах». В этом документе был прописан порядок осуществления уполномоченными Главлита цензуры текстов радиопередач и микрофонного материала¹⁴³. Принципы осуществления контроля за фондами советских библиотек можно обнаружить также в соответствующем издании¹⁴⁴. Таким образом, в 1920–1930-е гг. целый ряд документов, регламентирующих деятельность органов советской цензуры был общедоступным.

---

¹³⁸ Известия ЦИК СССР. 1925. 21 октября (№ 241).

¹³⁹ СУ РСФСР. 1930. № 50. Ст. 599.

¹⁴⁰ Известия ЦИК СССР. 1925. 24 февраля (№ 45).

¹⁴¹ *О контроле за зрелищами и репертуаром. Официальный сборник положений, инструкций и распоряжений ГРК / Наркомпрос РСФСР. М.: Учпедгиз, 1935. С. 22-35.*

¹⁴² *Сборник материалов по радиовещанию (В помощь уполномоченному). Ростов-н/Д, 1936.*

¹⁴³ *Там же. С. 18-21.*

¹⁴⁴ *Сборник директив по библиотечной работе / сост. М. Потапов. 2-е изд. М.-Л., 1935.*

В 1940–1980-е гг. подобной практики опубликования материалов о Главлите уже не наблюдалось. В издаваемых научными коллективами советских ученых сборниках главное внимание уделялось партийному руководству культурным строительством в СССР. В основном публиковались постановления ЦК ВКП (б), в частности, «Об усилении партийного руководства печатью и работой издательств» от 22 февраля 1924 г., «О сокращении ведомственной печати» от 26 марта 1924 г., «О политике партии в области художественной культуры» от 18 июня 1925 г. и др.¹⁴⁵ Многие документы просто перепечатывались из справочной партийной литературы. Например, постановление Оргбюро ЦК РКП (б) от 1 декабря 1924 г. «О стенных газетах» было заимствовано из «Справочника партийного работника» за 1926 г.¹⁴⁶

В начале 1990-х гг. был снят гриф секретности с документов, хранящихся в государственных архивах. С этого времени регулярно издавались сборники документов, содержащие большое количество рассекреченного материала о цензурной политике в СССР. Согласимся с идеей Ф.К. Ярмолича, который предложил классифицировать эти сборники документов на три категории¹⁴⁷. К первой категории следует отнести документы, в которых основное внимание концентрируется на структуре и функционировании органов Главлита. Сюда подходят сборники под редакцией А.В. Блюма, Т.М. Горяевой и О.Д. Минаевой¹⁴⁸.

Ко второй категории отнесем материал, содержащий сведения о перипетиях взаимоотношений власти и интеллигенции¹⁴⁹. В 2002 г. А.Н. Артизов и О.В. Наумов издали сборник документов, в котором раскрывались цензурные практики в отношении художественной ин-

---

¹⁴⁵ *Издательское дело в СССР (1923-1931 гг.): сборник документов и материалов* / сост. Е.А. Динерштейн, Э.В. Гольцева. М., 1978. С. 21-51.

¹⁴⁶ *О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: сборник документов* / Ред. А.З. Огороков, Б.В. Вереvнин. М., 1972. С. 123-125; *Источник: Справочник партийного работника. Вып. V. М.-Л., 1926. С. 342-343.*

¹⁴⁷ *Ярмолич Ф.К.* Указ. соч. С. 13.

¹⁴⁸ *Цензура в Советском Союзе. 1917-1991. Документы* / сост. А.В. Блюм. М., 2004; «Великая книга дня...». Радио в СССР. Документы и материалы / сост. Т.М. Горяева. М., 2007; *Русская журналистика в документах* / сост. О.Д. Минаева. М., 2003.

¹⁴⁹ «*Литературный фронт*». История политической цензуры 1932 – 1946 гг.: сборник документов / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994; «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925-1938 гг. Документы / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997; *Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917 – 1956* / сост. Л.В. Максименков. М., 2005.

теллигенции¹⁵⁰. Третья категория состоит из документов, характеризующих роль партийных структур в цензурном процессе¹⁵¹.

Документы, содержащие сведения о деятельности органов Главлита на Урале, долгое время не были доступны общественности. Нашими усилиями в 2009 г. был подготовлен к изданию первый сборник архивных материалов, содержащий 187 документов¹⁵². В этом труде описывались особенности эволюции структуры органов политической цензуры на Урале, были выявлены источники финансирования деятельности Литов, проанализированы отношения цензоров и ОГПУ при решении задач цензурной политики.

Четвертая группа – статьи, речи и выступления государственных деятелей и руководителей цензурных органов. К этой группе отнесем работы В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, П.И. Лебедева-Полянского, Р.А. Пельше и др.¹⁵³ Личностное видение государственными деятелями проекта социалистической культуры, в целом, определяло и корректировало в нужном направлении курс деятельности органов политической цензуры.

Научная новизна исследования определяется в первую очередь применением институционального подхода, разработанного в социологии для решения конкретно-исторической проблемы: деятельности советского учреждения – уральских отделений Главлита в 1922–1941 гг. Исследовательский фокус переносится с центральных учреждений на региональные, а вводимые в оборот источники позволяют придать человеческое измерение управленческим (контрольным) практикам.

На конкретном историческом материале были исследованы проявления политической цензуры в различных областях духовной жизни уральского региона (издательское дело, репертуар местных театров и коллективов артистов, радиовещание). Значительное внимание в уде-

---

¹⁵⁰ *Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953* / сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М., 2002.

¹⁵¹ *Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы* / сост. З.К. Водопьянова. М., 2001; *Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958 – 1964. Документы* / гл. ред. К. Аймермахер. М., 1998.

¹⁵² «*Без визы не допускать...*»: политическая цензура на Урале в период НЭПа: сб. архивных материалов / вступ. ст., сост. и ред. С. А. Дианов. Пермь, 2009.

¹⁵³ Ленин В.И. *Партийная организация и партийная литература* // Полн. собр. соч. Т. 12. 5-е изд. М., 1968. С. 100-101; *Он же*. Речь по вопросу об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. Т. 35. 5-е изд. М., 1977. С. 136-137; *Лебедев-Полянский П.И.* О пролетарской культуре (Стенограмма речи, произнесенной в Москве 20 ноября 1920 г.). ОГИЗ. Ростов-н/Д. 1921; Пельше Р.А. *Проблемы современного искусства*. М.: ГИЗ, 1927. 130 с.

лено анализу количественного и профессионального кадрового состава работников органов Главлита. Этот вопрос долгое время оставался не изученным в силу его сложности и противоречивости имеющихся в исторической науке взглядов и оценок. В результате проделанной работы удалось реконструировать модель кадрового аппарата органов Главлита на Урале, определить его сущностные характеристики, обозначить сильные и слабые стороны.

Впервые в исторической науке изучению подверглась повседневная жизнь работников Главлита, в том числе вопросы их жилищно-бытового устройства, некоторые обстоятельства частной домашней жизни, психологический климат в коллективе, переживания обыденных фактов отдельными работниками и группами лиц.

Посредством создания биографических очерков о руководителях уральских органов Главлита был изучен личностный аспект в становлении и функционировании института политической цензуры. Кроме того, были составлены биографии уральских цензоров среднего звена. Важно подчеркнуть, что это новое направление в изучении истории советской цензуры.

С источниковедческой точки зрения новизна монографии в том, что в научный оборот введено большое количество новых архивных документов, ранее не использовавшихся в отечественных и зарубежных исторических исследованиях. Новая архивная база позволила раскрыть неизвестные стороны деятельности органов Главлита, что более полно отражает их роль в политическом развитии уральского региона в межвоенный период.

Научно-практическая значимость монографии заключается в возможности использования ее результатов в научной работе, как то: подготовка обобщающих трудов по истории СССР, по истории Урала в XX в., по истории духовной, культурной жизни на Урале в межвоенный период (период НЭПа, коллективизации, индустриализации). Данные анализа сохранившейся источниковой базы могут быть использованы при составлении сборников документов, энциклопедий¹⁵⁴. Положения можно использовать в учебно-методической работе при подготовке специальных курсов, лекционных и практических занятий не только для будущих историков и культурологов, но и для филологов, журналистов, правоведов.

Соискатель произвел анализ существующей базы исторических исследований, неопубликованных источников и материалов. Полученные результаты позволяют сформулировать обобщения и выводы, представляющие интерес не только для дальнейшего изучения исто-

---

¹⁵⁴ Г.В. Жирков при поддержке РГНФ в 2011 г. подготовил к изданию энциклопедический словарь «Цензура в России». В издание было включено несколько наших документов.

рии органов Главлита, но и для отечественной историографии в целом.

Кроме того, отдельные положения могут быть применимы в общественной деятельности (подготовка публикаций в СМИ, разработка экспозиций, выставок, в реализации проектов в электронных периодических изданиях сети Интернет и т.д.).

Апробация работы. Содержащиеся в данном исследовании основные положения, общие и частные выводы были апробированы в научных и учебно-методических публикациях, выступлениях на научно-практических конференциях и в преподавательской деятельности. Результаты исследования изложены в двух монографиях объемом 22,6 п.л., а также в 23 других научных публикациях в сборниках материалов, докладов и тезисов, в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, общим объемом свыше 21 п.л. В 2010 г. на материалах исследования был реализован грант РГНФ № 10-01-82101а/У по теме «Политическая цензура на Урале в 1920-1930-е гг.». Монография «"Крепкая узда пролетарской диктатуры": органы Главлита на Урале в 1922-1941 гг.» была отмечена дипломом Всероссийского конкурса за лучшую научную книгу 2010 г. в номинации «Гуманитарные и общественные науки».

Отдельные аспекты изучаемой проблемы были опубликованы в международных изданиях. Последняя публикация была размещена в сборнике материалов VII Международной конференции «Актуальные достижения Европейской науки» (София, июнь 2011 г.).

Материалы и выводы исследования используются в преподавании специального учебного курса «Цензура на Урале в 1920-30-е гг.: механизмы управления культурной жизнью региона», который соискатель читает на историческом факультете Пермского государственного педагогического университета.

Основные положения исследования:

1. Институализация цензурных практик была составной частью процесса конструирования новой властной системы. Ее можно рассматривать как некий компромисс между доктринальными традициями «старого большевизма», отвергающими цензуру, и текущими потребностями нового аппарата. Продуктом компромисса стало включение цензурного ведомства в структуру Наркомпроса РСФСР с соответствующими (низкими) статусными позициями. Циркуляры, издаваемые от имени наркомата А.В. Луначарского, не были обязательными для партийных органов.

2. Цензоры прилагали большие усилия в борьбе за привилегии, льготы и жилье. Несмотря на их активную позицию, региональные власти удовлетворяли их интересы по так называемому остаточному принципу.

3. Партийный контроль за работой Литов фактически отсутствовал. До середины 1930-х гг. низовой состав уральской цензуры фор-

мировался без прямого участия партийных органов. Партийные комитеты ВКП (б) не видели в работниках Главлита партнерскую структуру.

4. Органы госбезопасности оказывали работникам Главлита «техническую», информационную и административную помощь. Чекисты следили за соблюдением цензорами нормативов секретного делопроизводства, осуществляли последующий цензурный контроль, проводили совместные с Литами акции по контролю на книжном рынке и библиотечной сети.

5. В 1920–1930-е гг. на Урале только складывались принципы и механизмы цензурного контроля над издательским делом. Типографии и издательства применяли разную тактику ухода из-под контроля.

6. Уральские органы Главлита выполняли задачи по цензуре зрелищ. Однако на практике репертуарный контроль стал одним из самых слабых мест в деятельности уральских цензоров.

7. Контроль органов Главлита за радиовещанием не был системным, а в некоторых территориях Урала к концу 1930-х годов вообще отсутствовал. Цензоры постоянно сталкивались с противодействием радиовещательных организаций. Конфликты со связистами приводили к дезорганизации работы органов Главлита.

8. В 1922–1941 гг. на Урале шли процессы формирования кадрового аппарата института политической цензуры. Районные политпросветорганизаторы и заведующие окроно в 1920-е г. представляли собою кадровый костяк органов цензуры. В 1930–1933 гг. кадровый состав уральской цензуры находился в кризисном состоянии, которое усугублялось высокой текучестью кадров, «обезличкой» в работе, плохой материальной обеспеченностью цензурного дела, невниманием местных партийных и советских органов власти к нуждам цензуры.

9. Уральские органы Главлита в годы Большого террора избежали чистки и арестов. Ни один из руководителей уральских обллитов не был репрессирован. Это обстоятельство выделяет уральские органы Главлита из общей картины по СССР. К тому же серьезно пострадали аппараты соседних Главлитов – в Башкирии и Татарстане.

10. Не прекращавшееся обновление кадрового состава аппаратов уральских обллитов во второй половине 1930-х годов можно объяснить не столько уже известными событиями (например, репрессии), сколько так называемым «человеческим фактором». Не получая морального удовлетворения от статуса профессии, испытывая материальную нужду люди уходили из цензурного ведомства.

Глава 1.

Главлит как институт политического контроля в советской системе

1.1. Институализация цензуры в политической системе

Цензура является атрибутом любого государства независимо от формы политического режима. Сегодня цензура рассматривается как социокультурный феномен и является предметом изучения не только историков и политологов, но и правоведов, филологов, философов и других специалистов¹⁵⁵. В 2005 г. И.Е. Левченко предложил такое толкование сущности цензуры, как: *цензура* – это система контроля за производством, распространением, хранением и потреблением социальной информации, действующей в соответствии с потребностями и интересами организующей и направляющей инстанции, наделенной властью¹⁵⁶. Исследователь исходил из того, что на пути к потребителю информация сталкивается с некими препонами, преградами, преодолеть которые не всегда представляется возможным. Действительно, потоки информации, прежде чем достигнуть своего потребителя, проходят через фильтры, устраиваемые государственными органами.

Говоря о контроле над информацией, отметим следующее обстоятельство. Еще в 1989 г. М.А. Федотов призвал различать «цензуру», налагающую запрет на обнародование сведений определённого рода, и «цензуру», вторгающуюся в творческий процесс¹⁵⁷. Следовательно, от информации, содержащей непристойные выражения, националистические призывы, пропаганду расовой и религиозной нетерпимости, клевету, лозунги, призывающие к насильственному свержению легальной власти, общество должно быть максимально ограждено. В правовом государстве подобные ограничения закреплены в нормативных актах. Правоохранительные органы, руководствуясь исключительно буквой закона, призваны пресекать обнародование и распространение указанных сведений. При этом свобода творчества является важнейшим завоеванием демократии. В гражданском обществе не может существовать никаких ограничений для творческой мысли. Творчество находит свое выражение в литературе, науке, искусстве и технике. Отвечая требованиям нравственных устоев общества, авторские и смежные с ними произведения не подлежат цензуре.

---

¹⁵⁵ См.: *Цензура как социокультурный феномен*: сб. науч. докл. Саратов, 2007.

¹⁵⁶ *Левченко И.Е.* Парадоксы цензуры / *Цензура в России: история и современность*: сб. науч. тр. СПб., 2005. Вып. 2. С. 172.

¹⁵⁷ *Федотов М.А.* Гласность и цензура: возможность существования // *Советское государство и право*. 1989. № 7. С. 81.

Следует также заметить, что в демократическом правовом государстве цензура не институционализована. Власть не пытается создать какую-либо специализированную структуру с целью сосредоточения в ней всей совокупности цензурных полномочий. В авторитарных и тоталитарных государствах, напротив, власть прикладывает массу усилий, преследуя цель организовать специальный институт цензуры – государственный орган, призванный осуществлять контроль за информацией и продуктами творческой деятельности граждан и организаций. Таким образом, от политического режима зависит, в какое русло будет направлена цензура: на защиту устоев гражданского общества и демократии или, наоборот, на их подавление. На крутых переломах российской истории это правило сработало не единожды. Так, после общеизвестных событий октября 1917 г. советская политическая элита сделала выбор в пользу второго варианта.

Конечно, система цензуры существовала в России задолго до прихода к власти большевиков¹⁵⁸. Заметим, что авторитетные лидеры партии РСДРП (б) в дореволюционное время осуждали царскую цензуру, их призывы содержали требование к правительству ее немедленного уничтожения. В.И. Ленин считал деятельность царской цензуры «проклятой порой эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества»¹⁵⁹.

После же прихода к власти суждения партийной элиты постепенно менялись. Уже в разгар выборов в Учредительное собрание В.И. Ленин делал заявления: «Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, – другие средства не изобретены»¹⁶⁰. В свою очередь Г.Е. Зиновьев в октябре 1918 г. на конференции ВЧК Северо-Западной области признавал: «Совершая Октябрьскую революцию, никто и не думал, что придется вести особую борьбу с контрреволюционерами»¹⁶¹. В будущем первый руководитель Главлита П.И. Лебедев-Полянский в речи, произнесенной 20 ноября 1920 г. на II съезде Пролеткульта, утверждал, что «нельзя победить старый буржуазный мир

---

¹⁵⁸ См.: *Энгельгардт Н.А.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703-1903). СПб., 1904; *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ Верховной власти (1831-1917). СПб., 2007 и др.

¹⁵⁹ *Ленин В.И.* Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12. 5-е изд. М., 1968. С. 100.

¹⁶⁰ *Ленин В.И.* Речь по вопросу об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1977. Т. 35. С. 136.

¹⁶¹ *Цит. по: Измозик В.С.* Политический контроль в Советской России. 1918-1928 годы // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 35.

одними пушками и пулеметами»¹⁶². Он выразил твердое убеждение, что диктатура в духовной сфере советского общества жизненно необходима. «Диктатура в области духовной обнимет и политическую, и экономическую жизнь, – говорил П.И. Лебедев-Полянский. – Когда мы сумеем провести диктатуру пролетариата в области духовной культуры, то мы и в области политического и экономического движения сумеем внести много таких организационных моментов, которые были не свойственны буржуазному обществу».

В начале 1920-х гг. партийный курс на «бдительную» революционную цензуру получил новый стимул в виде борьбы с «оживлением буржуазной идеологии», вызванной свободами НЭПа. В решениях XII съезда партии, прошедшего 17–25 апреля 1923 г., эта линия прослеживается достаточно четко. Так, в резолюции «По отчету ЦК РКП» отмечалось все возрастающее сопротивление «врагов партии», которые в своих выступлениях противопоставляли «советское государство рабочему классу и партию советскому государству». «XII съезд не может закрывать глаза на то, что обстановка НЭПа создает почву для уклонов, опасность которых должна быть предусмотрена партией, и которым партия должна с самого же начала дать решительный идейный отпор», – подчеркивалось в резолюции¹⁶³. Атмосфера подозрительности и поиска «врагов» диктатуры пролетариата постепенно сгущалась. Уже после съезда Л.Д. Троцкий в одной из своих известных работ, в частности, заявлял: «Если мировая буржуазия колеблется вкладывать капитал в советские концессии, то она ни на минуту не поколебалась бы вложить средства в газеты и издательства во всех концах революционной страны. Вот этого революция не может допустить. И у нас есть цензура, и очень жестокая, она направлена против союза капитала с предрассудком. В тот день, когда пролетариат прочно победит в наиболее могущественных странах Запада, – цензура революции исчезнет за ненадобностью»¹⁶⁴. Таким образом, цензура стала рассматриваться как особый инструмент классовой борьбы.

Классовая борьба в последующий период времени не только не утихала, а разгоралась с еще большим размахом. Председатель Верховного Трибунала при ВЦИК Н.В. Крыленко в статье «Классовая борьба путем вредительства» в феврале 1930 г. писал: «Прямой классовый враг окопался в наших учреждениях, пролез в руководящие верхушки ряда промышленных главков, лицемерно пообещав принести советской власти на службу свои знания, а на деле поставив себе

---

¹⁶² *Лебедев-Полянский П.И.* О пролетарской культуре (Стенограмма речи, произнесенной в Москве 20 ноября 1920 г.) / Донское обл. отд. ОГИЗ. Ростов-н/Д. 1921, С. 9.

¹⁶³ *См.: Резолюции и постановления XII съезда РКП (б).* М., 1923. С. 6.

¹⁶⁴ *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М., 1923. С. 11.

целью свержение советской власти»¹⁶⁵. Вскоре появилась выдвинутая И.В. Сталиным теория усиления классовой борьбы по мере построения социализма в отдельно взятой стране. В ее рамках ведущей стала идея: чем ближе социализм, тем ожесточеннее сопротивляются враги. На объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в январе 1933 г. И.В. Сталин, в частности, говорил: «Надо иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к остальным слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которых эти бывшие люди возвели бы на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы»¹⁶⁶. Вождь советского государства ставил перед коммунистической партией задачу «добить остатки умирающих классов» и организовать оборону страны против ее капиталистического окружения.

При всем этом необходимо заметить, что большевики не видели необходимости создавать госструктуру по внешним признакам организации схожую с дореволюционной цензурой. Созданный летом 1922 г. Главлит не получил прав самостоятельного государственного органа. Цензурное ведомство оказалось в структуре Наркомпроса РСФСР. Из этого следовало, что защищать интересы рабочего класса и диктатуру партии цензоры могли лишь в формате системы народного образования. Во властной системе СССР по весу и значимости Наркомпрос занимал не первое и не последнее место. Иными словами работники системы образования не имели никаких преимуществ перед работниками других советских учреждений и организаций. Далее в исследовании будет показано, что, приступив к выполнению цензурных полномочий, служащие ОНО сталкивались с разными формами противодействия со стороны подконтрольных организаций. Наркомпрос де-факто не мог дать служащим Главлита политического веса и значимости профессии цензора. Кроме того, Главлит был не единственным органом, призванным осуществлять цензуру. Кроме «главлитовской» существовала партийная цензура, «карательная» цензура (ОГПУ-НКВД), самоцензура (авторская цензура) и т.д.

Таким образом, в политической системе страны органы Главлита занимали скромное место. Несмотря на это, Главлит не стал временной структурой, он переходил из ведения одного государственного органа в другой, что не помешало ему просуществовать до 1991 г.

---

¹⁶⁵ *Цит. по: Гимпельсон Г.Е.* НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX века). М., 2004. С. 189.

¹⁶⁶ *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 211-212.

В целом же, логично предположить, что Главлит как институт политической системы СССР выполнял следующие функции:

1. *Контрольная функция.* Органы Главлита осуществляли цензурный контроль над публичной деятельностью редакций СМИ, литературных кружков, типографий и издательств, кинопрокатных контор, театральных трупп, радиовещательных организаций и т.д. Контроль был как предварительным, так и последующим.

2. *Формирующая функция.* Главлит и местные Литы обслуживали процесс внедрения коммунистической идеологии в произведения науки, литературы и искусства. Цензоры занимались отбором социально значимой информации. Советскому читателю и зрителю предъявлялись произведения, осуждающие и высмеивающие «буржуазные идеи» и восхваляющие достоинства коммунистического строя. Благодаря этому шло формирование социалистических стереотипов в сознании советского гражданина.

3. *Эталонирующая функция.* Эта функция тесно связана с предыдущей. Органы Главлита создавали систему координат, где точками выступали образцы, правила, клише, по которым можно писать и творить. Так, любое произведение в обязательном порядке должно было содержать марксистские предисловия. Во второй половине 1920-х гг. их размер доходил до 2% объема содержания текста¹⁶⁷. В основной части текста произведения в качестве обязательных атрибутов должны были быть цитаты из работ В.И. Ленина, И.В. Сталина. В тексте, в частности, запрещалось упоминание самих имен «эмигрантов», «шпионов белогвардейцев», «партийных отщепенцев», «двурушников», «уклонистов», «ревизионистов» и т.д. Это было вызвано веянием той эпохи, когда в условиях внутрипартийной борьбы трудно было сориентироваться в мире происходящих политических событий.

4. *Профилактическая функция.* Органы Главлита выстраивали систему профилактической работы с подконтрольными организациями: типографиями, редакциями, радиоконторами и т.д. Цензоры периодически направляли подконтрольным учреждениям списки разрешенных и запрещенных произведений, выдержки из копий циркуляров Главлита. Под эгидой Главлита проводились специальные занятия-лектории для редакторов и других ответственных лиц. Цель подобных мероприятий – упредить возможность подготовки к опубликованию материала, имеющего политические, идеологические, а также и военно-экономические «прорывы».

5. *Осведомительная функция.* Главлит выстраивал систему секретной работы своих местных органов. Нередко цензоры в состав издательств и редакций внедряли «своих», проверенных людей, которые

---

¹⁶⁷ См.: Блум А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994. С. 102-103.

заблаговременно могли донести о готовящихся в их стенах «враждебных акциях»: подготовка к публикации трудов нежелательных авторов, выдержек из списка запрещенной литературы, попытка издания произведения без визы цензора, самовольное присвоение литеры цензора и т.д. Как правило, о выявленных случаях нарушения цензурных постановлений органы Главлита ставили в известность не только вышестоящие инстанции, но и органы государственной безопасности, прокуратуру, партийные комитеты. На основе получаемых из регионов сведений Главлит комплектовал сводки о положении дел в стране. Адресатом этих сводок являлась правящая партийная элита. Руководители партии и государства были в курсе всех явлений, происходящих в духовной жизни страны.

6. *Карательная, или репрессивная, функция.* Помесячные и ежегодные секретные отчеты Главлита и его местных органов дают представление о технологиях борьбы с «враждебными» явлениями в советской культуре:

а) запрет на опубликование, постановку или исполнение произведения;

б) исправления и «вычерки» из произведений запрещенных вещей;

в) сокращение до минимума тиражей книг и пьес «нежелательных» для властей авторов;

г) изъятие в спецхран из библиотек идеологически «вредной» литературы; утилизация монархических, религиозных произведений;

д) запрет на ввоз в СССР произведений белоэмигрантов и переведенных на русский язык трудов зарубежных философов, социологов, историков и политологов.

Конечно, это не полный перечень приемов. Необходимо заметить, что органы цензуры, реализуя карательную функцию, активно привлекали себе в помощь аппарат органов государственной безопасности. Совместно с уполномоченными ОГПУ цензоры обходили книжные магазины и лавки, изымали из библиотек «контрреволюционные» издания, преследовали инакомыслящих авторов.

7. *Манипулятивная функция.* Решая мобилизационные задачи режима, Главлит и его местные органы прилагали максимум усилий для формирования в народных массах подданнического типа политической культуры. Посредством цензурного контроля большевистская власть имела возможность манипулировать сознанием советского гражданина. Отобранные цензорами идеологически выдержанные произведения не могли не воздействовать на политическую психологию советского общества. Нужные власти представления о «стране Советов», окруженной империалистами, попадали на благодатную почву.

Обозначим также характерные черты политической цензуры в СССР в 1920–1940-е гг.

Во-первых, институциональность. Специализированный орган – Главлит – осуществлял цензурный контроль за информационным пространством страны и творческой мыслью советских граждан.

Во-вторых, всеохватность. Все произведения литературы, науки и искусства подлежали цензурному контролю. Виза цензора проставлялась на книгах, периодических изданиях, программах зрелищных мероприятий (концертов, пьес, эстрадных номерах). Выход произведения без предварительного контроля был запрещен.

В-третьих, непрерывность и интенсивность. Органы Главлита были призваны решать мобилизационные задачи режима в строго отведенные сроки, в соответствии с проходившими в стране политическими кампаниями. Осуществляя свои функции, цензор должен был находиться «в струе» политического курса, ни на минуту не притупляя «бдительность».

В-четвертых, агрессивность и конфликтность. Технологии и методы органов Главлита отличались высокой долей агрессивности. Репрессивная составляющая, несомненно, преобладала над профилактической. Осуществляя цензуру, органы Главлита постоянно вступали в конфликты с советскими учреждениями, организациями, нередко и с партийными комитетами. В некоторых случаях работники органов цензуры пытались отобрать полномочия даже у органов ОГПУ.

В-пятых, негласность. Главлит представлял собой закрытый от всеобщего внимания орган власти. Деятельность его органов протекала в строгой секретности. Цензоры именовали себя различными аббревиатурами: улит, окрлит, райлит, гублит, обллит, крайлит и т.п. Большинство циркуляров и инструкций Главлита имели гриф «совершенно секретно» или «не подлежит оглашению». «Сложилась парадоксальная ситуация: целенаправленная цензура господствовала, но де-факто ее якобы не было», – писал Г.В. Жирков¹⁶⁸.

1.2. Органы Главлита и партийные комитеты ВКП (б)

Вопрос о взаимоотношениях Главлита и Центрального Комитета ВКП (б) достаточно хорошо исследован в трудах А.В. Блюма, Г.В. Жиркова, М.В. Зеленова. Все цензуроведы сходятся во мнении, что с самого начала организации аппарат Главлита контролировался партийными органами: сначала Агитпропотделом ЦК ВКП (б), затем Отделом печати ЦК и ЦК в целом. В то же время М.В. Зеленов обозначил проблему взаимовлияния партийного аппарата и Главлита. Согласно его позиции, вряд ли имеет смысл представлять Главлит толь-

---

¹⁶⁸ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учеб. пособие. М., 2001. С. 5.

ко исполнителем цензурной воли ЦК ВКП (б)¹⁶⁹. Действительно, в 1920-е гг. Главлит как главное цензурное ведомство вырабатывал основные нормативные акты: инструкции по цензуре, списки запрещенных и разрешенных произведений, информационные письма, рекомендации местным органам и т.д. Партийный аппарат, в свою очередь, становился исполнителем некоторых постановлений и решений цензурного ведомства. В 1926–1929 гг. аппарат ЦК отказался от института личного представительства в коллегии Главлита. Вместо этого реализовывалась идея коллективного представительства: по просьбе Главлита аппарат ЦК участвовал в формировании среднего звена в управлении цензурным органом, посылая через Орграспредотдел для работы в нем проверенных коммунистов¹⁷⁰. Вместе с тем Агитпропотдел ЦК выступал в качестве арбитра, расследуя жалобы на цензуру со стороны самих цензоров.

В середине 1920-х гг. руководитель Главлита П.И. Лебедев-Полянский активно отстаивал самостоятельность органов цензуры и без малейшего сомнения вступал в конфликты с региональной партийной властью. Примером его бурной деятельности может служить жалоба Главлита в Агитпроп ЦК от 23 ноября 1925 г. В этом документе П.И. Лебедев-Полянский протестовал против действий Дальневосточного Бюро ЦК ВКП (б). Суть протеста состояла в том, что, несмотря на запрет Главреперткомом на постановку пьесы «Николай II», в Межсоюзном клубе г. Хабаровска эта пьеса все же была несколько раз сыграна. Разрешение на постановку пьесы выдал ДБ ЦК ВКП (б). Главлит особо отмечал, что партийный комитет был «своевременно» поставлен в известность о том, что пьеса является запрещенной¹⁷¹. А далее начинается самое интересное. П.И. Лебедев-Полянский потребовал от Агитпропа ЦК принять меры принудительного воздействия на свои местные партийные органы. «Считая, что такое вклинивание в деятельность государственных органов контроля за репертуаром нежелательно, так как оно умаляет авторитет советских органов и нарушает административно-организационную функцию, Главный Репертуарный Комитет просит не отказать разъяснить вышеизложенное ДБ ЦК ВКП (б) с просьбой на будущее... в случае же расхождения с местными органами контроля – направлять спорные вопросы на разрешение ГРК», – писал П.И. Лебедев-Полянский.

В начале 1930-х гг. ситуация стала меняться. Главлит практически утратил свою самостоятельность. Аппарат цензурного ведомства был реорганизован и существенно сокращен. Как отмечает Г.В. Жирков, в это время функции Главлита были узурпированы цен-

---

¹⁶⁹ Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы: монография. Н. Новгород, 2000. С. 301.

¹⁷⁰ Там же. С. 303.

¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 751. Л. 25.

тральным партийным аппаратом. Официально Главлит продолжал функционировать как особое цензурное ведомство и в последующие годы, однако он уже полностью был под опекой партийных органов, контролировавших все стороны его деятельности¹⁷². Вместе с тем подчеркнем, что партийные комитеты не занимались сами непосредственно цензурой печати, литературы, радиовещания и выставок.

В то время как отношения аппаратов Главлита и ЦК РКП (б) в 1920–1930-е гг. еще поддаются интерпретации специалистов, на проблеме взаимоотношений низового звена цензуры и местных партийных комитетов мало кто заострял внимание. В рамках настоящего исследования реконструируем процессы, протекающие между аппаратом уральской цензуры и партийными комитетами РКП (б) на Урале.

Прежде всего, обозначим параметры, по которым можно судить о степени влияния местных партийных органов на деятельность уральских цензоров. Во-первых, необходимо выяснить, какова была роль парткомов в организации органов цензуры на местах. Особый интерес представляет вопрос о возможностях влияния парткомов на процесс формирования кадрового аппарата цензуры. Во-вторых, принимали ли парткомы решения о финансовом обеспечении органов цензуры. В-третьих, определяли ли парткомы сферы влияния органов цензуры в области контроля над распространением информации. В-четвертых, в каких формах цензоры отчитывались перед парткомами по результатам своей деятельности. В-пятых, имели ли место случаи конфликтных ситуаций между цензорами и парткомами.

Начнем с вопроса о месте и роли партийных комитетов Урала в процессе организации органов цензуры в регионе. В учреждении Уралобллита как центрального органа цензуры на Урале напрямую партийные органы участия не принимали. Однако уже 6 марта 1923 г. Секретариат Уралбюро ЦК РКП (б) утверждает постановление № 20. На этот документ ссылался А.Д. Ослоновский, первый руководитель Уралобллита, в своем обращении к заведующему Екатеринбургским губоно В.Н. Звереву с предложениями по проекту плана обллита по руководству губернскими цензурными органами – гублитами. А.Д. Ослоновский, в частности, отмечал, что в проекте были учтены все указания Уралбюро ЦК по вопросам регламентации деятельности гублитов Урала¹⁷³. Проект содержал также положение, согласно которому на гублиты и обллит была возложена обязанность представления в губкомы РКП (б) и Уралбюро ЦК «регулярных докладов» и «протоколов» с заключениями о работе органов цензуры. В свою очередь в уездах надзор за деятельностью цензоров возлагался на укомы РКП (б). Вскоре проект был утвержден в губисполкоме и губоно.

---

¹⁷² Жирков Г.В. Указ. соч. С. 292-294.

¹⁷³ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

Таким образом, с весны 1923 г. общий надзор за деятельностью аппарата уральской цензуры возлагался на партийные органы. Вместе с тем на первоначальном этапе партийные комитеты не принимали непосредственного участия в формировании кадрового состава цензуры. На должности уездных цензоров в 1923 г. Уралобллит с формального согласия губоно назначал заведующих местными отделами народного образования. По всей видимости, процедура назначения на должность цензора не предусматривала утверждения кандидата партийным комитетом РКП (б). В своих первых отчетных докладах уездные цензоры (улиты), в свою очередь, подчеркивали установление тесной «связи» с местными парткомами. Например, курганский уездный цензор А.З. Неупокоев в отчете за март 1923 г. писал: «Уком и ГПУ всегда идут навстречу в работе цензуры. Никаких конфликтов и недоразумений не было»¹⁷⁴. Его коллега, цензор Ирбитского уезда А.Г. Арыкин, в докладе за тот же период времени был более многословен. «Цензуру в уезде, – писал А.Г. Арыкин, – предполагается возложить на секретарей волкомов РКП, выделенных Укомом для этой цели»¹⁷⁵.

В отчетном докладе в Главлит за июнь 1923 г. Уралобллит также, в частности, отмечал: «Взаимоотношения с областными партийными организациями, за отчетный месяц, как и прежде, были полны взаимного доверия. Никаких конфликтов и недоразумений не было»¹⁷⁶. При этом будем иметь в виду, что каких-либо форм учета и контроля за деятельностью улитов, а позднее окрлитов местными партийными органами выработано не было. Кроме того, заметим, что в 1923–1924 гг. сам Главлит редко поставлял в ЦК ВКП (б) какие-либо отчеты. Это затрудняло понимание аппаратом ЦК сути деятельности Главлита и его местных органов и делало цензуру повсеместно в определенной степени бесконтрольной¹⁷⁷. Таким образом, вполне возможно утверждать, что до второй половины 1920-х гг. уральские цензоры руководствовались исключительно распоряжениями Главлита, который и определял сферы влияния своих местных органов в области контроля над распространением информации.

В середине 1920-х гг. ситуация стала постепенно меняться. В июле 1925 г. было принято Постановление ЦК ВКП (б) «О политике партии в области художественной культуры». С этим документом началось наступление партийного аппарата на «автономию» органов цензуры. В 1925–1927 гг. главным конкурентом Главлита выступил Отдел печати ЦК. Между его руководителем С.И. Гусевым и П.И. Лебедевым-Полянским шла скрытая борьба за передел цензурных пол-

---

¹⁷⁴ ГАКО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 198. Л. 14.

¹⁷⁵ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

¹⁷⁶ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

¹⁷⁷ Зеленов М.В. Указ. соч. С. 280.

номочий между ведомствами¹⁷⁸. На Урале Отдел печати Уралобкома ВКП (б) делал попытки установить различные формы контроля над Уралобллитом. С его подачи в начале 1925 г. окрлитам была вменена обязанность «строго следить» за своевременной отсылкой типографиями и издательствами обязательных 8 экземпляров газет в Отдел печати обкома ВКП (б)¹⁷⁹. 8 октября 1925 г. Уралобллит издал циркуляр № 431/с, адресованный не только окрлитам, но и окружкомам ВКП (б). В этом циркуляре А.Д. Ослоновский отмечал факт «хронической» задержки окрлитами печатных материалов как в Уралобллит, так в «подотделы печати Обкома РКП». Особой критике подверглись Верхне-Камский, Кунгурский и Сарапульский окрлиты, начальники которых с января 1925 г. не присылали подшивку местных газет. «Такое положение ставит Уралобллит и подотделы печати Обкома РКП (б) в затруднительное положение, лишая возможности не только изучения печати, но даже простого ее учета», – писал А.Д. Ослоновский¹⁸⁰. Адресуя циркуляр окружным партийным комитетам, А.Д. Ослоновский тем самым просил поддержки с их стороны. Кстати, на циркуляре Отделом печати Уралобкома ВКП (б) была проставлена отметка «Согласовано». Логично предположить, что и издание самого циркуляра было осуществлено по инициативе этого партийного органа.

В 1926 г. некоторые окружные комитеты ВКП (б) обратили свое внимание на деятельность окрлитов. Так, агитационно-пропагандистский отдел Шадринского окружкома ВКП (б) обязал окрлит представить отчет о состоянии библиотечного фонда в округе, а также о результатах контроля за книготорговой сетью. В начале мая 1926 г. Шадринский окрлит представил в агитпроп докладную записку «О положении с книгой в округе и продвижении книги в массы»¹⁸¹. В ней цензоры привели статические данные, сведения о «вкусах» читателей, а также отметили имевшие место случаи поставки в библиотеки округа книжными агентствами «недоброкачественной» продукции. Аналогичную работу провел и Ирбитский окрлит, представив сведения в окружком ВКП (б) о том, каким был цензурный контроль за репертуаром городского театра.

В свою очередь Уралобллит со второй половины 1920-х гг. был обязан регулярно направлять в Отдел печати Уралобкома ВКП (б) доклады о состоянии политической цензуры в округах. Кроме того, Коллегия Отдела печати Уралобкома заслушивала доклады заведующего обллитом и была правомочно выносить постановления. Так, 21 февраля 1927 г. руководитель Уралобллита М.Р. Ланге направил в окрлиты

---

¹⁷⁸ Зеленов М.В. С. 285-298.

¹⁷⁹ ГАПК. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

¹⁸⁰ ГАСПИТО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 329. Л. 25.

¹⁸¹ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 805. Л. 71-71об.

секретный циркуляр, который начинался следующей формулировкой: «Препровождая при этом выписку из постановления Коллегии Отдела Печати Обкома ВКП (б) по докладу Уралобллита, Уралобллит предлагает принять меры к проведению этого постановления на местах...»¹⁸². Речь шла о принципах надзора окрлитами за деятельностью своих уполномоченных при редакциях местных газет.

Вместе с тем все же на местах партийные комитеты не претендовали на роль руководящего и направляющего органа за деятельностью органов цензуры. Общий партийный надзор оставался по-прежнему лишь формальным. На заседаниях бюро окружных комитетов ВКП (б) фактически не обсуждались вопросы, связанные с цензурой, не заслушивались и доклады окрлита. Цензоры по сути дела были предоставлены самим себе. В планах работы окрлитов на предстоящий год мы не обнаруживаем ни одного мероприятия, так или иначе связанного с отчетом перед местным партийным комитетом. Например, в «Плане работы инспектора по делам печати и зрелищ на 1929–1930 год» Курганского округа Захарова было запланировано проведение нескольких совместных мероприятий с районными исполкомами Советов, уполномоченным отдела политконтроля ОГПУ, а также выступление окрлита на заседании президиума окрисполкома. Однако Захаров ни словом не упомянул о возможности выстраивания отношений с тем же агитпропом окружкома ВКП (б)¹⁸³.

Период 1930–1932 гг. стал для уральской цензуры переломным. В это время на Урале прошла административно-территориальная реформа, было ликвидировано окружное деление Уральской области. Прошла кампания и по реорганизации аппарата уральских органов Главлита. Низовой ячейкой системы цензуры стал райлит. Период реорганизации несколько затянулся, не во всех районах были выделены работники в райлиты. В Ишимском районе несколько месяцев подряд полномочия цензора осуществляли служащие местной типографии. В Шадринске, Надеждинске и Первоуральске номера райлита выдавались беспартийными служащими ОНО редакциям газет сразу же на несколько месяцев вперед. В Перми обязанности горлита исполняли в течение 1932 г. «поочередно» трое служащих горОНО, не имея на то полномочий от Уралобллита¹⁸⁴. Таким образом, мы сталкиваемся со следующим парадоксом. Аппарат ЦК ВКП (б) уже к 1931 г. «поглотил» относительную независимость Главлита. На местах же вплоть до середины 1930-х гг. райлиты сохраняли свою самостоятельность. Партийные органы вяло, в буквальном смысле «из-под палки», следуя грозным директивам ЦК ВКП (б), начинали брать под контроль орга-

---

¹⁸² ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

¹⁸³ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 6. Л. 126.

¹⁸⁴ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 91.

ны цензуры. На Урале первые шаги в этом направлении были приняты Уралобкомом ВКП (б) не ранее зимы 1933 г.

14 января 1933 г. вышло в свет постановление Уралобкома «Об укреплении органов цензуры и улучшении их работы на местах»¹⁸⁵. В этом постановлении главный партийный орган Урала требовал от городских и районных комитетов ВКП (б) провести на местах «практические мероприятия к немедленному улучшению ведения военно-экономического и политико-идеологического контроля печати и радио». На парткомы возлагались задачи не только общего руководства за деятельностью райлитов. Отныне им было предписано принимать непосредственное участие в формировании кадрового аппарата цензуры, в том числе утверждать в должности работника райлита. Следующая задача заключалась в определении парткомами сфер влияния органов цензуры в области контроля за распространением информации в районе. Наконец, задачей парткомов стало решение вопроса о материальном обеспечении деятельности райлита. «Нужно создать соответствующие условия работникам Литов /выделение специальной комнаты, освобождение от излишней нагрузки, обеспечение бесперебойного повышения политуровня.../», – говорилось в последующих директивах Уралобкома. С аналогичным обращением к партийным комитетам Урала выступил и Уралобллит в циркуляре № 270/с от 2 июня 1933 г. Его начальник А. Григорьев, кроме всего прочего, просил секретарей парткомов о следующем: «Уралобллит просит оказать содействие горрайлитам в создании внештатной инспектуры для просмотра специальной печатной продукции из числа коммунистов, специалистов и политически грамотных товарищей, через вынесение специальных постановлений, ... в крупных районах, например: Свердловск, Березники, Пермь, Нижний Тагил, Тюмень, Челябинск, Магнитогорск и т.д.»¹⁸⁶.

7 октября 1933 г. Уралобком ВКП (б) издал очередное постановление, в котором признал работу райлитов на Урале «неудовлетворительной»¹⁸⁷. Резолютивная часть документа содержала поручение городским и районным комитетам ВКП (б) «подобрать для работы в райлитах партийно-выдержанных работников». Кроме того, партийным комитетам запрещалось «перебрасывать» работников райлита без разрешения Уралобкома на «другую работу». В свою очередь горрайлиты предупреждались о применении к ним карательных санкций со стороны обкома ВКП (б) за «пропуск антипартийных контрреволюционных изданий» и за разглашение государственных тайн в печати.

В начале 1934 г. Уралобллит был упразднен. Вместо него в областных центрах Уральского региона создавались обллиты, аппарат

¹⁸⁵ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 91.

¹⁸⁶ Там же. Д. 70. Л. 10.

¹⁸⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 94

управления которых был всецело подотчетен обкомам ВКП (б). В своих циркулярных распоряжениях местным органам обллиты особо подчеркивали статус парткомов. Так, Свердловский обллит в июне 1934 г., вызывая цензоров в г. Свердловск с целью проведения для них инструктажа, требовал представления всех сопроводительных документов, в том числе и «постановление РК ВКП (б) о назначении на работу начальника райлита»¹⁸⁸. Немного ранее, 27 мая 1934 г., в приказе № 41 по Свердловобллиту его начальник С.И. Тубанов, отмечая участвовавшие случаи рассекречивания государственных тайн в районной печати, сообщал о своем намерении обратиться в райкомы ВКП (б) с просьбой «о наложении на виновных лиц соответствующих партийных взысканий». Глава обллита просил парткомы в первую очередь наказать начальников Первоуральского, Шалинского, Кушвинского и Оханского райлитов¹⁸⁹. Таким образом, именно на бюро райкома ВКП (б) теперь проходила процедура назначения на должность начальника райлита, процедура применения мер взысканий к цензору, а также процедура его отстранения от занимаемой должности. Партийные органы получили возможность перетасовывать кадровый состав уральской цензуры.

Передача партийным комитетам таких полномочий, в свою очередь, не могла не привести к возникновению конфликтных ситуаций между цензорами и партийными работниками. Цензоры оказались в очень сложной ситуации: грозные циркуляры обллита, с одной стороны, и вмешательство в их работу партийных органов – с другой. Не каждый райлит мог умело маневрировать между требованиями своего непосредственного начальника – обллита и интересами партийной элиты района, где он осуществлял цензурный контроль. Некоторые райлиты стали открыто выражать протест против «незаконных» действий райкомов ВКП (б). Так, в начале июля 1934 г. на заседании Свердловского областного совещания работников цензуры начальник Пермского горлита Г.С. Казанцев выступил с жесткой критикой деятельности секретаря Пермского горкома ВКП (б) И.Н. Корсунова. Г.С. Казанцев, в частности, обвинил чиновника в том, что он, используя свое высокое положение, воспрепятствовал привлечению к уголовной ответственности заведующего Пермской типографией № 2. Типография игнорировала предписания горлита и часто пропускала в печать материал, содержащий «государственные тайны». Совещание единогласно заняло позицию коллеги-цензора. В принятой по итогам резолюции говорилось: «Основной причиной неудовлетворительной работы Пермского горлита Совещание считает не проведение Пермским ГК ВКП (б) в жизнь постановления Уралобкома ВКП (б) от 7 октября

---

¹⁸⁸ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 29.

¹⁸⁹ Там же. Л. 72об.

1933 г. об органах цензуры. Нормальных условий для работы Горлита не создано»¹⁹⁰. Кроме того, Свердловскому обллиту поручалось поставить в известность о данном факте обкомом ВКП (б), а также аппарат уполномоченного областной партийной контрольной комиссии. Не всегда, однако, обллит в споре с партийным органом вставал на сторону своих цензоров. Пример тому – конфликт между цензором Троицкого района Челябинской области и местным районным комитетом ВКП (б), случившийся в декабре 1934 г.

Цензор Н. Андрющенко написал в Челябинский обллит несколько докладных записок, в которых жаловался на противодействие местных властей. Так, без визы цензора тиражом в 350 экземпляров в районной типографии был опубликован отчет о работе Троицкого райисполкома за 1931–1934 гг. «В указанном отчете, – писал Н. Андрющенко, – рассекречены государственные тайны: помещены цифровые данные происшествий на железной дороге, падеж конского поголовья от эпизоотии, пожары, что является совершенно недопустимым согласно инструкции по охране гостайн»¹⁹¹. Процедуру конфискации тиража ему провести не удалось. Решением Троицкого райкома ВКП (б) он был с удивительной поспешностью командирован в деревню на «сельскохозяйственные» работы. В отсутствие цензора весь тираж отчета был распространен. Вернувшись из командировки, Н. Андрющенко взял объяснение с заведующего типографией Алексева, который утверждал, что номер райлита был проставлен им в произвольном порядке по указанию секретаря райкома Потапова. В своем докладе в Челябинский обллит от 31 декабря 1934 г., сообщая указанные обстоятельства, цензор подытоживал: «Все вместе взятое отношение создают чрезвычайные трудности в работе»¹⁹². Однако Челябинский обллит никак не отреагировал на эти обращения.

В докладной записке в Свердловский обком ВКП (б) «Отчет о работе райлитов за 1935 год» начальник Свердловского обллита С.И. Тубанов отмечал такое явление, как нежелание многих райкомов и горкомов заниматься проблемой формирования кадрового аппарата цензуры. Тубанов прямо указывал на то обстоятельство, что партийные комитеты сознательно не исполняли директивных постановлений обкома ВКП (б). «На телеграмму зав. культпропотдела Обкома ВКП (б) тов. Узюкова от 4 октября 1935 г., – писал Тубанов, – о выделении работников в райлиты большинство из РК не ответили, а секретарь Пермско-Ильинского райкома тов. Пыхтин прислал такой ответ: «Кандидатуры работы райлита выделить не можем»»¹⁹³. Далее, он обращал внимание руководства Свердловского обкома, что только несколько

---

¹⁹⁰ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 49.

¹⁹¹ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

¹⁹² Там же. Л. 6.

¹⁹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 94.

райкомов выполнили постановление обкома от 8 июня 1935 г. об укреплении органов цензуры на местах в целях предотвращения публикации в печати материалов контрреволюционного содержания. «Таким образом, имеется определенная недооценка работы райлитов ГК и РК ВКП (б), – писал в заключении Тубанов, – и игнорирование ими директив обкома ВКП (б) по вопросам руководства печатью и органами цензуры»¹⁹⁴. Формально лишенный права самостоятельно формировать низовой аппарат цензуры, Свердловобллит был вынужден постоянно обращаться в обком ВКП (б). Просьбы о «давлении» на парткомы будут раздаваться от обллитов Урала всю вторую половину 1930-х гг.

23 сентября 1937 г. на бюро Челябинского обкома ВКП (б) был заслушан доклад начальника обллита П.Н. Шмелева «О состоянии цензуры в области». Шмелев говорил не только о проблеме текучести кадров в аппарате цензуры, о результатах работы его ведомства в деле предварительного и последующего контроля за объектами цензуры. Начальник Челябобллита просил партийную власть помочь решить проблему материального обеспечения органов цензуры. В частности, П.Н. Шмелев просил повлиять на Челябинский облисполком, который, по его словам, «практически мало помогает» обллиту в предоставлении отдельных помещений райгорлитам. По результатам доклада бюро Челябинского обкома ВКП (б) приняло постановление, в котором было «предложено Облисполкому в месячный срок представить Обллиту и Горлиту оборудованные помещения»¹⁹⁵. Практика постановки докладов на бюро обкома ВКП (б) получила признание как единственного эффективного способа для Литов испросить требуемые блага.

В 1938–1940 гг. уральские обллиты в своих отчетах в Главлит особо подчеркивали вклад областных комитетов партии в строительство районных органов цензуры. Так, начальник Пермского обллита М.Н. Пермякова в отчете за 1939 г. писала о помощи, оказанной Пермским обкомом ВКП (б)¹⁹⁶. Этот партийный орган своим специальным распоряжением запретил райкомам без разрешения Пермобллита «по своему усмотрению» смещать с должностей начальников райлитов, а также отправлять их в командировки. Главлит, в свою очередь, в ответном письме инструктировал М.Н. Пермякову и далее активно взаимодействовать с Пермским обкомом ВКП (б). «Постановку Вашего отчета на обкоме ВКП (б) считаем правильным и необходимым мероприятием, которое должно явиться переломным момен-

---

¹⁹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 95.

¹⁹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 8. Л. 105.

¹⁹⁶ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.

том в деле улучшения работы Пермского обллита», – писал заместитель начальника Главлита П.Н. Пронин.

В то же время, свердловский обком ВКП (б) в 1939 г., несмотря на неоднократные просьбы начальника Свердловского обллита, ни разу не поставил в повестку дня заседаний бюро доклад о состоянии цензурного дела в регионе. С целью привлечения внимания партийной власти свердловские цензоры писали коллективные обращения в обком. В частности, 25 сентября 1940 г. по итогам кустового совещания уполномоченных Свердловобллита «промышленных районов» Свердловской области была принята соответствующего содержания резолюция. В этом документе работники цензурного ведомства просили бюро обкома ВКП (б) обратить внимание на их материально-бытовые нужды, «наладить систематическую учебу редакторов и уполномоченных». Кроме того, в документе был поставлен актуальный для цензоров вопрос о возможности проведения «областного совещания уполномоченных Обллита с участием представителей Обкома ВКП (б)»¹⁹⁷.

Подведем итоги. На протяжении 1920–1930-х гг. уральские партийные комитеты ВКП (б) проявляли интерес к деятельности органов Главлита, что называется, от случая к случаю. Партнёрские отношения не развивались по многим причинам. Парткомы не испытывали особой нужды в Литах, и не видели разницы в том, кто займет место в цензурном органе. Почти полтора десятилетия кадровый состав уральской цензуры формировался без прямого участия партийных органов. Партийное «участие» в отборе кадров для цензуры оставалось формальным и в конце 1930-х гг. Не будем забывать и то обстоятельство, что цензурное дело коммунистам представлялось как нечто негласное, неформальное, даже в какой-то степени непристойное. В тех же случаях, когда интересы сторон пересекались в издательских проектах, парткомы без сомнения давали Литам мощный отпор. Нами были установлены факты, когда представители местной партийной элиты сознательно, в обход цензора, отправляли в типографию материалы без визы Лита. Решениями райкомов ВКП (б) начальники райлитов отправлялись в длительные командировки в район, выполняя различные хозяйственные поручения. Цензурное дело при этом пускалось на самотек. Далее в исследовании будут приведены и другие примеры конфликтных ситуаций. Довольно редко парткомы реагировали на просьбы Литов об оказании им материальной поддержки, помощи в урегулировании бытовых вопросов.

Все это в целом подтверждает нашу позицию, что партийные комитеты не видели в работниках Главлита партнерскую структуру. Если уж уральские обкомы ВКП (б) не часто включали в повестку своих

---

¹⁹⁷ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 20. Л. 3-4.

бюро доклады начальников обллитов, то на местах подобная практика за редким исключением вообще отсутствовала.

1.3. Литы и органы государственной безопасности (ОГПУ–НКВД)

Еще до создания Главлита и его местных структур сфера деятельности органов ВЧК включала цензурный контроль. С августа 1920 г. Особый отдел ВЧК сосредоточил в своих руках функции военной цензуры. В условиях Гражданской войны это давало чекистам неограниченные полномочия по контролю над информационным пространством РСФСР. 21 декабря 1921 г. в структуре секретно-оперативного управления ВЧК был создан отдел политконтроля [далее ПК], первоначальной задачей которого стала перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции¹⁹⁸. В феврале 1922 г. ВЧК была упразднена, вместо нее появилось ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР. Отдел политконтроля продолжил свою работу уже в рамках секретно-оперативного управления ГПУ до 1 ноября 1925 г.¹⁹⁹ С этого времени до 5 марта 1931 г. он находился в составе отдела информации и политконтроля ОГПУ, а далее, после реорганизации последнего, был включен в Секретно-политический отдел ОГПУ. В 1922-1929 гг. отдел политконтроля возглавлял Б.Е. Этингф, И.З. Сурта, Г.Е. Прокофьев, П.П. Алексеев, а с 1930 г. – И.В. Запорожец. В 1922 г. в структуре ПК было сформировано два отделения:

- 1 отделение (печати и зрелищ), руководитель Г.А. Галгут.
- 2 отделение (почтово-телеграфное), руководитель Н.Г. Архипов²⁰⁰.

С начала 1922 г. помимо перлюстрации служащие ПК вели наблюдение за работой издательств, типографий и книжных магазинов, а также занимались просмотром ввозимых и вывозимых из страны печатных произведений. С 8 марта 1922 г. на отдел ПК и его местные подразделения была возложена задача цензуры зрелищ: контроль за деятельностью театров, филармоний.²⁰¹

Местные подразделения отдела ПК на протяжении всего 1922 г. выполняли возложенные на них функции политической цензуры. В уездах Уральского региона функцию цензора вплоть до февраля 1923

---

¹⁹⁸ Мозохин О. ВЧК – ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004. С. 63.

¹⁹⁹ Лубянка: органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: справочник. М., 2003. С. 39.

²⁰⁰ Там же. С. 30.

²⁰¹ Мозохин О. Указ. соч. С. 63.

г. осуществляли уполномоченные ГПУ. После учреждения в уездах должности «улита» первыми инструкторами местных органов Главлита стали уполномоченные ГПУ. Так, в начале февраля 1923 г. уполномоченный ГПУ по Ирбитскому уезду направил заведующему уездным ОНО циркуляр такого содержания: «Прошу срочно прибыть в ГПУ для принятия дел «В» политической цензуры, причем предлагаю взять материал, на основании которого цензура переходит в ведение Зав. УОНО»²⁰². В данном документе речь шла о передаче полномочий по предварительной цензуре. Вместе с тем, так называемая «последующая» (карательная) цензура оставалась в компетенции органов ГПУ. Заметим также, что уральские цензоры не занимались перлюстрацией. В структуре Главлита функционировал Иностранный отдел, и его служащие перлюстрировали заграничную корреспонденцию²⁰³. Однако в провинции эта практика не наблюдалась, за исключением приграничных областей.

При создании же гублитов, обллитов, крайлитов в состав их коллегий, так называемых «троек», обязательно включался представитель ГПУ. Начальник Уралобллита А.Д. Ослоновский в отчете за январь 1923 г. в Главлит писал по этому вопросу следующее: «Руководящая тройка составила из следующих лиц: представителя Екатеринбургского губОНО т. Ослоновского, начальника Политконтроля ГПУ т. Клопова и представителя ПОДИВа 57 зав. агитпропом т. Токарина... последние два фактически не работают в Обллите в силу перегруженности непосредственной работой, нач. Политконтроля послал заместителя т. Наймушина, который работает в качестве политредактора»²⁰⁴. В этом же отчете А.Д. Ослоновский, кроме всего прочего, подчеркнул важность присутствия для обллита работников ГПУ. По его словам, Наймушин и его помощник параллельно с выполнением своих служебных обязанностей занимались «последующей цензурой». «Это облегчает значительную волокиту с посылкой гранок», – писал цензор²⁰⁵.

В «Инструкции уездным цензорам» от 17 января 1923 г. Уралобллит впервые обозначил сферы совместной деятельности улитов и уполномоченных ГПУ: надзор за работой уездных издательств, типографий, редакций газет, библиотек и книжных магазинов. Уполномоченные ГПУ были призваны оказывать «техническую» помощь уездным цензорам при изъятии запрещенной литературы и других печатных материалов. Цензор осуществлял предварительный контроль предназначенных к опубликованию или постановке материалов, выписывал предписания и распоряжения. Органы ГПУ выполняли по-

²⁰² ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

²⁰³ *Смыкалин А.С.* Перлюстрация корреспонденции и почтовая цензура в России и СССР. СПб., 2008. С. 143.

²⁰⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

²⁰⁵ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

следующий контроль: как исполняются учреждениями и организациями указания цензора. При обнаружении факта нарушения уполномоченный ГПУ уведомлял цензора специальным циркуляром. «При ревизии типографий, типо и хромо-литографий, книжных магазинов и складов, библиотек и др. учреждениях органы ГПУ ставят об этом в известность Цензора и по окончании ревизии присылают ему акты», – говорилось, в частности, в «Инструкции»²⁰⁶.

А.В. Блюм, говоря о «технической» помощи ГПУ, отмечал, что она *сразу же* перешла к прямому и очень жесткому вмешательству в литературу и вообще в книгоиздательские дела. Далее он делает вывод о «руководстве» ГПУ местными цензурными органами²⁰⁷. Представляется, что на деле это было далеко не так. На местах, в уездах Урала, улиты позволяли себе оспаривать право уполномоченных ГПУ производить последующую цензуру. Не только от улитов, но и от гублитов в Уралобллит поступали предложения сосредоточить в руках цензоров весь комплекс полномочий по цензурному контролю. 24 февраля 1923 г. Уралобллит совместно с ПК губотдела ГПУ по Уралу вынуждены были издать по этому поводу специальное распоряжение, в котором уральским цензорам запрещалось поднимать, а также обсуждать эту тему²⁰⁸. Однако этот циркуляр не остановил в среде цензоров подобные суждения. Во-вторых, год спустя, 9 мая 1924 г., отдел ПК полномочного представительства ОГПУ на Урале в своем циркуляре № 3116/с обязал всех своих уполномоченных прекратить работу по «проверке книжного состава» в библиотеках и передать данное полномочие окрлитам²⁰⁹. С этого времени цензурой библиотечных фондов в округах и районах занимались только цензоры обллита. В-третьих, следует признать, что в руках уполномоченных ГПУ были такие средства, которые могли способствовать быстрому и эффективному упреждению возможных контрреволюционных «прорывов» в печать. Речь идет, в частности, об аппарате осведомления ГПУ. Посредством сообщений своих агентов, осведомителей органы ГПУ имели наиболее полное представление о ситуации в уезде-округе. Поэтому если органы ГПУ и вклинивались порой в деятельность цензоров, то это отнюдь не означало, что они стремились «ущемить» их права. «Оперативная» информация помогала и самим цензорам, особенно при составлении ежемесячных отчетов в обллит.

В феврале 1923 г. Уралобллит сообщил в Главлит о том, что ПК губотдела ГПУ при обследовании своими силами нескольких библиотек г. Екатеринбурга обнаружил и произвел изъятие около 40 книг «эсеровской и меньшевистской литературы». Отмечая этот факт, Ура-

²⁰⁶ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.

²⁰⁷ За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917-1929. СПб., 1994. С. 105, 108.

²⁰⁸ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 35-35об.

²⁰⁹ Там же. Д. 2. Л. 52.

лоблит просил Главлит дать санкцию на производство органами цензуры проверок книжных фондов библиотек по всей области. Причем обллит просил выслать и список «антикоммунистической» литературы, по которому предполагалось проводить реквизиции²¹⁰. В данном случае уральские чекисты провели показательную акцию, тем самым подтолкнув аппарат цензуры к более решительным действиям на своем участке работы. ГПУ не давало уральским цензорам каких-либо директив.

Из губерний и уездов Урала цензоры сообщали в Уралобллит о «хороших» взаимоотношениях с органами государственной безопасности. Так, в отчете за март 1923 г. цензор Ирбитского уезда А.Г. Арыкин писал: «Совместно с Политконтролем ГПУ мною была произведена проверка каталогов библиотеки г. Ирбита, а именно: Центральной библиотеки, Партийной, детской и педагогической. Запрещенных книг по каталогам не обнаружено»²¹¹. В отчете за апрель 1923 г. А.Г. Арыкин говорил уже о цензуре зрелищ, в частности, отмечая: «Цензура зрелищ производилась как мною, так и уполномоченным ГПУ»²¹². Тюменский губернский цензор в докладной записке в Уралобллит от 1 апреля 1923 г. подчеркивал сложившиеся между его ведомством и органами ГПУ «хорошие отношения». «При обращении к ним Гублита последние всегда идут навстречу, так же как и Гублит, а потому за все время работы никаких неясностей и недоговорок в работе не наблюдалось», – писал цензор²¹³. Наконец, в отчете Уралобллита за июнь 1923 г., отправленном в Главлит, А.Д. Ослоновский, также как и его цензоры, писал о «хороших», «полные доверия» отношениях с ПК ГПУ. В этом же документе А.Д. Ослоновский указывал на помощь органов политконтроля по цензуре зрелищ. «Контроль над исполнением постановок производится политконтролером ПК ГО ГПУ, за отсутствием инспектуры местные органы Главлита не в состоянии усилить контроль...», – писал заведующий Уралобллитом²¹⁴.

В 1924–1925 гг. отношения между аппаратами уральской цензуры и органами государственной безопасности продолжали всесторонне развиваться. С мая 1924 г. Уралобллит принял решение обязать окрлиты начать использовать фельдъегерскую связь окружных отделов ОГПУ для ускорения процесса доставки секретной корреспонденции на адрес обллита в г. Свердловск²¹⁵. Предположим, что подобная услуга являлась безвозмездной вплоть до весны 1926 г. В апреле 1926 г. Курганский окротдел ОГПУ в лице его начальника Калашни-

²¹⁰ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 18об.

²¹¹ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

²¹² Там же. Л. 67.

²¹³ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 547. Л. 30.

²¹⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

²¹⁵ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 136.

кова стал инициатором заключения с окроно договора об оказании платных услуг по отправке ежемесячной секретной отчетности окрлита. Стоимость одного пуда грузовой корреспонденции под литерой «А» (совершенно срочно) была определена в сумме 16 руб., под литерой «В» (секретно, не срочно) – 12 руб., под литерой «К» (совершенно секретно, с возвращением пакета с личной подписью адресата) – 20 руб.²¹⁶. Не все, однако, окрлиты Уральской области спешили заключать подобные договоры с органами ОГПУ. Проблема своевременной отправки отчетов в Уралобллит постепенно приобретала масштабный характер. 2 ноября 1927 г. Ураломо издал распоряжение, адресованное всем окружным цензорам, с требованием немедленного заключения с «органами фельдсвязи ПК ОГПУ» договоров об оказании услуг по отправке ежемесячной секретной корреспонденции. Средства на оплату услуг было предложено изыскать из «бюджета окружных ОНО»²¹⁷. Таким образом, фельдъегеря ОГПУ доставляли из округов и районов Уральской области в Уралобллит отчеты окрлитов, пакеты с обязательными экземплярами периодических изданий, рукописями книг и сценариями постановок.

Осенью 1925 г. Уралобллит совместно с полномочным представительством ОГПУ на Урале разработал и разослал на места инструкцию «О принципах совместной работы литов с органами ГПУ по контролю зрелищных мероприятий». «Все взаимоотношения Окрлитов и ОкрГПУ по контролю увеселительных мест и зрелищ должны быть тесно связаны и полны взаимного доверия», – говорилось в первом пункте документа²¹⁸. Вновь цензорам и уполномоченным ПК ОГПУ разъяснялись процедуры их «совместной» деятельности: окрлит занимается предварительной цензурой, а уполномоченный ПК – последующей. «В случае несоответствия или искаженности исполнения разрешенного текста /выставки, мимика/ представитель Политконтроля составляет немедленно акт о нарушении, привлекая виновных к ответственности по 224 ст. Уголовного кодекса», – отмечалось далее в инструкции. При этом исключительным правом закрытия каждой конкретной постановки обладал только Уралобллит. Это нам напоминает известную систему «сдержек и противовесов». Разработка очередной инструкции, вероятно, имела цель изжить непрекращающиеся в среде цензурных органов дискуссии об исключении органов ОГПУ из сферы цензурного контроля. На эту мысль нас наводит содержание изданного 3 ноября 1925 г. циркуляра Уралобллита № 2076. В этом документе А.Д. Ослоновский жестко раскритиковал «некоторые» окрлиты, в частности Пермский окрлит, за то, что они часто

---

²¹⁶ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 6. Л. 7.

²¹⁷ МУ КГА. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 15. Л. 82; ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 111.

²¹⁸ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 40.

«возбуждают вопрос о том, чтобы отменить право Политконтроля ГПУ о недопущении к постановке произведений, числящихся запрещенными»²¹⁹. Как отмечал А.Д. Ослоновский, цензоры полагали, что у органов ОГПУ отсутствует право запрещать исполнение произведения, которое допущено к постановке окрлитом «сознательно» или «по ошибке». Во избежание возможного конфликта Уралобллит сформулировал такое правило: уполномоченный ПК имеет право запретить к постановке произведение, если оно фигурирует в рассылаемых Главлитом РСФСР списках как запрещенное. В таком случае окрлит не должен был чинить никаких препятствий. Вместе с тем у политконтролера ОГПУ отсутствовало полномочие наложить запрет на постановку произведения, имевшего визу окрлита, основываясь только на своем убеждении или особом «мнении ГПУ». «Тут Окрлит является самостоятельным», – писал А.Д. Ослоновский.

В 1926 г. особенно актуальной стала проблема сохранения секретности документооборота между окрлитами и Уралобллитом, отделом печати Уралобкома, Главлитом. На местные органы ОГПУ была возложена задача организации и проведения специального обследования состояния секретного делопроизводства в окрлитах. Результаты обследования к осени 1926 г. повсеместно выявили грубые нарушения цензорами правил хранения секретной документации, ведения регистрационного журнала входящей и исходящей секретной корреспонденции и т.д. Например, в Ирбитском окроно отсутствовал сейф для хранения секретных документов. Материалы хранились в выдвижном ящике письменного стола, ключи от которого находились у беспартийной секретаря-машинистки. Секретные документы печатались машинисткой на общей пишущей машинке окроно, и к ним был открыт доступ. Любой сотрудник окроно имел возможность ознакомиться с содержимым секретной почты. В заключение уполномоченный Ирбитского окротдела ОГПУ Елизарьев констатировал факт неудовлетворительной работы окрлита, допуская наличие возможности свободного хищения секретных документов или их безвозвратную утрату²²⁰. Подобные нарушения были выявлены в ходе обследования деятельности Кунгурского и Шадринского окрлита²²¹. 22 декабря 1926 г. Уралобллит совместно с Ураломо издали циркуляр № 178/с, в котором обязали всех окружных инспекторов печати и зрелищ принять все необходимые меры к обеспечению сохранности секретной переписки, вести ее в соответствии с инструктивным материалом Наркомпроса РСФСР²²².

²¹⁹ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

²²⁰ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 123-125.

²²¹ МУ КГА. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 15. Л. 32-32об.; ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 805. Л. 111-111об.

²²² МУ КГА. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

В 1927–1930 гг. органы ОГПУ продолжали привлекаться к процедурам обследования деятельности окрлитов. В 1927 г. не только окрлиты, но и деятельность их уполномоченных при редакциях периодических изданий подлежала проверке органов ОГПУ на предмет ее соответствия правилам по хранению секретных дел. Политконтролеры следили за тем, чтобы по окончании срока своих полномочий редактор вернул весь «секретный» материал в окрлит²²³. В сентябре 1929 г. комплексной проверке подверглась деятельность Курганского окрлита. Комиссия, возглавляемая уполномоченным Курганского окротдела ОГПУ Шахановым, выявила массу нарушений. Почти год цензором не велся журнал входящей и исходящей секретной корреспонденции. Все дела секретной переписки не были пронумерованы, были собраны беспорядочно, без соблюдения принципа хронологии. Кроме того, политконтролеры обнаружили факт потери заведующим окрлитом ряда секретных документов, как то: циркуляров Главлита № 194/с, 236/с, 523/с, 1119/с, 92/с, а также военно-экономического и политико-экономического перечней. «Все материалы секретной переписки велись разными лицами без согласования с органами Облита и ОГПУ», – писал Шаханов в отчетном акте обследования²²⁴. Факт утраты секретных документов грозил цензору привлечением к уголовной ответственности. Членом комиссии Шаханова являлся политредактор Уралобллита Котенев, который составил отдельный «Акт обследования работы Курганского окрлита». Котенев подтверждал выявленные уполномоченным ОГПУ нарушения. Более того, представитель обллита обвинил цензора в утрате связи с органами ОГПУ. «Органы ОГПУ пытались несколько раз наладить связь, – писал Котенев, – но только благодаря административным мерам они сумели вызвать представителя Окрлита в Окротдел»²²⁵. В заключение политредактор делал вывод о срочной необходимости назначения на должность окрлита специального партийного работника и обязательным согласованием его кандидатуры с Курганским окротделом ОГПУ.

22 апреля 1930 г. Курганский окрлит подвергся повторной процедуре обследования на предмет устранения выявленных нарушений. И вновь уполномоченный окротдела ОГПУ Шаханов сделал вывод о «безобразно-халатном отношении к совершенно секретной и мобилизационной переписке» работников окрлита. В присутствии инспектора печати Захарова комиссия составила «Акт», в резолютивной части которого содержалось следующее: «Такое безобразное отношение... не может быть оставлено без последствия, и лица, как возглавляющие учреждение, так и технические работники должны быть привлечены к

---

²²³ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

²²⁴ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 6. Л. 47.

²²⁵ Там же. Л. 42а-42б.

законной ответственности»²²⁶. Таким образом, несмотря на усилия, предпринятые осенью 1929 г. Уралобллитом и окротделом ОГПУ, в Курганском окрлите ситуация с секретным делопроизводством продолжала оставаться напряженной.

А.В. Блюм предположил, что в 1929–1930 гг. органы политического сыска стали «подминать под себя» институт цензуры. «Вполне естественно, – писал он, – такой важный инструмент контроля, как цензура, стал полностью подчиняться ГПУ/ОГПУ»²²⁷. Вместе с тем, данный тезис не находит подтверждения на местном материале. На Урале Политконтроль ОГПУ осуществлял полномочия по последующей цензуре в рамках действующего законодательства. Каких-либо конфликтов между Уралобллитом и Политконтролем нами не обнаружено. Проверочные мероприятия, проводимые комиссиями в составе уполномоченных окротделов ОГПУ, согласовывались с Ураломо и обллитом. Кроме политконтролеров в состав этих комиссий, как мы могли убедиться, входили и представители самого Уралобллита. В начале 1930-х г. органы Главлита на Урале не ощущали какого-либо довлеющего влияния со стороны органов государственной безопасности.

Не бесспорным представляется суждение и А.С. Смыкалина о том, что именно в начале 1930-х г. начинается «активное» взаимодействие репрессивных органов с цензурными²²⁸. В 1920-е гг. взаимодействие чекистов и цензоров было не менее активным. И совсем курьезным кажется аргумент, приведенный исследователем: «На политических процессах часто в качестве вещественных доказательств фигурировали печатные и рукописные тексты, которые подпадали под запретительные статьи Перечня Главлита»²²⁹. Маловероятным кажется привлечение в судебный процесс в качестве экспертов работников советской цензуры. Экспертизу текстов проводили сами чекисты.

Во второй половине декабря 1930 г. в Уралобллит поступил циркуляр Главлита № 1928/с. В этом документе Главлит инструктировал свои местные органы о принципах цензуры материалов, связанных с наступающей 13-й годовщиной ВЧК–ОГПУ. Уральским цензорам предписывалось не допускать к печати материал, в содержании которого имелись сведения о работе органов ОГПУ «в настоящее время», в частности о борьбе с «вредительством» и шпионажем. В средствах массовой информации не разрешалось помещать портреты работников ОГПУ (кроме Ф.Э. Дзержинского) и заметки о них. «Допускается опубликование статей с воспоминаниями о ВЧК из эпохи Гражданской войны (без сообщения конкретных данных о работе ВЧК)», – го-

---

²²⁶ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 6. Л. 45-45об.

²²⁷ Блюм А.В. Указ. соч. С. 112.

²²⁸ Смыкалин А.С. Указ. соч. С. 142.

²²⁹ Там же. С. 142-143.

ворилось в циркуляре²³⁰. Последующий контроль за публикациями по-прежнему возлагался на органы ПК полномочного представительства ОГПУ на Урале.

В 1930-е гг. деятельность органов Главлита на Урале, как и прежде, протекала при участии аппарата ОГПУ–НКВД. В отличие от предыдущего периода работа уполномоченных политконтроля приобрела все более закрытый характер. Органы госбезопасности старались не обнаруживать своего присутствия в цензурном деле. В новом «Положении о Главлите» от 6 июня 1931 г. в отличие от «Положения» 1922 г. не было сказано ни слова о месте органов ОГПУ в сфере цензурного контроля. На аппараты облкрайлитов были возложены полномочия по осуществлению последующей цензуры. Вместе с тем при исполнении своих профессиональных обязанностей цензоры, так или иначе, сталкивались с органами ОГПУ. Обозначим эти точки соприкосновения.

В первой половине 1930-х гг. Главлит все чаще указывал цензорам на группы вопросов, которые подлежали «согласованию» с органами ОГПУ. Цензоры были лишены права самостоятельно решать вопрос о допуске в местную периодическую печать материалов, содержащих сведения о раскрытии органами ОГПУ «вредительских» и «других контрреволюционных» заговоров²³¹. Любая информация о так называемых «стройках века» также была строго засекречена. «Главлит категорически запрещает печатать в местных газетах и журналах какие-то сообщения о строительстве Беломорстроя, – говорилось в одном из циркуляров Главлита. – Центральные газеты всю информацию по указанному вопросу передают на согласование в ИНФО ОГПУ»²³².

В сентябре 1934 г. начальник Свердловского обллита С.И. Тубанов в своем очередном обращении к цензорам в городах и районах предписывал изымать и направлять в органы ОГПУ представленные к опубликованию материалы, содержащие:

«8. Сведения о работе в системе промышленности лиц, приговоренных Наркомвнутделом (ранее ОГПУ) к концлагерям.

9. Сведения о спецпереселенцах.

10. Сведения о деятельности НКВД и судебных органов в системе промышленности драгоценных металлов и минералов.

11. Сведения об особых полномочиях руководящего состава (право ареста, применения репрессий)»²³³.

Представители ОГПУ обязательно включались в комиссию по уничтожению секретной документации в органах Главлита. Так, 30 сентября 1931 г. заведующий Уралобллитом П.П. Бажов и уполномо-

²³⁰ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 23. Л. 47.

²³¹ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 23. Л. 42.

²³² Там же. Л. 43.

²³³ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 11. Л. 18об.

ченный специального отдела полномочного представительства ОГПУ на Урале составили специальный «Акт» об уничтожении устаревших секретных циркуляров и инструкций Главлита за 1929–1930 гг. Путем сожжения был уничтожен 41 документ²³⁴. Присутствие при этом сотрудника ОГПУ являлось гарантией соблюдения всех необходимых процедур.

Не следует забывать и тот факт, что на каждого цензора обллита в спецотделе ПП ОГПУ на Урале заводилась учетная карточка, анкета с фотографией. К работе с секретной документацией кандидат на должность райлита или горлита допускался только с разрешения органа ОГПУ–НКВД. Так С.И. Тубанов, вызывая летом 1934 г. начальников райлитов в Свердловобллит, требовал от них представления «анкеты, заполненной по форме органов ОГПУ, с фотокарточкой»²³⁵. Без допуска ОГПУ цензор не имел права брать в руки секретные перечни Главлита. 22 июля 1934 г. начальник Челябинского обллита П.Н. Шмелев в письме в спецотдел УГБ НКВД по Челябинской области просил допустить к работе М.П. Шмарева, который получил направление в редакцию газеты «Наш трактор» Челябинского тракторного завода²³⁶. Начальник Свердловобллита А.П. Горских в отчете за 1939 г., в частности, писала: «Нет допуска в работе от НКВД работающего в аппарате Обллита тов. Н. Мусихина и одного уполномоченного Обллита, на остальных есть все документы»²³⁷.

Нередко должностные лица аппарата уральской цензуры обращались за поддержкой к органам госбезопасности. В феврале 1935 г. в своем отчете в Свердловобллит о результатах обследования работы Коми-Пермяцкого окрлита заместитель начальника обллита П.Н. Плющев писал о выявленном им «полном развале» в работе местных цензоров. Плющев был вынужден обратиться к местным органам власти с просьбой о помощи в устранении выявленных недостатков. В частности, он отмечал: «Заручился поддержкой уполномоченного НКВД т. Малкова об оказании помощи и содействия в работе вновь назначенному окрлиту т. Мехоношину»²³⁸. Уполномоченный окружного отдела НКВД дал обещание оказывать окрлиту необходимую информационную и «техническую» помощь. К сожалению, мы не располагаем данными о том, как это обязательство было исполнено работником НКВД.

Во второй половине 1930-х гг. органы Главлита на Урале совместно с органами НКВД проводили очередную кампанию по «чист-

---

²³⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 23. Л. 50.

²³⁵ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 23. Л. 18.

²³⁶ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 2. 31.

²³⁷ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 18. Л. 2.

²³⁸ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 113об.

кам» книжных фондов городских, районных библиотек, а также и библиотек партийных комитетов ВКП (б). Целью «чистки» объявлялось срочное изъятие «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской» литературы. 10 сентября 1935 г. в докладной записке в Свердловский обком ВКП (б) начальник Свердловобллита С.И. Тубанов отмечал, что уполномоченные обллита и НКВД провели акцию по изъятию в 53 районах Свердловской области и в Коми-Пермяцком автономном округе. «Всего по области изъято 6 636 книг, из них по г. Свердловску 2 295 из 125 библиотек», – писал С.И. Тубанов²³⁹. В октябре 1936 г. цензоры и работники НКВД бок о бок трудились, проводя изъятия «троцкистско-зиновьевской» литературы в Краснополянском, Ирбитском и Кунгурском районах Уральской области. Так, глава комиссии по «чистке» в Краснополянском районе писал в своем отчете в обком ВКП (б) и обллит, что только за 30 октября им лично было изъято 13 книг, которые он позже сдал в районный отдел НКВД²⁴⁰.

Начальник Пермского обллита М.Н. Пермякова в отчетном докладе за 1939 г. также отмечала проведение совместных с органами НКВД мероприятий по изъятию «контрреволюционной» литературы. Характеризуя в целом отношения с чекистами, М.Н. Пермякова писала: «С политконтролем и 7 отделом Пермского управления НКВД отношения хорошие, сотрудники всегда находят время принять и дать разъяснения в случаях затруднений»²⁴¹. Подобный отзыв можно обнаружить и в отчете за 1940 г.

Подведем итог. Как в 1920-е, так и в 1930-е гг. деятельность уральских цензоров протекала в тесной связи с органами госбезопасности. Исследование показало, что чекисты оказывали цензорам не только «техническую» помощь, но и информационную, а порой административную. Чекисты следили за соблюдением окрлитами и райлитами нормативов секретного делопроизводства. Пути цензоров и уполномоченных ГПУ–НКВД постоянно пересекались. Вряд ли имеет смысл утверждать, что политконтролеры ОГПУ никогда не вмешивались в работу цензоров. И цензоры, в свою очередь, нередко брали на себя полномочия политконтролеров. Однако, чаще всего, на местах оба ведомства совместными усилиями занимались решением мобилизационных задач, выдвигаемых большевистским режимом. Сложно согласиться с А.В. Блюмом, что в 1930-е гг. «Министерство правды» стало не более чем департаментом НКВД²⁴².

---

²³⁹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 114.

²⁴⁰ Там же. Оп. 14. Д. 385. Л. 70-70об, 71-74.

²⁴¹ ГАПК. Р.-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 14.

²⁴² Блюм А.В. Указ. соч. С. 112.

Глава 2.

Создание и развитие системы органов Главлита на Урале

2.1. Уралобллит как централизованное цензурное ведомство (1922–1933 гг.)

Декретом СНК РСФСР от 6 июня 1922 г. было учреждено Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Наркомпросе РСФСР²⁴³. Главлит был призван осуществлять охрану военных и государственных тайн, а также цензурный контроль над всем издательским делом страны. В плане организационной структуры Главлит состоял из центрального аппарата и региональных отделений. В крупных регионах создавались областные отделы – крайлиты и обллиты, которые руководили работой цензурных органов в губерниях (гублиты). Гублиты курировали деятельность уездных цензурных органов (улиты).

Декретом СНК РСФСР от 9 февраля 1923 г. при Главлите был создан Комитет по контролю за репертуарами и зрелищами (Главрепертком)²⁴⁴. Главрепертком осуществлял цензуру зрелищ: разрешал или запрещал к постановке драматические, музыкальные или кинематографические произведения. Главрепертком до 1928 г. являлся отделом Главлита. В 1929 г. он вошел в состав Главискусства²⁴⁵, а в 1934 г. был выделен в самостоятельное управление – ГУРК²⁴⁶.

Во второй половине 1922 г. в провинции стали учреждаться местные органы Главлита. Серьезным препятствием в этом процессе явилось отсутствие достаточного количества денежных средств, необходимых для организационно-учредительных мероприятий. Впервые из исследователей на финансовые затруднения цензурного ведомства в этот период времени обратил внимание Н.Н. Клепиков. Проведя анализ переписки Главлита с Агитпропом ЦК РКП (б), Н.Н. Клепиков сделал важный вывод: Наркомфин РСФСР за период с октября по декабрь 1922 г. выделил настолько незначительную сумму на «нужды» Главлита, что последний был вынужден «воздержаться от её разасигнования на места»²⁴⁷. Проблемы материального характера были вызваны еще и тем, что цензурные органы создавались в системе народного образования. Не все губернские органы народного образования в 1922–1923 гг. имели возможность выделять дополнительные средства, требуемые цензорами.

²⁴³ СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 461.

²⁴⁴ СУ РСФСР. 1923. № 14. Ст. 177.

²⁴⁵ ГА РФ. Оп. 69. Д. 2078. Л. 1-8 (Переписка Главреперткома и Главискусства).

²⁴⁶ СУ РСФСР. 1934. № 10. Ст. 66.

²⁴⁷ Клепиков Н.Н. Указ. соч. С. 54.

Первый гублит на Урале был учрежден 1 ноября 1922 г. в Челябинской губернии²⁴⁸. Вслед за ним появились и другие губернские управления по делам литературы и издательств: Тюменский гублит – 20 ноября 1922 г., Пермский гублит – 1 декабря 1922 г., Екатеринбургский гублит – 30 декабря 1922 г.²⁴⁹ Деятельность гублитов некоторое время была автономной. Только 15 декабря 1922 г. при Екатеринбургском губОНО было создано Уральское областное управление по делам печати и зрелищ – Уралобллит. Первым руководителем Уралобллита стал А.Д. Ослоновский, занимавший этот пост до конца 1925 г.²⁵⁰ В аппарате Уралобллита на 1 января 1923 г. числилось 4 сотрудника: его заведующий А.Д. Ослоновский, политредактор, секретарь и машинистка. Причем только три сотрудника обллита получали денежное содержание из бюджета Екатеринбургского губернского ОНО. Политредактор Наймушин являлся «представителем Политконтроля ГПУ» в обллите, и его содержание финансировалось за счет местного органа государственной безопасности²⁵¹.

В государственном архиве Свердловской области сохранились первые отчетные доклады А.Д. Ослоновского о проделанной аппаратом Уралобллита работе за январь-февраль 1923 г. в Главлит. В «Кратком обзоре деятельности Обллита при губОНО» А.Д. Ослоновский обозначил несколько направлений работы цензурного органа²⁵². Главной задачей для Уралобллита явилось установление связи с гублитами, координация их деятельности и организация уездной цензуры. «Руководящего материала по работе, циркуляров и распоряжений, инструкций было разослано 30 штук, выработка коих заполнила собою весь январь, – отмечал А.Д. Ослоновский. – Благодаря такому изобилию указаний губернские и уездные цензора, по их словам, хорошо усвоили правила надзора»²⁵³. При всей активности Уралобллита следует констатировать, что обратная связь с гублитами налаживалась с большим трудом.

В «Отчетном докладе Уралобллита за январь 1923 г.» А.Д. Ослоновский признал отсутствие каких бы то ни было сведений о деятельности губернской цензуры за период с 1 по 20 января²⁵⁴. Не добившись письменных отчетов, начальник Уралобллита применил другой прием. В Екатеринбург были вызваны губернские цензоры для подачи отчета в устной форме. В конце января Уралобллит заслушал доклады тюменского и челябинского цензоров. В итоге их работа была признана удовлетворительной. Пермский же губцензор на вызов не отреаги-

---

²⁴⁸ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

²⁴⁹ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 547. Л. 14об.

²⁵⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2777. Л. 6.

²⁵¹ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

²⁵² ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 15-15об.

²⁵³ Там же. Л. 15.

²⁵⁴ Там же. Л. 16об.

ровал. «Пермский гублит, несмотря на бумажные и телеграфные бомбардирования, не представил ни одного клочка бумаги с момента организации», – писал А.Д. Ослоновский²⁵⁵. С присущей ему настойчивостью начальник Уралобллита добился решения этой проблемы. Доклад пермского цензора состоялся 13 февраля 1923 г. Заметим, что пермский губцензор, после произведенного им доклада, прошел первый инструктаж о принципах осуществления цензурной политики в регионе²⁵⁶.

В середине февраля 1923 г. аппарат Уралобллита подготовил положение «О губернских отделениях по делам литературы и издательства при губОНО Уральской области». Так тюменский гублит получил текст этого документа не ранее 24 февраля 1923 г.²⁵⁷ В Положении определялось, что *гублит* – это самостоятельное цензурное подразделение в составе губоно, имеющее право использовать свою печать и штампы. Губернский цензор находился в подчинении не только Главлита и Уралобллита, но и Коллегии губоно. Подотчетность губоно предполагала представление губцензором докладов о состоянии цензурного дела в губернии²⁵⁸. Вполне понятно, что по итогам доклада губцензор мог мотивированно просить Коллегию губоно о выделении необходимых денежных средств. Оплата за труд губцензору назначалась губоно по «особым кредитам», открываемым Наркомпросом РСФСР²⁵⁹. Полномочия гублита заключались в осуществлении предварительно цензуры всех предназначенных к изданию или распространению произведений. Отметим, что губцензор обладал правом выдачи разрешения на открытие нового издательства или типографии. В случае выявления нарушений гублит мог самостоятельно принять решение о приостановлении деятельности издательства или о его закрытии. Позднее, когда гублиты будут ликвидированы, у их преемников – окрлитов – таких широких полномочий уже не будет. Прежде чем закрыть типографию, окрлиту необходимо будет обратиться с мотивированной просьбой за разрешением в Уралобллит. Наделяя гублиты по сути неограниченными цензурными правами, Уралобллит при этом указывал губцензорам на большую ответственность за порученное дело. Так, в п. 35 Положения, в частности, говорилось: «Ответственность за цензорскую работу по губернии возлагается исключительно на губернского Цензора, поэтому в повседневной работе необходимо быть особенно *осторожным*»²⁶⁰. Гублиты контролировали работу уездной цензуры; улиты были обязаны ежемесячно представлять в гублит отчетные материалы не позднее 1 числа. В свою

---

²⁵⁵ Там же. Л. 17.

²⁵⁶ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 15об.

²⁵⁷ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 533. Л. 5-6об.

²⁵⁸ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 533. Л. 5.

²⁵⁹ Там же. Л. 5об.

²⁶⁰ Там же. Л. 6.

очередь губернскому цензору вменялось представление отчетного доклада в Уралобллит не позднее 3 числа. Копия доклада гублита отправлялась в Москву, в Главлит.

Разбираясь с гублитами, Уралобллит не меньше внимания уделял организации уездной цензуры. В отчете за январь 1923 г. А.Д. Ослоновский отмечал, что в уездных городах Урала полномочия по цензуре были возложены на заведующих ОНО «по совместительству»²⁶¹. При этом Уралобллит действовал в обход общепринятых правил. Кандидатуры уездных цензоров, как и губернских, необходимо было согласовывать с Главлитом. Списки кандидатов подавались обллитами в Главлит, после чего кандидатуры проходили обсуждение и утверждение. Однако А.Д. Ослоновский решил форсировать эту процедуру. «Практика работы выдвигает настоятельно иметь уездных цензоров, ибо печатный материал в уездных городах выходит в большом количестве, – писал А.Д. Ослоновский. – Возбуждать же ходатайство перед Главлитом о назначении уездных цензоров будет иметь чрезвычайно длительный период...»²⁶². В данном суждении обнаружен мотив сознательного нарушения установленного порядка: улиты нужны сейчас, а процедуры согласований с Главлитом могут привести к потере времени. В сравнительно короткие сроки Уралобллит подготовил «Инструкцию уездным цензорам Уральского областного управления по делам литературы и издательств»²⁶³. Данный документ поступил в уездные ОНО не ранее начала февраля 1923 г.²⁶⁴

Ситуация же в губерниях существенно отличалась. Например, в уездах Тюменской губернии местные заведующие ОНО получили полномочия цензоров от гублита еще 20 декабря 1922 г.²⁶⁵ В Челябинской губернии подобный процесс протекал с небольшим отставанием. В Екатеринбургской же губернии функции цензуры были переданы заведующим ОНО не ранее второй половины января 1923 г. Так, 17 января 1923 г. циркуляром Уралобллита № 29/с полномочия уездного цензора были возложены на заведующего ОНО Ирбитского уезда А.Г. Арыкина²⁶⁶. Кроме того, только в начале февраля 1923 г. уполномоченный ГПУ по Ирбитскому уезду предложил А.Г. Арыкину в срочном порядке получить инструктивный материал по политической цензуре²⁶⁷. «Связь Гублитов с уездными цензорами чрезвычайно слабая и не налажена, ввиду отдаленности уездных центров от губернских городов», – отмечал А.Д. Ослоновский²⁶⁸. Заметим, что проблема

---

²⁶¹ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

²⁶² Там же. Л. 16-16об.

²⁶³ Приложение 4. С. 357-359.

²⁶⁴ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

²⁶⁵ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 16об.

²⁶⁶ Приложение 4. С. 359-360.

²⁶⁷ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

²⁶⁸ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

«связи» низовых органов Главлита с вышестоящими инстанциями не потеряет актуальности и к концу 1920-х гг.

Описывая проблемные места в процессе организации уральской цензуры, А.Д. Ослоновский сформулировал в адрес Главлита ряд конкретных предложений, реализация которых, по его мнению, способствовала бы устранению проблем. Заметим, что цензор открыто излагал мнение своему руководству, не избегая и довольно жестких формулировок. По мнению начальника Уралобллита необходимо было решить следующие «принципиальные» вопросы:

1. О необходимости сосредоточить «предварительную» и «последующую» цензуру в одном органе Главлита посредством изъятия «последующей» цензуры из рук местного отдела Политконтроля ГПУ.

2. О необходимости изъятия полномочий по цензуре кинолент и зрелищных предприятий из ведения местных органов Главполитпросвета и передачи их непосредственно органам Главлита.

3. О необходимости срочного разрешения вопроса об источниках финансирования, материального обеспечения органов уральской цензуры.

Последний вопрос был, очевидно, наиболее болезненным, и здесь начальник Уралобллита не стеснялся в выражениях. «На содержание Обллита за январь месяц переведено по три денежных единицы на сумму 26 р. 50 копеек выпуска 1923 г. – писал А.Д. Ослоновский. – Спрашивается, какой аппарат можно содержать на 26 рублей и отсюда брать средства на хозяйственно-оперативные расходы по управленческому аппарату и гублитам области? Гублиты Уральской области бесперебойно телеграфируют, если не будут переведены кредиты на содержание и хозяйственные расходы, то они закроются»²⁶⁹. Например, тюменский губернский цензор В.А. Чуканцев-Муромцев в отчетном докладе в Уралобллит за январь 1923 г. подчеркивал, что заработная плата выплачивалась только секретарю гублита, сам же он получал денежное вознаграждение от работы по совместительству «в должности зам. Зав. Губполитпросветом»²⁷⁰. В следующем докладе В.А. Чуканцев-Муромцев вновь обращал внимание Уралобллита на кризисное финансовое состояние гублита. «Средств на хозяйственные и организационные расходы не отпущено ни Наркомпросом, ни губОНО и ни местным Губисполкомом, – писал губернский цензор. – Деньги нужны хотя бы в минимальном количестве...»²⁷¹. Заметим также, что неудовлетворение по этому вопросу высказывали не только уральцы. В Архангельской губернии в июне 1923 г. губоно приняло решение упразднить должность заведующего гублитом и передать его функции по совместительству заведующему губполитпросветом. Однако, поз-

²⁶⁹ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 18об.

²⁷⁰ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 547. Л. 14об.

²⁷¹ Там же. Л. 12. Чуканцев-Муромцев В.А. Приложение 2. С. 352.

же, Главлит добился отмены данного решения²⁷². Начальник Ленинградского гублита просил срочно выслать деньги на «двадцать две единицы», так как, по его словам, «Гублит был снят с местного бюджета»²⁷³.

В качестве действенной меры решения проблемы А.Д. Ослоновский просил руководство Главлита выдать разрешение об оставлении денежных средств от полистного сбора, собираемого цензорами за просмотр печатной продукции, в кассе Уралобллита и направить с 1 февраля 1923 г. данные деньги на содержание губернских и уездных цензоров, а также на хозяйственно-операционные расходы²⁷⁴. Похожие предложения поступали в Уралобллит с мест. Так, 30 января 1923 г. Ирбитский уездный цензор А.Г. Арыкин просил сообщить Уралобллит, из каких средств ему следует осуществлять расходы на изготовление штампа, печатание книг для регистрации выданных разрешений²⁷⁵. 4 марта 1923 г. Курганский уездный цензор Неупокоев просил выслать ему «обязательное постановление» о полистном сборе, указывая при этом на факт отсутствия денежных средств на печатные расходы и на ежемесячную пересылку в Уралобллит печатных произведений по 5 экземпляров²⁷⁶. К сожалению, текст ответного письма Главлита не сохранился. Вместе с тем, совершенно очевидно, что предложение о полистном сборе не прошло.

4 февраля 1923 г. в письме в адрес Ирбитского улита сам А.Д. Ослоновский и заведующий Екатеринбургским губОНО А. Зиновьев рекомендовали А.Г. Арыкину на хозяйственно-оперативные нужды брать средства «из хозяйственных сумм уездного ОНО, по смете Уисполкома», т. е. из бюджета местного ОНО²⁷⁷. В циркуляре же № 134 от 4 апреля 1924 г. Уралобллит по сути подтвердил официальную позицию Главлита. В качестве единственного источника финансирования местной цензуры объявлялся бюджет окроно, доходы же от полистного сбора объявлялись *неприкосновенными*, их адресатом оставался госбюджет. «Никаких отдельных кредитов на Окрит не отпускается и отпускаться областью не будет, а также содержание технического работника, выплачиваемое из сумм полистного сбора, быть не может», – подчеркивалось в данном циркуляре²⁷⁸.

Последствием кризиса стала реорганизация Екатеринбургского гублита. С середины апреля 1923 г. его функции были переданы аппарату Уралобллита²⁷⁹. Штаты других трех гублитов были сокращены с

---

²⁷² Клепиков Н.Н. Указ. соч. С. 54.

²⁷³ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 514. Л. 11.

²⁷⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

²⁷⁵ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

²⁷⁶ ГАКО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.

²⁷⁷ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

²⁷⁸ Там же. Д. 2. Л. 32.

²⁷⁹ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 2об.

трех до двух человек: губцензора и секретаря. «Инспекторов для поручений нет, но практика работы настоятельно выдвигает их иметь», – писал А.Д. Ослоновский в Главлит.

Наконец, в июне 1923 г. аппарат Уралобллит покинули два работника по причине «минимальной» оплаты их труда. «К концу отчетного периода в Управлении осталось двое, Заведующий и машинистка, – отмечал А.Д. Ослоновский в докладе за июнь 1923 г. – Никакой структуры, предусмотренной Положением Главлита, теперь не осталось и следа, да и сама работа в значительной мере страдает»²⁸⁰. Несколько месяцев у А.Д. Ослоновского не было помощников, и ему приходилось в одиночку готовить отчетные материалы в Главлит. Сокращение численного состава аппарата Уралобллит в середине 1923 г. не обнаружил А.В. Суров, который в своем исследовании по количеству штатных единиц поставил Уралобллит на одну ступень со столычными гублитами²⁸¹.

Вопрос о полномочиях по цензуре зрелищ решался на самом высоком уровне. Как отмечает А.В. Блюм, на рубеже 1922–1923 гг. контроль за зрелищами действительно исполнялся политпросветами. На этой почве между Главлитом и Главполитпросветом возникла конфликтная ситуация, которая вскоре была разрешена в пользу Главлита. Выше уже отмечалось, что 9 февраля 1923 г. был создан Главрепертком при Главлите, которому отныне принадлежало право на разрешение к постановке всех драматических, музыкальных и кинематографических произведений. Вместе с тем будем иметь в виду, что борьба между Главполитпросветом и Главлитом за право на цензуру зрелищ на этом не закончилась. В своем диссертационном исследовании Г.А. Бондарева убедительно доказывает факт продолжения конфликта вплоть до декабря 1926 г.²⁸² Конкурентом Главреперткома являлся Художественный отдел при Главполитпросвете, возглавляемый бывшим руководителем Госиздата Н.Л. Мещеряковым. Последний настаивал на немедленном изъятии ГРК из структуры Главлита и включении его в состав Главполитпросвета. Победителем вышел все же Главлит и его неутомимый начальник П.И. Лебедев-Полянский. 7 декабря 1926 г. на заседании Коллегии Наркомпроса РСФСР была принята резолюция, которая гласила:

«1) Считать, что ГРК должен контролировать не только текст, но и сценическое оформление как в отношении театра, так и кино.

3) Художественный Совет по делам кино упразднить»²⁸³.

Предложение об изъятии «последующей» цензуры из рук Политконтроля ГПУ не нашло поддержки в Главлите. Впоследствии эта те-

---

²⁸⁰ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

²⁸¹ Суров А.В. Указ. соч. С. 71.

²⁸² Бондарева Г.А. Указ. соч. С. 63-72.

²⁸³ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 756. Л. 10.

ма А.Д. Ослоновским более не поднималась. Косвенное подтверждение этому можно найти в тексте циркуляра Уралобллита № 129 от 24 февраля 1923 г. Кроме подписи А.Д. Ослоновского на циркуляре стояла подпись и начальника отдела Политконтроля при Екатеринбургском губотделе ГПУ Клопова. В циркуляре Уралобллит констатировал факт того, что некоторые уездные цензоры на местах требовали передачи всех функций цензуры от уполномоченных ГПУ «в свое ведение». После чего Уралобллиту пришлось разъяснять своим местным органам, что их полномочия не должны выходить за рамки предварительной цензуры. «В дополнение по всем циркулярным распоряжениям Обл-Лита и Декрета СНК от 6 Июня 1922 г. Областное Управление Главлита на Урале сообщает, что Уездный Цензор осуществляет только лишь предварительную цензуру, которая состоит в предварительном разрешении того или иного материала к напечатанию с точки зрения политической, военной, литературной и идеологической, последующая же цензура – т.е. сличение гранок с разрешенным подлинником, надзор и контроль – осуществляется Политконтролем ГПУ», – говорилось в циркуляре. «Уездные цензоры... – продолжал А.Д. Ослоновский, – не в состоянии вести и последующую цензуру, так как для этого нужен специальный аппарат, да и положениями... это не предусмотрено»²⁸⁴.

Остановимся на характеристике процедуры денежных сборов, взимаемых органами цензуры с советских учреждений и организаций. За просмотр печатного материала цензорами собирался так называемый «полистный» сбор. Его размер первоначально был определен в специальном циркуляре Главлита № 1116 от 19 декабря 1922 г. – один рубль золотом с каждого печатного листа, т. е. 40 000 типографских знаков²⁸⁵. От полистного сбора были освобождены издания Коминтерна ЦК и РКП (б), вообще вся партийная печать, а также издания Госиздата и Главполитпросвета, Известия ВЦИК и научные труды Академии наук РСФСР. До весны 1924 г. полистный сбор с типографий и издательств взимался лично уездным цензором, окрлитом. Так, за апрель месяц 1923 г. только по Екатеринбургской губернии общая сумма полистного сбора, собранная цензорами, составила 4 341 руб.²⁸⁶ Ирбитский цензор А.Г. Арыкин за период с 8 февраля по 30 марта 1923 г. собрал полистный сбор в сумме 597 руб. 40 коп.²⁸⁷ Однако вскоре цензоров лишили права собирать деньги. С апреля 1924 г. денежные средства поступали в кассу окружных финансовых отделов при исполкомах Советов. За цензором сохранялась обязанность выписывать клиенту квитанцию на оплату, после чего тот вносил указан-

²⁸⁴ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 35-35об.; Приложение 4. С. 361-362.

²⁸⁵ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

²⁸⁶ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 7об.

²⁸⁷ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

ную сумму в расходную кассу финансового отдела²⁸⁸. Размеры ставок полистного и других цензурных сборов часто менялись, их утверждение проходило специальным постановлением СНК РСФСР. В постановлении от 8 апреля 1924 г. «О сборах по Главлиту Народного Комиссариата Просвещения» ставки сборов выглядели следующим образом:

«I. На право напечатания и распространения.

а) с рукописи по 1 руб. 50 з. р. с печатного листа / 40 000 букв, считая не полный лист за полный.

б) с отдельно издаваемых рисунков, карт и вообще всяких изображений по 0,10 з.р. с рисунка или изображения.

в) с плакатов, афиш и листовок по 0,50 з.р.

2. За право постановки и публичного исполнения.

а) с драматических, музыкальных произведений /драмы, комедии, оперы и т.д./ по 3 з.р. с акта /действия/.

б) с произведений эстрадного характера /пьесы-миниатюры/, романсы, песенки, куплеты по 1 рубл. зол. с каждого произведения.

3. На право демонстрирования.

а) с кино-картины по 3 зол. рубл. с каждых 100 метров картины.

б) с диапозитивов для проекционных фонарей по 0,10 зол. рубл. с основного негатива.

в) с картин, скульптур и вообще всяких художественных произведений, изображений, выставляемых на выставках и салонах для публичного обозрения, по 0,10 зол. рубл. с экземпляра...»²⁸⁹.

В данном документе кроме полистного фигурируют и «репертуарные» сборы. Денежная реформа 1924 г. внесла изменения в обозначенные выше ставки. В постановлении СНК РСФСР от 16 февраля 1925 г. были представлены следующие цифры. Так за право постановки и публичного исполнения драматических, музыкальных произведений брали 2 руб. с акта, а за право демонстрирования кинокартины только по 1 руб. Часть третья была дополнена подпунктом «г», где содержалось требование осуществления сбора за исполнение репертуара в размере 10 коп. с каждого экземпляра пластинки²⁹⁰.

Кроме полистного и репертуарных цензоры собирали «гербовый» и «вершковый» сборы. Гербовый сбор собирался с граждан и учреждений, чьи материалы прошли цензуру и были предназначены к опубликованию. Гербовый сбор также уплачивался за подачу гражданами в органы Главлита заявлений, ходатайств. Его размер также часто менялся. В этой связи интерес представляет «Служебная записка Уралобллита Ирбитскому уездному цензору» от 22 августа 1923 г. В

²⁸⁸ Там же. Д. 3. Л. 6.

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 192. Л. 53; ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

²⁹⁰ Известия ЦИК СССР. 1925. 24 февраля (№ 45); ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 192. Л. 69-70.

ней А.Д. Ослоновский предложил цензору А.Г. Арыкину собирать гербовый сбор по 30 руб. с заявлений, мотивируя это тем, что Наркомфин РСФСР повысил ставки. «О повышении гербового сбора руководствуйтесь каждый раз распоряжением Наркомфина», – писал А.Д. Ослоновский²⁹¹. Почти год спустя, 22 мая 1924 г., Уралобллит направил цензорам рекомендации следующего порядка: «3. На материал, предназначенный к печати и подлежащий оплате гербовым сбором, заказчик обязан наклеивать гербовую марку, которая поступает с оригиналом в типографию и там хранится»²⁹². В этих же рекомендациях отдельным пунктом было прописано, что полистный сбор принимается «особо, не зависимо от гербового сбора». Важно обратить внимание и на следующее обстоятельство: полистный сбор был отменен на территории Уральской области 24 июня 1927 г. специальным циркулярным распоряжением Уралобллита²⁹³. Гербовый же сбор продолжал цензорами взиматься согласно прежним инструкциям Главлита. Новая же инструкция «О взимании гербового сбора в Главлите и его местных органах» была утверждена Главлитом 2 марта 1928 г.²⁹⁴

Наконец, «вершковый» сбор собирался со всех плакатов, афиш, объявлений, которые расклеивались их издателями в рекламных целях на улицах, площадях населенных пунктов. Порядок его уплаты был регламентирован «Правилами по взиманию местного налога», утвержденными НКФ и НКВД 10 февраля 1923 г.²⁹⁵ «Правила» предусматривали взимание этого сбора в размере 20 копеек за квадратный вершок плаката или афиши с каждой полной или неполной тысячи экземпляров. Примечательна позиция самого Уралобллита на предмет взимания вершкового сбора уездными цензорами. Например, 18 мая 1923 г., А.Д. Ослоновский в очередном обращении к Ирбитскому цензору А.Г. Арыкину разъяснял последнему, что процедура взимания вершкового сбора со всякого рода афиш, плакатов не является обязательным делом органов цензуры. «Это дело других органов, а потому если взимание такового Вас затрудняет, то Вы можете отказаться», – говорил руководитель Уралобллита²⁹⁶. Вместе с тем мы находим документальное подтверждение того, что А.Г. Арыкин продолжал собирать вершковый сбор. 20 октября 1923 г. финансовый отдел Ирбитского исполкома направил цензору А.Г. Арыкину извещение об изменении ставки вершкового сбора. А 29 декабря 1923 г. все тот же финансовый отдел просил А.Г. Арыкина не взыскивать вершковый сбор

---

²⁹¹ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 195.

²⁹² Там же. Д. 2. Л. 39.

²⁹³ Там же. Д. 5. Л. 32.

²⁹⁴ Там же. Д. 6. Л. 24-28.

²⁹⁵ Там же. Д. 1. Л. 115.

²⁹⁶ Там же. Л. 66.

со спектакля, поставленного усилиями учащихся «опытной школы» г. Ирбита²⁹⁷.

Перечисленные виды денежных сборов обозначались в отчетах уральских цензоров как «государственные доходы». Представляется важным отметить, что начиная с конца января 1925 г. Уралобллит требовал от окружных ОНО составлять ежемесячные отчеты о поступлении «госдоходов» от цензорской деятельности и высылать их по утвержденной форме не позднее 5 числа каждого месяца²⁹⁸.

Вернемся к анализу результатов деятельности аппарата Уралобллита по организации цензурного дела в регионе. В первый же месяц своей работы обллит выработал значительное количество инструктивного материала. Сохранившийся архивный массив документов позволяет предположить, что примерно в это же время были разработаны основные формы отчетности о результатах деятельности цензоров: анкета для периодических изданий, форма журнала для регистрации печатного материала, разрешенного уездным цензором, форма ежемесячного отчета уездного цензора о результатах просмотра печатного материала, информационная форма отчетности губцензора, форма отчета цензора гублита о запрещенных к печатанию произведениях, анкета для учета деятельности книгоиздательства и т.д. В конце января 1923 г. Уралобллит разработал еще одно важное положение – «Техника работы по контролю печати», которое содержало формы самих разрешительных виз цензоров²⁹⁹. Общий срок действия визы на право печатания составлял три месяца, после чего типография была обязана повторно предоставить данный материал в цензурный орган.

24 марта 1923 г. А.Д. Ослоновский представил уполномоченному Наркомпроса РСФСР на Урале В.Н. Звереву «Проект плана Обллита по руководству гублитами». Заметим, что данный проект был разработан на основе специального постановления Секретариата Уралбюро ЦК РКП (б) от 6 марта 1923 г.³⁰⁰ Впервые, кроме организационных моментов, в проект была включена политическая составляющая. «Советская Республика находится в капиталистическом окружении, имея многочисленные группировки врагов», – говорилось в проекте. К «врагам» причислялись не только представители заграничной буржуазии и социал-демократические группировки, но и враги внутренние: «дельцы-нэпманы» и другие «бывшие». Под категорией «бывшие» понималась та часть советского общества, которая не принадлежала к рабоче-крестьянским массам. «Одним из могучих орудий наших врагов является печатное слово, которым они стараются идеологически

---

²⁹⁷ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 216.

²⁹⁸ Там же. Д. 3. Л. 4-5.

²⁹⁹ Там же. Д. 1. Л. 4.

³⁰⁰ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 14-14об.

воздействовать на рабоче-крестьянские массы в противовес нам», – отмечалось далее в проекте³⁰¹. Делался вывод, согласно которому цель деятельности Уралобллита заключалась в противодействии «насаждению» в народные массы «чуждой» антибольшевистской идеологии в науке, литературе и искусстве на территории уральского региона. Обллит брал на себя обязательство всеми силами защищать коммунистическую идеологию от каких бы то ни было покушений.

В соответствии с указанной целью в проекте были обозначены три главных направления деятельности Уралобллита: идеологическое, информационно-инструкторское и контролирующее.

Идеологическое направление предполагало:

- разъяснение гублитам общеполитической ситуации в стране;
- характеристику группировок русской эмиграции, методов их деятельности в печати;
- ознакомление с политическими группировками внутри России «в связи с НЭП» и их идеологическом влиянии;
- ознакомление с церковными группировками, их печатными изданиями, СМИ;
- разработка директив по контролю за оборотом кинолент и деятельностью издательств, типографий.

Информационно-инструкторское направление в работе Уралобллита включало такие задачи, как:

- своевременное информирование гублитов о принципах осуществления цензуры посредством рассылки материалов Главлита, циркуляров обллита;
- оказание помощи гублитам в деле налаживания взаимоотношений с местными отделами ОГПУ, а также с другими советскими органами власти;
- инструктирование гублитов посредством «персональных» выездов членов аппарата обллита на места.

Контрольная функция Уралобллита предполагала проведение следующего рода мероприятий:

- регулярное «заслушивание» докладов гублитов о результатах цензурной работы в губернии;
- проверка разрешенного гублитами печатного материала, направленного в местную печать;
- проверка списков разрешенных кинолент и просмотр «сомнительных»;
- организация проверки политической деятельности гублитов «через полномочное представительство ГПУ на Урале».

Аналогичная работа проводилась в отношении уездной цензуры. Так как связь губцензоров с улитами весной 1923 г. продолжала оставаться слабой, Уралобллит напрямую инструктировал уездных цензо-

---

³⁰¹ Там же. Л. 14об.

ров по направлениям их деятельности в уезде. Уже 14 апреля 1923 г. Уралобллит направил в адрес заведующих уездными ОНО циркулярное распоряжение, в котором разъяснялось, что «цензорская работа, являющаяся средством противодействия влиянию чуждой пролетарскому классу идеологии, приняла особенно важное значение во времена НЭП, а потому кроме сосредоточения на ней внимания необходима строгая отчетность и своевременная информация»³⁰². Отмечая слабую цензурную работу большинства заведующих ОНО, Уралобллит предписывал последним «изжить» указанные недостатки и представлять отчеты в трех экземплярах не позднее 3 числа каждого месяца. В заключение начальник Уралобллита А.Д. Ослоновский предупредил уездных цензоров, что в случае неисполнения обозначенных требований виновные будут в установленном порядке привлекаться к уголовной ответственности по статье 108 УК РСФСР. Данная статья квалифицировала такое преступление, как халатное отношение к службе, т. е. невнимательное, небрежное или явно недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям. Санкция статьи предусматривала наказание до 1 года лишения свободы³⁰³.

Большое место в деятельности Уралобллита занимала информационно-инструкторская работа. На основании циркуляров Главлита разрабатывались списки разрешенной и запрещенной литературы, кинокартин, граммофонного и театрального репертуара, производилась их рассылка в гублиты и улиты. Одним из первых подобных материалов стал список № 1 «Русских книг, прошедших через Главлит за время с 10 сентября по 1 декабря 1922 г., не разрешенных к ввозу в РСФСР»³⁰⁴. В списке были перечислены авторы, названия их произведений, запрещенные к публикации, переизданию и обращению на территории России. Здесь значились книги лидеров белого движения П.Н. Милюкова («История второй революции»), А.И. Деникина («Очерки русской смуты»), П.Н. Краснова («От двуглавого орла к красному знамени»), В.В. Шульгина («Дни», «1920») и др. Запрет распространялся и на труды представителей российской интеллигенции. В частности, это работы Б.В. Яковенко («Очерки русской философии»), Л.А. Шестова («Достоевский и Ницше») и т.д.

Во второй половине февраля 1923 г. Уралобллит направил цензорам секретную инструкцию «Руководство по цензуре зрелищ»³⁰⁵. В этом документе впервые были намечены направления цензуры зрелищ: «а) цензура государственных и частных театров, цирков, клубов и проч. зрелищ различного типа /профессиональных, самодеятельных, красноармейских, крестьянских, рабочих, постоянных передвижек,

³⁰² ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

³⁰³ Уголовный кодекс РСФСР. М.: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1925. С. 28.

³⁰⁴ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 9-11об.

³⁰⁵ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

оперных, драматических и т.п./; б) цензура кинематографических снимков; в) цензура фотографических снимков, предназначенных для публичного обозрения; г) цензура художественных, сельскохозяйственных и пр. выставок...». Кроме того, инструктивный материал содержал перечень возможных произведений, запрещенных к публичному представлению. Наряду с «антисоветскими», «злбно карикатурными», «порнографическими» произведениями запрещалась постановка тех, которые могли «своей не художественностью» понизить культурный уровень рабоче-крестьянских масс. Практика реализации данного документа проанализирована в четвертой главе настоящего исследования.

8 июня 1923 г. Уралобллит выпустил списки кинолент, разрешенных и запрещенных к показу в губернских кинотеатрах. Среди запрещенных оказались киноленты Госкинопроката («Вдова», «У врат славы») и Совзапкино («Пути измены», «Наступление тетки», «Клуб 13-ти») ³⁰⁶. Тогда же был утвержден временный список пьес, рекомендованных к постановке. В августе 1923 г. уральские цензоры получили секретный циркуляр Главреперткомма, содержащий список народных песен, запрещенных к исполнению музыкальными коллективами: «Варяг», «Вечерний звон», «Шумел, горел пожар Московской», «Укажи мне такую обитель» и т.д. ³⁰⁷ Эти популярные в народе песни объявлялись «чуждыми» советской культуре. 20 сентября 1923 г. Уралобллит составил список граммофонных пластинок, «подлежащих изъятию из продажи как запрещенных комиссией по контролю грамрепертуара» ³⁰⁸.

В середине осени 1923 г. местные органы цензуры на Урале были реорганизованы. Логично предположить, что данное мероприятие было связано с процессом районирования Урала. Формировалась новая административно-территориальная единица – Уральская область с центром в г. Екатеринбурге, уездное деление упразднялось, создавались округа.

29 октября 1923 г. Уралобллит в циркуляре № 529 впервые объявил о ликвидации гублитов и уездной цензуры ³⁰⁹. 8 декабря 1923 г. был издан секретный циркуляр № 609, содержащий принципы организационного строительства обновленной системы органов цензуры на местах ³¹⁰. Сообщалось, что с 1 декабря 1923 г. исполнение цензорских обязанностей будет возложено на заведующих окружных отделов народного образования – зав. окроно. В крупных же городах, таких как Пермь, Тюмень и Челябинск, учреждалась должность уполномоченного Уралобллита – уполобллит. В срок до 1 января 1924 г.

³⁰⁶ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 19–20.

³⁰⁷ Там же. Л. 34.

³⁰⁸ Там же. Л. 33–35.

³⁰⁹ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 43.

³¹⁰ Приложение 4. С. 363.

указанные работники были обязаны принять все дела и архив секретной переписки у бывших уездных цензоров.

В следующем циркуляре № 613 от 11 декабря 1923 г. Уралобллит отменил все действующие до реорганизации визы уездных цензоров. Вместо этих форм была утверждена виза «Окрлит №...»³¹¹. Обратим внимание, что с этого момента окрлитами вплоть до начала 1930-х гг. будут именоваться руководящие работники окружных ОНО. Всего на территории Уральской области было сформировано 16 окрлитов.

Создание окрлитов вызвало упразднение промежуточного звена в системе органов уральской цензуры – гублитов, которые, несмотря на трудности, все же выполняли контролирующую функцию в отношении улитов. Так, уездные цензоры Челябинской и Тюменской губерний весь свой отчетный материал (анкеты, доклады и т.п.) направляли непосредственно в гублиты³¹². Отчитываясь перед губцензорами, улиты были вынуждены также отвечать на запросы и Уралобллита, получая от него инструктивный материал. Комфортнее себя чувствовали лишь цензоры Екатеринбургской губернии, отправляя отчеты напрямую в обллит. С января 1924 г. Уралобллит становился единственным адресатом для всех уральских цензоров.

Вместе с тем укрупнение административных центров неизбежно вызывало увеличение нагрузки на заведующих окроно по линии цензурной работы. Уралобллит, как и прежде, требовал своевременной отсылки отчетных докладов. Н.Н. Клепиков отмечает, что в Архангельской губернии заведующие окружными отделами народного образования в силу загруженности своей основной работой достаточно долгое время практически не выполняли цензорских обязанностей³¹³. Подобное положение дел имело место фактически в большинстве округов Уральской области. Участились требования заведующих окроно освободить их от цензурной работы.

В итоге Уралобллит был вынужден принять решение о передаче цензорских обязанностей структурному подразделению окроно – окрполитпросвету. Это положение было закреплено в секретном циркуляре от 3 января 1924 г.³¹⁴ В этом документе А.Д. Ослоновский, в частности, отмечал, что многие заведующие окроно в докладных записках заявляли о больших трудностях совмещения такой «весьма серьезной и ответственной работы» со своими непосредственными служебными обязанностями. С 1 января 1924 г. комплектация всех форм ежемесячной отчетности по округу поручалась заведующим окружным отделом политического просвещения. При этом зав. окроно не отстранялся от данной работы, за ним закреплялась функция надзора

³¹¹ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 46.

³¹² ГАКО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 198. Л. 10-12, 16, 18, 28.

³¹³ Клепиков Н.Н. Указ. соч. С.53.

³¹⁴ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

за деятельностью уполоблитов и зав. окрполитпросветов. Персональная ответственность за проведение цензурной политики в округе возлагалась на заведующего окроно. Подобную практику можно отследить, в частности, по докладу Ирбитского окроно в Ураломно о состоянии цензуры зрелищ в округе от 22 марта 1927 г. Доклад был подписан заведующим ОНО Шибановым и заведующим отделом политического просвещения Харитоновым³¹⁵.

Деятельность окрлитов в 1924 г. была осложнена неразрешенностью вопроса о том, кому будет поручена цензура в районах. Уралобллит в данном случае объявил эту проблему внутренним делом окружных ОНО: «Уралобллит ... лишь предлагает установить в районах и заштатных городах дело цензуры так, что бы все данные нам инструкции по цензуре проводились неуклонно в жизнь»³¹⁶.

Работа по реорганизации местных органов не отвлекала внимание Уралобллита от дальнейшего развития направлений цензурной политики. 17 января 1924 г. Уралобллит выпустил секретную «Инструкцию по контролю за репертуаром». «Наша очередная задача, – говорилось в документе, – заключается сейчас в том, чтобы всеми силами ослабить отраву буржуазной идеологии и морали». В феврале 1924 г. обллит предложил новую серию списков печатных произведений, запрещенных к обороту на территории области. Это были произведения, изданные в 1922–1923 гг. за границей. В частности, был наложен запрет на переиздание книги Э. Берроуза «Марсиане» и романов В. Маргерит «Моника Лербье», «Товарищ»³¹⁷.

В 1924–1925 гг. в деятельности Уралобллита продолжало преобладать информационно-инструкторское направление. В секретных циркулярах для окрлитов цель деятельности цензоров по-прежнему формулировалась как осуществление предварительной цензуры. Предварительному просмотру окрлитов подлежали все предназначенные к опубликованию или распространению произведения, периодические издания, снимки, рисунки, карты, афиши, плакаты, ноты, репертуары театров и эстрадных номеров и т.п. Задачи, поставленные перед окружными цензорами, были существенно детализированы. Логично классифицировать их по следующим группам:

Первая группа. Идеологические задачи:

- исключение предназначенных в печать материалов, через которые проводилась якобы враждебная марксизму и пролетариату идеология в основных вопросах общественности, религии, экономики, национальном вопросе, области искусств.

Вторая группа. Политические задачи:

---

³¹⁵ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 894. Л. 6-6об.

³¹⁶ Там же. Д. 64. Л. 76.

³¹⁷ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

- недопущение к печати статей или других материалов, которые носили «явно враждебный» к коммунистической партии и советской власти характер;
- недопущение к печати сведений, которые не подлежали оглашению и составляли государственную, военную или политическую тайну;
- изъятие из статей, репертуара театрально-эстрадных постановок наиболее острых мест (фактов, цифр, характеристик), недостаточный или неправильный анализ, которые могли бы скомпрометировать государство трудящихся или центральную власть, а также политические и общественные организации рабочего класса.

Третья группа. Культурно-просветительские задачи:

- исключение бульварной прессы, порнографии, недобросовестной рекламы;
- контроль над книжным рынком и устранение из обращения и продажи книг и других печатных материалов, запрещенных Главлитом.

Четвертая группа. Организационные задачи:

- визирование каждого произведения, материала, допущенного к опубликованию, распространению, специальной визой-штампом, имеющей регистрационный номер;
- осуществление сбора цензурных платежей за предварительный просмотр печатных материалов и произведений театрально-эстрадного жанра;
- прием и направление в обллит заявлений об открытии новых издательств и о разрешении печатания учебников, книг, пьес и других крупных произведений печати и дачи отзывов по ним;
- своевременное составление и отправка ежемесячных отчетов о результатах цензурной деятельности в округе.

Содержащийся в циркулярах Уралобллита инструктивный материал был также призван расширить кругозор уральских цензоров посредством их своевременного информирования о нововведениях в общественно-политической жизни как в регионе, так и в стране в целом. Так, 21 ноября 1924 г. Уралобллит направил в окрлиты сообщение о переименовании столицы Урала г. Екатеринбурга в г. Свердловск. При этом на окрлиты возлагалась обязанность исключения из печати публикаций, содержащих прежнее название города³¹⁸. Циркуляр № 3584 Уралобллита от 13 января 1925 г. извещал окрлиты об утверждении Главлитом РСФСР количества праздничных дней в стране. «Общее количество праздников в 1925 г. не должно превышать 11...», – говорилось в циркуляре³¹⁹. 14 февраля 1925 г. в очеред-

³¹⁸ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 120.

³¹⁹ ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

ном циркуляре Уралобллит информировал цензоров о принятии СНК СССР Декрета «Об основах авторского права». Это был один из первых документов, регламентировавших в СССР права авторов произведений науки, литературы и искусства. В циркуляре обллит обращал внимание цензоров на введение в действие сроков правовой охраны прав авторов³²⁰.

Следующим шагом Уралобллита стало утверждение новой секретной терминологии для обозначения категорий печатных изданий. Циркуляр № 104/с от 14 апреля 1925 г. вводил с 1 мая 1925 г. в действие следующие грифы секретности:

1. «На правах рукописи». Данный гриф проставлялся на печатный материал, который по содержанию не являлся секретным и мог быть опубликован.

2. «Не подлежит оглашению». Данный материал не подлежал распространению и не мог поступать в продажу, был предназначен к просмотру лишь ограниченным кругом лиц. Он публиковался в государственных издательствах небольшим тиражом.

3. «Секретно» и «Совершенно секретно». Печатные материалы с этими пометками издавались только в секретных отделениях государственных типографий под контролем уполномоченных ОГПУ, имели конкретного адресата и не подлежали предварительной цензуре органов Главлита.

Примерно с этого же времени окрлиты в циркулярах Уралобллита стали именоваться как «окружные инспектора печати и зрелищ»³²¹. При этом инструктивный материал был адресован по-прежнему заведующим окроно и окрлитам (окружным инспекторам печати и зрелищ). Таким образом, спустя год Уралобллит продолжал напоминать руководству местных ОНО об их роли в деле реализации цензурной политики в округе.

В конце лета 1925 г. изменился порядок в процедуре цензуры зрелищ. В циркуляре «О ликвидации реперткомов» от 29 августа 1925 г. Уралобллит объявил о ликвидации при окружных ОНО репертуарных комитетов, которые осуществляли цензуру зрелищ в районах. Начало их деятельности приходится на март 1924 г. Реперткомы, в сущности, помогали окрлитам, но являлись самостоятельной структурой под эгидой Главреперткома. «Вся ответственность по контролю за репертуаром с настоящего времени возлагается на окружных инспекторов печати и зрелищ», – писал заведующий обллитом А.Д. Ослоновский³²². Вместе с тем, для согласования вопросов по цензуре зрелищ при окрлинспекторе с этого времени создавались «Совещательные Комиссии», в состав которых было предложено ввести представите-

---

³²⁰ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 126.

³²¹ ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 34-34об.

³²² Там же. Л. 51.

лей от окротдела ОГПУ, окрпрофбюро и окрполитпросвета. Общее руководство этими комиссиями возлагалось на окринспектора. Подобное разграничение полномочий отчетливо показывает стремление Уралобллитоса сосредоточить функции цензуры печати и зрелищ в округе в одних руках. При этом, лишив реперткомы самостоятельности, главное цензурное ведомство на Урале поставило окрлиты в незавидное положение. Объем их работы, несомненно, кратно увеличился, сказывалась и квалификация самих цензоров. Сложилась парадоксальная ситуация.

В течение осени 1925 г. – зимы 1926 г. окрлиты настойчиво обращались в обллит с просьбами разъяснить полномочия совещательных комиссий, испытывая трудности в осуществлении цензуры зрелищ. Предположим, что сами совещательные комиссии просто копировали деятельность прежних окружных реперткомов. Ежемесячные отчеты окрлитов запаздывали, и это вызывало недовольство Уралобллитоса³²³. В итоге появился циркуляр № 11025 от 8 апреля 1926 г., где уже новый заведующий Уралобллитоса М.Р. Ланге обозначил свою позицию по данному вопросу. «Ввиду поступаемых запросов о положении и функциях местных репертуарных комиссий, Уралобллитос разъясняет, что законом создание таких органов на местах – не предусмотрено, а наоборот, вся ответственность и непосредственные задачи контроля за репертуаром возлагаются на органы Главлита – инспекторов по делам печати и зрелищ, – писал М.Р. Ланге. – Для более авторитетного разрешения о подборе репертуаров Окринспектора могут созывать из компетентных и заинтересованных лиц совещания, которые могут действовать постоянно, но без присваивания функций органов Главлита»³²⁴. Позиция «могут созывать» убедительно демонстрирует нам то, что окринспектора могли и не созывать совещательные репертуарные комиссии, единолично принимая решения по цензуре зрелищных мероприятий. Ярким примером может служить сложившаяся практика работы Кунгурского окрлита.

27 февраля 1928 г. редактор газеты «Искра», органа Кунгурского окружкома ВКП (б) и окрисполкома, В.М. Трухановский направил в Уралобллитос письмо³²⁵. В письме Трухановский от имени всей редакции подверг жесткой критике деятельность местного начальника окрлита. Фамилия цензора в письме не упоминалась. Однако нам удалось выяснить, что в 1927–1928 гг. должность цензора в Кунгуре занимал Н.И. Юматов³²⁶. «Контроль над репертуаром [зрелищных мероприятий] осуществляет зав. Окрлитом единолично, – писал В.М. Трухановский. – В силу перегруженности он не может уделить достаточно-

---

³²³ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

³²⁴ Там же. Л. 48.

³²⁵ ГАПК. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

³²⁶ См.: *Уральская цензура в лицах*. С. 102.

го внимания подбору репертуара. По этой причине и по ряду других подбор репертуара в Кунгуре оставляет желать лучшего»³²⁷. В.М. Трухановский просил Уралобллит разъяснить вопрос, «кто и каким образом должен осуществляться контроль над репертуаром зрелищных мероприятий». Обращение редактора «Искры» рассматривалось цензурным ведомством более месяца. 4 апреля 1928 г. на имя В.М. Трухановского в Кунгур был направлен ответ за подписью начальника Уралобллита. «Контроль за репертуаром согласно существующих законоположений возлагается исключительно на органы Главлита, каковым на территории округа является окружная инспекция печати и зрелищ (окрлит)», – писал М.Р. Ланге³²⁸. Копия ответа Уралобллита поступила и в окрлит. Это не могло не обострить отношения В.М. Трухановского с цензором Н.И. Юматовым. Чиновники и в дальнейшем, очевидно, продолжали враждовать. Подтверждением этому является содержание секретной директивы Уралобллита от 5 сентября 1928 года, направленной в редакцию газеты «Искра». В обход начальника окрлита М.Р. Ланге лично инструктировал В.М. Трухановского о том, как следует освещать в печати проходившие повсеместно на территории Уральской области военные маневры РККА³²⁹. Примечателен и факт того, что из Кунгура В.М. Трухановский и Н.И. Юматов были переведены примерно в одно время – в первой половине 1929 г. Год спустя Н.И. Юматов возвратился в Кунгур и занял место В.М. Трухановского, получив назначение на должность редактора «Искры». В 1934 г. они станут работниками аппарата управления Свердловского обллита и некоторое время будут работать бок о бок³³⁰.

В декабре 1925 г. произошли перемены в аппарате Уралобллита. А.Д. Ослоновского на посту руководителя сменил М.Р. Ланге, до этого работавший в прокуратуре³³¹. Отметим, что М.Р. Ланге, занимая должность до 1930 г., подписывал циркуляры Уралобллита не иначе как «старший инспектор по делам печати и зрелищ Уралобласти».

Вскоре последовала организационная реформа Уралобллита. 20 июля 1926 г. Уралом утвердил инструкцию «О деятельности Уралобллита и его местных органов»³³². Данная инструкция стала первым нормативным документом, всецело регламентировавшим деятельность органов советской цензуры на Урале в период НЭПа. Особо подчеркивался организационно-правовой статус Уралобллита в системе органов государственной власти. «Уралобллит, существуя в системе УралОНО на правах самостоятельного подотдела, в то же время

³²⁷ ГАПК. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

³²⁸ Там же. Л. 54.

³²⁹ Там же. Л. 88.

³³⁰ См.: *Уральская цензура в лицах*. С. 112.

³³¹ Там же. С. 71.

³³² Приложение 4. С. 367-371.

является Краевым Органом Главлита, действующего в пределах области в качестве центра, направляемого и объединяющего деятельность органов контроля печати и зрелищ...», – говорилось в инструкции³³³. Далее были определены структура, порядок деятельности, права и функции Уралобллита. Нововведения, в частности, коснулись структуры обллита. Учреждалась новая штатная единица – районные уполномоченные окрлита, или «райлиты». Особо подчеркивалось, что их деятельность должна была осуществляться «на основании общих директив Обллита и по указаниям Окрлита». Но главное достоинство этой реформы, как нам представляется, заключалось в том, что предельно четко был разграничен круг полномочий в цензурной деятельности обллита, окрлита и райлита.

Так, к ведению аппарата Уралобллита были отнесены непосредственно такие полномочия:

«а) Направление всей цензурной политики в пределах области и непосредственное руководство работой окружных инспекторов.

б) Регулирование деятельности и утверждение программ существующих по области издательств, рассмотрение вопросов об открытии новых и о закрытии старых издательств.

в) Установление правил издания и выпуска органов печати.

г) Составление перечней не подлежащих к опубликованию сведений, а также списков не разрешаемого к исполнению различного рода репертуара на основе директив Главлита.

д) Корректурa и купюра текста допустимого репертуара и разрешение вопроса о допустимости к демонстрированию и исполнению новых пьес и местных кино-фильмов.

е) Утверждение списков конфискуемых и устранимых из библиотек и книжных магазинов учебников, книг и проч. печатных материалов на основании существующих правил.

ж) Осуществление всех иных функций органов Главлита по городу Свердловску...».

К компетенции *окрлита* были отнесены вопросы следующего порядка:

«а) Руководство работой уполномоченных Окрлита.

б) Непосредственное осуществление контроля местных издательств и органов печати на основе существующих положений и указаний Главлита.

в) Прием и направление в Облит заявлений об открытии новых издательств и о разрешении печатанья учебников, книг, пьес и др. крупных произведений печати и дачи отзывов по ним.

г) Осуществление контроля над репертуаром, учет зрелищных предприятий и выдача разрешений на открытие их и на публичное исполнение и демонстрирование пьес и кино-картин.

---

³³³ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-588. Оп.1. Д. 47. Л. 42.

д) Совместное с органами ГПУ осуществление контроля над книжным рынком на основе существующих функций...».

Наконец, на *райлиты* были возложены следующие полномочия:

«а) Просмотр всех материалов, предполагаемых к печати, согласно п. 9 настоящей инструкции в целях недопущения сведений, перечисленных в особых перечнях Облита.

б) Выдача разрешений на право печатанья и размножения материалов.

в) Выдача разрешений на право публичного исполнения и демонстрирования (устройство спектаклей, кино-сеансов и проч.) репертуара имеющегося в числе разрешенных по спискам, составляемых Уралобллитом.

г) Учет зрелищных предприятий и направление в Окрлит заявления об открытии новых зрелищных предприятий.

д) Прием и направление в Окрлит заявлений на право печатания учебников, книг, брошюр и др. крупных непериодических изданий.

е) Наблюдение за осуществлением издательскими органами печати и типографиями, установленных Облитом правил...»³³⁴.

12 января 1927 г. Главлит издал распоряжение об упрощении отчетности крайлитов и обллитов. Вместо ежемесячной вводилась квартальная отчетность. С этого времени Уралобллит должен был представлять отчетные доклады раз в три месяца к 15 числу следующего за отчетным периодом. Инструкция и бланки квартальной отчетности поступили в Уралобллит не ранее середины мая 1927 г.³³⁵

Летом 1927 г. в окрлиты была направлена инструкция «О порядке печатания и выпуска в свет печатных произведений»³³⁶. Уральские цензоры получили обновленную памятку об организации предварительной цензуры за деятельностью окружных и районных типографий. В документе, в частности, объявлялось об освобождении от цензуры печатных материалов ведомственного характера, как то: правил внутреннего распорядка, служебных инструкций, приказов, ведомостях и т.п. Кроме того, канцелярские бумаги (бланки, накладные) также не подлежали цензуре. На основании циркуляра Главлита РСФСР № 70003/35 от 20 февраля 1928 г. Уралобллит принял решение освободить цензоров и от процедуры визирования «мелкопечатного» материала: этикеток продовольственных и непродовольственных товаров, их упаковок и наклеек³³⁷. Однако спустя полгода Уралобллит получил секретный циркуляр Главлита от 11 августа 1928 г., согласно которому цензоры на местах должны были в обязательном порядке требовать от типографий представления в окрлиты указанные матери-

³³⁴ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-588. Оп.1. Д. 47. 42 об.

³³⁵ Там же. 36-37об.

³³⁶ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 5. Л. 5-5об.

³³⁷ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

алы. «Что касается разрешительного номера, то Главлит считает возможным вышеперечисленный мелкопечатный материал от проставления номера освободить, ограничиваясь указанием (напечатанием) типографии, адреса и фирмы владельца предприятия...», – говорилось в документе³³⁸. Такая непоследовательность в решениях Главлита вводила в заблуждение не столько окрлиты, сколько сам Уралобллит. Запретительная политика на Урале была в это время на подъеме, и руководство Уралобллита не могло не понимать всей важности правильного толкования распоряжений Главлита.

5 июля 1928 г. последовал запрет Уралобллита на рекламу фармацевтических препаратов и других медицинских средств³³⁹. В начале октября 1928 г. Уралобллит ввел запрет на устройство частными лицами лотерей. Любая реклама об их проведении должна была изыматься из оборота³⁴⁰. В следующем месяце окрлитам было поручено начать процедуру цензуры текстов телефонных справочников. Причем сами местные цензоры предварительный контроль уже не осуществляли. Их задача сводилась лишь к сбору информации и отправке ее в Уралобллит.

Весной 1929 г. Главлит прекратил рассылку большей части своей корреспонденции – несекретных циркуляров и распоряжений. 22 марта 1929 г. Уралобллит сообщил об этом окружной цензуре³⁴¹. Объявлялось, что документы будут публиковаться в «Еженедельнике Наркомпроса РСФСР». На практике же в окрлиты перестала поступать и секретная документация. Так начальник тюменского окрлита в письме в Уралобллит от 27 марта 1929 г., в частности, замечал: «По поводу же получения нами непосредственно от Главлита цензурных циркуляров сообщаем, что таковые последним высылаются нам не все...»³⁴².

На рубеже 1920–1930-х гг. назрела реформа Главлита. Как отмечает Г.В. Жирков, ее инициатором выступил ЦК ВКП (б). Партийная номенклатура стремилась подмять под себя органы цензуры, ликвидировав их относительную самостоятельность³⁴³. П.И. Лебедев-Полянский в 1931 г. был смещен с должности начальника Главлита. Новым руководителем советской цензуры был назначен Б.М. Волин. Кадровые перестановки произошли и в аппарате Уралобллита. В январе 1930 г. М.Р. Ланге был освобожден от должности начальника Уралобллита. В период реорганизации Уралобллит возглавил П.П. Бажов³⁴⁴.

---

³³⁸ Там же. Л. 46.

³³⁹ Там же. Л. 38.

³⁴⁰ Там же. Д. 7. Л. 1.

³⁴¹ ГАТО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 156. Л. 57.

³⁴² ГАТО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 156. Л. 56.

³⁴³ Жирков Г.В. Указ. соч. С. 289-291.

³⁴⁴ См.: Уральская цензура в лицах. С. 72, 75.

3 сентября 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О Главлите», по которому Наркомпросу РСФСР предлагалось провести в двухнедельный срок реорганизацию Главлита. Спустя месяц, 5 октября 1930 г., СНК РСФСР утвердил постановление «О реорганизации Главного Управления по делам литературы и издательств (Главлита)». Данный документ существенно урезал функции Главлита³⁴⁵. Во-первых, Главлит и его органы отныне были призваны осуществлять контроль только «за всеми предназначенными к опубликованию и распространению произведениями, за снимками, рисунками, картинами, радиовещанием, лекциями и выставками». Во-вторых, центральный аппарат Главлита был отстранен от «оперативных работ по предварительному контролю печатного материала как с точки зрения политико-идеологической, так и с военно-экономической». Подобная мера, по мнению Г.В. Жиркова, вызвала сокращение аппарата Главлита в три раза, до 25–30 человек³⁴⁶. Полномочия бывших работников центрального аппарата Главлита были возложены на институт уполномоченных Главлита и политредакторов.

11 октября 1930 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) приняло решение возложить обязанности уполномоченных по государственным издательствам на их заведующих. 16 ноября 1930 г. появилось положение «Организация работы Главлита», раздел шестой которой был посвящен непосредственно институту уполномоченных при издательствах³⁴⁷. Некоторое время спустя, 31 декабря 1930 г., Наркомпрос выпустил «Инструкцию уполномоченным Главлита при государственных издательствах»³⁴⁸. Содержание уполномоченных возлагалось на те учреждения, где они осуществляли цензуру печати. Вполне естественно, что опыта цензурной работы у заведующих издательствами и типографиями не было.

Утверждение нового положения о Главлите несколько затянулось. Лишь 6 июня 1931 г. СНК РСФСР принял постановление № 643 «Об утверждении положения о Главном Управлении по делам литературы и издательств и его местных органах»³⁴⁹. Данное постановление отменяло действие первого положения «О Главлите» от 6 июня 1922 г. Главным отличием Положения о Главлите 1931 г. можно считать то, что в советском государстве была введена одновременно с предварительной и последующая цензура. Местные цензурные органы были призваны осуществлять как предварительный, так и последующий контроль над «выходящей литературой, радиовещанием, лекциями, выставками». Следующую особенность обнаруживаем в п. 8 Положения. В нем говорилось, что «в районах функции местных органов

³⁴⁵ СУ РСФСР. 1930. № 50. Ст. 599.

³⁴⁶ Жирков Г.В. Указ. соч. С. 291.

³⁴⁷ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 22. Л. 1-2об.

³⁴⁸ Там же. Л. 25-26об.

³⁴⁹ СУ РСФСР. 1931. № 31. Ст. 273.

Главлита осуществляются особым лицом, назначенным райисполкомом по согласованию с соответствующим органом Главлита». Из этого следует, что выбор работника райлита теперь зависел не от вышестоящего цензурного органа, а от пожеланий местной власти. Также Положение закрепило за уполномоченными Главлита при издательствах и типографиях право назначать «ответственных лиц» на должности политредакторов для ведения «оперативной работы по контролю».

Период реорганизации Главлита совпал по времени с процессом районирования Урала. 8 августа 1930 г. ВЦИК и СНК СССР приняли решение о ликвидации округов, основной единицей становился район. Уже 31 августа 1930 г. Главлит выпустил циркуляр № 1567/с «О руководстве край (обл) Литов районами»³⁵⁰. В циркуляре говорилось о возросшей политической и экономической роли районов. В этой связи аппараты уральских окрлитов упразднились, а райлиты приобретали роль центра цензуры в районах. Соответственно расширялись и полномочия районных цензоров.

В самый разгар реформы Главлита, 12 января 1931 г., в Уралобллит поступила телефонограмма из аппарата Главлита в Москве. В ней содержалось извещение, что на 25 января 1931 г. Главлит наметил проведение совещания заведующих Литами. В повестку дня совещания были включены вопросы, связанные с реорганизацией органов цензуры. Предполагалось обсудить и вопрос об осуществлении местными Литами полномочий по цензуре зрелищ. Уралобллит на этом совещании представлял П.П. Бажов³⁵¹.

Вернувшись из Москвы, П.П. Бажов энергично приступил к деятельности. В отличие от своих предшественников он активно занимался общественной работой. В начале апреля 1931 г. П.П. Бажов принял участие в работе Уральского областного съезда по культурному строительству. 22 апреля 1931 г. его избрали председателем правления Уральского общества пролетарско-колхозных писателей. 15 июня 1931 г. Главлит направил в обллиты тексты нового «Положение о Главлите» и циркуляр, предписывающий провести в месячный срок реорганизацию Литов на местах³⁵².

В Государственном архиве Свердловской области сохранился уникальный документ – докладная записка П.П. Бажова «О состоянии органов Литы в Уральской области за 1931 год»³⁵³. Анализ содержания этого документа позволил нам понять перечень трудностей, с которыми столкнулся Уралобллит в процессе реорганизации. Кстати, обозна-

---

³⁵⁰ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 23. Л. 38-38об.

³⁵¹ Бажовская энциклопедия / ред.-сост. В.В. Блажес. Екатеринбург, 2007. С. 526-527.

³⁵² ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 22. Л. 12.

³⁵³ Приложение 4. С. 372-377.

ченные П.П. Бажовым проблемы тесно перекликаются с уже известной нам позицией А.Д. Ослоновского, изложенной им в январе 1923 г.

Как и в 1923 г., аппарат Уралобллитита и местные Литы крайне нуждались в финансировании и материальных средствах. Объем работы цензоров возрос в несколько раз. Согласно статистическим данным, приводимым в докладе, на Урале имел место «бурный рост районной печати». Так количество районных газет по области выросло с 16 ед. в 1930 г. до 86 ед. в 1931 г. На 1 января 1932 г. эта цифра составила уже 156 ед. «районных, молодежных, красноармейских и колхозных газет».

Штаты аппарата Уралобллитита состояли из трех человек. В прилагаемой к докладу анкете по форме № 1 «Личный состав Уралобллитита» значились три должности: заведующий П.П. Бажов, инспектор П.Н. Шмелев и секретарь с правами инспектора М.Н. Никитин³⁵⁴. Заметим, что только заведующий обллитом имел среднее образование и литературный стаж, исчисляемый 15 годами. У П.Н. Шмелева и М.Н. Никитина отсутствовал литературный стаж, образование соответственно начальное и неоконченное среднее. «Возможно, что в прошлом, когда число изданий в Свердловске измерялось десятком, и все окружные издания были известны наперечет, Облит в составе трех человек справлялся работой, – писал в докладной записке П.П. Бажов. – Облит мог инструктировать Окриты, а также имел возможность значительную часть времени уделять репертуарной политике». Далее, П.П. Бажов делал вывод о срочной необходимости увеличения количества работников аппарата Уралобллитита.

Серьезное возмущение у П.П. Бажова вызывала ситуация, сложившаяся между Уралобллитом и Сектором искусств при Уральском ОНО, на который Главрепертком возложил полномочия по цензуре зрелищ. Последний бездействовал, цензура театрального репертуара в буквальном смысле повисла в воздухе. По свидетельству П.П. Бажова, аппарату Уралобллитита на протяжении всего 1931 г. приходилось большую часть времени уделять предварительному просмотру репертуара театров. В связи с этим Уралобллит ставил перед Ураломо и Главлитом вопрос о скорейшем разграничении «функции цензуры зрелищ».

Большую проблему главный цензор Урала видел и в ослаблении низового звена цензуры. После ликвидации округов в 1930 г., отмечал П.П. Бажов, обязанности Литов были возложены в основном на районных политпросветорганизаторов. Не имея под рукой инструктивного материала, чаще игнорируя его, новоиспеченные райлиты исполняли обязанности цензора «формально». Готовящийся к печати материал газетных публикаций фактически райлитами не просматривался,

---

³⁵⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 33. Л. 12.

визы ставились наугад. Принимая во внимание подобные факты, П.П. Бажов предлагал учредить в каждом районе Уральской области штатную должность райлита и привлечь к цензурной работе квалифицированные кадры из числа партийного и советского аппарата.

Отдельный раздел в докладной записке был озаглавлен как «Прорывы в Уральской печати». По данным П.П. Бажова, только за последний квартал 1931 г. цензоры Уралобллитита выявили 17 случаев рассекречивания государственных тайн в газетных публикациях. «Судя по числу изъятой из одной Свердловской печати (259 случаев за год) можно утверждать, что счет нарушений требования военно-экономического порядка в районах, где таких изъятий почти не производится, должен идти на сотни», – утверждал руководитель Уралобллитита. Особые претензии П.П. Бажов высказал в отношении редакций пермской газеты «Звезда» и березниковской газеты «Ударник», которые неоднократно пропускали в печать материал, запрещенный Уралобллитом к публикации.

Таким образом, можно утверждать, что П.П. Бажов показал себя компетентным руководителем уральской цензуры, зная все ее недостатки. Вникнув в суть проблем, он предложил ряд мероприятий, которые могли бы исправить указанные недочеты. Вместе с тем, возможно, сам того не предполагая, П.П. Бажов со всей присущей ему прямотой констатировал факт негативных последствий нововведений для работы цензурного ведомства. Уральская цензура до реформы – это вполне слаженный аппарат, справляющийся с поставленными задачами. Уральская цензура после реформы – это дезорганизованное сообщество «уполномоченных», не способных даже толком производить цензуру печати, не говоря уже о зрелищах, радиовещании и т.д. Доклад П.П. Бажова – это еще и контраст положения дел в центре и на местах.

Поступающие в Главлит доклады из Уралобллитита тщательно анализировались. В № 1 «Бюллетеня Главлита РСФСР» от 1 марта 1932 г., в частности, объявлялось, что уже подготовлены несколько групп инспекторов Главлита, которым предстояла командировка в «проблемные» регионы. В их числе была названа и Уральская область. «Дело на местах в краях и областях у нас обстоит еще крайне слабо, – говорилось в «Бюллетене». – Главлит наметил ряд основных выездов на места... Основными пунктами взяты: Урал, Северный край, Саратов, Казань»³⁵⁵. Целью визита инспекторов провозглашалось «не столько изучение качества литовского контроля», сколько налаживание «правильной организации этого контроля».

---

³⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 991. Л. 9об.

Процедура обследования деятельности аппарата Уралобллита была проведена не позднее конца весны – начала лета 1932 г.³⁵⁶ Материалы инспекторской проверки были опубликованы в № 2 «Бюллетеня Главлита РСФСР» от 1 августа 1932 г. В статье «За организационно-политическое укрепление работы краевых и областных Литов» Уралобллиту был посвящен отдельный раздел³⁵⁷. Деятельность аппарата Уралобллита признавалась «совершенно неудовлетворительной». «Обллит замкнул рамки своей деятельности чертой г. Свердловска и ни в какой степени не стал оперативно-организационным центром политконтроля в области», – говорилось в статье. Далее отмечалось, что Уралобллит не реализовал ни одной директивы Главлита по перестройке цензурной работы. Особо подчеркивалось, что Уралобком ВКП (б) еще в декабре 1931 г. принял решение об укреплении работы цензурного ведомства. Партийная власть была готова помочь цензорам. Однако, по мнению инспекторов Главлита, «за реализацию этого важного постановления Обкома Обллит не дрался и на его выполнение не мобилизовался». Руководители Уралобллита ограничились формальной констатацией фактов, жалобами на «большую» печатную продукцию по области, ссылкой на «объективные причины» и нехватку работников. «Тут сказалась вреднейшая тенденция отдельных литовских работников рассчитывать на самотек вместо активной и инициативной борьбы за перелом в работе», – отмечалось в статье³⁵⁸. Таким образом, уральские цензоры в глазах московских коллег казались малоинициативными нерадивыми функционерами.

Инспектора Главлита ставили себе в заслугу укрепление аппарата Уралобллита. Кроме того, в статье отмечались также такие «позитивные» сдвиги, как «развертывание сети горлитов в наиболее важных центрах», «налаживание связи с общественностью» и т.п. В заключение делался вывод: «Однако коренного перелома в работе Уралобллита мы еще по-прежнему не имеем». Главлит декларировал отслеживание ситуации на Урале и в дальнейшем. Рейд инспекторов Главлита на Урал, конечно, имел и положительные и отрицательные моменты. Нет сомнения, что отставка начальника Уралобллита П.П. Бажова в мае 1932 г. стала одним из следствий проводимого мероприятия. Целый год после этого в Уралобллит не могли найти подходящую кандидатуру. Нам известно о двух временно исполняющих обязанности руководителя обллита в 1932–1933 гг. – А. Григорьеве и С. Тупицыне. Оба трудились в этой должности по три месяца и кроме нескольких циркуляров ничего после себя не оставили. Последним руководителем Уралобллита стал С.И. Тубанов, заняв этот пост в июле 1933 г.³⁵⁹

³⁵⁶ Русская журналистика в документах: История надзора / сост. О.Д. Минаева. М., 2003. С. 311.

³⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 991. Л. 16об-17.

³⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 991. Л. 17.

³⁵⁹ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 70. Л. 13.

20 января 1933 г. президиум Уральского областного исполкома принял постановление № 128 «Об укреплении работы райлитов». В этом документе облисполком требовал от местных райисполкомов и горисполкомов Советов в месячный срок укомплектовать горрайлиты «квалифицированными работниками»³⁶⁰. Уралом поручалось в первом квартале 1933 г. организовать проведение «курсов-конференций» для работников райлитов с целью их инструктирования о задачах органов цензуры «в новой обстановке». 1 февраля 1933 г. Уралобллит направил в районы срочный циркуляр, в котором объявлялось о созыве 23 февраля 1933 г. в г. Свердловске первого областного совещания работников цензуры. «Уралобллит вторично ставит в известность всех горрайлитов, что на совещание по литовской работе будут допущены только те товарищи, которые будут иметь на руках документы от президиума РИК или РК ВКП (б) о том, что явившийся товарищ к секретной переписке допущен», – говорилось в циркуляре³⁶¹. Многие районные уполномоченные так и не были утверждены в своих должностях партийными комитетами в силу разного рода обстоятельств.

Результатом созыва областных совещаний стала выработка комплекса рекомендаций по улучшению качества цензурной работы в районах и городах Уральской области. Так, после областного совещания 13–15 ноября 1933 г. были приняты тезисы и резолюция «О работе и очередных задачах органов советской цензуры в Уральской области»³⁶². В тезисах формулировались основные политические задачи органов цензуры на Урале, как то:

- «всемерная политико-идеологическая настороженность и большевистская бдительность как при предварительном, так и последующем контроле всей печатной продукции»;
- «проведение непримиримой борьбы с правой опасностью, с левым оппортунизмом, контрреволюционным троцкизмом, гнилым либерализмом»;
- «недопущение к печати разглашения важных военных и экономико-политических тайн»;
- «осуществление политико-идеологического контроля за радиовещанием, выставками, собраниями, скульптурной и фотопродукцией».

В резолюции же областное совещание признало работу всего аппарата уральской цензуры «совершенно неудовлетворительной». Подобную формулировку можно встретить и в директивном письме № 661 Уралобллита, высланном в горрайлиты не позднее конца ноября 1933 г. Письмо имело соответствующее название «Об организационной работе райгорлитов и борьбе с обезличкой и текучестью кадров в

---

³⁶⁰ Там же. Д. 88. Л. 55об.

³⁶¹ Там же. Л. 48.

³⁶² Там же. Д. 111. Л. 90-91об.

них»³⁶³. После критики неудовлетворительной работы работников районной цензуры Уралобллит в обоих документах предлагал серию мероприятий по ликвидации отмеченных недостатков. От местных советских и партийных органов власти Уралобллит потребовал:

Во-первых, утвердить в должности горрайлитов 78 штатных единиц.

Во-вторых, прекратить практику отзыва работников с должностей цензоров и перевода их на другую работу без разрешения обллита.

В-третьих, во время служебных командировок начальников горрайлитов своевременно выделять им заместителей, предварительно инструктировав их о служебных обязанностях.

В-четвертых, все работники цензуры в районах должны получить особый статус и денежное содержание по ставкам «ответственных поллитработников районного масштаба».

В-пятых, бюджетные ассигнования на содержание литов должны выделяться без задержек и проходить по сметам району.

Самим цензорам Уралобллит рекомендовал установить «тесную связь» с партийными органами, заинтересовать их «конкретным показом» своей работы, «сигнализировать» в райкомы ВКП (б) о замеченных ошибках и «извращениях» в районной печати. Райлитам также рекомендовалось установить связь с научной общественностью, привлекать преподавателей учебных заведений и студентов к обсуждению научно-теоретических проблем, таким образом, расширять кругозор. Кстати, объем работы районного цензора устанавливался исходя из средней нормы просмотренного им материала, что составляло не менее 120–150 печатных листов в месяц. «Во всех затруднительных случаях при контроле печати и недоразумениях с местными органами райлиты обязательно должны запрашивать обллит письменно или по телефону», – такой была одна из рекомендаций.

Еще одно мероприятие по улучшению качества цензурной работы в районах Уралобллит наметил в директивном письме № 664 от 20 декабря 1933 г. «О подготовке к XVII партсъезду по линии органов советской цензуры и организации красной доски им «XVII-го Съезда»»³⁶⁴. В данном документе объявлялось о создании в стенах Уралобллита места почета – «Красная доска им. XVII Съезда», куда могли попасть только «отличники» цензурной работы. Первыми счастливыми стали те цензоры, которые в период с июля 1933 по январь 1934 гг. не допустили в районной печати ни одного «прорыва», т. е. раскритикования гостайны. Впоследствии предполагалось заносить на доску почета райлиты, выполнившие на 100% свой производственный план.

³⁶³ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 92-93об.

³⁶⁴ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 95.

«Организуя Красную доску, Обллит уверен, что все работники советской цензуры Уральской области не только активно включатся в эту подготовку по своей линии, но также примут активное участие в подготовке по линии партийно-общественных организаций, воспитании масс в духе большевистских традиций», – говорилось в директивном письме. Подобная мера была призвана оказать, скорее всего, психологическое воздействие на уральских цензоров. Не будем забывать, что дух соревнований и культ ударников были визитной карточкой 1930-х гг. в СССР.

В начале 1934 г. Уральский регион вступил в новую полосу административно-территориального деления. 17 января 1934 г. Уральская область была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области с центром в г. Тюмени. Просуществовав в течение 11 лет как центр политической цензуры на Урале, Уралобллит был упразднен. Вместо Уралобллита создавались обллиты: Свердловский, Челябинский, Тюменский. Его кадровый аппарат был распределен по новым структурам. Так, начальник С.И. Губанов возглавил Свердловский обллит. Руководителем же Челябинского обллита стал бывший коллега П.П. Бажова П.Н. Шмелев. Заметим также, что Тюмень в декабре 1934 г. была включена в состав Омской области³⁶⁵. Тюменские цензоры были переподчинены сибирским органам Главлита.

Подведем итоги. Уралобллит как главный орган Главлита на Урале был образован в декабре 1922 г. Под его начало было передано четыре гублита и формирующийся аппарат уездной цензуры. За короткое время небольшой аппарат работников Уралобллита смог наладить обратную связь с уральскими Литами, регламентировать их деятельность, выдать первый инструктивный материал по цензуре печати и зрелищ. В целом же, только за 1920-е г. Уралобллит разработал и распространил сотни циркуляров, инструкций и распоряжений. Нормативная база Уралобллита, безусловно, поражает своим объемом. Заметим, что, в отличие от документов Главлита, ни один из документов Уралобллита не был опубликован. Как секретные, так и не имеющие гриф секретности циркуляры печатались типографским способом, однако при этом оглашению не подлежали. Вместе с тем, практика ведения секретного делопроизводства в местных Литах была далека до совершенства. С каждым годом профессионализм управления аппаратом Уралобллита повышался. Этому, в частности, способствовало то обстоятельство, что в 1920-е г. сменилось только два руководителя Уралобллита. Ниже будут приведены биографические данные А.Д. Ослоновского и М.Р. Ланге, а также описание их личного вклада

---

³⁶⁵ См.: Административно-территориальное деление Тюменской области. Тюмень, 2003. С. 10.

в развитие уральских органов Главлита. Ситуаций, когда бы Литы остались без руководителя, в 1920-х г. не наблюдалось. Также заметим и отсутствие серьезных нареканий со стороны Главлита по работе аппарата Уралобллита.

В 1930 г. началась реформа Главлита. Перестройке подверглись и его уральские органы. После ликвидации округов, а вместе с ними и окрлитов, Уралобллит на длительное время потерял контроль над низовыми органами – райлитами. Положение усугублялось еще и тем, что за три последующих года сменилось четыре начальника Уралобллита. Сказывалась нехватка материальных средств, местные органы власти не везде помогали Уралобллиту навести порядок в делах с районной цензурой. В итоге в 1932 г. аппарат Уралобллита получил неудовлетворительную оценку на основании выводов, сделанных инспекторами Главлита. Кризисные явления не удалось преодолеть и к осени 1933 г. Последней попыткой укрепить уральские органы Главлита была предпринята его новым начальником С.И. Тубановым. Предложенные им меры в принципе могли дать положительный эффект. Однако время было упущено. Последовавшая административно-территориальная реформа на Урале привела к ликвидации Уральской области. В Главлите же дальнейшее существование Уралобллита, очевидно, было признано нецелесообразным.

2.2. Организационное устройство цензурных органов в 1934–1941 гг.

В начале 1934 г. на Урале появилось несколько самостоятельных центров политической цензуры. Преемником Уралобллита стал Свердловский обллит. С января 1934 г. по 1937 г. его возглавлял С.И. Тубанов. В 1939–1941 гг. пост начальника Свердловского обллита занимала А.П. Горских. В 1934 г. аппарат обллита состоял из 10 чел., а в 1939 г. его численность достигла 19 чел.³⁶⁶ При обллите постоянно действовала первичная партийная организация Сталинского районного комитета ВКП (б) г. Свердловска. Это было одно из новых явлений в деятельности уральской цензуры.

Первым шагом в деятельности Свердловского обллита стало заключение договора с Горьковским крайлитом на социалистическое соревнование «по лучшей подготовке работы по советской цензуре». В тексте договора особо подчеркивалось, что соревнование предполагалось проводить «как в части предварительного, так и последующего политико-идеологического и военно-экономического контроля». Договор также содержал обязательства, которые брали на себя цензурные ведомства. Одно из таких обязательств – строгое выполнение цензорами установленной ежемесячной нагрузки по предварительному контролю в объеме от 120 до 150 п. л., по последующему – не менее 500 п. л. Отдельным пунктом постулировалось обязательство установления полного контроля за издательствами на территории Свердловской области и Горьковского края. Свердловский обллит, в частности, гарантировал организацию в своем аппарате системы ежедневного учета выполнения цензорами производственных заданий. Кроме ведения уже известной «красной доски», руководство Свердлобллита приняло решение завести так называемую «черную доску», куда отныне заносились данные об упущениях, ошибках и злоупотреблениях работников уральской цензуры. Попавшие на «черную доску» цензоры рисковали в скором времени потерять свою должность, подвергнуться не только взысканию по «партийной линии», но и уголовному преследованию со стороны НКВД. «Заключая настоящий договор на социалистическое соревнование, Свердлобллит и Горьковский крайлит обязуются усилить революционную бдительность, устранить обезличку в работе райгорлитов и формально-бюрократические методы в работе», – говорилось в заключительной части договора³⁶⁷. Нет сомнений в том, что инициатива подобного соревнования принадлежала Главлиту, который и был назван в тексте договора «арбитром». С целью реализации взятых на себя обязательств Свердлобллит в феврале 1934 г. объявил о начале «внутренне-

³⁶⁶ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 18. Л. 1.

³⁶⁷ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 88.

го» социалистического соревнования, т. е. соревнования непосредственно между райлитами Свердловской области. Пятьдесят райлитов были разбиты на пары и получили план заданий на год. Это мероприятие кроме соревновательной составляющей должно было способствовать обмену опытом цензурной работы между райлитами, ликвидации существовавшей в 1920-е г. изоляции местных цензоров.

Таблица 1

Райлиты – участники соцсоревнования по цензуре

1. Лысьвенский – Воткинский	14. Осинский – Щучье-Озерский
2. Калатинский – Красноуральский	15. Фокинский – Чернушинский
3. Полевской – Н. Сергинский	16. Висимский – Гаринский
4. Нытвенский – Артинский	17. Ивдельский – Махневский
5. Чердынский – В. Городской	18. Лялинский – Егоринский
6. П. Ильинский – Таборинский	19. Исовский – Камско-Березовский
7. Добрянский – Ныробский	20. Салдинский – П. Уральский
8. Оханский – В. Сергинский	21. Слободо-Туринский – Шалинский
9. Сивинский – Б. Сосновский	22. Режевской – Манчажский
10. Чермозский – Ординский	23. Краснополянский – Туринский
11. Чусовской – Кунгурский	24. Ирбитский – Сухоложский
12. Кишертский – Еловский	25. Асбестовский – Алапаевский

Постоянные ходатайства С.И. Тубанова по вопросу о финансировании деятельности райгорлитов, наконец, были услышаны местной властью. 9 апреля 1934 г. Президиум Свердловского областного исполнительного комитета принял постановление № 229 «О средствах на содержание уполномоченных обллита и работников окргоррайлитов»³⁶⁸. В районы этот документ был отправлен не ранее 11 апреля 1934 г. В постановлении говорилось о том, что денежное содержание уполномоченных обллита с этого времени возлагалось на организации, при которых они состояли и соответственно осуществляли цензурную работу. Речь шла о типографиях, издательствах, радиовещательных организациях и т.д. В зарплатных ведомостях указанных организаций появилась графа о размере денежной ставки цензора. Одним из обязательных являлось условие, что ставки уполномоченных обллита отныне приравнивались к размерам окладов руководителей этих организаций.

В ситуации, когда какая-либо организация не имела в своем штате постоянного уполномоченного обллита, функции по цензуре возлагались на совместителей, назначаемых Свердловобллитом. В основном это были должностные лица, занимавшие ответственные посты в советских и партийных организациях. Оплата их труда производилась

³⁶⁸ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 79.

также из бюджета организации по ставке 6 рублей за каждый просмотренный печатный лист. Кстати, эта категория цензоров получила название «неосвобожденные работники».

Труд «освобожденных» работников обллита – служащих горлитов, райлитов, окрлитов – оплачивался из средств районных и городских бюджетов. В постановлении особо подчеркивалось, что кроме строки о зарплате бюджеты местных ОНО должны были содержать и статьи об оплате командировок, расходы на оплату помещений, о приобретении канцелярских принадлежностей, а также на выпуск газет и журналов. Подобные меры были призваны стимулировать качество работы низового аппарата цензуры.

22 апреля 1934 г. Свердловобллит в циркуляре № 177 отменил все изданные ранее Уралобллитом распоряжения о взимании цензурных сборов и призвал своих уполномоченных руководствоваться исключительно указанным постановлением Свердловского областного исполнительного комитета³⁶⁹.

Примерно в это же время аппарат Свердловобллита трудился над созданием методического руководства – «Памятки работника райлита». Данное пособие было адресовано «неосвобожденным» Литам. 9 июня 1934 г. специальным циркуляром № 308/с Свердловобллит направил утвержденный проект «Памятки» местным цензорам³⁷⁰. В циркуляре содержалась информация об объеме этого документа – более 30 страниц печатного текста. Особое внимание цензоров обращалось на статус документа. «Памятка» объявлялась секретным документом, заверялась подписью заведующего секретной частью райисполкома и визировалась печатью этого органа власти. При получении такой «Памятки» цензору предписывалось составить акт и направить его в Свердловобллит. За утерю «Памятки» уполномоченные обллита подлежали партийной и уголовной ответственности.

В период с 3 по 5 июля 1934 г. в г. Свердловске состоялось первое областное совещание работников цензуры Свердловской области. На совещании были заслушаны доклады нескольких начальников горрайлитов и уполномоченных обллита при издательствах. По его итогам были приняты резолюция, судя по содержательной части которой можно воссоздать общую картину состояния постановки цензурного дела в регионе³⁷¹. В первую очередь отметим, что работа целого ряда райгорлитов была признана неудовлетворительной. Жесткой критике была подвергнута деятельность Пермского, Молотовского и Нижнетагильского горлитов, Чусовского и Калатинского райлитов, а также Коми-Пермяцкого окрлита. В вину им ставилось неисполнение приказов Свердловобллита, отсутствие связи с «неосвобожденными» работ-

---

³⁶⁹ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 79об.

³⁷⁰ Там же. Л. 60.

³⁷¹ Приложение 4. С. 380-383.

никами, частое разглашение в районной печати государственных и военных тайн. «Совещание признает, что отдельные начальники райлитов все еще недооценивают ответственности, возложенной на них партией и правительством за ведение цензурной работы...», – отмечалось в резолюции³⁷². В Первоуральске, Шалинске и Оханске цензоры беспрепятственно пропускали в печать «политически неверные», «извращающие» директивы советского правительства. Скандальная ситуация имела место в Коми-Пермяцком округе. Несмотря на неоднократные обращения Свердловлита в Коми-Пермяцкий окружком ВКП (б), последний не предпринимал никаких мер для оказания помощи окрлиту. В результате цензор утратил какой бы то ни было контроль за местной печатью. Цензурная работа была настолько запущена, что номера окрлита выдавались издательствам, редакциям газет и другим учреждениям «случайными людьми». Полномочия цензоров присваивались должностными лицами окрисполкома.

Вместе с тем, пытаясь сосредоточить свое внимание на цензуре печати, практически все без исключения райлиты запустили другие объекты контроля: радиовещание, выставки, фотоартели, распространение скульптурной продукции. «Необходимо в ближайшее время добиться охвата контролем всех участков цензурной работы. При этом лиц, виновных в нарушении советского законодательства о порядке изготовления и распространения художественной и скульптурной продукции /портретов вождей, барельефов, статуэток и пр./, привлекать к самой строгой уголовной ответственности», – говорилось в резолюции³⁷³. Другим упущением свердловских цензоров являлась их неспособность в обозначенные Свердловлитоm сроки заключить договоры на социалистическое соревнование. На 1 июля 1934 г. из указанных выше 50 горрайлитов в соцсоревнование вступили только 14³⁷⁴. Наконец, в резолюции была обозначена проблема, связанная с низким уровнем «политической» подготовки цензоров. Ее разрешение возлагалось на самих цензоров: им вменялось в обязанность повышать свой теоретический уровень посредством обучения в вечерних «комвузах» и «кружках ленинизма».

Тексты резолюции областного совещания были направлены на места не позднее 17 июля 1934 г. Свердловллит требовал от своих подчиненных усиления классовой бдительности. Не ослабляя нажим на низовой аппарат, его руководство по заданию Главлита с начала осени 1934 г. начало подготовку очередного мероприятия – контрольного смотра работы органов цензуры на местах. Не ранее 13 октября 1934 г. горрайлиты получили известие о сроках указанной процедуры:

---

³⁷² ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 50.

³⁷³ Там же. Л. 50-50об.

³⁷⁴ Там же. Л. 51.

с 10 октября по 20 декабря³⁷⁵. Для организации смотра создавалась областная комиссия под председательством Сорокина, возглавлявшего в этот период времени культурно-просветительский отдел Свердловского обкома ВКП (б). Целью смотра объявлялось проведение в жизнь решений XVII съезда ВКП (б) о перестройке работы органов советской власти. Задачи смотра были детализированы:

- мобилизация всех работников цензуры на борьбу за решительное поднятие качества цензурной работы;
- укрепление цензуры в районах посредством создания нормальных условий для работы горрайлитов;
- усиление руководства за всеми участниками цензурной работы;
- организация системы контроля за исполнением директив Главлита.

В утвержденном Свердловобллитом плане мероприятий предстоящего смотра значилось проведение очередного областного совещания работников цензуры, выезды членов комиссии в районы для обследования работы цензоров, проверка кадров работников цензуры, их аттестация, а также выявление «ударников цензуры» и их премирование, освещение работы свердловских цензоров в закрытых печатных изданиях.

Исполняя обязательство участия в смотре, цензор должен был представить в Свердловобллит в срок до 10 ноября 1934 г. следующие материалы: а) обзор о работе райлита по направлениям (печать, радиовещание, выставки); б) отчет о выполнении резолюции областного совещания работников цензуры от 5 июля 1934 г.; в) точные сведения о количестве всех выходящих в районе печатных изданий; г) отчет о предварительных итогах участия в соцсоревновании. Кроме того, по окончании смотра цензору настоятельно рекомендовалось добиться от бюро горкома или райкома ВКП (б) включения в повестку дня партсобраний доклада начальника райлита о состоянии цензуры в городе, районе. «Обллит придает проведению смотра весьма важное значение и напоминает всем начальникам райгорлитов, что смотр может улучшить качество работы органов цензуры, укрепить их и поднять авторитет», – говорилось в циркуляре Свердловобллита от 13 октября 1934 г.³⁷⁶

Практика организации и проведения смотров получила продолжение в 1935–1936 гг. Результаты смотров направлялись в виде отчетных докладов облита в Свердловский обком ВКП (б). Так, по данным Свердловобллита только в 1935 г. была обследована деятельность 27 райлитов, проведены 2 кустовых совещания для районных цензо-

---

³⁷⁵ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 33.

³⁷⁶ ГАПК. Ф. р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 33.

ров и инструктаж на местах для 32 уполномоченных³⁷⁷. В середине 1930-х гг. проблемы работы аппарата цензуры Свердловской области оставались прежними: неукомплектованность штатов, отсутствие взаимодействия райлитов и партийных комитетов, неисполнение должностными лицами редакций газет и типографий предписаний цензоров, задержка отчетных материалов самими цензорами. Нередко между райлитом и ответственными партийными работниками случались конфликты. В Шалинском районе цензор Семышева в августе 1935 г. внесла ряд исправлений в материал, предназначенный для публикации в местной газете. Публикуемый материал был посвящен речи И.В. Сталина на совещании с «передовыми комбайнерами и комбайнерками». Семышева обнаружила в тексте серьезные ошибки «политического характера», которые возникли в результате невнимательной перепечатки речи в типографии. Несмотря на предпринятые ею усилия и указания работникам типографии и редакции, материал был опубликован без правки цензора, в прежнем виде. Этому способствовало, в частности, распоряжение заместителя секретаря Шалинского районного комитета ВКП (б) Кудряшева. Он разрешил редактору газеты опубликовать речь И.В. Сталина без исправлений. Цензор информировала Свердловобллит о поведении Кудряшева. В отчете за 1935 г., адресованный в Свердловский обком ВКП (б), С.И. Тубанов по данному факту, в частности, писал: «Выпуск этой газеты с грубейшим политическим искажением является большой политической ошибкой»³⁷⁸.

Во второй половине 1930-х гг. произошли серьезные структурные преобразования в Свердловском обллите. 3 октября 1938 г. из Свердловской области была выделена как самостоятельный административный субъект Пермская область. Как и в случае с Уралобллитом, возникла необходимость выделения части работников аппарата Свердловобллита в учреждаемый новый цензурный областной орган – Пермский обллит. В это время обязанности начальника Свердловобллита исполняла А. П. Горских. Ей и заведующей секретной частью Свердловобллита М. Антоновой предстояло перераспределить штаты, а также оказать организационную помощь формирующемуся аппарату Пермского обллита.

В ноябре 1938 г. был утвержден список уполномоченных Пермского обллита³⁷⁹. В нем числилось 59 чел., призванных осуществлять цензурную работу в 40 районах Пермской области и г. Перми. В свою очередь Свердловский обллит с 20 декабря 1938 г. получил от Челябинского обллита в свое ведение пять райлитов: Камышловский, Талицкий, Пышминский, Тугулымский и Буткинский³⁸⁰. Отметим, что

---

³⁷⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 98.

³⁷⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 97-98.

³⁷⁹ ГАСО. Ф. р-577. Оп. 3. Д. 16. Л. 2-4.

³⁸⁰ Там же. Л. 50.

отчетность цензоров некоторое время продолжала поступать в Челябинск.

В 1939–1940 гг. в штатах Свердловского обллита значилось 82 человека. Из них в аппарате обллита работало 19 чел., а в районах – 61 уполномоченный. 34 райуполномоченных выполняли полномочия цензора по совместительству³⁸¹. Главной оставалась проблема текучести кадров, особенно в среде совместителей. В отчете о работе Свердловского обллита за 1939 г. его руководитель А.П. Горских, не скрывая своего пессимизма, замечала: «Изжить текучесть кадров в районе можно лишь путем ликвидации совместителей»³⁸². К 1941 г. не была решена и проблема взаимодействия с партийными комитетами. 25 сентября 1940 г. в г. Нижнем Тагиле состоялось кустовое совещание уполномоченных Свердловского обллита. В принятой по его итогам резолюции, в частности, говорилось: «Со стороны партийных организаций нет должного внимания как к цензорам, так и к цензорской работе на местах. Нет повседневной, так нужной помощи... что говорит за отсутствие у большинства руководителей местных парторганизаций вкуса к борьбе за охранение государственной тайны в печати»³⁸³.

Вместе с тем, анализируя отчетные материалы Свердловского обллита и Тагильского горлита, можно утверждать, что условия работы свердловских цензоров значительно улучшились по сравнению с предыдущим периодом. В марте 1939 г. аппарат Свердловского обллита получил новое помещение в здании издательства «Уральский рабочий», состоящее из 7 комнат общей площадью 155 кв. метров. Уполномоченные обллита при городских издательствах также имели отдельные, оборудованные сейфами, комнаты. Райлиты кроме этих удобств в 1938–1939 гг. получили в свое распоряжение новую мебель – столы, стулья, шкафы и т.д. Кроме того, имелась телефонная связь, а 7 уполномоченных обллита имели персональный телефон. По утверждению А.П. Горских, в каждый район были посланы металлические печати, канцелярские принадлежности³⁸⁴. Усилиями аппарата управления Свердловского обллита в 1939 г. для районных цензоров и уполномоченных были организованы курсы повышения «производственной» квалификации. На подобных занятиях цензоры знакомились с циркулярами Главлита за последние три года, изучали секретные перечни разрешенной и запрещенной литературы, производили разбор «производственных вычерков», т. е. допущенных райлитами нарушений. Один день в неделю с цензорами проводились политические занятия. Кроме лекций организовывались практические занятия: уполномоченные готовили доклады с целью их последующего обсуждения.

---

³⁸¹ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 18. Л. 1.

³⁸² Там же. Л. 2.

³⁸³ Там же. Д. 20. Л. 2-3.

³⁸⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 18. Л. 3.

Таким образом, Свердловский обллит занимал одно из ключевых мест в системе уральской цензуры. Будучи преемником Уралобллита, эта структура являлась для других обллитов уральского региона образцом для подражания. Многие из того, что выработал аппарат Свердловобллита, было заимствовано соседями. Не последнюю роль в этом сыграли его руководители – С.И. Тубанов и А. П. Горских, уделявшие пристальное внимание развитию профессиональных навыков свердловских цензоров.

Другим центром политической цензуры на Урале после ликвидации Уралобллита являлся Челябинский обллит. Выше уже отмечалось, что кадровый аппарат челябинской цензуры стал формироваться еще с начала ноября 1922 г. Челябинский гублит просуществовал около года и был преобразован в окрлит. Челябинский окрлит осуществлял свою деятельность с конца 1923 г. по январь 1934 г. Вследствие образования Челябинской области 7 февраля 1934 г. в структуре облисполкома был учрежден областной отдел народного образования. Несколько дней спустя при облОНО начался процесс создания Челябинского обллита. В феврале-марте 1934 г. аппарат обллита состоял всего из двух человек³⁸⁵. Однако уже к лету его численность увеличилась до восьми служащих. Руководителем Челябобллита стал П.Н. Шмелев, бывший соратник П.П. Бажова по работе в аппарате Уралобллита. На этом посту он находился до 1941 г.³⁸⁶ Во время служебных командировок П.Н. Шмелева нередко замещал его коллега А.И. Федоров, занимающий должность политредактора в аппарате управления Челябобллита.

В 1934–1935 гг. в штатах Челябинского обллита значилось около 60 человек. На 1 сентября 1937 г. в рядах обллита состояло уже 85 человек³⁸⁷. По данным на 1 января 1939 г. аппарат управления Челябобллита состоял из 16 сотрудников и 72 районных цензоров³⁸⁸. Челябинскому обллиту были подчинены Курганский, Магнитогорский, Златоустовский, Троицкий горлиты. Результаты анализа немногих архивных документов, дошедших до наших дней, дают возможность утверждать, что челябинские цензоры столкнулись с теми же трудностями, что и их свердловские коллеги.

В первой половине 1934 г. самой серьезной проблемой стало материальное обеспечение деятельности аппарата цензуры. Из районов в Челябобллит регулярно поступали запросы об источниках финансирования труда райлита. Так, 5 июня 1934 г. начальник Шумихинского райлита А. Маткин отправил в обллит подобный запрос, заканчивая его фразой: «Работаю с ноября и не получил ни копейки»³⁸⁹. В июле

³⁸⁵ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Предисловие к описи. С. 1-2.

³⁸⁶ Приложение 2. С. 353.

³⁸⁷ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 2. Д. 8. Л. 104.

³⁸⁸ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 4-11.

³⁸⁹ Там же. Л. 84.

1934 г. решением контрольно-ревизионной комиссии областного финансового отдела в госбанке был закрыт счет Челябинского горлита. С этого же счета производились перечисления в некоторые райлиты. Ситуация обострилась настолько, что П.Н. Шмелев вынужден был обратиться с ходатайством к Гертнеру, начальнику областного финансового отдела. «Обллит просит восстановить данный счет как неправильно закрытый», – писал главный цензор Челябинской области³⁹⁰. Просьба П.Н. Шмелева была удовлетворена. Однако в целом проблема не была решена. Спустя три года, в августе 1937 г., П.Н. Шмелев в очередном докладе в обком ВКП (б) сетовал на нерешенность самого «большого» вопроса – отсутствие оборудованного помещения для обллита и горлита. Лишь в сентябре 1937 г. обком ВКП (б) примет решение, обязывающее облисполком предоставить Челябинскому обллиту требуемое помещение³⁹¹.

От райлитов в Челябинобллит в 1934 г. поступило немало жалоб на местные администрации. В первой главе уже приводился пример конфликтной ситуации, имевшей место в Троицком районе в декабре 1934 г. Начальник райлита Н. Андрющенко был возмущен действиями служащих местного райисполкома и райкома ВКП (б)³⁹². Немногом ранее, 25 августа 1934 г. в Челябинобллит поступила жалоба от М.П. Дымарева, уполномоченного обллита при редакции газеты «Наш трактор» Челябинского тракторного завода³⁹³. У цензора не сложились отношения с коллективом редакции газеты. Коллеги мешали М.П. Дымареву в работе по предварительному контролю. По его словам, сотрудник редакции некто Члахов заявил ему: «Обллит да Литы, всегда Вас проведу, как захочу!». Редактор газеты, в свою очередь, неоднократно говорил цензору: «Мы тебя искать не будем, а будем печатать...». Попытка М.П. Дымарева обратиться за помощью к секретарю парторганизации завода Чудновскому встретила у последнего лишь «ироническую» насмешку, как-то: «Ну, здорово, уважаемый политконтроль, как оно делишки?»³⁹⁴. В итоге цензору ничего не оставалось, как приостановить свою работу и просить П.Н. Шмелева освободить его от обязанностей уполномоченного обллита. В этой должности он проработал немногим более 1 месяца.

В отличие от аналогичных ситуаций в районах в областном центре, напротив, советские организации и учреждения активно шли на контакт с органами цензуры. Так, например, 26 февраля 1934 г. Челябинский городской союз советских художников в своем обращении в челябинский горлит призывал цензоров сосредоточить все усилия на борьбу с идеологически вредной «художественной халтурой», якобы

---

³⁹⁰ Там же. Д. 2. Л. 30.

³⁹¹ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 8. Л. 105.

³⁹² Там же. Д. 3. Л. 5-6.

³⁹³ Приложение 4. С. 379.

³⁹⁴ Там же. С. 379.

имевшей место во внутреннем оформлении помещений городских кинотеатров, ресторанов и столовых. Более того, эта организация предлагала свои услуги горлиту: включить в комиссию по изъятию «халтуры» членов Союза³⁹⁵. Подобное сотрудничество было, конечно, в интересах цензоров, так как инициатива снизу, как правило, имела всемерную поддержку.

7 апреля 1934 г. в Челябинблит поступило обращение от руководства областного управления рабоче-крестьянской милиции. Челябинские милиционеры просили цензоров выдать разрешение на выпуск ведомственной газеты «Страж революции» общим тиражом в 250 экз. «Бумагой газета будет снабжена по линии Главного Управления рабоче-крестьянской милиции», – говорилось в обращении³⁹⁶. К 1935 г. бумажный кризис в области все еще не был преодолен.

В 1936–1937 гг. первоочередной задачей в деятельности цензоров провозглашалась организация борьбы «за действенность наших сигналов по предупреждению разглашения государственной тайны»³⁹⁷. На основании отчетных докладов горрайлитов Челябинблит комплектовал свои секретные сводки и отчеты в Главлит РСФСР. Одной из самых распространенных форм отчетности была «Декадная сводка важнейших вычерков предварительной и последующей цензуры»³⁹⁸. Сведения, содержащиеся в таких сводках, нередко попадали в отчетные документы самого Главлита. Так, в «Сводке № 1(23) важнейших изъятий, задержаний и конфискации, произведенных органами Главлита РСФСР» от 4 марта 1937 г., воспроизводились следующие данные:

«В газете «Челябинский рабочий» № 268 от 21.И. 1937 в резолюции Областного съезда Советов допущена грубая политическая опечатка. Напечатано: «Достигнутые за 19 лет под куроводством (вместо «под руководством») партии Ленина-Сталина». Обллит передал дело в НКВД»³⁹⁹.

Сильное беспокойство работников низового звена цензуры вызывал все увеличивающийся объем работы. Осенью 1940 г. в Главлит было подано сразу два обращения от начальников райлитов. В письме Д.Т. Токарева, начальника Каменск-Уральского горлита, приводились данные о работе цензора в городской типографии. «В таких условиях, как в настоящее время работает цензор – абсолютно работать нельзя, – писал Д.Т. Токарев. – Цензор приходит на дежурство в 9 час. вечера и находится там до 5–6 ч. утра»⁴⁰⁰. Причину в происходящем начальник горлита видел в плохой организации труда в типографии и отсут-

³⁹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

³⁹⁶ Там же. Л. 39.

³⁹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 108.

³⁹⁸ Там же. Л. 63-69, 80-82, 96.

³⁹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 25.

⁴⁰⁰ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 12. Л. 107.

ствии «должной дисциплины» в коллективе ее служащих. Челябинский обллит, по словам Д.Т. Токарева, оказался не в состоянии повлиять на администрацию типографии. В другом письме уполномоченный обллита Д.М. Тимофеев также обращал внимание руководство Главлита, что многие райлиты трудятся по 15 и более часов.

В ответном письме Главлита от 16 ноября 1940 г. Н.Г. Садчиков призвал челябинских цензоров иметь в виду, что их рабочий день считается «ненормированным»⁴⁰¹. «Поэтому, если цензору иногда приходится работать более 8 часов, в этом ничего противозаконного нет, – говорил начальник Главлита. – Систематическое пребывание в типографии по 15 и более часов показывает неправильную организацию вашего труда»⁴⁰². Выход из положения Главлит видел в урегулировании проблемы силами самих цензоров. Н.Г. Садчиков рекомендовал всем цензорам активнее «договариваться», согласовывать с редакциями газет и типографиями свой график работы по цензуре материалов. Главлит не принял во внимание заявление Д.Т. Токарева, что зав. типографией Быков не желал идти ни на какие уступки. Очевидно, что Главлит занял в данном случае нейтральную позицию. Заниматься «местечковыми» проблемами, как и следовало ожидать, было поручено обллиту.

Таким образом, логично предположить, что Челябинский обллит достаточно хорошо вписался в систему уральской цензуры. Челябинские цензоры не растерялись, выйдя из подчинения Свердловску. Несмотря на серьезные проблемы, Челябинский обллит как структура выстоял и занял видное место в системе советских учреждений Челябинской области.

Сосредоточим внимание на Пермском обллите. Как уже отмечалось, не ранее ноября 1938 г. были утверждены его штаты. В 1939–1950 гг. обллит возглавляла М.Н. Пермякова. В 1940 г. в результате переименования Пермской области в Молотовскую цензурное ведомство Прикамья получило название Молотовский обллит. На 1 января 1940 г. в пермской цензуре значилось 64 человека, из которых 39 являлись совместителями – «неосвобожденными» работниками⁴⁰³. В отчете в Главлит за 1939 г. М.Н. Пермякова главной проблемой пермской цензуры назвала «большую текучесть кадров». В горрайлитах сменилось три четверти штатного состава цензоров. В Коми-Пермяцком округе, Гаинском и Чусовском районах должности уполномоченных Пермобллита в течение всего года оставались вакантными. В качестве основных причин текучки М.Н. Пермякова назвала две: перевод работников цензуры райкомами ВКП (б) на «другую работу» и «личные заявления ряда товарищей об отказе работать упол-

---

⁴⁰¹ Приложение 4. С. 385.

⁴⁰² ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 12. Л. 104.

⁴⁰³ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.

номоченными Обллита»⁴⁰⁴. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что работа цензора не была востребованной в среде советских служащих.

После многократных обращений руководителя обллита в Пермский обком ВКП (б) последним было принято решение о направлении в горкомы и райкомы Пермской области специальных инструктивных писем. Эти письма содержали два требования к секретарям партийных организаций:

1. Прекратить без санкции Пермского обкома ВКП (б) и Пермобллита смещение и перемещение уполномоченных обллита.

2. Не допускать выхода газет и радиопередач без цензорского предварительного просмотра.

К тем партийным работникам, которые не соблюдали указанные требования, вскоре стали применяться санкции. Так, в середине октября 1939 г. Пермобллит направил прокурору Коми-Пермяцкого округа ходатайство о привлечении к ответственности секретаря Косинского райкома ВКП (б) Зубова. К заявлению были приложены материалы, свидетельствующие о «злоупотреблениях» партийного работника. Вина Зубова заключалась в том, что он, не согласовав вопрос с обллитом, отправил начальника райлита и его заместителя в командировку в район. В их отсутствие Зубов самостоятельно раздавал номера райлита редакции районной газеты⁴⁰⁵. Напомним, что похожие злоупотребления имели место в середине 1930-х гг. и в Свердловской, и в Челябинской областях. В 1939 г. Пермский обллит решился на открытое противостояние парткому. Кстати, кроме прокуратуры к этому делу был подключен и отдел политконтроля областного управления НКВД.

Поддержка Пермского обкома ВКП (б), по всей видимости, способствовала постепенному решению проблемы текучести кадров. Уже в отчете о деятельности Молотовского обллита за 1940 г. М.Н. Пермякова отмечала факт трехкратного сокращения «текучки»: только в 11 из 43 районов области на 1 января 1941 г. не было постоянно действующего райлита. Райкомы ВКП (б), по сведениям М.Н. Пермяковой, в 1940 г. прекратили безосновательные переброски цензурных кадров. Начальник обллита выражала уверенность в скорейшей ликвидации этой проблемы⁴⁰⁶.

Материальное обеспечение пермских цензоров лишь немногим отличалось от их соседей. В 1939–1941 гг. районные уполномоченные для работы пользовались отдельными комнатами в помещениях советских учреждений. Только в единичных случаях цензор не имел своего кабинета. Так, летом 1939 г. уполномоченному обллита в Чу-

---

⁴⁰⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁰⁵ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.

⁴⁰⁶ Там же. Д. 2. Л. 1.

совском районе Брюханову приходилось работать в общем помещении планового отдела местного горсовета. В Кизеловском районе начальник райлита Захаров несколько месяцев ночевал в рабочем кабинете, так как местный горисполком не принимал решение о предоставлении ему жилого помещения⁴⁰⁷. До конца 1940 г. пермские цензоры пользовались своими служебными кабинетами бесплатно. Однако с середины ноября 1940 г. городские и районные исполкомы Советов своими решениями ввели ежемесячную арендную плату. «Так в частности получилось и с Обллитом, – писала в отчетном докладе М.Н. Пермякова. – В 1940 году жили в здании Горкома ВКП (б) бесплатно, а с 21 ноября нас переселили в другое помещение, руководитель которого предъявил счет за 1 месяц и 10 дней и договор на 1941 год в сумме, неожиданной для нас»⁴⁰⁸. Вопросы обустройства и в дальнейшем не потеряют своей актуальности для служащих пермской цензуры.

Вместе с тем каждый райлит получал денежные средства на подписку периодических изданий: «Известий ВЦИК», областной газеты «Звезда» и журнала «Большевицкая печать». В 1940 г. Молотовский обллит организовал и провел 20 производственных совещаний с районными уполномоченными. На совещаниях рассматривались вопросы о трудовой дисциплине цензоров, о правилах и нормах предварительного контроля, о неправильных «вычерках». Производился разбор ошибок, допущенных цензорами. Усилиями обллита также организовывались и проводились курсы по повышению «производственной» квалификации цензоров. Так в июне 1939 г. были проведены четырехдневные курсы по специальной программе Главлита для 18 районных уполномоченных. В первые четыре месяца 1940 г. аппарат управления обллита организовал для пермских цензоров коллективные занятия по изучению секретных «Перечней» Главлита. Занятия проводились один раз в пять дней. Для «неосвобожденных» уполномоченных были организованы заочные курсы. После освоения учебного курса цензоры сдавали зачеты, которые принимались членами комиссии обллита. Не сдавшим зачет уполномоченным, как правило, давалось время для подготовки к пересдаче. После чего они вновь проходили процедуру проверки знаний.

Таким образом, в 1939–1940 гг. произошло организационное оформление еще одного центра политической цензуры на Урале – Пермского обллита. Выделившись из структуры Свердловского обллита, пермские цензоры сумели наладить непростую, окруженную грифом секретности, работу. Методы и технологии управления цензурным аппаратом, выработанные Свердловским обллитом, активно

---

⁴⁰⁷ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 1-2.

применялись на практике руководством обллита. Заметим, что в своих отчетах в Главлит М.Н. Пермякова подчеркивала важность преемственности. На производственных совещаниях аппарата управления Пермского обллита в 1940 г. вопрос «о перенятии опыта Свердловского обллита» неоднократно включался в повестку дня⁴⁰⁹.

В первой половине 1940-х гг. на территории бывшей Уральской области появилось еще два обллита – Курганский и Тюменский. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1943 г. была образована Курганская область⁴¹⁰. Не ранее марта 1943 г. произошла реорганизация органов курганской цензуры. До этого времени Курганский горлит, как и райлиты края, подчинялся Челябинскому обллиту. Весной 1943 г. начался процесс становления самостоятельного аппарата курганской цензуры. Новая структура получила статус управления по охране военных и государственных тайн в печати при Курганском областном исполкоме Советов. В 1943–1945 гг. первым начальником Курганского обллита являлся Л.А. Копеец, а в 1946–1947 гг. – К. Д. Лесовская⁴¹¹.

Наконец, Тюменское областное управление по делам литературы и издательств было создано 1 октября 1944 г. Его предшественник, Тюменский горлит, с декабря 1934 г. был подчинен Омскому обллиту. С 1 октября 1944 г. по 18 октября 1952 г. во главе Тюменского обллита находилась Е.Е. Чеченева⁴¹². В задачи исследования не входит рассмотрение функций и практик его деятельности, так как данное исследование ограничено рамками Уральского региона.

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод. После упразднения Уралобллита, в сущности, была восстановлена схема строения органов Главлита на Урале до его создания. Как и в каждой губернии в 1922 г., в областях в 1934 г. были сформированы аппараты обллитов. Разница заключалась в том, что в отличие от гублитов, обллиты создавались на подготовленной почве. Их кадровый костяк состоял из людей, получивших опыт работы в аппарате Уралобллита. Проблемы, стоящие перед цензурными органами на этапе организации, руководителям обллитов С.И. Тубанову и П.Н. Шмелеву были не новы. С.И. Тубанов частично реализовал свои идеи по развитию Уралобллита на базе Свердловского обллита: это и практика социалистических соревнований, «красные» и «черные» доски для отличников и нарушителей, периодические смотры цензурного «мастерства» и др. В Челябинском обллите быстрыми темпами развивалась система повышения квалификации цензоров. Подробнее об этом речь пойдет ниже. Конечно, в сложившихся условиях за один-два года бы-

⁴⁰⁹ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 2. Л. 3.

⁴¹⁰ См.: *Административно-территориальное деление Курганской области (1917–2004 гг.)*: справочник. Курган, 2005. С. 16.

⁴¹¹ ГАКО. Ф. Р-1737. Оп. 1. Д. 1. Л. 9; Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

⁴¹² ГАТО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1-2; Д. 16, Л. 327.

ло делом нереальным победить «текучку» и «обезличку», добиться от парткомов помощи в разрешении материально-бытовых проблем, повысить эффективность предварительного и последующего контроля. Реальные сдвиги и практические результаты в работе были достигнуты уральскими обллитами только накануне войны. В заключение важно заметить, что курс на децентрализацию был продолжен. Пермский, Курганский и Тюменский обллиты появились в течение десятилетия после упразднения Уралобллита. В военное и послевоенное время попыток создания чего-то похожего на межобластной цензурный центр не наблюдалось.

2.3. Люди цензурного ведомства: уровень руководства

В 1922–1934 гг. Уралобллит возглавляли: Александр Дмитриевич Ослоновский (с 15 декабря 1922 г. по 7 октября 1925 г.), Михаил Романович Ланге (с 1 января 1926 г. по 1 января 1930 г.), Павел Петрович Бажов (с 15 августа 1930 г. по 21 мая 1932 г.), Семен Иванович Тубанов (с июля 1933 г. по январь 1934 г.). Каждый из них принес свое особое мироощущение и восприятие в профессиональную деятельность. А.Д. Ослоновский и П.П. Бажов были равнодушны к писательской стезе. В деятельности М.Р. Ланге можно отчетливо проследить практику юриста. При этом С.И. Тубанов и М.Р. Ланге были людьми приезжими – оба с северо-запада России. Урал для них стал местом службы и профессиональных интересов. Ни один из руководителей не задержался на этой должности дольше четырех лет. Вместе с тем, обретенные навыки цензурной работы помогли каждому из них выстоять в нелегкие годы сталинских репрессий.

В период децентрализации института уральской цензуры начальниками обллитов на Урале являлись:

а) Свердловский обллит: Семен Иванович Тубанов (с января 1934 г. по ноябрь 1937 г.), Анастасия Петровна Горских (с апреля 1938 г. по ноябрь 1941 г.)

б) Пермский обллит: Александр Маркелович Огибенин (с ноября 1938 г. по сентябрь 1939 г.), Мария Николаевна Пермякова (со 2 октября 1939 г. по июль 1950 г.);

в) Челябинский обллит: Павел Николаевич Шмелев (с февраля 1934 г. по 1941 г.).

В данной части исследования рассмотрены личности пяти руководителей уральской цензуры. Наш выбор обусловлен источниковой базой, доступной сегодня исследователю. Заметим, что еще на многих личных делах работников советской цензуры стоит гриф «Секретно».

2.3.1. Александр Дмитриевич Ослоновский

Первым главой института уральской цензуры стал Александр Дмитриевич Ослоновский, назначенный на этот пост решением Уралбюро ЦК РКП(б) 15 декабря 1922 г. Жизненный путь этого человека был отмечен крутыми поворотами; на его личном деле сохранилась надпись красными чернилами «*Активный подпольщик*»⁴¹³.

Родился Александр Дмитриевич 17 сентября 1894 г. в селе Шутихе Петропавловской волости Шадринского уезда Пермской губернии в семье крестьянина-середняка. «Мой отец обладал исключительным признаком среди крестьянства – стремлением к знанию и самообразованию...», – отмечал в своей автобиографии А.Д. Ослоновский⁴¹⁴. Усилиями отца сын получил хорошее образование: первоначально трехклассная сельская школа, затем двухклассное Министерское училище, далее учеба в четырехклассном Шадринском городском училище и, наконец, окончание двухгодичных педагогических курсов. В 1912 г. обучение закончилось, и А.Д. Ослоновский готовился стать учителем начальной школы. Однако в это время происходит первый в его жизни поворот. Находясь в г. Шадринске, молодой учитель близко сошелся с «революционно настроенной молодежью», которой руководили левые эсеры. Вскоре образовался кружок, активным участником которого стал А.Д. Ослоновский. Соратники по кружку стали именовать себя «социал-демократами», вели пропаганду среди учащейся молодежи. Довольно быстро о существовании кружка стало известно городским властям, санкции не заставили себя долго ждать. А.Д. Ослоновский избежал ареста вследствие своего возраста, однако путь в систему образования ему был закрыт. «Несколько товарищей, в том числе и я, не были приняты Инспектором народных училищ в число учителей...», – писал в автобиографии А.Д. Ослоновский⁴¹⁵.

Трудовой путь А.Д. Ослоновский начал в редакции Шадринской газеты «Исеть», исполняя обязанности корректора. Параллельно с этим в 1912–1914 гг. работал по совместительству в уездном земстве помощником делопроизводителя. В феврале 1915 г. он был мобилизован в действующую армию и спустя месяц попал на восточный фронт. Долго воевать не пришлось: 2 июня 1915 г. А.Д. Ослоновский попал в немецкий плен. На долю молодого человека выпало немало испытаний. В автобиографии он отмечал, что пробыл в плену почти три года в «нечеловеческих условиях». Военнопленных перебрасывали из лагеря в лагерь на территории Германии. Вернулся А.Д. Ослоновский уже в советскую Россию в начале 1918 г. Эшелон с военнопленными из Германии был направлен на Урал и только через несколько месяцев

⁴¹³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2777. Личное дело № 196743. А.Д. Ослоновский.

⁴¹⁴ Там же. Л. 5.

⁴¹⁵ Там же. Л. 5об.

прибыл на конечную станцию Котельнич Вятской губернии. Дальше на Урал эшелон советские власти не пустили в виду распространения Гражданской войны в регионе.

Бывшему военнопленному повезло: в г. Котельниче он встретил земляков и с их помощью устроился на работу учителем в местную школу I ступени. При поддержке земляков-коммунистов А.Д. Ослоновский летом 1918 г. стал кандидатом в члены РКП (б). В мае 1919 г. коммунист А.Д. Ослоновский назначается помощником секретаря уездного комитета партии, а по основному месту работы – заведующим школьным подотделом Котельнического уездного ОНО. С уходом белогвардейцев из Перми и Екатеринбурга А.Д. Ослоновский устремился на родину и настойчиво просил перевода на Урал. Уже в августе 1919 г. он выехал в Екатеринбург, где получил долгожданное назначение в г. Шадринск. С 1 октября по 23 ноября 1919 г. А.Д. Ослоновский исполнял обязанности секретаря Шадринского укома РКП (б). С 23 ноября 1919 г. по сентябрь 1920 г. он возглавлял Шадринский уездный ОНО. Осенью 1920 г. А.Д. Ослоновскому довелось поработать уполномоченным политбюро уездной ЧК. В середине декабря 1920 г. он был отозван в распоряжение Екатеринбургского губоно, где до марта 1921 г. трудился в отделе общего делопроизводства. 15 марта 1921 г. губоно приняло решение командировать А.Д. Ослоновского в Каменский уезд на должность заведующего уездным ОНО. В этой должности он проработал до 15 августа 1922 г., одновременно являясь членом ревизионной комиссии Каменского укома РКП (б). «Во время работы в Каменском уезде, когда уезд был поражен голодом, приходилось в невероятных тяжелых условиях работать по сбору продналога, изъятию церковных ценностей и проведению ряда других кампаний...», – отмечал в автобиографии А.Д. Ослоновский⁴¹⁶. В этих кампаниях он проявил себя как добросовестный исполнитель директив партии. Недаром именно его летом 1922 г. местный исполком назначил Чрезвычайным уполномоченным по снабжению голодающего населения.

15 августа 1922 г. А.Д. Ослоновский был вновь отозван в Екатеринбург и получил назначение в отдел снабжения губоно. На посту начальника отдела снабжения он проработал всего три месяца, после чего получил пост заведующего Уралобллитом. Уральское областное управление по делам литературы и издательств образовалось на правах подотдела Ураломоно 15 декабря 1922 г. Таким образом, до того как возглавить цензурное ведомство, А.Д. Ослоновский имел пятилетний опыт партийной и советской работы. Будучи достаточно образованным человеком, педагогом и общественным деятелем, а также и добросовестным исполнителем, он вполне подходил для цензурной работы.

---

⁴¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2777. Л. 6.

В должности заведующего Уралобллитом А.Д. Ослоновский проработал три года. К своей работе он относился уважительно и в буквальном смысле врос в нее. В своем заявлении в Уралобком ВКП (б) от 7 октября 1925 г. А.Д. Ослоновский, в частности, подчеркивал: «Я журналист, работавший на этой работе до 1914 г., и сейчас в качестве заведующего подотделом Литературы и Издательств при Уралобко работаю *именно по своей специальности*. Правда я исполняю не производственную работу, а контроль печати, но это дела не меняет»⁴¹⁷.

Осенью 1925 г. неожиданно для себя А.Д. Ослоновский получает новое назначение – в Ишимский округ на должность заведующего окроно. Конечно, это было существенное понижение в должности. Кроме того, обзаведясь семьей, уезжать из г. Свердловска в провинциальный г. Ишим ему не хотелось. Сознательно нарушая партийную дисциплину, начальник Уралобллита обратился с ходатайством к руководству Уралобкома ВКП (б). А.Д. Ослоновский заявил, что для работы заведующим окроно он не годится, мотивируя это целым рядом обстоятельств. Во-первых, ссылка на физическую немощь: «общая потеря трудоспособности на 60% и заикание». Во-вторых, ссылка на то, что «просвещенческая работа» не является его специализацией и не приносит никакого удовлетворения. В-третьих, заявление о том, что в данный момент он проходит длительный курс лечения в г. Свердловске от заикания. «Какой же я Завокроно, если мне сейчас трудно выступать с докладами...! Если уже вызывается такой необходимостью моя переброска, то я прошу Обком откомандировать меня в «Уральский рабочий» или вообще по работе печати, где я при отсутствии журнальных сил на Урале буду более полезен, чем в качестве Завокроно, для которого у меня нет ни нужных знаний, ни опыта, ни умения...», – писал А.Д. Ослоновский⁴¹⁸. Владея информацией о состоянии издательского дела в г. Свердловске, опытный функционер как бы подсказывал партийным чиновникам выход из создавшегося положения: оставить его в центре и поручить «журнальную» работу. В итоге Уралобком ВКП (б) пошел навстречу уже бывшему начальнику Уралобллита и удовлетворил его ходатайство. В ноябре 1925 г. А.Д. Ослоновский получил пост ответственного редактора газеты при Уралоблисполкоме. В должности редактора он проработал до 1929 г.

Далее судьба первого начальника Уралобллита сложилась следующим образом. В 1929–1933 гг. А.Д. Ослоновский проживал в г. Москве, являлся слушателем Московского института Красной профессуры. Получая знания по советской юриспруденции, одновременно А.Д. Ослоновский трудился на должности заведующего отделом советского строительства и права в редакции всесоюзной газеты «Из-

---

⁴¹⁷ Там же. Л. 9.

⁴¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2777. Л. 9.

вестия ЦИК»⁴¹⁹. В конце зимы 1933 г. А.Д. Ослоновский возвратился в г. Свердловск. 8 марта 1933 г. он получает назначение на должность заместителя директора и главного редактора Уралгиза. В уральском областном издательстве он проработал до 1935 г. Кстати, здесь он столкнулся с еще одним бывшим начальником Уралобллитса – Павлом Петровичем Бажовым, который с мая 1932 г. трудился в должности политредактора и завсектором сельскохозяйственной литературы⁴²⁰. Пути двух цензоров пересекутся в 1937 г. Об этом подробнее речь пойдет ниже.

В 1935–1936 гг. А.Д. Ослоновский работал в г. Челябинске на посту заведующего организационным отделом облисполкома. В середине 1936 г. его вновь переводят в г. Свердловск и назначают директором свердловского отделения школы профдвижения ВЦСПС. В это время Урал настигает волна политических процессов, многим партийным и советским деятелям предъявляются обвинения во вредительстве и принадлежности к троцкизму. Не избежал подобной участи и А.Д. Ослоновский. В начале 1937 г. в его жизни случился очередной поворот.

23 января 1937 г. первичная парторганизация Центральной школы профдвижения ВЦСПС приняла решение об исключении директора А.Д. Ослоновского из рядов коммунистической партии. 4 февраля 1937 г. данное решение было утверждено Ленинским райкомом ВКП (б) г. Свердловска. Формулировка обвинения отражала дух времени: «за протаскивание в своих литературных трудах троцкистских взглядов и допущение выпуска вредительской литературы по сельскому хозяйству»⁴²¹. 7 июля 1937 г. партколлегия контрольной партийной комиссии по Свердловской области утвердила исключение А.Д. Ослоновского из партии. А 9 сентября 1938 г. подобное решение приняла и партколлегия КПК при ЦК ВКП (б).

Спустя почти двадцать лет после своего изгнания из рядов компартии А.Д. Ослоновский напишет: «Мое исключение в обстановке 1937–1938 гг., которая так правдиво и верно обрисована в докладе тов. Хрущева Н.С., происходило исключительно в спешном порядке: без всяких объяснений, предупреждений... как будто этот вопрос был где-то уже заранее предрешен»⁴²². Формальным поводом для исключения стало литературное творчество бывшего цензора. Фабула дела была такова. В 1928 г. Уралгиз издал достаточно большим тиражом книгу «Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале». Эту книгу А.Д. Ослоновский написал в соавторстве с А. Орловым по поручению Уралоблисполкома к юбилейным торжествам, посвященным

⁴¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 63. Д. 1941. Л. 2.

⁴²⁰ Бажовская энциклопедия / ред.-сост. В.В. Блажес, М.А. Литовская. Екатеринбург, 2007. С. 527.

⁴²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 50. Л. 27.

⁴²² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 63. Д. 1941. Л. 8-8об.

10-летию советского государства. Собственно А.Д. Ослоновским было написано две главы: «Октябрьская революция на Урале» и «Гражданская война на Урале». Спустя десять лет многие положения в этой книге были пересмотрены, и на авторов обрушился шквал критики. «Основной упор делался на то, будто бы я умышленно замолчал роль И. Сталина на Восточном фронте в 1919 г., его заслуги в разгроме Колчака, а также не поместил его портрета в книжке наряду с Лениным...», – писал годы спустя А.Д. Ослоновский⁴²³. В горячих дебатах в формате собрания первичной парторганизации автор пытался отвергнуть обвинения в троцкизме. Ему это мало удавалось. К этому обвинению добавилось еще одно: во вредительстве. На заседании Ленинского райкома ВКП (б) 4 февраля 1937 г. было принято решение включить в формулировку предъявляемого обвинения дополнение следующего рода: «За допущение выпуска в 1933 г. вредительской литературы по сельскому хозяйству в Уральском областном издательстве».

Против этой части обвинения А.Д. Ослоновский выдвинул ряд контраргументов. В них он возложил ответственность за выпуск «вредительской литературы» на бывшего до него главного редактора Уралгиза А. Башурова и... политредактора П.П. Бажова. Своего коллегу по цензурной работе А.Д. Ослоновский не щадил. Свое поведение в 1933 г. он объяснял так. В момент своего вступления в должность главного редактора Уралгиза А.Д. Ослоновский обнаружил на своем столе уже отпечатанные три-четыре брошюры по сельскому хозяйству и посевной кампании. Навыки цензурной работы пригодились: он тщательно просмотрел эти брошюры и выявил целый ряд недостатков. В пособиях не четко прослеживалась линия партии по агротехническим мероприятиям, разглашались экономические тайны, оригиналы брошюр визировались только заведующим сектором сельскохозяйственной литературы П.П. Бажовым. А.Д. Ослоновский принял решение задержать со сдачей в книготорговую сеть данные пособия. Кроме того, о факте издания он сообщил в Свердловский обком ВКП (б). Некоторое время спустя партколлегия КПК при обкоме ВКП (б), установив факт нарушения, объявила выговор политредактору П.П. Бажову. Вместе с тем, бывший шеф Бажова А. Башуров, осознавая свою причастность к делу, предпринял попытку переложить ответственность на своего преемника Ослоновского. В 1937 г. представился удобный случай, и А. Башуров использовал свое положение как члена партколлегии КПК при Свердловском обкоме ВКП (б). «Этот факт показывает, как тяжела была в то время обстановка в Свердловских партийных организациях, что достаточно было заявле-

---

⁴²³ Там же. Л. 8об.

ния даже клеветнического свойства, чтобы с легкостью необыкновенной изобразить из честного коммуниста – вредителя...», – писал А.Д. Ослоновский⁴²⁴.

После перенесенных злключения А.Д. Ослоновский нашел в себе силы трудоустроится юрисконсультантом в трест «Ураллес», расположенный на территории г. Свердловска. На этом месте он проработал до 1940 г. С 1940 по 1957 гг. он трудился в конторе «Уралгипроруда» первоначально в должности заведующего договорным отделом, а с 1950 г. начальником планово-производственного отдела. Все это время он неоднократно обращался в партийные органы г. Свердловска с просьбами о восстановлении его в партии. 12 декабря 1939 г. его первое ходатайство было отклонено Ленинским райкомом ВКП (б). На заседании бюро Свердловского обкома ВКП (б) 20 апреля 1940 г. была рассмотрена очередная апелляция А.Д. Ослоновского. «Установлено, что Ослоновским в 1928 г. была написана книга под заголовком «Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале», по своему содержанию антипартийная, политически вредная, – говорилось в резолюции бюро. – До 1937 г. Ослоновский с критикой в ней не выступал, а наоборот, записал в партдокументы как научный труд. В своем апелляционном заявлении ошибку признает». И далее последовало решение: «Апелляцию Ослоновского А.Д. о восстановлении членом ВКП (б) отклонить»⁴²⁵. После этого апелляции А.Д. Ослоновского рассматривались партийными органами еще четыре раза: 17 июля 1940 г., 26 января 1941 г., 17 августа 1944 г. и 12 августа 1949 г. За годы работы в «Уралгипроруде» А.Д. Ослоновский неоднократно премировался и даже был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Вместе с тем, в эпоху позднего сталинизма у бывшего заведующего Уралобллитом не было шансов восстановиться в партии. Ярлык «троцкист» прочно вошел в его биографию.

Последнюю попытку А.Д. Ослоновский предпринял после XX съезда КПСС. Начавшуюся в стране политическую реформу он стал рассматривать как возврат к ленинским заветам. 8 июля 1956 г. в возрасте 62 лет он написал заявление в партийную организацию института «Уралгипроруда» с просьбой о помощи в восстановлении его в рядах КПСС. «Во время дискуссий, которые пришлось мне пережить еще при жизни В.И. Ленина, я всегда боролся за ленинские взгляды, и ни один коммунист, знавший меня, не может сказать обратное: то, что из меня сделали в 1937–1938 гг., стало возможным только при нарушении ленинских норм партийной жизни, – писал А.Д. Ослоновский. – Теперь, когда в партии торжествуют ленинские нормы партийной жизни, когда проводятся мероприятия по ликвидации культа лично-

⁴²⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 63. Д. 1941. Л. 10.

⁴²⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 50. Л. 28.

сти, дает мне уверенность в реабилитации и восстановлении в рядах партии»⁴²⁶.

30 июля 1956 г. первичная партийная организация института «Уралгипроруда» удовлетворила его заявление и постановила выйти с ходатайством перед вышестоящими партийными органами о восстановлении А.Д. Ослоновского в рядах коммунистической партии. 18 сентября 1956 г. на заседании бюро Октябрьского райкома КПСС было принято решение в пользу А.Д. Ослоновского. Райком партии предложил полностью его реабилитировать и включить в партийный стаж А.Д. Ослоновского период с 1937 по 1956 гг.⁴²⁷ Параллельно с этим было принято решение о передаче на процедуру нового рецензирования книги «Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале». Рецензирование книги было поручено кафедре основ марксизма-ленинизма Политехнического института г. Свердловска во главе с К. Мкртчян. 15 декабря 1956 г. отзыв был подготовлен и завизирован. Рецензенты отмечали, в частности, следующее: «Несмотря на вышеуказанные серьезные ошибки и недостатки, однако, нельзя утверждать, что авторы данной книги пропагандируют троцкизм. Тот факт, что не показана роль Сталина в период Гражданской войны и социалистического строительства (до 1927 г.), не может служить обвинением авторам в умышленном протаскивании троцкизма, как об этом есть отметка на полях книги»⁴²⁸.

Итак, А.Д. Ослоновский был оправдан. 28 декабря 1956 г. Свердловский горком ВКП (б) удовлетворил ходатайство Октябрьского райкома ВКП (б) о восстановлении его в правах члена КПСС. Окончательное решение было принято Свердловским обкомом ВКП (б) 21 января 1957 г. В §15 протокола № 52 заседания бюро обкома было зафиксировано: «Восстановить Ослоновского Александра Дмитриевича членом КПСС с 1918 г. Поручить Октябрьскому райкому КПСС г. Свердловска оформить выдачу партдокументов Ослоновскому А.Д. как восстановленному членом КПСС»⁴²⁹. Через два года А.Д. Ослоновский вышел на пенсию.

---

⁴²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 63. Д. 1941. Л. 10.

⁴²⁷ Там же. Л. 7.

⁴²⁸ Там же. Л. 6.

⁴²⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 63. Д. 1941. Л. 1об.

2.3.2. Михаил Романович Ланге

Два месяца спустя после отставки А.Д. Ослоновского Уралобллит возглавил Михаил Романович Ланге. На должности заведующего цензурным ведомством он проработал четыре года: с 1 января 1926 г. по 1 января 1930 г. Трудиться на этом посту ему пришлось в беспокойное время. В стране происходило свертывание политики НЭПа, партийная элита взяла курс на индустриализацию и коллективизацию крестьянских хозяйств. Уральская область как крупный индустриальный регион являлась своеобразной экспериментальной площадкой для нововведений по строительству социализма.

Родился Михаил Романович в 1893 г. в Петрограде в семье служащих. Получил хорошее образование: окончил гимназию и два курса юридического факультета университета. Бросив учебу в университете, поступил на военную службу и вскоре был отправлен на западный фронт. С января по июнь 1917 г. занимал офицерскую должность в одной из воинских частей 9-го корпуса. В июне 1917 г. вступил в ряды РСДРП (б), партийный билет за № 0587510 получал в Петроградской партийной организации⁴³⁰. В октябре 1917 г. М.Р. Ланге был зачислен в Красную гвардию, а с 1918 по май 1919 г. последовательно занимал ряд командных должностей в РККА. Будучи заместителем командира дивизии, сражался на фронтах Гражданской войны. В мае 1919 г. попал в плен к белогвардейцам и пробыл в плену до февраля 1920 г.⁴³¹ С разгромом белогвардейцев М.Р. Ланге был освобожден из плена и вернулся в Петроград. Спустя полгода он получил назначение на Урал. В период с ноября 1920 г. по декабрь 1921 г. занимал должность члена коллегии Екатеринбургской губЧК. В период реорганизации ВЧК и ее местных органов в 1922 г. М.Р. Ланге был переведен в агитационно-пропагандистский отдел Екатеринбургского губкома РКП (б). Работу в агитпропе пришлось совмещать с деятельностью на посту заведующего Коммунистическим университетом.

С 1 января 1923 г. по февраль 1924 г. М.Р. Ланге трудился на посту председателя комиссии по районированию Уральской области. Юридическое образование и профессиональные навыки позволили ему в дальнейшем перейти на работу в прокуратуру. В мае 1924 г. М.Р. Ланге получил назначение на должность старшего помощника прокурора по Уральской области. В этой должности он проработал до декабря 1925 г. Таким образом, до того как занять пост заведующего Уралобллитом, М.Р. Ланге успел побывать в роли чекиста, партийного функционера и прокурора.

1 января 1926 г. М.Р. Ланге возглавил Уралобллит. В своих циркулярах, адресованных окрлитам и политредакторам периодических

⁴³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 3544. Л. 35

⁴³¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 17. Д. 105. Л. 1об.

изданий, М.Р. Ланге старался делать ссылки на действующее советское законодательство. При М.Р. Ланге создается прецедент привлечения к уголовной ответственности работников цензурного ведомства за разглашение в печати военных, политических и экономических тайн⁴³². В целом, М.Р. Ланге показал себя как волевой и жесткий руководитель. Ему удалось мобилизовать небольшой аппарат обллита и добиться реализации многих задач, стоявших перед институтом уральской цензуры. Отметим и то, что он старался избегать прямых конфликтов с другими советскими ведомствами, издательствами, редакциями. Ярким подтверждением может служить так называемое «Дело Жарковой». В конфликте между нижнетагильским цензором Жарковой и местными кинопрокатными конторами начальник Уралобллиты занял сторону последних. Несмотря на неоднократные призывы с просьбой помочь «урегулировать» конфликтную ситуацию со стороны Нижнетагильского окрону, М.Р. Ланге предельно четко обозначил свою позицию: если по вине цензора причинен вред, то он должен его возместить потерпевшей стороне⁴³³. Кроме всего прочего следует помнить и о том, что М.Р. Ланге стал первым реализовывать еще одно направление деятельности органов политической цензуры – радиоцензуры. Цензура радиовещания на Урале на рубеже 1920-1930-х гг. стала приобретать черты системности.

В январе 1930 г. М.Р. Ланге был освобожден от занимаемой должности. В 1930–1931 гг. он работал редактором уральского отделения российского телеграфного агентства. С ноября 1931 г. по лето 1933 г. М.Р. Ланге занимал ответственные должности в уральском областном Союзе⁴³⁴. Наконец, 9 октября 1933 г. он получил назначение на должность редактора Свердловского комитета по радиовещанию. Вновь М.Р. Ланге пришлось работать с текстами передач для радиоэфира. В этой должности он пробыл до июля 1934 г. Постановлением Уралобкома ВКП (б) от 26 июля 1934 г. М.Р. Ланге был переведен в другую парторганизацию. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

---

⁴³² ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

⁴³³ МУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1112. Л. 6.

⁴³⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 17. Д. 105. Л. 2об.

2.3.2. Павел Петрович Бажов

О выдающемся детском писателе, авторе «Малахитовой шкатулки» и целой серии других популярных уральских сказов, написано немало книг, публикаций и статей. Однако и сегодня малоизвестным остается факт его работы в цензурном ведомстве. В автобиографии П.П. Бажов обходил стороной этот период жизнедеятельности, а его биографы лишь вкратце упоминают о работе писателя в должности цензора⁴³⁵.

Родился Павел Петрович в 1879 г. в Сысертском заводе Екатеринбургского уезда в семье рабочего пудлингово-сварочного цеха. П.П. Бажов был единственным ребенком в семье, в возрасте 10 лет родители отдали его в Екатеринбургское духовное училище, а несколько лет спустя он продолжил духовное образование в Пермской духовной семинарии. В 1899 г. в возрасте 20 лет П.П. Бажов окончил семинарию по 1-му разряду и получил предложение поступить слушателем в Киевскую духовную академию. Однако на этом духовное образование закончилось, молодой семинарист не почувствовал в себе призвания продолжить обучение. В этом же году он был принят учителем русского языка в духовное училище г. Екатеринбурга. Педагогический период деятельности занял без малого 18 лет. До апреля 1917 г. П.П. Бажов трудился в духовно-учебных заведениях Урала. В 1903 г. он предпринял безуспешную попытку поступить в Томский университет. Свои политические предпочтения в это время он определял следующим образом: «Я фактически был революционно настроенным интеллигентом, очень неопределенной формации... Таким оставался и после Февральской революции»⁴³⁶.

В 1917 г. П.П. Бажов состоял членом в одной из уральских организаций партии эсеров. Он разделял взгляды эсеров по многим вопросам общественного устройства. После октябрьского переворота его идеологическая позиция изменилась, и он занял сторону большевиков. События Гражданской войны застали П.П. Бажова в г. Камышлове. Местная организация РКП (б) доверила беспартийному учителю при эвакуации Камышлова доставить в г. Пермь крупную денежную сумму. Сдав ценности адресату, в августе 1918 г. П.П. Бажов посчитал своим долгом вернуться обратно на фронт. Военные действия велись в 50 км от Камышлова, в районе станции Егоршино. «Партийная организация отнеслась очень одобрительно к моей явке, сразу зачислила меня в члены партии, и секретарь парторганизации тов. Федоров выдал мне билет с отметкой 26 июня 1917 года...», – писал П.П. Бажов в

---

⁴³⁵ Бажовская энциклопедия / ред.-сост. В.В. Блажес, М.А. Литовская. Екатеринбург, 2007. С. 525-526.

⁴³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Л. 168; ЦДООСО. Ф. 10. Оп. 10. Д. 47. Л. 2.

автобиографии⁴³⁷. Здесь случился казус, который в будущем доставил коммунисту П.П. Бажову немало тревожных переживаний. Фактически в члены РКП (б) П.П. Бажов был принят 1 сентября 1918 г., а партийный билет № 0406888 был выдан ему Камышловской парторганизацией с отметкой 26 июня 1917 г. Общеизвестно, что в военное время уставные правила коммунистами часто нарушались, к тому же совершались и более вопиющие ошибки. Случай с П.П. Бажовым был не единичным; однако уже после окончания Гражданской войны по известным только ему причинам он во всех официальных документах указывал приписанный ему партийный стаж. Ниже мы вернемся к этому эпизоду.

В октябре 1918 г. П.П. Бажов был избран на должность секретаря партячейки при штабе 29-й Уральской дивизии Красной армии⁴³⁸. Одновременно с этим он трудился на посту технического редактора дивизионной газеты «Окопная правда». В декабре 1918 г. красноармейские части оставили Кунгур, Пермь и откатились на запад под напором белогвардейцев. П.П. Бажов попал в плен и несколько месяцев находился в тюремном заключении. В 1919 г. ему удалось бежать из плена и добраться до Томска. Более полугода он находился в партизанских отрядах, действовавших на территории Сибири. В конце 1919 г. вместе с партизанским соединением М.В. Козыря он вступил в Усть-Каменогорск. Гражданская война заканчивалась и здесь, в Усть-Каменогорске, П.П. Бажов был избран в местный горком РКП (б). В 1920 г. его избрали в члены обкома РКП (б) Семипалатинской губернии. Партийная карьера пошла в гору, однако путь функционера П.П. Бажов быстро отверг и уже в 1921 г. вернулся в г. Камышлов, где до 1923 г. проработал редактором местного издания.

После районирования Урала в 1923 г. П.П. Бажов был переведен в г. Свердловск. В 1923–1930 гг. он занимался журналистикой, пытался писать свои первые книги. Основным местом работы в этот период деятельности являлась «Уральская областная крестьянская газета», которая с февраля 1930 г. была переименована в «Колхозный путь». Зимой-весной 1930 г. как спецкор газеты он часто посещал Ирбитский округ. Так, 28 февраля, находясь в г. Ирбите, он принял активное участие в районном совещании сельских корреспондентов. 9 марта 1930 г. П.П. Бажов был принят в Уральскую ассоциацию пролетарских писателей по секции очеркистов. В середине апреля П.П. Бажов снова появился в Ирбитском округе: в селе Скородум участвовал в собрании уполномоченных по утверждению состава новой сельскохозяйственной артели, в с. Зайково организовал корреспондентский пункт для подачи ежедневной информации в «Голос колхозника». В

---

⁴³⁷ ЦДОСО. Ф. 10. Оп. 10. Д. 47. Л. 4.

⁴³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Л. 168об.

первой половине 1930 г. П.П. Бажов готовил к изданию книгу «Пять ступеней коллективизации» о д. Любиной Ирбитского округа. Издание осуществил Уралгиз тиражом в 15 тыс. экземпляров. 9 августа 1930 г. редакция газеты «Колхозный путь» откомандировала П.П. Бажова в распоряжение Уралобкома ВКП (б), неделю спустя он получил назначение в Уралобллит.

Ранее уже отмечалось, что Уралобллит в это время находился в переходном состоянии: аппарат уральской цензуры был ослаблен текучкой кадров, возрастал объем работы в результате начавшейся реорганизации Главлита и его местных органов. В Уралобллит на должность старшего инспектора печати и зрелищ П.П. Бажов пришел 15 августа 1930 г. В письме своему знакомому П.Л. Велину, редактору газеты «Путь Ильича», П.П. Бажов замечал по поводу своей новой должности: «По существу ведь я перестал работать в газете... Бажов сидит теперь в другом месте, за дверью, на которой короткая, но выразительная надпись: «Сюда входа нет». За спиной на стенке еще более выразительно обозначено: старший инспектор печати и зрелищ Уральской области»⁴³⁹.

Документов Уралобллита с подписью П.П. Бажова сохранилось совсем немного. Один из них представляет собой обращение заведующего Уралобллитом П.П. Бажова ко всем городским и районным цензорам от 19 сентября 1931 г. В этом обращении П.П. Бажов разъяснял своим подчиненным принципы контроля за выпуском афиш, плакатов и т.д. В условиях бумажного кризиса Литам предписывалось контролировать расход типографиями «остродефицитной бумаги». Объем тиража афиш предлагалось существенно ограничить, а нарушителям данных правил грозило привлечение к материальной и уголовной ответственности⁴⁴⁰.

21 мая 1932 г. П.П. Бажов был освобожден от работы в Уралобллите. Он так и не смог выполнить директивы Главлита, институт цензуры на Урале оставался в кризисном состоянии. Заметим, что в отличие от предшественников, чей возраст составлял 30 лет, П.П. Бажову было уже за 50. Специфика работы цензора его тяготила, он не цеплялся за этот пост и пытался лишь выполнить дело, порученное ему партией.

После оставления должности цензора П.П. Бажов работал политредактором Уралгиза и заведующим сектором сельскохозяйственной литературы. В 1933 г. случился описанный нами инцидент с новым заведующим Уралгиза А.Д. Ослоновским. Получив выговор за пропуск в печать брошюр, содержащих моменты рассекречивания гостайн, П.П. Бажов, спустя некоторое время, перешел на работу в исто-

---

⁴³⁹ Цит. по: Бажовская энциклопедия / ред.-сост. В.В. Блажес, М.А. Литовская. Екатеринбург, 2007. С. 526.

⁴⁴⁰ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 70. Л. 16.

рико-партийный отдел при Уралобкоме ВКП (б). В конце 1933 г. после очередной партийной чистки в парторганизациях Свердловской области П.П. Бажов столкнулся с новой проблемой. Всплыло дело пятнадцатилетней давности о присвоении партийного стажа. На заседании партячейки истпарта бывший цензор не смог доказать отсутствие в своих действиях корыстных мотивов. В начале 1934 г. парторганизация постановила исключить П.П. Бажова из рядов ВКП (б). Исключение могло серьезно повлиять на дальнейшую судьбу уральского писателя. Однако его дело достаточно быстро было пересмотрено. Уже 2 февраля 1934 г. бюро Сталинского райкома ВКП (б) г. Свердловска приняло решение повременить с исключением П.П. Бажова, а его дело передать на рассмотрение партийной контрольной комиссии. В итоге постановление о его исключении было заменено на объявление строгого выговора. «Контрольная комиссия не признала в этом деле корыстных целей с моей стороны, приняла во внимание мою работу в партии с 1918 года и ограничилась строгим выговором, утвердив стаж с 1 сентября 1918 года», – писал в биографии П.П. Бажов⁴⁴¹. Однако неприятности продолжали его преследовать.

Фактически одновременно с А.Д. Ослоновским П.П. Бажова вновь исключили из партии. 25 января 1937 г. данное решение было принято бюро Свердловского горкома ВКП (б). Причем П.П. Бажову, редактору социально-экономического отдела Свердловского областного издательства, предъявлено то же самое обвинение, что и А.Д. Ослоновскому: пропаганда троцкизма⁴⁴². Единственное отличие заключалось в том, что Ослоновского судили за книгу десятилетней давности, а Бажова – за только что вышедшее в печать издание. Занимая редакторские должности на протяжении ряда лет, П.П. Бажов так и не усвоил для себя элементарной вещи: постоянно проводить анализ политической конъюнктуры в стране.

В ноябре 1936 г. Свердловским областным издательством была выпущена в книготорговую сеть книга П.П. Бажова «Формирование на ходу». По замыслу автора издание было ориентировано на освещение этапов строительства советской власти в Ирбитско-Заводском районе Екатеринбургской губернии. Материалы к книге П.П. Бажов собирал из разных источников, в том числе из бесед с бывшими подпольщиками, красными партизанами и т.д. Страсть к устной истории подвела профессионального исследователя: почти все его герои в 1936–1937 гг. оказались «троцкистами», врагами народа. «По своему существу книга «Формирование на ходу» является антипартийной, контрреволюционной, так как популяризирует как тип борца-революционера М.В. Васильева, разоблаченного троцкиста, контрре-

---

⁴⁴¹ ЦДОСО. Ф. 10. Оп. 10. Д. 47. Л. 4.

⁴⁴² Там же. Оп. 19. Д. 132. Л. 11.

волюционера, – отмечалось в постановлении бюро Свердловского горкома ВКП (б). – Ряд эпизодов в книге написано со слов М. Попова, осужденного за контрреволюцию, и Г.В. Никонова, исключенного из партии за троцкизм»⁴⁴³. Жесткой критике подвергся автор книги и за «искажение» фактов из истории формирования Камышловского полка Красной армии, а также за попытку выдать «явно монархическую» организацию «Союз фронтовиков» за «застрельщицу» по организации советской власти и партийной организации в Ирбитско-Заводском районе. Бюро Свердловского горкома ВКП (б) постановило изъять из продажи книгу П.П. Бажова «Формирование на ходу», а самого автора исключить из рядов ВКП (б)⁴⁴⁴.

Следует отметить, что из партии одновременно с П.П. Бажовым исключили заведующего истпартом С.С. Моисеева «как организовавшего формирование и издание троцкистской контрреволюционной книги», а редактору книги А.А. Перловскому был объявлен строгий выговор. Кроме того, уполномоченному Свердловского обллита Н.Н. Захаровой было объявлено предупреждение за «безответственную проштамповку» данного издания. Кстати, Н.Н. Захарова в это время занимала должность парторга обллита⁴⁴⁵. С лета 1937 г. ее фамилия уже не значилась в штатах цензурного ведомства. Предположим, что история с выпуском книги П.П. Бажова сыграла в ее карьере не последнюю роль.

Итак, как и А.Д. Ослоновский, П.П. Бажов был исключен из партии за пропаганду троцкизма. Первому начальнику Уралобллита пришлось 20 лет опровергать выдвинутые против него обвинения, а П.П. Бажову понадобился всего один год для реабилитации. 27 января 1938 г. партколлегия КПК при Свердловском обкоме ВКП (б) вынесла постановление об отмене решения горкома партии об исключении П.П. Бажова как «недостаточно обоснованное»⁴⁴⁶. Что послужило причиной для снятия с уральского писателя всех обвинений, остается загадкой. Архивные документы говорят лишь о том, что П.П. Бажов был восстановлен в правах члена ВКП (б) и получил партбилет № 0584377. Можно предположить, что у уже получившего известность уральского писателя были высокие покровители.

В 1936–1938 гг. в серии «Уральская библиотека занимательного краеведения» П.П. Бажов поместил свои первые уральские сказы: «Дорогая рыбка», «Медной горы Хозяйка», «Под знаком синего тумана». В 1939 г. был опубликован сборник уральских сказов – «Малахитовая шкатулка», впоследствии получивший всесоюзное признание. В 1942 и 1944 гг. «Малахитовая шкатулка», заметно пополневшая, вы-

⁴⁴³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 19. Д. 132. Л. 10.

⁴⁴⁴ Кузнецова Н.В. Репрессированный П. Бажов и его репрессированные книги // Цензура в России: матер. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 68.

⁴⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 3746. Л. 3.

⁴⁴⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 19. Д. 132. Л. 8-8об.

ходит в Москве в центральных издательствах. П.П. Бажов стал лауреатом Государственной премии в 1943 г., награжден орденом Ленина за литературную работу. В 1949 г. вышли мемуары П.П. Бажова «Дальнее – близкое».

2.3.4. Семен Иванович Тубанов

Последним начальником Уралобллита стал Семен Иванович Тубанов. Этот пост он занял не ранее 1 июля 1933 г. До конца января 1934 г. цензурные органы продолжали получать циркуляры Уралобллита. После ликвидации Уральской области С.И. Тубанов стал первым начальником Свердловского обллита и проработал на этой должности фактически до конца 1937 г.

Родился Семен Иванович 1 февраля 1887 г. в деревне Новая Емецкой волости Архангельской губернии в семье крестьянина⁴⁴⁷. В возрасте 12 лет он окончил двухклассное училище в селе Емецкое. С августа 1903 г. по декабрь 1905 г. трудился чернорабочим на 6 участке строительства железной дороги Петербург-Вологда-Вятка. В 1906 г. был переведен на должность писца-делопроизводителя. В 1907 г. С.И. Тубанов уехал в Петербург и устроился на работу в трамвайный парк. В 1909–1911 гг. проходил срочную военную службу в Новочеркасском пехотном полку. После демобилизации вернулся в Петербург и снова был принят в Васильевский трамвайный парк на должность конторщика. В июле 1914 г. С.И. Тубанов был призван в действующую армию и до осени 1917 г. состоял писарем в лазарете 37-й пехотной дивизии. Со своей воинской частью С. И. Тубанов под натиском противника покидал Польшу и Галицию.

Летом 1917 г. примкнул к большевикам, после октябрьских событий в Петрограде был избран членом Совета солдатских депутатов и дивизионного комитета. 28 ноября 1917 г. Петроградской партийной организацией РСДРП (б) был принят в члены партии, получил партбилет № 2480736⁴⁴⁸. В конце января 1918 г. С.И. Тубанов вернулся на родину, в Емецкую волость, где проявил себя как один из активных борцов с «контрреволюцией». С марта 1918 г. по февраль 1921 г. служил в Красной армии на различных должностях, последняя из которых – начальник политотдела Архангельского губвоенкомата. Летом 1918 г. С.И. Тубанов принимал участие в карательных экспедициях при подавлении «кулацких» восстаний в городе Холмогоры и селе Емецкое. В составе красноармейских частей осенью 1918 г. воевал на образовавшемся так называемом Северном фронте против Добро-

⁴⁴⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 28. Д. 2353. Л. 1.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 3.

вольческой армии Временного правительства Северной области. В октябре 1918 г. С.И. Тубанов попал в плен, и некоторое время содержался в тюремном заключении. Ему удалось бежать из плена, и зимой 1919 г. он оказался в Москве. В столице С.И. Тубанов поступил слушателем в Московский университет, в котором проучился всего два месяца. 15 мая 1919 г. он оставил учебу и снова отправился на фронт. Демобилизовался из Красной армии С.И. Тубанов лишь в феврале 1921 г.

После окончания Гражданской войны С.И. Тубанов участвовал в восстановлении советской власти на севере РСФСР. В 1921–1924 гг. он занимал должности секретарей уездных комитетов РКП (б) в городах Емецке и Шенкурске. С 1924 по 1930 г. С.И. Тубанов находился в г. Архангельске, трудился на постах заведующего организационным отделом губкома ВКП (б), заведующего организационным отделом Архангельского губисполкома и оргкомитета ВЦИК по районированию Северного края. В 1929–1930 гг. С.И. Тубанов являлся заведующим орготделом Северной краевой партийной контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции. За время работы в Архангельске он проявил себя и как писатель, опубликовав книгу «Северная деревня». Издание было посвящено исследованию социальных процессов, протекающих в советской деревне на севере РСФСР⁴⁴⁹.

В сентябре 1930 г. С.И. Тубанов снова приехал в г. Москву с целью повышения образования. До мая 1932 г. он являлся слушателем курсов в Институте марксизма-ленинизма при ЦК ВКП (б). После обучения С.И. Тубанов получил направление на Урал. В июне 1932 г. он занял пост заведующего культурно-просветительским отделом Свердловского горкома ВКП (б). На этом месте будущий цензор проработал всего около года. Летом 1933 г. С.И. Тубанов был назначен на должность начальника Уралобллита.

До реорганизации Уралобллита в январе 1934 г. С.И. Тубанов успел проявить себя как грамотный организатор. Нам уже известна его инициатива учредить в Уралобллите «красную доску» для «отличников» цензурной работы. 1 января 1934 г. С.И. Тубанов по совместительству был назначен начальником отдела военной цензуры при Уралобллите. Три недели спустя, после учреждения Свердловского обллита, он стал его руководителем. На этом посту он пробыл почти четыре года и в конце 1937 г. стал жертвой интриг своих же подчиненных.

Проведенный нами анализ протоколов заседаний парторганизации Свердловского обллита за 1934–1937 гг. дал следующие результаты. В самом аппарате обллита царила атмосфера постоянных склок между его работниками. На заседаниях партийной ячейки в присут-

---

⁴⁴⁹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 23. Д. 1751. Л. 1.

ствии С.И. Тубанова разыгрывались настоящие словесные баталии. Сам же начальник Свердловобллита пытался маневрировать, примирять конфликтующие стороны. Нередко он перекладывал решение важных вопросов на секретаря ячейки или своего заместителя. В 1936–1937 гг. психологическая атмосфера в аппарате обллита накалилась до предела. Поиск «троцкистов» и «оппортунистов» в масштабах страны докатился и до уральского цензурного ведомства. Только за несколько месяцев 1937 г. парторганизация Свердловского обллита исключила из партии четырех своих коллег. Те цензоры, которые еще недавно на партсобраниях поддерживали обвинение в «троцкизме» в отношении своих коллег, спустя некоторое время сами становились «врагами». Подобной участи не избежал и С.И. Тубанов.

В автобиографии от 4 августа 1941 г. С.И. Тубанов, в частности, отмечал: «В 1938 г. партийной организацией Обллита был исключен из партии за притупление бдительности...»⁴⁵⁰. Вместе с тем, по документам, имеющимся в нашем распоряжении, видно, что увольнение с должности начальника Свердловобллита произошло раньше: в ноябре 1937 г. Так, уже 10 ноября 1937 г. бюро Свердловского обкома ВКП (б) приняло решение: «Снять Тубанова с работы начальника Обллита, как не внушающего политического доверия»⁴⁵¹. 23 ноября 1937 г. состоялось собрание парторганизации обллита, на котором парторг О.Д. Цветкова объявила присутствующим об освобождении С.И. Тубанова от занимаемой должности начальника обллита «по приказу Главлита»⁴⁴. В протоколе же № 13 собрания партийной организации Свердловского обллита от 10 июня 1938 г. было зафиксировано заявление бывшего заместителя С.И. Тубанова О.Д. Цветковой, что факт сдачи ей всей секретной документации последним произошел только 3 декабря 1937 г.⁴⁵²

Поиск точной формулировки основания для исключения С.И. Тубанова его коллегами из рядов ВКП (б) позволил выяснить следующее. Начальника Свердловобллита парторганизация цензурного ведомства исключила как «пособника врагам народа»⁴⁵³. 21 января 1938 г. на общем собрании парторганизации Свердловобллита еще продолжали звучать такие мнения об исключении Тубанова, как: «Тубанов – тут были тоже самые веские причины и факты, компрометирующие его как руководителя»⁴⁵⁴. Вместе с тем, Сталинский райком ВКП (б) не утвердил исключение С.И. Тубанова, а ограничился строгим выговором. В марте 1938 г. партколлегия КПК при Свердловском обкоме ВКП (б) вынесла постановление о снятии и этого выговора как «не-

⁴⁵⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 28. Д. 2353. Л. 3об.

⁴⁵¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 23. Д. 1751. Л. 3.

⁴⁵² Там же. Л. 33. Цветкова О.Д. Приложение 2. С. 351.

⁴⁵³ Там же. Л. 16об.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 4.

обоснованно назначенного»⁴⁵⁵. Присутствовавший на очередном заседании парторганизации Свердловского обллита 20 апреля 1938 г. инструктор Сталинского райкома ВКП (б) Сажаев в своем выступлении прямо указывал присутствующим на допущенные парторганизацией «ошибки» по отношению к С.И. Тубанову. В прениях все члены парторганизации Свердлобллита согласились, что действительно по отношению к С.И. Тубанову была допущена «большая ошибка»⁴⁵⁶. Итогом явилось взятое на себя обязательство собранием выполнить указания Свердловского обкома ВКП (б) и «до конца исправить ошибки, допущенные парторганизацией» по делу С.И. Тубанова, а также двух других коллег⁴⁵⁷.

Несколько дней спустя, на следующем заседании парторганизации Свердлобллита парторг О.Д. Цветкова озвучила тезисы отчета «О работе парторга парторганизации Обллита за период с мая 1937 г. по 20 апреля 1938 г.». Разбирая ситуацию с исключением С.И. Тубанова, парторг назвала настоящую причину этого радикального решения: «Тубанов – бывший начальник Обллита – исключен как пособник врагов народа. Данных о его вражеской деятельности у нас нет. Материалов, достаточных для исключения, у нас не было, но *тут мы решили перестраховаться*. Тубанов был безрукий руководитель, он не ставил резко вопроса перед Обкомом и Главлитом и Обкомом нового состава, он боялся брать на себя ответственность, всегда прятался за директивы... *его надо было снять, а не исключать*, как это сделали мы»⁴⁵⁸. Таким образом, проработавший полгода главой Уралобллита и четыре года начальником Свердлобллита коммунист С.И. Тубанов стал жертвой простой «перестраховки». Веской причины его изгнания из цензурного ведомства не существовало.

После этой неприятной истории С.И. Тубанов так и не был восстановлен на прежней должности. В 1938–1941 гг. он работал на должностях старшего научного сотрудника, а затем ученого секретаря Антирелигиозного музея Свердловской области⁴⁵⁹.

---

⁴⁵⁵ Там же. Оп. 28. Д. 2353. Л. 3об.

⁴⁵⁶ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 6. Л. 16об.-17об.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 19.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 22.

⁴⁵⁹ Там же. Оп. 28. Д. 2353. Л. 1об., 3.

2.3.5. Мария Николаевна Пермякова

Более десяти лет во главе Пермского (Молотовского) обллита находилась Мария Николаевна Пермякова. На работу в органы цензуры она пришла, когда еще только формировались штаты Пермского обллита. Она не первая женщина, возглавившая цензурное учреждение на Урале. Первой была А.П. Горских, в апреле 1938 г. ставшей начальником Свердловского обллита. Вместе с тем, в отличие от своей коллеги М.Н. Пермяковой удалось проработать на этом ответственном посту в три раза дольше и получить ведомственную награду за отличную работу.

Родилась Мария Николаевна в феврале 1898 г. в селе Петропавловском Сарапульского уезда Вятской губернии в семье рабочего-железнодорожника⁴⁶⁰. Отец длительное время работал стрелочником на станции Бородулино Пермской железной дороги, мать трудилась на этой же станции водоизвозчицей. По окончании двухклассного училища в возрасте 14 лет трудоустроилась поденщицей по сортировке льна у местного купца Дробинина. В 1914 г. уехала в г. Пермь, где два года проработала в одной из швейных мастерских. В сентябре 1916 г. в Глазовской женской гимназии успешно сдала экзамен экстерном на аттестат учителя начальных классов. В 1916-1918 гг. работала учителем в начальном училище починка Удинский Глазовского уезда Вятской губернии. С мая 1918 по 1 июня 1919 г. служила конторщицей в техническом отделе Управления Пермской железной дороги. Здесь ее и застали события Гражданской войны в Прикамье. После реставрации советской власти в июле 1919 г. М.Н. Пермякова поступила на учительские курсы при дорожном подотделе городского отдела образования г. Перми. Обучение учительскому ремеслу продлилось всего три месяца. В сентябре 1919 г. она устроилась на работу педагогом Единой трудовой школы при заводе Мотовилихи. В 1920–1922 гг. М.Н. Пермякова трудилась на аналогичной должности в селе Чупино Камышловского уезда Екатеринбургской губернии.

В педагогической работе вскоре был сделан перерыв. Следующие пять лет, с 1923 по 1927 г., М.Н. Пермякова занимала выборные профсоюзные должности в городе Перми, а затем в г. Свердловске⁴⁶¹. На профсоюзной работе М.Н. Пермякова выросла до председателя учкома профсоюза железнодорожных просвещенцев г. Свердловска. Затем был годичный перерыв в трудовой деятельности из-за болезни родившегося ребенка, в 1928 г. она проживала в г. Троицке Челябинского округа. М.Н. Пермякова возобновила свою педагогическую деятельность и с 1 сентября 1928 г. по сентябрь 1930 г. трудилась учителем в железнодорожной школе на станции Троицк Южно-Уральской

---

⁴⁶⁰ ПермГАНИ. Ф. 195. Оп. 243. Д. 1879. Л. 3.

⁴⁶¹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 243. Д. 1879. Л. 4об.

железной дороги. Здесь осенью 1928 г. местной парторганизацией она была принята кандидатом в члены ВКП (б). В сентябре 1930 г. М.Н. Пермякова вернулась в Пермь, где следующие три с половиной года проработала учителем учебно-курсового комбината по рабочему образованию. В марте 1931 г. М.Н. Пермякова Пермским горкомом ВКП (б) была принята в партию и получила партбилет № 2275567⁴⁶².

М.Н. Пермякова старалась систематически повышать свое образование. В 1932–1933 гг. в качестве слушателя она посещала вечерний районный комвуз г. Перми, в итоге получила квалификацию преподавателя обществоведческих дисциплин. В характеристике руководителя комвуза от 11 апреля 1933 г., в частности, отмечалось: «Пермякова Мария Николаевна за время учебы несла общественные обязанности члена бюро ячейки коллектива ВКП (б), была ударницей в учебе и на производстве»⁴⁶³. Благодаря партийному образованию в 1934–1935 учебном году она заняла должность учителя городской партшколы. В сентябре 1935 г. М.Н. Пермякова поступила на исторический факультет Пермского педагогического института. Будучи студенткой вуза М.Н. Пермякова была приглашена работать в цензуру. С декабря 1937 по сентябрь 1938 г. М.Н. Пермякова исполняла обязанности начальника Пермского горлита⁴⁶⁴. Об этом периоде деятельности практически ничего неизвестно. Но очевидно именно здесь она впервые познакомилась со спецификой работы советского цензора. Совмещать такую деятельность и учебу ей фактически не удавалось, только в сентябре 1938 г. М.Н. Пермяковой удалось продолжить обучение в институте. 17 июня 1939 г. она получила диплом № 222652 с отличием с присвоением квалификации учителя средней школы⁴⁶⁵. Однако работать по специальности не получилось. Еще 14 апреля 1939 г. бюро Пермского горкома ВКП (б) приняло решение рекомендовать М.Н. Пермякову на должность заместителя начальника Пермского обллита⁴⁶⁶. На 1 января 1939 г. в Пермском обллите две трети служащих имели только начальное образование.

26 июня 1939 г. М.Н. Пермякова была утверждена заместителем начальника обллита⁴⁶⁷. Однако в новом статусе ей трудиться пришлось недолго. В сентябре 1939 г. Пермским обкомом ВКП (б) был отстранен от должности начальник обллита Александр Маркелович Огибин, занимавший этот пост с момента основания Пермского обллита, т.е. всего 10 месяцев. В формулировке отставки, в частности, отмечалось: «Снят с работы... как дискредитировавший себя (морально раз-

---

⁴⁶² Архив ПГПУ. Ф. Р-420. Оп. 9. Д. 399. Л. 5.

⁴⁶³ Там же. Л. 6.

⁴⁶⁴ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 243. Д. 1879. Л. 4об.

⁴⁶⁵ Архив ПГПУ. Ф. Р-420. Оп. 9. Д. 399. Л. 20.

⁴⁶⁶ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 243. Д. 1879. Л. 7.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 9.

ложился)»⁴⁶⁸. Выбор нового начальника обллита был осуществлен достаточно быстро. Уже 2 октября 1939 г. М.Н. Пермякова получила назначение на эту должность. На посту начальника Пермского обллита она проработала до июля 1950 г.

В довоенное время М.Н. Пермяковой приходилось много времени тратить на решение организационных вопросов, большой проблемой являлась высокая кадровая мобильность в аппарате Пермского (Молотовского) обллита. К концу 1940 г. эти проблемы удалось частично разрешить. Внешняя оценка деятельности М.Н. Пермяковой в это время дана, в частности, в должностной характеристике от 11 сентября 1940 г., составленной секретарем по кадрам Молотовского обкома ВКП (б) Денисовым: «Тов. Пермякова за период работы начальником Обллита провела большую организационную работу в аппарате Обллита, а также и по налаживанию цензорской работы в районах области, полностью укомплектован штат цензорскими работниками и все объекты охвачены контролем, – подчеркивал Денисов. – Товарищ Пермякова политически развита, имеет организаторские способности, энергичная, дисциплинированная, с работой начальника Молотовского Обллита справляется»⁴⁶⁹.

Главлит также положительно характеризовал деятельность начальника Молотовского обллита. Так, в секретном циркуляре № 104/с от 20 января 1940 г., в частности, отмечалось, что последующий цензурный контроль в обллите организован «хорошо», а присылаемые М.Н. Пермяковой в Главлит отчеты полны и содержательны. «Проводимые Вами совместно с Обкомом ВКП (б) мероприятия по улучшению работы Обллита, особенно уполномоченных в районах, одобряем», – говорилось в циркуляре⁴⁷⁰. Накануне Великой Отечественной войны М.Н. Пермякова была награждена почетной грамотой Главлита «За отличную работу по охране военных и государственных тайн».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года М.Н. Пермякова была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг.»⁴⁷¹. В 1945–1950 гг. она продолжала работать в должности начальника Молотовского обллита. 12 мая 1950 г. бюро Молотовского обкома ВКП (б) приняло решение перевести М.Н. Пермякову на должность заведующей сектором печати отдела пропаганды и агитации обкома ВКП (б), освободив ее от должности начальника обллита. 14 июля 1950 г. Секретариат ЦК ВКП (б) утвердил постановление Молотовского обкома ВКП (б), и М.Н. Пермякова перестала числиться в штате цензурного ведомства⁴⁷². Предположим, что уход М.Н. Пермяковой с должности цензо-

⁴⁶⁸ Там же. Л. 12об.

⁴⁶⁹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 243. Д. 1879. Л. 13.

⁴⁷⁰ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 26.

⁴⁷¹ ПермГАНИ. Ф. 195. Оп. 243. Д. 1879. Л. 5об.

⁴⁷² ПермГАНИ. Ф. 195. Оп. 243. Д. 1879. Л. 16, 19.

ра был связан с личными мотивами. Проблемы со здоровьем начались еще в 1946 г., когда она несколько месяцев находилась в отпуске по состоянию здоровья⁴⁷³. 9 августа 1950 г. М.Н. Пермякова подписала обязательство не разглашать известные ей государственные тайны.

С августа 1950 г. по июнь 1955 г. М.Н. Пермякова работала в должности начальника сектора печати отдела пропаганды и агитации Молотовского обкома ВКП (б). На этой работе ей приходилось находиться в постоянном контакте с цензорами аппарата Пермского обллита, осуществляя партийный контроль за их деятельностью.

С годами состояние ее здоровья продолжало ухудшаться. 18 июня 1955 г. М.Н. Пермякова была освобождена от занимаемой должности с формулировкой «по состоянию здоровья»⁴⁷⁴. В дальнейшем ответственные посты она уже не занимала и через некоторое время вышла на пенсию.

---

⁴⁷³ Там же. Л. 60б.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 22.

Глава 3. Кадровый состав уральских цензурных органов в 1920–1940 гг.

3.1. Формирование кадрового аппарата в 1922–1933 гг.

Реконструируя процесс становления системы политической цензуры на Урале, приходится постоянно обращаться к практикам деятельности непосредственных исполнителей директив Главлита – цензоров низового звена. Государственные гарантии по обеспечению деятельности служащих цензуры в нормативно-правовых актах 1922–1924 гг. были выражены крайне слабо. Ранее уже отмечалось, что заработную плату уездные цензоры не получали, денежные средства на «хозяйственно-оперативные» нужды им было поручено брать из без того скромных бюджетов уездных ОНО. Отдельных помещений кабинетного типа улиты не имели, отсутствовала возможность приобретения сейфа для хранения секретных материалов. Каких-либо привилегий, льгот по оплате тех же коммунальных услуг цензоры также не имели. Командировки в уезд подлежали оплате опять же из средств бюджета уездного ОНО. Таким образом, заведующие ОНО обязанности цензора выполняли по совместительству и на общественных началах.

А.В. Блюм в своих трудах утверждает, что требования, предъявляемые к кандидатам на должность цензора Главлита, с самого начала отличались необычайной строгостью. Как минимум кандидат должен был иметь безупречное классовое происхождение – преимущественно пролетарское и состоять членом партии большевиков. Правда, оговаривается А.В. Блюм, низовое звено цензоров рекрутировалось из недавних крестьян, прошедших «обкатку» в городской среде⁴⁷⁵.

Сложно не согласиться с данными суждениями. Следует, однако, иметь в виду, что обозначенные правила могли не работать в провинции. Так, например, в Тюменской губернии зимой 1923 г. более половины заведующих ОНО являлись беспартийными⁴⁷⁶. Следовательно, некоторые из них могли исполнять полномочия улита, иметь доступ к секретной корреспонденции. В отчетном докладе в Уралобллит от 1 апреля 1923 г. тюменский губцензор, в частности, писал: «Как работает аппарат уездной цензуры, Гублитом сведений до сего времени не получено..., а насчет отдельных цензоров в уездах определено Гублит ничего не может сказать, обязательно надо съездить в уезды, посмотреть и убедиться в надобности таковых»⁴⁷⁷. В Пермской губернии

---

⁴⁷⁵ Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953. СПб., 2000. С. 50.

⁴⁷⁶ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 547. Л. 12.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 30.

весной 1923 г. в городах Лысьве и Мотовилихе цензурой печатных изданий занимались беспартийные служащие гороно⁴⁷⁸.

Рассмотрим содержание анкет уездных цензоров, поступивших в Уралобллит. Средний возраст цензоров составлял 30 лет. Самому младшему, курганскому цензору Андрею Захаровичу Неупокоеву, было всего 22 года⁴⁷⁹. Ирбитскому цензору Александру Григорьевичу Арыкину исполнилось 32 года⁴⁸⁰. Свое социальное положение большинство цензоров определяли как выходцы «из крестьян»; национальный состав был преимущественно русским. Все без исключения цензоры имели образовательный минимум. Так, А.Г. Арыкин (Ирбит), А.З. Неупокоев (Курган), Д.Л. Головачев (Троицк), М.С. Иванов (Екатеринбург) в своих анкетах, в частности, отмечали «хорошее» знание русского языка. Некоторые из них трудились в редакционных коллегиях местных периодических изданий. По словам Д. Л. Головачева, он, на момент назначения его на должность цензора, активно занимался «пропагандистско-лекторской» работой⁴⁸¹. М.С. Иванов замещал должность лектора-консультанта в городской школе политграмоты⁴⁸².

Партийный стаж работников улитов колебался в пределах 3–5 лет. В период Гражданской войны практически все они служили в частях Красной армии, некоторые побывали в плену у белогвардейцев. Например, Д.Л. Головачев пробыл в плену с конца 1918 г. по лето 1919 г., А.З. Неупокоев в марте 1919 г. был насильственно мобилизован в ряды колчаковцев, но спустя несколько месяцев дезертировал из части. До поступления на работу в уездные ОНО будущие цензоры занимали различные должности в советских учреждениях: помощники военкомов, уполномоченных ВЧК–ГПУ, члены президиумов исполкомов Советов и т.д. Стаж работы в отделах народного образования на 1 января 1923 г. составлял от 1 месяца до полутора лет. А.Г. Арыкин был утвержден в должности заведующего ирбитским УОНО в начале декабря 1922 г., в то время как Д.Л. Головачев трудился на этом посту в Троицке с середины 1921 г.⁴⁸³

После реорганизации в конце 1923 г. уездные цензоры были переведены в окрлиты. Одной из задач реорганизации объявлялась перестройка кадрового аппарата цензурного ведомства, его обновление. Так А.Г. Арыкин до марта 1924 г. исполнял обязанности начальника окрлита в Ирбите, после чего получил назначение в Ирбитский окружком ВКП (б). Между тем А.З. Неупокоев сохранил свое место в Кургане. Подходы к кадровому составу, в сущности, не изменились.

---

⁴⁷⁸ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 2об.

⁴⁷⁹ Приложение 2. С. 348.

⁴⁸⁰ Приложение 2. С. 344.

⁴⁸¹ ГАКО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 203. Л. 2.

⁴⁸² ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 44.

⁴⁸³ ГАКО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 203. Л. 2.

Кадры для цензуры продолжали набираться из работников окроно, являвшихся членами ВКП (б).

Государственные гарантии по обеспечению деятельности окрлитов в 1924–1929 гг. мало чем отличались от предшествующего. Денежные средства по-прежнему выделялись из бюджетов местных отделов народного образования. В циркуляре № 87/с Уралобллита от 1 июля 1926 г. содержалось требование к руководству окружных ОНО «принять все необходимые меры к включению полностью в бюджет 1926–1927 гг. расходов на содержание окрлитов»⁴⁸⁴.

Кадровый учет уполномоченных окрлитов осуществлялся как со стороны Уралобллита, так и органов ОГПУ. Так, 30 августа 1926 г. в курганское окроно под грифом «Совершенно секретно» поступило циркулярное письмо начальника курганского окружного отдела ОГПУ Корюкова с предписанием предоставить сведения на «работников Окрлита всего округа»⁴⁸⁵. Ответ курганского начальника окрлита не заставил себя долго ждать. Анализ этого документа дает возможность выявить особенности штатной численности курганского органа цензуры.

Непосредственно в Курганском окрлите работало два человека – заведующий окрлитом, он же завокроно – Н. Шибанов и его заместитель – заведующий окрполитпросветом М.Я. Ощейко. В районах на должности уполномоченных окрлита трудилось 15 человек. Все они без исключения по основному месту работы являлись политпросветорганизаторами. Средний возраст цензоров составлял 26 лет. Из них 31% были представителями рабочего класса, 56% крестьян и 13% служащих. Членами ВКП (б) числились 12 чел., кандидатами в члены ВКП (б) – 3, один уполномоченный Марайского района А.И. Гуляев был комсомольцем. 50% уполномоченных освоили курс советско-партийной школы II ступени, 20% освоили курс советско-партийной школы I ступени, остальные прошли курсы обучения в школах политической грамоты. Обратим также внимание, что только двое из них имели стаж цензурной работы более 1 года⁴⁸⁶.

Похожая картина обнаруживается и в других окрлитах. Например, в аппарате Ирбитского окрлита на 1 февраля 1927 г. значилось 12 райуполномоченных, являвшихся служащими политпросвета. Из них 11 были членами партии и 1 – комсомольцем. 33% цензоров закончили советскую партшколу I ступени, 17% – партшколу II ступени, остальные имели образование в рамках курса сельской школы. Трое уполномоченных работали цензорами более одного года⁴⁸⁷. В аппарате Шадринского окрлита на 16 марта 1927 г. состояли

⁴⁸⁴ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 111.

⁴⁸⁵ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 2. Л. 17.

⁴⁸⁶ Там же. Л. 18.

⁴⁸⁷ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 7. Л. 6-6об.

15 райуполномоченных, которые, кроме одного, работали в должности заведующего отделом политпросвета. Уполномоченный окрлита в Дамаровском районе В.З. Кораблев по основной должности являлся заведующим «райкомхозом». Членами ВКП (б) являлись 10 чел., кандидатами в члены ВКП (б) – 3. Уполномоченные по Пышминскому району Ф.С. Хвостов и Четкаринскому району М.П. Хохряков были беспартийными. Причем стаж работы в советских учреждениях у первого составлял всего 2 года, у второго – 9 лет. Отметим также, что только двое цензоров работали на своем месте около 1 года, чуть более 1 месяца трудились 5 человек⁴⁸⁸.

27 ноября 1926 г. вышло распоряжение Уралобллита, в котором содержалось требование к окрлитам представить в виде доклада-таблицы сведения о райлитах. Судя по ее разделам, Уралобллит интересовал в первую очередь стаж партийной и советской работы районного цензора (табл. 2)⁴⁸⁹.

Таблица 2

Сведения о райлитах

Название района	Фамилия уполномоч. окрлита	Основная занимаемая должность	С какого времени назначен	Партийность и стаж	Стаж советской работы

«В дальнейшем предлагается регулярно освещать в очередных докладах работы райуполномоченных и сообщать об изменениях в составе районных работников», – писал М.Р. Ланге⁴⁹⁰.

Рост численности низового аппарата цензуры сопровождался высокой текучестью кадров. Эта проблема вызывала у руководства Главлита серьезную озабоченность. Еще в 1925 г. П.И. Лебедев-Полянский выступал категорически против назначения на должности окружных и районных цензоров работников политпросвета. «Главлит возражал и возражает против выполнения гублитовской работы товарищами, занятыми по совместительству в других учреждениях, особенно в органах Главполитпросвета», – писал П.И. Лебедев-Полянский в одном из циркулярных писем⁴⁹¹. С мнением начальства соглашались на местах. Так, специальная комиссия Ураломо, проведя в мае 1927 г. процедуру обследования аппарата кунгурского окроно, в составленном по ее результатам «Акте» пришла к выводу, что заведующий отделом политпросвета Д.Е. Васильев не справлялся с возложенной на него нагрузкой. «Имеет место слишком чрезмерная

⁴⁸⁸ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп.1. Д. 805. Л. 1.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 5.

⁴⁹⁰ Там же. Л. 5.

⁴⁹¹ Цит. по: Клетиков Н.Н. Указ. соч. С. 73.

нагрузка, для примера возьмем: зав. п/просветом, он же зам. зав. Окроно, зав. ГорОНО, Зав. Окрлитом, не считая уже постоянных комиссий, где является членом. Все это в общей сложности отнимает у него 2/3 времени, рассчитанного для прямой работы», – говорилось документе⁴⁹². Действительно, совмещать работу по цензуре и деятельность в сфере политпросвета было делом нелегким. И большинство как окрлитов, так и их уполномоченных в районах не справлялись в полной мере с обязанностями цензора печати и зрелищ.

Вместе с тем в конце 1920-х гг. на местах ничего кардинально не менялось. В том же Кунгурском округе обязанности начальника окрлита исполнял 24 летний А.Ф. Плоскирев, старший инспектор политпросвета при окроно. В его анкете значилось, что «работу по Литу» он проводил по совместительству. Полномочия по цензуре он принял от своего предшественника 6 марта 1929 г. Его партийный стаж исчислялся полутора годами, а образование – 4 группы школы II степени⁴⁹³. Однако уже летом 1929 г. А.Ф. Плоскирев получил назначение на аналогичную должность в Свердловское окроно, а в 1930 г. был направлен на работу заведующим культпропотделом в Невьянский район⁴⁹⁴. Подобные переброски отнюдь не способствовали укреплению аппарата цензуры на местах. В аппарате Шадринского окрлита на должностях райлитов в конце 1920-х гг. также продолжали трудиться работники политпросветов⁴⁹⁵.

В начале 1930-х гг. в кадровом составе уральской цензуры произошли изменения. Так в 1931 г. был образован институт уполномоченных Уралобллита при издательствах. На 1 января 1932 г. таких уполномоченных было четверо: Д. А. Горбов при уральском отделении госиздата, С.И. Фридэ при издательстве «Магнитострой», М.Д. Прибытков при издательстве уральского областного исполнительного комитета Советов, Г.А. Старостина контролировала работу издательств в Сталинском районе г. Свердловска. Причем только Д.А. Горбов имел высшее образование. Кроме того, М.Д. Прибытков был беспартийным, а Г.А. Старостина являлась совместителем, по основной должности – инспектор горполитпросвета⁴⁹⁶.

Выше уже отмечалось, что низовое звено уральской цензуры подверглось серьезной деформации. С упразднением окрлитов Уралобллит фактически утратил связь с районами. На 1 января 1931 г. П.П. Бажов располагал сведениями всего лишь о 43% райлитов. Из 64 работников райлитов и горлитов 59 являлись членами ВКП (б), 5 – членами ВЛКСМ. 62,5% уполномоченных имели начальное образование и 37,5% – среднее. «После ликвидации округов специально-

⁴⁹² МУ «Кунгурский городской архив». Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 18. Л. 35-36об.

⁴⁹³ Там же. Д. 95. Л. 58об.

⁴⁹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 3152. Л. 5.

⁴⁹⁵ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп.1. Д. 805. Л. 26.

⁴⁹⁶ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 33. Л. 11.

занятых контролем работников не стало, – отмечал П.П. Бажов в докладе в Уралоблисполком. – Работа была возложена на райполитинспектору в порядке совместительства. Такое положение неизбежно внесло элементы случайности, текучести, полной неподготовленности и безответственности»⁴⁹⁷. Год спустя положение не изменилось. На 1 января 1932 г. Уралобллит не располагал сведениями о 104 служащих районной и городской цензуры. «Райлитофикация» – таким термином обозначил заведующий Уралобллитом состояние цензуры на местах⁴⁹⁸.

Интерес представляют и суждения самих цензоров о работе их предшественников в описываемое время. Так, начальник пермского горлита Г.С. Казанцев, утвержденный в этой должности в октябре 1932 г., писал о работниках политпросвета следующее: «Мои предшественники были инспекторами Горлита по совместительству: Цверкун, Дружков, Медведев, Брысов, Орлова, Круглова, Мощаров и Бакин... Работу исполняли случайные люди, не выделенные, не утвержденные, не оформленные»⁴⁹⁹.

Положение усугублялось сокращением финансовых средств, выделяемых на цензуру. В 1931 г. из-за отсутствия «кредитов» только по г. Свердловску Уралобллит был вынужден сократить двух уполномоченных. «Свердловский Горлит находится в зачаточном состоянии, имеется один работник, но у него нет ни помещения, ни технического аппарата», – писал П.П. Бажов⁵⁰⁰. Заведующий Уралобллитом просил Уралобком и местные партийные комитеты ВКП (б) оказать срочную помощь в деле организации работы райгорлитов. По предложению Уралобллита в первую очередь было необходимо выделить 20 партийных работников для укрепления кадрового аппарата районной цензуры. Кроме этой неотложной меры, П.П. Бажов просил увеличить численность самого аппарата Уралобллита посредством приглашения пятерых «квалифицированных» работников из районов области.

16 марта 1933 г. Главлит выпустил третий номер «Бюллетеня Главлита РСФСР». В статье «Организационно-политическое состояние край и обллитов» под редакцией инспектора Главлита А. Орлова был размещен новый материал о ситуации в Уралобллите⁵⁰¹. Автор с удовлетворением отмечал некоторые «подвижки» в работе уральской цензуры. Однако далее последовали порции критики, одна за другой. Неудовольствие А. Орлова вызвали вышеприведенные аргументы Уралобллита: «недооценка работы цензуры местными организациями», «неукомплектованность штатов», «плохой состав райлитов» и

---

⁴⁹⁷ Там же. Д. 22. Л. 59.

⁴⁹⁸ Там же. Л. 59.

⁴⁹⁹ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 123. Л. 12об.

⁵⁰⁰ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 22. Л. 61.

⁵⁰¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 991. Л. 29об-31.

т.д. «Эти ссылки Обллита не обоснованы и заслуживают решительного отпора, – писал инспектор. – Позволительно спросить Обллит: все ли сделал он сам, чтобы мобилизовать все свои внутренние ресурсы для улучшения качества работы? Использовал ли, к примеру говоря, все богатейшие возможности Урала по линии привлечения партийной и научной общественности в помощь своей работе?»⁵⁰². Главлит прямо указывал уральским цензорам на несостоятельность их позиций. Главлит настойчиво требовал от Уралобллита задействовать все ресурсы и возможности. В цензорской печати открыто высмеивалась нерешительность «уральцев»: «Остановки, стало быть, прежде всего, за самим Уралобллитом!»⁵⁰³.

Таким образом, в 1922–1929 гг. в уральском регионе шли процессы формирования кадрового аппарата института политической цензуры. Его численный состав в 1922–1924 гг. был сравнительно небольшим. Будем иметь в виду, что это были люди с незапятнанной революционной репутацией, быстро сделавшие карьеру в советских властных учреждениях. Материальные трудности, отсутствие финансирования деятельности первых цензурных органов вызывало «ужимание» их численности до предела. На рубеже 1923–1924 гг. уральские цензурные органы были реорганизованы. Численность работников цензуры в 1925–1929 гг. выросла в несколько раз. Этому способствовало, в частности, расширение объектов цензурного контроля (радиовещание, выставки и т.д.). Районные политпросветорганизаторы и заведующие окроно представляли собою кадровый костяк политической цензуры. В это же время появляется еще одна категория работников цензуры – политредакторы периодических изданий.

В 1920-е гг. отсутствовала система повышения квалификации цензоров. Уралобллитом не были разработаны квалификационные характеристики, которым должен был соответствовать каждый цензор. Образовательный уровень уральских цензоров был невысоким, никто из них не имел высшего образования. Вместе с тем у нас нет оснований утверждать, что цензоры были безграмотными исполнителями. Большинство из них успешно осваивало курсы советских партийных школ, многие имели опыт педагогической работы. Следует также иметь в виду, что за свою работу улиты, окрлиты и райлиты не получали материального вознаграждения. Заработной платы за труд цензора не существовало, а объем работы с каждым годом все возрастал. Более того, каких-либо ассоциаций и организаций для работников цензурного ведомства в этот период времени не было создано. Фактически уральский цензор работал в изоляции, на свой страх и риск.

---

⁵⁰² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 991. Л. 30.

⁵⁰³ Там же. Л. 30об.

В 1930–1933 гг. кадровый состав уральской цензуры находился в кризисном состоянии, которое усугублялось высокой текучестью кадров, «обезличкой» в работе, плохой материальной обеспеченностью цензурного дела, невниманием местных партийных и советских органов власти к нуждам цензуры. Поиск преодоления застоя начался накануне очередной административно-территориальной реформы Уральской области. Важно также отметить, что в этот период времени происходит постепенный отказ от услуг работников местных ОНО, политпросветорганизаторов. Полномочия цензоров передаются цензорам газет и цензорам при государственных издательствах. В 1932–1933 гг. складывается практика назначения в горрайлиты инструкторов парткомов ВКП (б), заведующих районными культпропами, парткабинетами. Н.Н. Клепиков отмечает, что на Европейском Севере СССР расширение числа непосредственных участников цензурного контроля за счет представителей различных профессий происходит не ранее 1935–1936 гг.⁵⁰⁴

3.2. Социальный и профессиональный состав уральской цензуры в 1934–1941 гг.

В течение 1934 г. Свердловский и Челябинский обллиты занимались формированием кадрового аппарата районной цензуры. В циркуляре Главлита № 280/с от 19 февраля 1934 г., в частности, содержалось предписание всем обллитам «пересмотреть весь состав цензуры, как в центре, так и в районах»⁵⁰⁵. Выполнять подобные директивы Главлита было непросто. В первые месяцы работы обллиты фактически не владели информацией о ситуации в районах. На 1 марта 1934 г. Свердловский обллит не имел никаких сведений о начальниках райлитов в 17 районах области⁵⁰⁶. Приказом № 39 Свердлобллита от 15 мая 1934 г. были утверждены в должности начальников горрайлитов всего 28 человек, что составило 49% от общего числа работников. В этом же приказе С.И. Тубанов сообщал о привлечении к уголовной ответственности 21 работника районной цензуры, вовремя не представивших в обллит необходимые сведения. Начальник обллита обратился с соответствующим ходатайством в свердловскую областную прокуратуру⁵⁰⁷.

Следует иметь в виду, что уже утвержденные в статусе райлита работники по различным причинам покидали цензурную работу.

---

⁵⁰⁴ Клепиков Н.Н. Указ. соч. С. 64.

⁵⁰⁵ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1177. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

⁵⁰⁶ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 82.

⁵⁰⁷ Там же. Л. 69-69об.

Примером может служить история с начальником пермского горлита. Уже известным нам приказом № 39 Свердловллит от 15 мая 1934 г. Г.С. Казанцев был утвержден в должности начальника горлита г. Перми. Этот пост он занимал с октября 1932 г. Но спустя два месяца, 26 июля 1934 г., он оставил должность цензора и перешел на работу в типографию № 2 г. Перми⁵⁰⁸. Текучесть цензурных кадров сводила на нет усилия работников обллитов. При этом партийные и советские органы продолжали игнорировать их просьбы о помощи. Приведем еще один пример.

3 апреля 1934 г. в Челябинский обллит поступило письмо от начальника Ялуторовского горлита Теплоухова. Цензор утверждал, что не имеет возможности полноценно осуществлять свою работу. Препятствия чинили местные должностные лица, которые не обращали внимания на требования горлита. «Меня, как и всех, прикрепили к колхозу на всю весну и лето, и приходится уезжать, не оставляя заместителя, – писал Теплоухов. – В область за документами меня не пускают, хотя я без документов работать не имею права»⁵⁰⁹. Теплоухов не побоялся обозначить и главную проблему: «С этой работой не считаются райком и РИК». Подобное субъективное видение проблемы является свидетельством того, что некоторые цензоры осознавали свое «одинокчество», неопределенность правового статуса. Бессилие что-либо сделать в данной ситуации вызывало чувство потерянности, отсутствие желания работать.

27 ноября 1934 г. Свердловллит издал приказ № 88, в котором назначение на должности райлитов и уполномоченных обллита при типографиях МТС получили еще 23 человека⁵¹⁰. Все вновь назначенные работники являлись членами ВКП (б). Более пяти лет партийного стажа имели 74% цензоров. Так, партийный стаж у цензора Суксунского района Т.И. Башкарина исчислялся с 1918 г., у цензора Ворошиловского района В.Г. Чупина – с 1931 г. Вместе с тем, выдвигая на первый план критерий партийности, назначения цензоров порой не обходились без курьезных случаев. Например, вышеназванным приказом Свердловллит утвердил в должности райлита Пермского района З.С. Шмелеву, партийный стаж которой исчислялся с 1927 г.⁵¹¹, после чего она проработала в цензуре более полугода. Лишь по случайному стечению обстоятельств З.С. Шмелева была изобличена в служебном подлоге: присвоив чужой партийный билет и приписав себе стаж, она довольно легко попала в органы цензуры. В отношении «авантюристки» прокуратура возбудила уголовное дело, закончившееся ее осуждением.

---

⁵⁰⁸ Приложение 2. С. 346.

⁵⁰⁹ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 69-69об.

⁵¹⁰ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 13.

⁵¹¹ Там же. Л. 13.

В Челябинском обллите к концу 1934 г. ситуация с кадровым составом также продолжала оставаться напряженной. 21 ноября 1934 г. П.Н. Шмелев направил в областной спецотдел НКВД докладную записку. В ее содержании, в частности, отмечалось, что в большинстве районов Челябинской области обязанности райлитов по-прежнему исполняли работники политпросветов. Их труд не имел систематического характера и сводился к простой «проштамповке» литеров цензуры. «Освобожденных работников должно быть 23, а в данный момент работают только 13, причем два из них работают по совместительству», – писал начальник Челябобллита⁵¹². Аппарат управления Челябинского обллита, по утверждению П.Н. Шмелева, не имел отдельного помещения и располагался совместно с другими отделами областного ОНО. «Работникам совершенно негде заниматься и в таких условиях вообще работать нельзя, поскольку вместе с обллитом помещается политпросвет... где шум и гам», – писал в заключении П.Н. Шмелев. Обллит просил органы госбезопасности помочь в разрешении проблем.

Обратим внимание еще на один факт. В докладной записке «О работе райлитов за 1935 г.» от 26 декабря 1935 г., адресованной Свердловскому обкому ВКП (б), начальник Свердлобллита С.И. Тубанов высказал суждение, что в начале 1930-х гг. на Урале «... райлитов, как органов цензуры, не существовало»⁵¹³. Остается только предполагать, что он имел в виду. Можно утверждать, что, как и его предшественник П.П. Бажов, С.И. Тубанов относился с большим предубеждением к работникам политпросвета. Более того, он не считал их полноценными цензорами. Настоящий же «райлит» мог появиться не ранее 1934 г., когда цензура окончательно вышла за пределы системы образования.

Так или иначе, а в данной докладной записке С.И. Тубанов вынужден был подвести неутешительный итог: за два года строительства кадрового аппарата цензуры в Свердловской области было создано всего лишь 75% райлитов, действующих на постоянной основе. В 16 районах так и не были образованы органы цензуры. «Вместе с тем, в районной и многотиражной печати за 11 месяцев разглашено 73 гостайны и пропущено политически вредных контрреволюционных 67 материалов...», – писал С.И. Тубанов⁵¹⁴. По данным обллита, на 1 января 1936 г. численность аппарата освобожденных работников (райлитов) составила 34 чел., что, по мнению начальника обллита, было «явно недостаточным». «Неосвобожденных» работников райлитов было 12 чел., выполнявших цензурную работу по совместительству с основной. Это были заведующие местными ОНО и политпросветами.

---

⁵¹² ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁵¹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 94.

⁵¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 94об.

«В ряде районов нормальных условий для работы не создано, – писал С.И. Тубанов. – Нет отдельных помещений, ящиков для хранения секретных документов, выплата зарплаты проводится ниже установленных ставок»⁵¹⁵. Таким образом, в 1935 г. проблемы организационного и материально-технического порядка продолжали осложнять процесс формирования и деятельности органов цензуры на Урале.

А.В. Блюм приводит данные о том, что за последующие пять лет – с 1936 г. по 1940 г. – штаты облкрайлитов увеличились в несколько раз⁵¹⁶. В свою очередь, Н.Н. Клепиков выдвинул предположение, что перевод цензуры на финансовое обеспечение из госбюджета с 1 января 1938 г. позволил «существенно изменить статус должности цензора». «Исполнение цензорских обязанностей, – пишет Н.Н. Клепиков, – теперь рассматривалось как одна из ступеней в карьерном движении по служебной лестнице»⁵¹⁷. Действительно, количественные и качественные изменения в аппаратах местных цензурных ведомств неизбежно должны были произойти. Учитывая трансформацию всей политической системы СССР во второй половине 1930-х гг., невозможно представить, чтобы отдельный ее институт не был подвергнут воздействиям и вызовам эпохи. В этом случае нам представляются не совсем правильными суждения А.М. Подлужной, когда она сравнивает кадровый аппарат Пензенского региона 1920-х и 1930-х гг., конца 1920-х и конца 1930-х гг. Исследователь не находит отличия в таких вопросах, как «образовательный уровень» цензоров, их «подготовка» (профессиональные качества), «эффективность» контроля⁵¹⁸.

Рассмотрим количественные и качественные изменения, произошедшие в уральских цензурных ведомствах во второй половине 1930-х гг. В 1937 г. в обллитах Урала начался переход на государственное финансирование. Повсеместно происходило увеличение численности кадрового аппарата цензуры. По данным на 23 февраля 1937 г. аппарат управления Челябинского обллита состоял из 7 человек: начальника, трех политредакторов, инспектора, двух военных цензоров и секретаря. Трое уполномоченных обллита осуществляли цензурный контроль при издательствах и типографии. Было 17 штатных работников горрайлитов, из которых только 53% имели партстаж свыше 10 лет. Численность работающих по совместительству – «неосвобожденных» – составила 44 человека. Из них 29 чел. по основному месту работы являлись заведующими районо, 6 – инструкторами политпросвета, 3 – заведующими партийными кабинетами, 1 – директором совпартшколы, 1 – управделами районного комитета ВКП (б), 3 – служащими районных исполкомов Советов (инструктор, зав. спец. частью, зав.

---

⁵¹⁵ Там же. Л. 97.

⁵¹⁶ Блюм А.В. Указ. соч. С. 49.

⁵¹⁷ Клепиков Н.Н. Указ. соч. С. 70-71.

⁵¹⁸ Подлужная А.М. Политическая цензура в Пензенском регионе в 1920-1930-е гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Пенза, 2007. С. 20.

отд. здравоохранения) и 1 – «политическим воспитателем в школе ФЗУ». Партийный стаж свыше 10 лет имело только 15% цензоров-совместителей⁵¹⁹. Вместе с тем, Челябинлит не владел информацией о работниках, выполняющих обязанности зав. райлитом в семи районах. Будем иметь в виду, что преобладание численности «неосвобожденных» работников в 1936–1938 гг. – ситуация типичная.

В отчетном докладе в Секретариат ЦК ВКП (б) «О работе уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати» за 1938 г. начальник Главлита Н.Г. Садчиков озвучил следующие цифры. Всего в цензурных органах работало 6 034 чел., из которых 478 чел. являлись служащими центрального аппарата Главлита⁵²⁰. 89% служащих центрального аппарата занимали штатные должности, 92% состояли членами ВКП (б). Из 5 556 работников местных органов Главлита совместителями являлось 2 041 чел. «Если в центрах республик, краев и областей можно признать положение со штатами нормальным, то в районах, где работает 53,6% совместителей, нельзя этого сказать, наоборот, там положение явно неудовлетворительное, – отмечал Н.Г. Садчиков. – Наша проверка в 1938 г. показала, что абсолютное большинство политико-идеологических ошибок, разглашений военных и государственных тайн делается именно в районной печати»⁵²¹.

Таблица 3

Штаты центрального аппарата Главлита на 1.01.1939

Наименование	Дано единиц по смете	Фактически работает		
		постоянных	совместителей	всего
Административно-управленческий п.	142	136	-	136
Цензоры	309	241	44	285
Контролеры	26	36	-	36
Инспекторы	48	21	-	21
Всего	525	434	44	478

Таблица 4

Штаты местных органов Главлита на 1.01.1939

Наименование	Дано единиц по смете	Фактически работает		
		постоянных	совместителей	всего
Административно-управленческий п.	468	460	54	514
Цензоры	1 822	1 460	147	1 607
Райуполномоченные	2 985	1 595	1 840	3 434
Всего	5 275	3 515	2 041	5 556

⁵¹⁹ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 10-11.

⁵²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

⁵²¹ Там же. Л. 7.

В докладе Н.Г. Садчикова были приведены данные об образовательном уровне служащих цензуры. Эти цифры получились в результате обработки полученной информации из 17 крайобллитов. Среди них оказался и Пермский обллит⁵²².

Таблица 5

Образование работников местных органов Главлита

Уровень	Количество	% к общему числу
Высшее	71	8%
Среднее и незаконченное среднее	601	67,7%
Начальное	216	24,3%
Итого	888	100%

Только у трети служащих стаж работы в органах Главлита варьировался от 1 года до 2 лет. Свыше двух лет в цензуре работало 7,6%. Среди причин текучести кадров Н.Г. Садчиков назвал низкий уровень заработной платы, материально-бытовые проблемы, в частности, отсутствие «жилфонда»⁵²³. «В 1938 г. из-за отсутствия жилфонда мы отпустили трех работников, и в исключительно тяжелых условиях находятся еще 13 человек, окончившие учебные заведения и живущие в общежитиях», – писал Н.Г. Садчиков.

Проведем сравнительный анализ кадрового состава трех уральских обллитов. За основу возьмем их отчетные доклады в Главлит за 1939 г. В качестве критериев используем такие показатели, как партийность, уровень образования, стаж работы в органах цензуры⁵²⁴.

⁵²² ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

⁵²³ Там же. Л. 13.

⁵²⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 18. Л. 1; ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 4; ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 1-2.

Состав аппаратов управления обллитами

Параметры для сравнения	Свердловский	Челябинский	Пермский
Численный состав	19	16	13
Партийность:			
▪ члены ВКП(б)	19	13	13
▪ кандидаты	-	1	-
▪ члены ВЛКСМ	-	2	-
Образование:			
▪ высшее	1	-	2
▪ среднее	8	7	6
▪ н/среднее	7	3	4
▪ начальное	3	6	1
Стаж работы в органах цензуры:			
▪ до 1 года	7	4	7
▪ от 1 до 2 лет	5	9	4
▪ свыше 2 лет	7	3	2

Средний возраст цензоров составлял 35–40 лет. Некоторые из работников аппаратов обллитов имели партийные взыскания. Так, политредактор Челябинского обллита Г.И. Адащев, член ВКП (б) с 1925 г., имел строгий выговор за пьянку. Его коллега, С.Г. Галлямов, член ВКП (б) с 1928 г., имел выговор за незаконное получение «подъемных денег». Уполномоченный обллита при Челябинском областном отделе ГИЗа А.А. Стельмашук в 1938 г. получила выговор за «грубость»⁵²⁵. В Пермском обллите в 1939 г. девять работников были уволены из штата, из них трое – за прогулы, а шесть человек с формулировкой «как не соответствующие работе»⁵²⁶.

⁵²⁵ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 4-5.

⁵²⁶ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.

Кадровый состав районных уполномоченных

Параметры для сравнения	Свердловский	Челябинский	Пермский
Численный состав:	61	72	51
▪ освобожденные	27	39	12
▪ совместители	34	33	39
Партийность:			
▪ члены ВКП(б)	57	70	50
▪ кандидаты	3	2	-
▪ члены ВЛКСМ	1	-	1
Образование:			
▪ высшее	1	2	1
▪ среднее	9	13	19
▪ н/среднее	7	4	1
▪ начальное	44	53	30
Стаж работы в организациях цензуры:			
▪ до 1 года	29	42	38
▪ от 1 до 2 лет	19	25	9
▪ свыше 2 лет	13	5	4

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в 1939 г. доля цензоров-совместителей из системы образования существенно снизилась: если в феврале 1937 г. представителей системы образования в Челябинском обллите насчитывалось 29 чел., то два года спустя их было всего 5. В то же время выросла доля представителей партийной номенклатуры. Из 33 совместителей Челябобллита 11 являлись заведующими партийными кабинетами, 5 – инструкторами районных комитетов ВКП (б), 4 – заведующими отделами учета райкомов ВКП (б). Кроме того, на должностях цензоров в Челябинской области работали управляющий банка и кассир районного финотдела, председатель сельпо и служащий МТС⁵²⁷. Заметим также, что пять райлитов имели партийные взыскания, причем один – «за неправильное изъятие литературы», другой – «за сокрытие службы у Колчака», третий – «за утерю партийного билета», четвертый – «за несвоевременную сдачу отчета» и, наконец, пятый – «за пьянку и неуплату алиментов»⁵²⁸.

Говоря об уровне образования уральских цензоров, надо иметь в виду проводимый в 1930-е гг. курс самой власти, направленный на ликвидацию безграмотности среди населения, на реформирование содержания общего и профессионального образования. Судя по стати-

⁵²⁷ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 6-11.

⁵²⁸ Там же. Л. 6, 9, 10.

стике, представленной нами в таблицах, уровень образования в кадровом составе трех уральских обллитов был примерно одинаковым. Высшее профессиональное образование имели уже не только работники аппаратов управления, но районные уполномоченные. Так уполномоченный Челябинобллита при районной газете «Уфалейский рабочий» И.А. Котлов окончил экономический институт, а его коллега, уполномоченный при районной газете «Путь колхоза» П.И. Большаков – Пермский государственный педагогический институт⁵²⁹. Кстати, П.И. Большаков и М.Н. Пермякова учились примерно в одно время. Кроме того, некоторые цензоры имели среднее профессиональное образование, несколько человек прошло курс обучения на рабфаках. Наметилась и устойчивая тенденция прихода в цензуру лиц со средним общим образованием.

Вместе с тем обратим внимание на довольно высокий показатель освоивших только курс общего начального образования. Если сравнить данные табл. 4 и табл. 6–7, то можно убедиться, что уральский показатель (59%) почти в 2,5 раза превышает средний показатель Главлита. Мы видим, что начальное образование имели не только начальники райлитов, но и некоторые работники аппаратов обллитов. В то же время было бы не совсем верным вслед за специалистами сделать вывод о «невысоком» уровне грамотности или «низком общеобразовательном уровне» большинства цензоров в СССР⁵³⁰. Во второй половине 1930-х гг. на Урале уже реально функционировала система повышения квалификации работников цензуры: областные и кустовые совещания, краткосрочные курсы по «политической» и «технической учебе», заочные формы профессиональной подготовки и т.д. Не надо забывать и о том, что на базе «низшего образования» члены ВКП (б) и кандидаты повышали свой образовательный уровень в партийных школах, на курсах пропагандистов и партактивов, в комвузах и т.д. Например, заместитель начальника Челябинобллита А.И. Федоров, кроме начального общего образования, освоил годичный курс обучения в совпартшколе, а затем в течение двух с половиной лет учился в комвузе. Уполномоченный Челябинобллита при газете «Магнитогорский рабочий» С.И. Котов, имея три класса начальной школы, прошел обучение на трехмесячных курсах политпросветорганизаторов. Другой челябинский цензор, М.С. Зырин, после окончания двух классов начальной школы, повышал грамотность на областных курсах профсоюзного движения⁵³¹. Конечно, не будем отрицать, что назначения районных уполномоченных порой носили случайный характер. Следовательно, в цензуру могли приходиться лица совсем с низким уровнем грамотности, однако, как правило, долго они не задерживались.

---

⁵²⁹ Там же. Л. 7, 9.

⁵³⁰ Клепиков Н.Н. Указ. соч. С. 74; Подлужная А.М. Указ. соч. С. 20.

⁵³¹ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 4, 6, 8.

В конце 1930-х гг. продолжала сохранять свою значимость проблема высокой текучести цензурных кадров. В 1939 г. «текучка» достигла впечатляющего масштаба. По данным табл. 6–7 видно, что стаж работы менее 1 года имелся у 45% свердловских цензоров. Соответственно в Челябинской области этот показатель достиг 52% и в Пермской области – 70%. Начальник Свердловского обллита А.П. Горских писала по этой проблеме, в частности, следующее: «Текучесть идет за счет совместителей... Изжить текучесть кадров в районах можно лишь путем ликвидации совместителей»⁵³².

Действительно, чаще всего покидали должности райлитов совместители. Многие из них жаловались на большие перегрузки в работе. В декабре 1939 г. в Оханском районе Пермской области служащий райисполкома некто Баландин, утвержденный местным райкомом ВКП (б) в должности начальника райлита, отказался от работы в цензуре, заявив, что «сотрудники редакции и корректор типографии неграмотные и очень много надо тратить времени на просмотр газеты»⁵³³. Особо подчеркнем, что «текучка» – это явление, характерное не только для низового звена цензуры. Постоянно обновлялись органы аппаратов управления уральских обллитов. За 1939 г. практически полностью сменился состав аппарата управления Пермского обллита. В строю остались лишь сама М.Н. Пермякова и ее заместитель.

9 сентября 1933 г. Наркомпрос РСФСР принял постановление «Об укреплении органов советской цензуры на местах»⁵³⁴. В постановлении, в частности, отмечалось, что многие краевые и областные ОНО «совершенно не уделяют внимание материальной обеспеченности работников цензуры, сметные ассигнования не выделяются». Среди регионов, где подобные явления стали «нормой», был обозначен и Урал. Наркомпрос РСФСР потребовал от своих региональных структур принять срочные меры по ликвидации сложившейся ситуации:

«<...>б) По представлению начальников Край/Обл/литов в тех пунктах, где нужен освобожденный работник Литы – этих работников выделять немедленно, оплату производить по бюджетам рай/гороно. В остальных районах работники райлита допускаются с утверждения начальника Край/Обллита в порядке совместительства с обязательной их оплатой.

г) Поручить Край/Обл/ОНО добиться приравнивания работников край/ обл/литов/ горлитов, райлитов к сетке ответственных политических работников и принять все меры к их материальному и бытовому обеспечению, также обеспечить край/обл/литам нормальные условия для их работы /помещение, секретность и пр./.

⁵³² ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 18. Л. 2.

⁵³³ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.

⁵³⁴ Там же. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 88. Л. 12-12об.

д) В бюджетах районо обязательно предусмотреть ассигнования для край/обл/литов по командировкам и текущим оперативным расходам»⁵³⁵.

Руководствуясь данным нормативным актом, 9 апреля 1934 г. президиум Свердловского областного исполнительного комитета принял постановление № 229 «О средствах на содержание уполномоченных обллита и работников окргоррайлитов»⁵³⁶. В документе фигурировали такие понятия, как «заработная плата», «командировочные расходы», «текущие оперативные расходы». К лету 1934 г. выделение финансов для нужд цензуры по сравнению с предыдущим периодом значительно улучшилось.

В резолюции «Совещания работников районной цензуры Свердловской области» от 5 июля 1934 г., в частности, отмечалось: «Материальные условия большинства начальников райлитов улучшились почти в два раза по сравнению с прошлым годом – ставки от 250-300 руб.»⁵³⁷. Весной 1938 г. оклады райлитов Свердловской области составляли от 400 до 500 руб.⁵³⁸ По данным Челябинского обллита на 1 января 1941 г. заработная плата начальника обллита составляла 800 руб., работников аппарата – 600 руб., райлитов – от 550 до 700 руб.⁵³⁹ За период с 1934 по 1940 гг. в несколько раз вырос объем финансирования организационно-технической деятельности уральских обллитов. Так годовая смета расходов Челябинского обллита на 1935 г. составила 2 456 руб., в эту сумму вошли статьи: арендная плата, жилищно-коммунальные расходы, телеграфные и почтовые расходы, командировочные расходы, междугородные телефонные переговоры и т.п.⁵⁴⁰ В смете же расходов Челябинского обллита, утвержденной на 1941 г., только на канцелярские и хозяйственные расходы было выделено 27 300 руб., на служебные командировки – 20 000 руб., на повышение квалификации работников – 800 руб.⁵⁴¹ Несмотря на это, проблемы бытового характера в обллитах сохраняли свою актуальность.

В 1934–1940 гг. продолжился процесс формирования кадрового состава уральских органов Главлита. Свердловский, Челябинский и с конца 1938 г. Пермский обллиты боролись с теми же проблемами, что и Уралобллит: материальные и бытовые неурядицы, «обезличка» в работе, высокая текучесть кадров, невнимание местных партийных и советских органов власти к нуждам цензуры и др. Вместе с тем этот период отличается от предыдущих важными новациями. Во-первых, возрастает представительство партийной номенклатуры, особенно в

---

⁵³⁵ ГАПК. Ф. р-684. Оп. 3. Д. 88. Л. 12об.

⁵³⁶ Там же. Д. 111. Л. 79.

⁵³⁷ Там же. Л. 60.

⁵³⁸ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 17. Л. 59.

⁵³⁹ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

⁵⁴⁰ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 2. Д. 3. Л. 26.

⁵⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 2. Д. 28. Л. 83-83об.

районном звене. При этом доля служащих ОНО сокращается в несколько раз и сводится до минимума. В дальнейшем в 1940–1950-х гг. районными уполномоченными будут назначаться партийные функционеры. Во-вторых, хоть несколько запоздало, но все же коммунисты-цензоры получили возможность создавать первичные партийные и профсоюзные организации. Это придавало им больше уверенности в завтрашнем дне, укрепляло их веру в значимость своей работы для государства. В-третьих, существенно изменилась система финансирования органов цензуры. Отныне цензор ежемесячно получал заработную плату, мог рассчитывать на оплату командировочных, канцелярских и иных расходов. В-четвертых, посредством организации социалистических соревнований, производственных смотров, кустовых и областных совещаний обллиты постепенно решали проблему «изоляции» районных уполномоченных. Райлиты получили возможность перенимать опыт друг у друга, делиться новациями с коллегами. В-пятых, в кадровом составе уральской цензуры появились люди с высшим и средним профессиональным образованием. Эту прослойку цензоров А.В. Блюм назвал «советской служилой интеллигенцией»⁵⁴². Количество таких людей впоследствии будет увеличиваться, многие из них надолго задержатся в цензуре.

3.3. Организация системы повышения квалификации цензоров

Понимание того, что большевистская бдительность и классовая нетерпимость к «буржуазной» культуре не единственные возможные деловые качества цензора, пришло не сразу. В 1920-е гг. формировался тип цензора-исполнителя директив Главлита. В погоне за высокими показателями цензурной работы как-то забывалась фигура самого цензора. Лозунг первой пятилетки «Темпы решают все!» как нельзя кстати подходил к характеристике сложившейся ситуации в цензурном ведомстве. Однако будем иметь в виду, что о квалификации как категории, обозначающей уровень профессионализма, речь все же велась в самых верхних «этажах» власти. Г.Е. Гимпельсон справедливо замечает, что уже на X съезде РКП (б) вопросу о кадровом составе советского государственного аппарата было уделено достаточное внимание. Уже не членству в РКП (б), не «пролетарскому происхождению», а профессиональным и деловым качествам отдавалось предпочтение в принимаемых на съезде резолюциях. Вместе с тем после перехода к НЭПу партийная элита кадровую политику оставила без изменения. Характер и методы решения кадровых вопросов продолжали

---

⁵⁴² Блюм А.В. Указ. соч. С. 53.

быть свойственными периоду военного коммунизма. Верхи лишили партию возможности формировать кадры в соответствии с требованиями ими же провозглашенной новой экономической политики⁵⁴³.

Одним из итогов этого курса стало отсутствие в практике деятельности цензурных органов в 1920-е гг. плановой подготовки работников Литов с целью повышения их квалификации. Аппарат управления Уралобллитом в силу своей малочисленности в основном реагировал на уже свершившиеся факты нарушений со стороны окрлитов и их уполномоченных. Его работники иногда выезжали в округа и районы для проведения информационно-инструкторской работы. Нередко и сами цензоры вызывались в Уралобллит с целью их инструктажа, ознакомления с секретными инструкциями и циркулярами Главлита. Характер этих мероприятий не имел признаков системности, практически отсутствовали превентивные меры для предотвращения возможных грубых ошибок со стороны окружной и районной цензуры. Уполномоченные окрлитов в районах и при редакциях периодических изданий осуществляли цензурные полномочия в полной изоляции друг от друга. Обучение цензурному «ремеслу» не проводилось, специальные совещания для цензоров не организовывались.

На рубеже 1920–1930-х гг. начались перемены, наконец, пришло осознание того, что ремеслу цензуры надо обучать и обучаться. Многие обстоятельства сыграли здесь решающую роль. Проверки деятельности аппаратов окрлитов комиссиями ОГПУ и парткомов ВКП (б) в 1926–1929 гг. выявили большое количество нарушений цензурного законодательства. Участились случаи пропуска цензорами в печать, радиоэфир и на сцену произведений, содержащих большое количество идеологических, экономических, военных «прорывов». Качество работы районной цензуры стремительно падало. Уралобллит стал испытывать острую нужду в политически грамотных и ответственных работниках.

Одним из первых мероприятий по созданию системы подготовки кадров стала организация Уралобллитом при поддержке аппарата Уралобллитом специальных курсов-конференций для работников цензуры. 20 февраля 1929 г. Уралобллит издал циркуляр, в котором содержалось объявление о созыве в период с 10 июня по 2 июля 1929 г. в г. Свердловске конференции «райинспекторов политпросветительской работы». Программа конференции предполагала, что в течение трех недель цензоры будут изучать все тонкости цензурной профессии. На каждый окрлит выделялась квота: Свердловский, Пермский, Ишимский, Курганский – 8 чел., Тюменский, Кунгурский, Тагильский – 7

---

⁵⁴³ Гимпельсон Е.Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки. М., 2004. С. 28.

чел., Курганский, Шадринский, Троицкий – 6 чел., Златоустовский, Тобольский – 4 чел., и т.д. Всего предполагалось охватить учебой около 100 уполномоченных⁵⁴⁴.

В начале 1930-х гг. кроме организации подобных краткосрочных курсов утверждается практика созыва областных совещаний для горрайлитов. На совещаниях обсуждались проблемы цензурной деятельности, заслушивались доклады цензоров о состоянии цензуры в городе или районе, вырабатывались практические рекомендации. Пик совещательной деятельности пришелся на 1933 г. Областные совещания уральских цензоров проводились 23–24 февраля 1933 г., 8–9 июня 1933 г., 30–31 октября 1933 г., а также 13–15 ноября 1933 г. О значении практики совещаний, в частности, говорилось в циркуляре Уралобллитта № 515/с от 8 октября 1933 г.: «Совещание имеет исключительно важное значение, а поэтому на него необходимо под личную ответственность зав. райгороно командировать инспектора райгорлита к началу совещания со всеми материалами о состоянии в работе райгорлитов. Расходы на проезд до Свердловска и обратно и суточные за время командировки оплачиваются на месте ОНО»⁵⁴⁵. Результатом созыва областного совещания уральских цензоров 13–15 ноября 1933 г. стало принятие уже известных нам документов: тезисов и резолюции «О работе и очередных задачах органов советской цензуры в Уральской области»⁵⁴⁶. Таким образом, цензоры были вовлечены в процесс выработки практических решений стоящих перед ними задач.

В 1934 г. Главлит постулировал главную задачу: цензор обязан постоянно обучаться и повышать свою квалификацию. В августе 1934 г. начальник Главлита Б.М. Волин в «Бюллетене Главлита РСФСР и ОВЦ», в частности, писал: «Нельзя по-настоящему квалифицированно выполнять обязанности цензора, не зная в точности, как обеспечить страну от разглашения военных и экономических тайн. Надо быть грамотным, надо учиться, надо быть партийным активистом, надо непрестанно пополнять свои знания. Только таким путем можно достигнуть высококвалифицированной цензорской работы»⁵⁴⁷. Итак, кроме большевистской бдительности цензор любого уровня должен был иметь образовательную и коммуникативную компетентности. Одно только знание содержания секретных «перечней» было уже недостаточным. 13 октября 1934 г. начальник Свердловобллитта С.И. Тубанов, обращаясь в очередном своем циркуляре к райлитам, отмечал, что создание «авторитетных» органов цензуры невозможно без правильного понимания каждым цензором общеполитической ситуации в стране. С.И. Тубанов напомнил райлитам слова Л.М. Кагановича о

⁵⁴⁴ МУ «Кунгурский городской архив». Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 18. Л. 111.

⁵⁴⁵ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 88. Л. 1.

⁵⁴⁶ Там же. Д. 111. Л. 90-91об.

⁵⁴⁷ Бюллетень Главлита РСФСР и ОВЦ. № 8. 1934 // ГАПК. Ф. р-684. Оп. 3. Д. 123. Л. 4.

том, что органы цензуры должны стать «крепкой уздой пролетарской диктатуры»⁵⁴⁸.

В середине 1930-х гг. «некомпетентность» некоторых работников Главлита стала предметом общественной дискуссии. В центральной прессе стали появляться статьи, авторы которых открыто высмеивали малограмотность отдельных цензоров. Так, в номере № 169 «Известий ЦИК» от 21 июля 1935 г. была помещена статья собкора Н. Вольнева «Где город Глупов?», в которой журналист рассказал о «нелепостях», творимых уполномоченными Воронежского обллита. Приведем выдержку из этой публикации:

«Недавно уполномоченный воронежского обллита Селянинов предложил вычеркнуть из повести Шубина, печатающейся в областном журнале «Подъем», фразу, в которой говорилось о Салтыкове-Щедрине как о «великом сатирике, задыхающемся в городе Глупове».

– Что за великий сатирик жил в городе Глупове? – спросил Селянинов редактора «Подъема».

Редактор объяснил, что это – образное выражение. Селянинов очень обрадовался.

– Теперь понимаю. А я весь день вчера город Глупов на карте искал...

К сожалению, приводимый нами факт не является единичным <...>»⁵⁴⁹.

25 июля 1935 г. зам. начальника Главлита А.С. Самохвалов в письме к начальнику Челябинского обллита П.Н. Шмелеву призвал последнего свести к минимуму «перегибы» в работе. «Перегибы в нашей работе – дискредитируют работу органов цензуры, – писал А.С. Самохвалов. – Ярким образцом таких перегибов являются, например, факты, опубликованные в газете «Известия» от 21 июля под заголовком «Где город Глупов?». Прочтите эту статью и сделайте из нее сами соответствующие выводы»⁵⁵⁰.

Во второй половине 1930-х гг. задача повышения политического и «общекультурного» уровня цензоров продолжала оставаться первостепенной. В сентябре 1937 г. Челябинский обллит поставил цель «изучения цензурных кадров с политической и деловой стороны». В отчетном докладе П.Н. Шмелев особо замечал, что на ноябрь 1937 г. было запланировано проведение десятидневных курсов со всеми работниками цензурного аппарата⁵⁵¹. В 1938 г. в Главлите впервые было организовано обучение служащих по специально разработанному учебному плану. Программа обучения включала 13 лекций общим объемом 90 часов. Лекционный курс был разбит на такие темы, как:

⁵⁴⁸ ГАПК. Ф. р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 33об.

⁵⁴⁹ Известия ЦИК СССР. 1935. 21 июля (№ 169). С. 3.

⁵⁵⁰ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 2. Д. 5. Л. 10.

⁵⁵¹ Там же. Д. 8. Л. 108.

«Капиталистическое окружение СССР», «Очаги войны в Европе и на Востоке», «Мюнхенское соглашение фашистских стран», «Методы и формы использования печати иностранными разведками», «Ленин и Сталин о печати», «Практика работы по цензуре», «Инструктивный материал Главлита и методика работы с ним» и т.д.⁵⁵² Осенью 1938 г. учебный план поступил в крайобллиты. На его основе предписывалось организовать курсы повышения квалификации, рассчитанные для «освобожденных» служащих на 12 дней, а для совместителей – на 5 дней. «Несмотря на то, что такая учеба является безусловно кустарной, тем не менее она, по отзывам самих цензоров, дала положительные результаты», – писал Н.Г. Садчиков в отчетном докладе за 1938 г.⁵⁵³ Спустя два года, в докладе за 1940 г., начальник Главлита назвал сумму, выделяемую Наркомфином СССР, на обучение одного цензора – 20 руб. 50 коп. По оценке Н.Г. Садчикова этой суммы «едва хватило» на проведение ряда мероприятий по изучению работниками нового инструктивного материала⁵⁵⁴.

Новым явлением в оценке работы служащих цензурных органов стало решение Главлита о денежном премировании «отличников». По итогам работы за 1938 г. 168 цензоров было премировано на общую сумму 65 409 руб.⁵⁵⁵ Премию получили, в частности, начальники Ростовского и Смоленского обллитов, работники аппаратов Орловского, Курского и Сталинградского обллитов. Ни один служащий уральской цензуры не был премирован.

В 1938–1940 гг. в Свердловском и Пермском обллитах учебные занятия по повышению квалификации цензоров окончательно приобрели системный характер. В Свердловобллите в начале 1939 г. было выделено специальное время для «технической учебы», а именно: каждый второй день пятидневной рабочей недели с 9 до 11 часов утра⁵⁵⁶. В это время свердловские цензоры на занятиях изучали секретные перечни, инструкции и циркуляры Главлита, анализировали ошибки коллег, слушали лекции приглашенных специалистов из разных ведомств, в том числе НКВД и штаба Уральского военного округа.

В отчетном докладе о работе Свердловобллита за 1939 г. его начальник А.П. Горских подробно описывала и сущность организации политического просвещения работников цензуры. «Жизнь выдвинула на очередь необходимость организации политзанятий, – отмечала А.П. Горских. – Учитывая специфику цензурной работы, цензор должен быть политически грамотным, ни в коем случае не отстающим от политических событий, правильно и быстро был бы ознакомлен со

---

⁵⁵² ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

⁵⁵³ Там же. Л. 12.

⁵⁵⁴ Там же. Л. 93.

⁵⁵⁵ Там же. Л. 29.

⁵⁵⁶ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 18. Л. 4.

всеми постановлениями партии и правительства»⁵⁵⁷. На политических занятиях, проводившихся один раз в неделю, свердловские цензоры изучали содержание таких документов, как выступление В.М. Молотова на третьей сессии Верховного Совета СССР, постановление ЦК и СНК о мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания, выступления К.Е. Ворошилова и Л.М. Кагановича на XVIII партсъезде, постановление ЦК и СНК о животноводстве, положение о выборах в местные Советы депутатов трудящихся, закон о сельскохозяйственном налоге и закон о всеобщей воинской повинности. Кроме того, по утверждению А.П. Горских, был прочитан курс лекций по истории коммунистической партии в объеме 8 часов⁵⁵⁸.

В Пермском обллите проводилась аналогичная работа. Только за четвертый квартал 1939 г. было проведено 14 занятий по «технической учебе». В октябре и ноябре 1939 г. аппарат управления обллита организовал кустовые производственные совещания с выездом в районы области, где обсуждались вопросы об итогах социалистического соревнования, а также меры по ликвидации «запущенности в изъятии контрреволюционной литературы»⁵⁵⁹. На политических занятиях пермские цензоры, как и их свердловские коллеги, знакомились с важнейшими нормативными актами и текстами выступлений партийных вождей. Для «неосвобожденных» районных уполномоченных с четвертого квартала 1940 г. были организованы заочные курсы.

В начале 1940 г. Челябинский обллит разработал программу краткосрочных курсов для районных уполномоченных, которая предусматривала общий объем учебной нагрузки 36 ч. для райлитов и 32 ч. для совместителей. В содержательном плане программа выглядела следующим образом (табл. 8)⁵⁶⁰.

Таблица 8

Программа курсов-совещания уполномоченных Челябинского обллита

№ п/п	Содержание	Для штатных цензоров (кол-во часов)	Для совместителей (кол-во часов)
1	Охрана военных тайн в районной печати	10	6
2	Охрана экономических тайн в печати	7	5
3	Практика работы цензуры в области вопросов политико-идеологического контроля	1	2

⁵⁵⁷ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 18. Л. 5-6.

⁵⁵⁸ Там же. Л. 6.

⁵⁵⁹ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 4.

⁵⁶⁰ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 12. Л. 119.

4	Основные права и обязанности уполномоченного	1	4
5	Правила производства и выпуска в свет изданий	-	2
6	Порядок изъятия из производства печати	-	2
7	Отчетность и техника ее составления	2	2
8	Контроль за репертуаром и зрелищами	1	1
9	Правила ведения секретного делопроизводства в районе	1	1
10	Ознакомление с руководящими инструкциями Главлита	2	1
11	Задачи районной печати в связи с постановлениями ЦК ВКП(б) о перестройке работы редакций районной печати	3	2,5
12	Изучение 6-й серии (вып. 2) задач заочного обучения	4	-
13	Доклад о международном положении	2,5	2,5
14	Задачи цензуры	1,5	1

Программа была призвана реализовать на практике постулированную руководством Главлита в 1939 г. цель обучения: «Учить людей марксизму-ленинизму, давая одновременно им хотя бы минимум военных знаний»⁵⁶¹. Вместе с тем, от рядовых служащих в Главлит поступали предложения сделать регулярными курсы повышения квалификации. В частности, начальник райлита Клинского района Московской области предлагал следующее: «Курсы 10–15-дневные, я считаю, мало, нас надо учить по 2–3 месяца в году. Курсы нужные не только для рядовых цензоров, но и для областных работников цензуры»⁵⁶². Следует отметить, что Н.Г. Садчиков неоднократно ставил вопрос об организации постоянно действующих курсов перед ЦК ВКП (б) в 1939–1940 гг.

Новым явлением в системе повышения квалификации цензурных кадров стало введение процедуры их аттестации. Отныне каждый цензор, освоивший курс технической и политической учебы, должен был сдавать зачет. Во всех обллитах формировались приемные комиссии под председательством начальников. В состав комиссии нередко приглашались работники НКВД, представители партийных комитетов ВКП (б). Так, в октябре 1939 г. в состав комиссии Свердловобллита по приему зачетов был включен работник НКВД – «товарищ, хорошо

⁵⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-94-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 104.

⁵⁶² Там же. Л. 104.

знающий организацию РККА»⁵⁶³. В Молотовский обллит в декабре 1940 г. в качестве члена комиссии был приглашен представитель Уральского военного округа. По итогам проведения зачетного мероприятия издавался специальный приказ по обллиту.

Не все цензоры успешно осваивали курсы обучения и сдавали зачет. Так, в приказе № 9 по Свердловскому обллиту от 11 октября 1939 г. содержалась информация о результатах приема зачетов у группы политредакторов при издательстве областной газеты «Уральский рабочий». Зачет принимался по первым трем разделам секретного перечня Главлита по литере «А» (военные тайны). К зачету было допущено четыре человека, из которых только один получил «посредственную оценку». Остальные цензоры не справились с заданиями. «Не один из сдававших зачеты не знает воинских званий командного и политического состава РККА, вопросов организации Красной армии, что, несомненно, отражается в правильности применения перечня в практической работе», – отмечалось в приказе⁵⁶⁴. Комиссия констатировала факт того, что самостоятельную работу над перечнем «А» никто из политредакторов не проводил. В итоге комиссия приняла решение направить всех цензоров на повторную сдачу зачета, определив двухнедельный срок их подготовки к пересдаче.

В приказе № 10 по Свердловскому обллиту от 17 октября 1939 г. говорилось о том, что из четырех присутствующих на зачете уполномоченных обллита двое получили оценку «неудовлетворительно». «Товарищи Шаламов и Ольков отвечали на вопросы неуверенно, в большинстве запутанно... поэтому предложено им зачеты пересдать 7 ноября», – отмечалось в приказе⁵⁶⁵. Имелась и одна отметка «отлично», которую получила цензор Т.А. Тюкалева. В приказе № 11 по Свердловскому обллиту от 15 ноября 1939 г. были обозначены темы для занятий в «часы технической учебы». Свердловским цензорам предстояло изучить новые разделы перечня «А»: 1. Боевая техника РККА и ВМФ (20.11.1939 – 02.12. 1939). 2. Военно-воздушные силы РККА и ВМФ (08.12.1939). 3. Пограничные и внутренние войска НКВД (14.12.1939). 4. Мобилизационные и оперативные планы (20.12.1939). 5. Дисциплина и политико-моральное состояние РККА. Даты следующих зачетных мероприятий были назначены на 28.12.1939, 02.01.1940 и 04.01.1940⁵⁶⁶. Таким образом, на подготовку к зачету цензорам давалось всего несколько дней.

В Молотовском обллите в 1940 г. принимали зачеты не только в очной, устной форме. Цензорам-совместителям в районы были высланы три серии «практических задач», которые им предстояло последо-

---

⁵⁶³ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 18. Л. 5.

⁵⁶⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 38. Л. 16.

⁵⁶⁵ Там же. Л. 18.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 19.

вательно решить и отослать ответы на проверку обратно, в обллит. На 1 декабря 1940 г. ответы были получены от 18 человек по первой серии задач и только от 7 человек по второй серии. Итоги проверки выглядели следующим образом: цензоры Щучье-Озерского и Кишертского районов получили оценки «отлично», 12 человек – «хорошо», 6 – «удовлетворительно» и 5 – «слабо». «Результаты выполнения задач по заочной учебе говорят о том, что Перечни цензорами усвоены неудовлетворительно, не всегда правильно применяются», – писала в отчете Молотовского обллита за 1940 г. его начальник М.Н. Пермякова⁵⁶⁷.

Из райгорлитов приходили положительные отзывы о практике заочного обучения. В сентябре 1940 г. начальник Тагильского горлита И.Н. Тулакин в докладе в Свердловобллит, в частности, отмечал: «Следует отметить хорошую, полезную заочную учебу по заданиям – задачам, организованным Главлитом и Обллитом»⁵⁶⁸. Вместе с тем начальник горлита просил Свердловский обллит прислать труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина, а также справочную литературу. Одного только инструктивного материала явно не хватало.

Таким образом, в 1930-е гг. в уральских органах Главлита создавалась система повышения квалификации цензоров. В призыве Б.М. Волина «Надо учиться!» можно разглядеть отказ Главлита от прежней трактовки фигуры цензора как простого исполнителя его директив. Деловые качества и профессионализм стали базовыми критериями, дополнив уже известные нам – социальное происхождение и классовую нетерпимость. «Кадры решают все!» – это знаменитое, ставшее крылатым, выражение И.В. Сталина нашло отклик в органах Главлита на Урале. Ответом на вызов в виде проблемы высокой текучки кадров могла стать только хорошо налаженная, бесперебойно работающая система подготовки цензоров-специалистов. Попадая в такую систему, цензор не оставался один на один с массой непонятых ему инструкций Главлита. При условии добросовестного исполнения своих обязанностей и желания работать он имел все шансы уже в считанные месяцы освоить это нелегкое ремесло.

Первым шагом стала практика созыва курсов-совещаний работников Литов. Вслед за этим ставка была сделана на самообучение. Цензорам настоятельно рекомендовалось осваивать курсы политической грамотности, учиться в партшколах и комвузах, посещать открытые лекции специалистов в области марксизма-ленинизма и т.д. Долгое время обллиты не имели средств на организацию постоянно действующих учебных курсов. Проблема частично разрешилась в 1937-

---

⁵⁶⁷ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 2. Л. 3.

⁵⁶⁸ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 20. Л. 9.

1938 г. Занятия по политической и «технической» учебе с этого времени приобрели системный характер. Программы очного и заочного обучения составлялись не только работниками аппаратов обллитов. В их разработку привлекались специалисты ПУРа РККА, НКВД и других ведомств. Важным достижением стало включение в систему повышения квалификации совместителей – «неосвобожденных» работников. Введение зачетной системы практически сразу выявило уровень подготовки работников Литов. Первые результаты оказались весьма невысокими. По результатам зачетов для каждого работника разрабатывались рекомендации по устранению недочетов. При всем этом следует констатировать, что сдерживающим фактором в развитии системы повышения квалификации, как и прежде, являлся недостаток денег, выделяемых на эту статью расходов⁵⁶⁹.

---

⁵⁶⁹ По «Смете расходов» на 1941 г. по статье «Повышение квалификации» Свердловскому обллиту выделялось 800 руб. (общий годовой бюджет – 376 500 р.), Челябинскому обллиту также 800 руб. (общий годовой бюджет – 401 400 р.). В среднем получалось по 10-11 руб. на работника, это в 2 раза ниже по стране, чем приводил данные Н.Г. Садчиков. См.: ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 2. Д. 28. Л. 57-57об.; 83-83об.

Глава 4. Цензурный режим на Урале в 1922-1941 гг.

4.1. Цензурный контроль над издательской деятельностью в регионе

В 1919–1921 гг. цензурный контроль над всем издательским процессом в Советской России осуществлял Госиздат. В период Гражданской войны деятельность частных и кооперативных издательств подвергалась превентивному контролю. Особенную активность ГИЗ проявил в 1920 г., когда многие частные издательства были закрыты по мотиву «нехватки бумаги». Если в 1919 г. эти предприятия выпустили пятую часть всей книжной продукции, то в 1920 г. – только 5,87%⁵⁷⁰. Сам нарком просвещения А.В. Луначарский писал 24 февраля 1920 г. главе ГИЗа В.В. Воровскому, что от столь ретивого закрытия частных издательств и типографий «мы ничего не выиграем». По мнению наркома, «частная инициатива» больше помогала, чем «вредила» работе Госиздата⁵⁷¹.

12 декабря 1921 г. СНК РСФСР издал декрет № 685 «О частных издательствах», в соответствии с которым их деятельность была признана властью необходимой⁵⁷². Частные конторы отныне могли работать по заказам государства через ГИЗ, которое утверждало их издательские планы. Это в какой-то мере оживило частное издательское дело в стране, наметился рост числа кооперативных типографий.

В «Положении о Главлите» от 6 июня 1922 г. на Главлит и его местные органы были возложены функции политического контроля над всем издательским процессом в стране. Главлит получил право на издание «правил, распоряжений и инструкций по делам печати, обязательных для всех органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов». В пункте 11 «Положения» также говорилось: «Заведующие типографиями и заводоуправлениями, под страхом судебной ответственности, обязаны неуклонно следить за тем, чтобы печатаемые в их типографии произведения имели разрешительную визу Главного Управления по делам литературы и издательства или его органов»⁵⁷³. Здесь же впервые появилось предписание всем типографиям и издательствам представлять в органы Главлита «по пяти экземпляров всякого рода печатного произведения до его напечатания».

Контроль над издательской деятельностью стал одним из главных направлений в работе Главлита. От своих местных органов Глав-

---

⁵⁷⁰ Жирков Г.В. Указ. соч. С. 239.

⁵⁷¹ Там же. С. 241.

⁵⁷² Известия ВЦИК. 1921. 17 декабря (№ 284).

⁵⁷³ СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 461. С. 638.

лит требовал представления информационных отчетов о состоянии издательского дела в регионе. 21 декабря 1922 г. была утверждена форма отчета для уездной цензуры. Раздел второй этой формы, в частности, содержал вопросы: «1. Краткая общая характеристика состояния издательского дела в районе /области, губернии/. 2. Состав издательств по категориям предпринимателей и форме издательской организации /ведомств, проф., частные, единоличн., товариществ, артель и прочее. 3. Группировка издательств по времени. 4. Коммунистическое и инородное влияние в руководящих органах издательства /соотношение и состав руковод. Коллегии между коммунистами и беспартийными/ 5. Состав сотрудников по квалификации и партийности. 6. Программы издательств. 7. Наличие у Издательств собственных типографий, литографий, книжных магазинов. 8. Район деятельности издательств /отделения в других городах и уездах. 9. Связь с границей /торговая связь с иностранными фирмами, получение рукописей из-за границы и проч. 10. Издательства, связанные и подозрительные по связи с некоммунистическими и антикоммунистическими политическими группировками»⁵⁷⁴.

В январе 1923 г. Уралобллит поставил перед цензорами задачу взять на учет все имеющиеся в губерниях типографии и издательства. 12 февраля 1923 г. А.Г. Арыкин в циркулярном письме № 540, адресованном руководителям советских учреждений в Ирбитском уезде, объявил о начале «немедленной» регистрации всех издательств, типографий и книжных магазинов⁵⁷⁵. К концу месяца ирбитский цензор смог представить в Уралобллит следующие сведения. На территории Ирбитского уезда имелась только одна типография, «находящаяся в ведении Полиграфкуста». За февраль 1923 г. в типографии было опубликовано 37 «произведений», прошедших предварительный контроль в улите. Из них половина – номера газеты «Ирбитская ярмарка», которая являлась совместным проектом местного ярмарочного комитета и екатеринбургского издательства «Уральский рабочий». «Газета носит характер специально-торговый, имеет целью освещение хода ярмарки и торговых операциях», – отмечал А.Г. Арыкин⁵⁷⁶. Кроме того, в печать были допущены такие материалы, как: объявление о продаже пива тиражом в 500 экз., объявление об открытии пивной лавки тиражом в 200 экз., объявление о продаже колбас тиражом в 50 экз., объявление о продаже и приеме заказов в товариществе «Сухофрукты» тиражом в 20 экз.⁵⁷⁷

В трех докладах за январь и февраль 1923 г. тюменского губцензора говорилось, что в Тюменской губернии функционировало всего

⁵⁷⁴ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

⁵⁷⁵ Приложение 4. С. 360-361.

⁵⁷⁶ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

⁵⁷⁷ Там же. Л. 42-43.

три издательства, которые выпускали газеты «Трудовой набат», «Пролетарская искра», «Тобольский Север». «Трудовой набат» и «Тобольский Север» являлись официальными печатными органами партийных комитетов РКП (б) и исполкомов местных Советов. Издание «Пролетарской искры» находилось в ведении «органов Совнацмена», и газета была адресована татаро-башкирскому населению губернии. «Других изданий в губернии нет», – писал В.А. Чуканцев-Муромцев⁵⁷⁸. В Челябинской губернии первые сведения поступили из Курганского уезда. По данным цензора в уезде действовали одна городская типография «Красный Курган» и издательство Курганской товарной биржи, выпускающее ежемесячно торговый бюллетень тиражом в 150 экз. Типография издавала газету с одноименным названием, ее тираж за месяц составлял 1500 экз.⁵⁷⁹ 1 марта 1923 г. А.З. Неупокоев направил заведующему типографией письмо, в котором извещал его о порядке предоставления в улит всего материала, предназначенного к печати. «Зав. типографией не имеет права выдавать издателям ни одного экземпляра до тех пор, пока не будет представлен в Улит 1% тиража печатного материала, – писал цензор. – Выданный соответствующий документ хранится у зав. типографией, как оправдательный документ»⁵⁸⁰.

Предварительные сведения по учету издательств и типографий в целом по Уралу были включены в «Краткий обзор деятельности Уралобллита». Больше всего типографий было зарегистрировано в Пермской губернии – 18 типографий, из которых 8 располагались в г. Перми. Соответственно в Екатеринбургской губернии функционировали 17 типографий: 7 в городе и 10 в уездах. В Челябинской и Тюменской губерниях регистрацию прошли всего по три типографии. «Во время ревизии типографий в г. Екатеринбурге в январе месяце оказалось четыре нарушения правил, виновные зав. типографиями подвергнуты штрафу», – писал А.Д. Ослоновский⁵⁸¹. В отчетном докладе в Главлит за июнь 1923 г. начальник Уралобллита особо подчеркивал, что в губерниях Урала выходила в свет «преимущественно коммунистическая, профессиональная и советская печать»⁵⁸². Частных издательств зарегистрировано не было. Приводился пример открытия в г. Екатеринбурге «солидного издательства», объединившего усилия нескольких «госорганов» с участием парткомов РКП (б). Речь шла об акционерном обществе «Уралкнига». Целью деятельности этого издательства объявлялось издание наиболее «нужной» литературы и «приближение ее к трудовым массам». «Никаких отклонений от намеченных Издательствами программ относительно влияния чуждых нам элемен-

⁵⁷⁸ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 547. Л. 14об.

⁵⁷⁹ ГАКО. Ф. Р-47. Д. 198. Л. 13.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 2.

⁵⁸¹ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

⁵⁸² Там же. Л. 2.

тов и других партий на издания не было, – отмечал А.Д. Ослоновский. Иностранческого и клерикального влияния на издательства нет»⁵⁸³.

«Клерикальное» влияние вскоре было обнаружено. В 1923 г. в г. Перми выходил журнал «За Христом», издаваемый членами местного отделения Всероссийского церковного управления. Религиозные организации не обладали правами юридических лиц, и учредителем издательства могло быть только физическое лицо. «Владельцем издания должен быть зарегистрирован кто-либо из членов культа», – отмечалось в одном из циркуляров Уралобллит⁵⁸⁴. В 1922–1923 гг. деятели ВЦУ получили название «обновленцы», их противниками стали «тихоновцы» – последователи патриарха Тихона. Пермский губцензор сообщал в Уралобллит, что к изданиям ВЦУ следовало относиться «особенно осторожно»⁵⁸⁵. «Обновленцы» выступали за идеологическую перестройку церкви. Их лидеры предпринимали попытки приспособить православное учение к социализму, в этом они видели важнейшее условие спасения церкви. С целью расколоть церковь большевики оказывали поддержку «обновленцам». Цензоры оказались в щепетильном положении. Их «осторожное» отношение к изданиям ВЦУ было вызвано и тем, что органы ГПУ контролировали каждый шаг «обновленцев». Начальник шестого отделения Секретного отдела ГПУ Е.А. Тучков в своих докладах руководству свидетельствовал, что из состава обновленцев его ведомство формировало осведомительскую сеть внутри РПЦ. «Недаром во всех репрессиях, применяемых к черносотенным церковникам, – подчеркивал он, – винят именно обновленческое течение»⁵⁸⁶. Вряд ли об этом знали цензоры, но позиция Уралобллита по отношению к журналу «За Христом» и подобным ему изданиям длительное время оставалась выжидательной.

3 июня 1926 г. М.Р. Ланге в письме в Главлит сообщал, что в Уралобллит поступило заявление от священника И.Н. Уфимцева с просьбой выдать ему разрешение на регистрацию издательства журнала «Уральские Церковные Известия». «Мое мнение сводится в общем к нежелательности существования подобного органа печати, – писал М.Р. Ланге, – потому что это будет орган пропаганды, чуждой идеологии»⁵⁸⁷. Вместе с тем, цензор замечал, что «законных» оснований для отказа И.Н. Уфимцеву у него нет. Выход из непростой ситуации М.Р. Ланге видел в издании Главлитом специального распоряжения, на которое мог бы сослаться Уралобллит при отказе издателю в

---

⁵⁸³ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 3об.

⁵⁸⁴ Там же. Д. 8. Л. 6.

⁵⁸⁵ Там же. Д. 2. Л. 15об.

⁵⁸⁶ Цит. по: *Кривова Н.А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/history/20/krivova/kriv05.html> (дата обращения: 06.08.2011).

⁵⁸⁷ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

регистрации данного журнала. Идея начальника Уралобллита была поддержана вышестоящей инстанцией. 30 июня 1926 г. в циркуляре № 1035/с П.И. Лебедев-Полянский сообщал М.Р. Ланге о решении Коллегии Главлита не регистрировать журнал «Уральские Церковные Известия»⁵⁸⁸. Несмотря на полученную поддержку, начальник Уралобллита тем самым в этом вопросе упустил инициативу из своих рук. Спустя полгода, 31 января 1927 г., Главлит в распоряжении № 293/с объявил о разрешении издания на территории Уральской области журнала «Уральские Церковные Ведомости», уже не спрашивая мнения М.Р. Ланге⁵⁸⁹. Выполняя данное распоряжение, 24 февраля 1927 г. Уралобллит выдал И.Н. Уфимцеву удостоверение на право издания журнала «Уральские Церковные Ведомости» тиражом в 2000 экз.⁵⁹⁰ Заметим, что в распоряжении № 293/с содержалось и указание о закрытии пермского издательства журнала «Епархиальные ведомости»⁵⁹¹. Таким образом, Главлит напрямую решал вопросы открытия или закрытия религиозных изданий на уральской земле.

Характерным же примером тактики поведения цензоров на местах можно считать случай, имевший место в Нижнем Тагиле в 1927 г.

10 декабря 1927 г. в Нижнетагильский окрлит обратился протоиерей Д. Фесвитянинов, настоятель Введенской церкви Нижнего Тагила и заместитель председателя местного Епархиального управления. Протоиерей просил начальника окрлита Белова выдать разрешение на печать в количестве 200 экз. текста воззвания архиепископа Нижнетагильского и Верхотурского Серапиона «Ко Дню Рождества Христова»⁵⁹². Спустя две недели, 24 декабря 1927 г., очевидно, не дождавшись ответа, Д. Фесвитянинов вторично обратился в окрлит с прошением аналогичного содержания. Протоиерей не знал, что Белов связан с Тагильским окротделом ОГПУ по поводу его обращения. 17 декабря 1927 г. в окрлит поступила служебная записка из органа госбезопасности. «Тов. Белов, пропустить можно, но хорошо было бы сделать так, чтобы типография не напечатала», – говорилось в документе⁵⁹³. Из этого следует, что ОГПУ дало указание цензору «тормозить» издание рождественского обращения «обновленцев» к населению округа.

28 августа 1923 г. Уралобллит утвердил новые формы ежемесячных информационных отчетов для улитов. Так в форму отчета «О периодических изданиях» вошли следующие вопросы: «1. Наименование вышедших периодических изданий за отчетный месяц. 2. Харак-

---

⁵⁸⁸ Там же. Л. 10.

⁵⁸⁹ Там же. Л. 13.

⁵⁹⁰ Там же. Л. 14.

⁵⁹¹ Там же. Л. 13.

⁵⁹² МУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 620. Л. 63.

⁵⁹³ Там же. Л. 64.

тер издания. 3. Кем издается, чей орган? 4. Периодичность издания. 5. Тираж издания. 6. Сколько вышло № и копий. 7. Количество печатных листов. 8. Количество выбросок и их характер». Аналогичный вопросник имела и форма «О непериодических изданиях»⁵⁹⁴. В этот же период времени Уралобллит направил уездным цензорам «Анкету для учета деятельности книгоиздательства». Кроме выходных данных книгоиздательства цензоры должны были представить подробные сведения обо всех его работниках. Особое внимание предписывалось уделить «партийности», социальному положению и профессиональным навыкам редакторов⁵⁹⁵.

10 декабря 1923 г. Уралобллит распространил еще один важный для издательского дела документ – «Инструкцию по цензуре печати»⁵⁹⁶. В «Инструкции» по порядку перечислялись сведения, не подлежащие опубликованию в советской печати. Запрет налагался на «бульварную» прессу, «недобросовестную» рекламу, издания «мистического» характера и т.д. Деятельность некоторых типографий подверглась критике за использование их «старых названий». На издаваемом материале работники типографии, очевидно, по привычке, представляли старые выходные данные своей организации. Подобная практика объявлялась «совершенно недопустимой». Ссылаясь на циркуляр Главлита № 992 от 9 декабря 1923 г., Уралобллит требовал от заведующих уральских типографий взять под личный контроль это дело. «Впредь печатать исключительно только новые названия типографий, отнюдь не прибегать к старым названиям, даже путем хотя бы добавочного их упоминания в скобках со ссылкой на бывшее», – говорилось в «Инструкции»⁵⁹⁷.

Проблема распространения произведений зарубежных издательств на территории Советской России была одной из самых болезненных. 26 февраля 1924 г. Уралобллит издал циркуляр, содержащий список заграничных издательств, книгопродукция которых объявлялась запрещенной Главлитом к ввозу и обороту на территории СССР. Под запретом оказались «монархические» издательства («Глагол» /Берлин/, «Град Китеж» /Берлин/, «Дети-нэп» /Берлин/, «Российско-Болгарское издательство» /София/, «Русь» /Вена/, «Кремль» /Прага и т.д.), «реакционные» и «антисоветские» издательства («Русская печать» /Париж/, «Русская земля» /Париж/, «Слово» /Берлин и т.д.), «эсеровские» и «меньшевистские» издательства («Воля России» /Прага/, «Скифы» /Берлин/, «Русский революционный архив» /Берлин и т.д.), а также «анархистские» («Группа русских анархистов Германии» /Берлин и т.д.)⁵⁹⁸. Цензорам предписывалось «исследовать»

⁵⁹⁴ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 27-31об.

⁵⁹⁵ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁵⁹⁶ Там же. Л. 54-56.

⁵⁹⁷ Там же. Л. 54об.

⁵⁹⁸ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 63.

книжный рынок и совместно с уполномоченными ОГПУ проводить мероприятия по изъятию подобной литературы.

15 января 1925 г. Уралобллит просил окрлиты усилить контроль над отсылкой типографиями восьми обязательных экземпляров «всех местных газет»⁵⁹⁹. 16 марта 1925 г. Уралобллит выпустил циркуляр под названием «Заведующим издательствам, редакторам газет и журналов». В этом обращении к издателям А.Д. Ослоновский отмечал, что служащие некоторых издательств после получения визы цензора позволяли себе делать «вставки» и «дополнения» в текст произведения. По мнению Уралобллита, эти действия противоречили всем цензурным «распоряжениям». А.Д. Ослоновский требовал от издательств и редакторов не допускать никаких «вставок» или «исправлений» в уже разрешенный цензором текст. «В случае дальнейших подобных нарушений со стороны издательств, редакторов и авторов, а также угрозы типографиями о приеме таких рукописей в машину, Уралобллит при Ураломо вынуждено будет принимать законные меры привлечения виновных к ответственности», – писал А.Д. Ослоновский⁶⁰⁰. Таким образом, любая инициатива издателя объявлялась наказуемой. Даже небольшую «вставку» необходимо было согласовывать с органами цензуры.

В 1925 г. все СМИ делились цензорами на три группы: рабочие, крестьянские и «смешанные» газеты. В Уральской области действовало четыре издательства рабочих газет: «Уральский рабочий» (Свердловск), «Звезда» (Пермь), «Пролетарская мысль» (Златоуст), «Уральская кочегарка» (Кизел). Общий ежемесячный тираж составлял 71 920 экз. Крестьянских газет было шесть: «Крестьянская газета» (Екатеринбург), «Страда» (Пермь), «Красный Курган» (Курган), «Искра» (Кунгур), «Пахарь» (Усолье), «Красное Прикамье» (Сарапул). Общий ежемесячный тираж составлял 30 310 экз. К смешанным изданиям были отнесены «Трудовой набат» (Тюмень), «Советская правда» (Челябинск), «Исеть» (Шадринск), «Северянин» (Тобольск). Общий ежемесячный тираж составлял 13 250 экз. Таким образом, Уралобллит и окрлиты контролировали деятельность 14 издательств СМИ, продукция которых составляла ежемесячно около 115 480 экз.⁶⁰¹

В циркуляре № 115/с от 11 мая 1925 г. Уралобллит потребовал от окрлитов не допускать к печати в типографиях материалы, имевшие «царские цензурные пометки на обложках». Кроме того, запрещалось выдавать разрешение на опубликование материалов, содержащих сведения о самоубийствах и случаях «умопомешательства» на почве голода. Цензорам также предписывалось строго следить за тем, чтобы частные издательства не имели возможности издавать сочинения В.И.

⁵⁹⁹ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁶⁰⁰ Там же. Д. 3. Л. 23.

⁶⁰¹ ГАПК. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

Ленина, так как это дело объявлялось «монополией Совпартиздательства»⁶⁰². В другом циркуляре от 23 сентября 1925 г. Уралобллит вновь просил окрлиты представить сведения о количестве типографий, «хромолитографий» в округе⁶⁰³. Базы данных цензурного ведомства постоянно обновлялись, шла подготовка нового инструктивного материала.

С 1 октября 1925 г. Уралобллит ввел в действие новый порядок оформления печатного издания. На титульном листе издатель был обязан обозначить название произведения, его автора, порядковый номер, количество листов, тираж, год издания, полное название издательства или типографии. На второй странице проставлялся номер органа Главлита и его наименование, адрес типографии и снова указывался тираж. «На периодических изданиях, выходящих без титульного листа, означенные сведения надо ставить в конце, – отмечалось в циркуляре Уралобллита № 1428 от 24 октября 1925 г. – Кроме того, на периодических изданиях в конце текста должна быть помещена обязательно подпись ответственного редактора»⁶⁰⁴. Цена издания могла быть помещена как на титульном листе, так и на обложке. В таком виде произведение представлялось на предварительную цензуру. После получения визы цензора издателям категорически запрещалось вносить исправления в «гранки набора». Заведующему типографией запрещалось без разрешения цензора каким-либо образом изменять надписи в титульном листе, на обложке и т.п. Итак, издатели получили от Уралобллита подробные указания по подготовке произведения к опубликованию. Отказ от их исполнения мог служить основанием для привлечения издателя к юридической ответственности.

3 апреля 1926 г. Уралобллит утвердил обновленную редакцию «Инструкции по цензуре печати»⁶⁰⁵. В этом документе, в частности, можно обнаружить веяния духа НЭПа. Впервые цензорам рекомендовалось руководствоваться не столько «узкополитическими» соображениями, сколько «педагогическими». Речь шла о частных издательствах, о приобщении их к выполнению задач советской культурной политики. Отмечая неспособность местных отделений ГИЗа, а также других партийных и советских издательств выполнять в полном объеме заказы государства, Уралобллит призвал цензоров приложить максимум усилий для включения частных издательств в процесс «культурного строительства». «В отдельных случаях надо пытаться один издательский план заменить другим, чтобы помочь разрешить те или иные задачи культурного строительства», – говорилось в инструк-

---

⁶⁰² ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

⁶⁰³ Там же. Л. 53.

⁶⁰⁴ МУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁶⁰⁵ ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 42-45об.

ции⁶⁰⁶. При этом разрешение на открытие новых частных издательств необходимо было давать только с санкции Главлита, а ведомственных и профессиональных – с согласия Уралобллита. Наконец, по «предварительному соглашению» с Главлитом окружной цензор мог выдавать разрешения на издание журналов и газет левозсеровских и анархических партий⁶⁰⁷.

В «Инструкции» большое внимание уделялось книгоиздательской деятельности. Типографиям запрещалось принимать в печать философские произведения «идеалистического» направления, «не материалистические» книги по естествознанию, религиозную литературу за исключением богослужебных текстов, книги «определенно мистического характера», экономическую литературу «не марксистского направления» и т.д.⁶⁰⁸ Издательство не имело прав напечатания географических карт СССР или отдельных его областей без разрешительной визы НКВД. Учебники и учебные пособия должны были иметь визу научно-педагогической секции Ученого совета Наркомпроса. «Причем представление подобного разрешения не должно служить для Окрлитов поводом к безоговорочному разрешению подобных рукописей, – говорилось в документе. Просмотр необходим и исправления возможны и допустимы»⁶⁰⁹. В тексте любого издания не допускалось применение старой орфографии, метрических систем мер.

Ранее уже отмечалось, что в «Инструкции о деятельности Уралобллита и его местных органах» 1926 г. говорилось о праве Уралобллита приостанавливать деятельность типографий и издательств, сокращать тираж их изданий, закрывать издательства при наличии «преступной деятельности» со стороны их руководства. За окрлитами закреплялось право в случае необходимости и «срочности» вынесения решения о приостановлении деятельности издательства. Этот шаг цензор должен был согласовать с заведующим окроно⁶¹⁰.

На местах издательства и типографии не всегда выполняли цензурные требования. Так, в циркулярном письме пермскому окрлиту от 30 августа 1926 г. М.Р. Ланге отмечал, что «Очерк по экономической истории Урала XVII в.» А.И. Дьякова был «выпущен без указания издательства». «Напоминается необходимость помещать на всякое издание точное наименование издательства, на авторских изданиях ставить пометку "издание автора"», – писал М.Р. Ланге⁶¹¹. Особое недовольство цензора вызвало «наводнение» книжного рынка «беллетристической литературой». 30 августа 1927 г. М.Р. Ланге направил в

---

⁶⁰⁶ Там же. Л. 42.

⁶⁰⁷ Там же. Л. 42об.

⁶⁰⁸ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 42об

⁶⁰⁹ Там же. Л. 43.

⁶¹⁰ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 47. Л. 42-43.

⁶¹¹ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 103.

окрлиты циркуляр, в котором потребовал направлять всю предлагаемую издательствами к опубликованию «беллетристику» в Уралобллит «для просмотра и разрешения»⁶¹².

Летом 1927 г. вышла в свет очередная инструкция Уралобллита «О порядке печатания в свет печатных произведений»⁶¹³. В этом документе, по сути, подтверждался порядок допуска в печать произведений, регламентированный в вышеприведенном циркуляре Уралобллита от 24 октября 1925 г. В п. 7 «Инструкции» отмечалось, что все печатные издания перед опубликованием должны были иметь на внутренней стороне титульного листа номер соответствующего разрешения Уралобллита или окрлита. Приводились примеры: «Уралобллит № 3325», «Пермский Окрлит № 830». Готовые печатные издания могли передаваться типографией издателю только с «последующей» разрешительной визой цензурного органа. Получить такую визу типография могла лишь после представления данного материала в обллит и окрлит на контроль, а также квитанции об отправке обязательных экземпляров в Главлит, органы ОГПУ, Центральную книжную палату. «Выпуск в свет изданий до получения последующей визы обллита, окрлитов строжайше запрещается», – говорилось в инструкции⁶¹⁴. Кстати, срок хранения разрешенных цензурой оригиналов печатных материалов составлял не менее 1 года в архиве типографии. Вместе с оригиналами хранились и визы цензоров.

В конце 1920-х гг. цензурный контроль над издательской деятельностью набирал обороты. В августе 1928 г. Уралобллит запретил допускать в печать рекламу фармацевтических препаратов, сведений о производстве «искусственного волокна», об экспорте муки и т.д. В сентябре 1928 г. появилось распоряжение обллита об обязательном визировании в органах цензуры материалов стенгазет, листовок, «вывешиваемых на видных местах»⁶¹⁵. 25 июня 1929 г. Уралобллит издал циркуляр, содержащий запрет на опубликование в СМИ любых сведений об эпидемиях, вспышки которых имели место на территории региона. В этом же циркуляре требовал от типографий сокращения тиража афиш, листовок и «мелкопечатного» материала. Афиши следовало отныне печатать «только на одной трети листа большого формата»⁶¹⁶.

В планах работы уральских окрлитов в качестве обязательного мероприятия значился контроль над типографиями. Так, в плане работы на 1929–1930 гг. начальника курганского окрлита значилось «наблюдение» за окружной типографией «Красный Курган». Цензор Захаров следующим образом формулировал задачи «наблюдения»:

---

⁶¹² Там же. Д. 5. Л. 46.

⁶¹³ Там же. Л. 5-5об.

⁶¹⁴ Там же. Л. 5об.

⁶¹⁵ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 6. Л. 38, 54.

⁶¹⁶ Там же. Д. 7. Л. 44.

«Установить взаимоотношения по части выпуска в свет каких-либо работ, добиться уменьшения порчи бумаги, лично договориться, что можно печатать, что нельзя, кому и как»⁶¹⁷.

В 1930–1931 гг. вышел в свет целый ряд нормативных документов, так или иначе касающихся вопросов цензуры издательского дела. В сентябре 1930 г. появилось «Положение об уполномоченных Главлита в издательствах и типографиях»⁶¹⁸. 31 декабря 1930 г. Наркомпрос РСФСР издал «Инструкцию уполномоченным Главлита при государственных издательствах»⁶¹⁹. 19 июля 1931 г. Главлит выпустил инструкцию «Об уполномоченных Главлита и политредакторах»⁶²⁰. 4 июля 1931 г. Главлит в циркуляре «Всем заведующим издательствами» требовал от последних «создать для политредакторов Главлита соответствующую обстановку для осуществления предварительного контроля»⁶²¹. В каждом издательстве и типографии учреждалась должность политредактора Главлита, для которого устанавливалась норма «просмотра» до 250 печатных листов в месяц. Политредактору полагалось выделение отдельного помещения кабинетного типа, телефонной связи и канцелярских принадлежностей. На облиты и крайлиты возлагалась обязанность «своевременно информировать политредакторов о партийных директивах, правительственных распоряжениях и директивах Главлита».

В начале 1930-х гг. на Урале наметился рост численности типографий. В 1931 г. появились районные типографии, при которых начали свою работу уполномоченные Главлита. Вместе с тем начальник Уралобллита П.П. Бажов выражал недовольство деятельностью ответственных за цензуру служащих типографий. «Если в старых типографиях ни один наборщик не примет к набору рукопись без визы Лито, – говорил П.П. Бажов, – то во вновь организованных районных типографиях нередко случаи либеральничания и конченных размышлений на темы: кто выше – райком или райлит»⁶²². Одной из главных задач в 1932 г. П.П. Бажов считал создание эффективной системы контроля за типографиями. «Основными требованиями должно быть, чтобы ни один вид газетной и книжной продукции не выпускался из типографии без предварительного просмотра и визы Райлита», – утверждал П.П. Бажов⁶²³. К середине декабря 1931 г. Уралобллиту удалось организовать аппарат уполномоченных при уральском отделении ГИЗа, а также при свердловском издательстве «Гранит».

---

⁶¹⁷ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 6. Л. 126.

⁶¹⁸ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 22. Л. 74-76.

⁶¹⁹ Там же. Л. 25-26.

⁶²⁰ Там же. Л. 22-24.

⁶²¹ Там же. Л. 19.

⁶²² ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 22. Л. 60.

⁶²³ Там же. Л. 62.

Одной из задач уполномоченных при издательствах стал контроль за тиражом периодических изданий. 31 марта 1933 г. Уралобллит обратился к цензорам с требованием «не допускать превышения установленных тиражей»⁶²⁴. Выяснилось, что многие издательства печатали обязательные «контрольные» экземпляры сверх установленных норм. Уралобллит разъяснял, что материалы, предназначенные к последующему контролю, «должны печататься в счет тиража издания». Это означало, что заказчик должен был получать из типографии тираж с учетом вычета контрольных экземпляров, например: «1000 – 65 = 935».

23 апреля 1933 г. и.о. начальника Уралобллита А. Григорьев издал приказ, согласно которому в порядок представления печатных произведений на предварительный контроль были внесены изменения. Так на заведующих типографиями Уральской области возлагалась обязанность представления в обллит пяти «сигнальных» экземпляров любой печатной продукции. «Сигнальными» считались первые пробные экземпляры, только что вышедшие из-под «станка». Свое распоряжение А. Григорьев мотивировал тем, что в условиях «крайне стесненных» сроков работы цензоры не имели возможности полноценно просматривать предназначенный к изданию материал. Дело в том, что органы цензуры получали обязательные экземпляры произведения только после напечатания всего тиража, а не одновременно с «сигнальными» экземплярами, выдаваемыми заказчику. При этом типографии, как правило, оформляли выпуск всего тиража либо в этот же день, либо на следующий. Согласно установленному порядку, с 1 мая 1933 г. «сигнальные» экземпляры должны были сразу поступать на цензуру. Заказчик в свою очередь получал возможность забрать из типографии не более 25 экземпляров будущего тиража, после чего ждал решения цензурного органа. Кроме того, в этом же документе уполномоченным при издательствах и типографиях Уралобллит предписывал выдавать разрешения на выпуск в печать только в том случае, когда они «лично убедятся в наличии квитанции-расписок почтового отделения, подтверждающих высылку обязательных экземпляров в Главлит и Центральную книжную палату»⁶²⁵.

В 1933 г. Уралобллит издал серию распоряжений об изъятии из книготорговой и библиотечной сети некоторых печатных изданий уральского отделения ГИЗа. Под запретом оказались книги, посвященные сельскому хозяйству Урала. Так, 31 марта 1933 г. в райгорлиты был направлен циркуляр с требованием о «немедленном» изъятии книги писателя Алтунина «Каждому колхозу свой севооборот». Кстати, это издание имело визу уполномоченного Уралобллита «В-

⁶²⁴ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 70. Л. 14.

⁶²⁵ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 70. Л. 16.

462»⁶²⁶. В апреле 1933 г. Уралобллит в очередном обращении к районной цензуре требовал провести изъятие из всех книжных магазинов и киосков книги писателя Филиппова «Что сеять на Урале?» и «Животноводство на Урале»⁶²⁷. В следующем месяце под запретом оказались книги писателей Шимаева «Агротехника и повышение урожайности», Петрова, Короля и Михайлова «Агроправила по полевым культурам»⁶²⁸. Всего за 1933 г. было изъято 18 книг и брошюр. Что же не устраивало цензурное ведомство?

Частичный ответ на этот вопрос можно обнаружить в переписке Уралобллита с райгорлитами. В циркуляре № 243/с от 29 апреля 1933 г. начальник обллита А. Григорьев, говоря о необходимости запрета книги В.К. Рогачева «Обработка паров и посев озимых», в частности, писал: «На стр. 40 этой книги дана вредная, по существу вредительская, установка о прогреве в формалине зерна в течение 10–15 минут»⁶²⁹. Общеизвестно, что продовольственная тема в 1932–1933 гг. была одним из самых болезненных вопросов. Голодомор на Украине и его отголоски в других регионах страны не могли не обострять социальную обстановку. Экспериментальные подходы писателей к технологиям того же севооборота могли подтолкнуть читателя к нежелательным для властей объективным оценкам происходящих событий. Любое отступление от официальных установок, предложение альтернативных способов ведения хозяйства расценивались властью как «вредительство».

В докладной записке в Политбюро ЦК ВКП (б) «О работе и новых задачах органов цензуры» от 9 апреля 1933 г. начальник Главлита Б.М. Волин, в частности, отмечал: «Главлит наряду с цензурной репрессией ведет значительную воспитательную и организационную работу. Предварительная цензура суммирует недостатки работы редакторов, издательств и сообщает об этом Правлениям, а также парторганизациям, выступает с сообщениями на производственных совещаниях»⁶³⁰. Вместе с тем работу своего ведомства в области контроля типографий и издательств Б.М. Волин охарактеризовал как «исключительно напряженную». Бдительность цензоров была далеко «несовершенной», ряд издательств оказывали значительное «сопротивление», вызывая тем самым определенное давление на местные органы Главлита. Отмечая недостатки в работе низового аппарата, начальник

---

⁶²⁶ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 70. Л. 14.

⁶²⁷ Там же. Д. 88. Л. 17.

⁶²⁸ Там же. Л. 18–20.

⁶²⁹ Там же. Д. 70. Л. 3.

⁶³⁰ См.: *Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг.* / ред. А.Н. Яковлева, сост. А.Н. Артузов, О.В. Наумов. М., 1999. С. 194.

Главлита все же с присущим ему апломбом замечал: «Нет такого издательства, цензурой которого Главлит не занимался бы вплотную»⁶³¹.

В Уральской области похожую позицию отстаивал С.И. Тубанов. По его инициативе Уралобллит, а чуть позднее и Свердловобллит, неоднократно обращался в органы прокуратуры с просьбой о содействии в борьбе с «противодействием» со стороны служащих типографий и издательств. В ответ на призывы цензоров уральские прокуроры активизировали свою работу. Так, 7 июля 1934 г. Свердловская областная прокуратура издала специальное распоряжение «Всем городским и районным прокурорам Свердловской области»⁶³². В этом документе работникам прокуратуры предписывалось «усилить надзор» за выполнением ответственными лицами типографий и издательств действующего цензурного законодательства. Своевременно реагируя на заявления органов цензуры по факту «злоупотреблений», прокурор должен был незамедлительно начать производство по делу, «заканчивать дела в срочном порядке, привлекая виновных к ответственности». Таким образом, расчет делался на репрессивную составляющую. Другие приемы, очевидно, были признаны малоэффективными.

Летом 1934 г. деятельность свердловских издательств подверглась жесткой критике на совещаниях работников цензуры. В резолюции «Совещания начальников райлитов Свердловской области» от 5 июля 1934 г., в частности, говорилось: «Качество выпускаемой издательствами продукции и художественно-техническое оформление книг, журналов, брошюр все еще стоит на крайне низком уровне, особенно в ОГИЗе»⁶³³. Деятельность уполномоченного Свердловобллита при издательстве «Уральский рабочий» С.М. Потапова была признана неудовлетворительной. Пропуск в печать «политически-невыдержанных» изданий допустил и уполномоченный при свердловском отделении ГИЗа В.М. Трухановский. «В целях борьбы с браком обязать уполномоченных регулярно, не менее двух раз в месяц, проводить совещания с редакторами и активом издательств и типографий», – говорилось в резолюции⁶³⁴. Райлитам было поручено в «кратчайшие сроки» разрешить проблему рассекречивания государственных тайн.

Вместе с тем, проведение в жизнь положений резолюции тормозилось. В приказе № 73 по Свердловобллиту от 10 октября 1934 г. С.И. Тубанов приводил пример «неприемлемой» ситуации, имевшей место в Егоршинском районе. Во время нахождения в командировке начальника райлита исполнение цензурных полномочий взял на себя зав. ОНО Орлов. С издательством местной районной газеты Орлов

---

⁶³¹ Там же. С. 195.

⁶³² ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 59.

⁶³³ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 53.

⁶³⁴ Там же. Л. 53.

совместной работы не вел, материалы не просматривал. В результате несколько номеров газеты вышли из типографии, не имея визы райлита⁶³⁵. С.И. Тубанов объявил решение Свердловобллита: Орлову был дан строгий выговор и впредь его лишали права выполнять цензорскую работу. В этом же приказе объявлялось о наказании начальников Красноуральского, Чердынского, Верещагинского, Красноуфимского райлитов. Цензорам было предъявлено обвинение в «многократном рассекречивании государственных тайн в печати».

Немногие «проштрафившиеся» цензоры были способны опротестовать решение обллита о привлечении их к ответственности. Так, например, начальник райлита Троицкого района Челябинской области Кальметьев в своем письме в Челябинобллит от 11 июля 1934 г. оправдывал допущенные им «нарушения» в районной печати «устаревшей базой инструктивного материала». Кальметьев занимал должность райлита с 15 августа 1933 г. «Работаю по старой инструкции издания 1930 г. и ряда вопросов, на которые вы ссылаетесь и ссылался Уралобллит, в этой инструкции нет», – писал цензор⁶³⁶. Далее, он просил Челябинобллит срочно выслать в Троицкий райлит новый инструктивный материал. При этом цензор подчеркивал, что контроль над местной типографией им осуществляется систематически. Эта история показывает, что в массе инструктивного материала по цензуре не все райгорлиты были способны отобрать действующие редакции. Те из них, кто еще получил опыт работы в Уралобллите, машинально использовали инструкции 1920-х гг. Неразбериха в документообороте была не последней причиной в росте количества нарушений в районной печати.

16 ноября 1934 г. Главлит издал распоряжение, адресованное всем местным органам цензуры. В документе устанавливался новый порядок работы уполномоченных Главлита при типографиях. Отныне цензорам запрещалось выдавать разрешение на выпуск в печать какого-либо издания до того времени, пока «весь материал в месте с заголовками, шапками, клише и подписями» не будет окончательно сверстан. «Каждый цензор обязан оставаться в типографии вплоть до подписания редактором полос к печати», – говорилось в циркуляре⁶³⁷. В печатных изданиях запрещалось оставлять белые полосы или места без текста. Очевидно, Главлит имел в виду возможность их заполнения в самый последний момент, когда цензор уже завизировал материал. Главлит грозил своим уполномоченным административной ответственностью за оставление своего рабочего места до издания первого пробного экземпляра и его проверки на соответствие предъявляемым требованиям.

---

⁶³⁵ Там же. Л. 36.

⁶³⁶ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 57.

⁶³⁷ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 10.

В циркуляре № 1853/с от 22 декабря 1934 г. Главлит возложил на уполномоченных при издательствах и типографиях обязанность не пропускать в печать издания, «написанные или выходящие под редакцией, с предисловиями и примечаниями Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева»⁶³⁸. Внутрипартийная борьба завершилась, бывшие вожди партии большевиков превращались в ее «врагов». Цензорам вменялось все без исключения уже опубликованные ранее печатные издания подвергнуть процедуре чистки, то есть устранить из них ссылки «на редактуру упомянутых лиц». Кампании по чистке библиотечных фондов пройдут на Урале в следующем 1935 г.

В 1935 г. произошли изменения в порядке регистрации новых периодических изданий. 31 марта 1935 г. в Челябинский обллит поступило письмо от замначальника Главлита А.П. Таняева. В письме сообщалось, что ходатайства об открытии новых издательств с этого времени будут рассматриваться Главлитом только при получении Культпропотделом ЦК ВКП (б) необходимых материалов из крайобкомов ВКП (б). Челябинскому обллиту предлагалось договориться с культпропотделом челябинского обкома ВКП (б) о взаимодействии в подготовке материалов – анкеты, выписки из постановления партийного органа и т.п.⁶³⁹ Таким образом, теперь не только цензоры, но и партийные комитеты принимали решение о целесообразности учреждения нового издательства.

Во второй половине 1930-х гг., несмотря на выстраивание жесткой системы цензурного контроля над технологическим процессом издания печатных произведений, органам Главлита на Урале все же не удавалось свести до минимума количество выходящих из-под типографского станка «прорывов». К идеологически вредной информации цензоры относили и так называемые «опечатки» в периодических изданиях. По признанию начальника Челябобллита П.Н. Шмелева, имевший место в третьем квартале 1937 г. рост опечаток придавал тексту выходящих в свет газет «контрреволюционный смысл»⁶⁴⁰. Порой в опечатках руководство уральских обллитов видело происки «врагов народа». Тот же Шмелев отмечал, что в редакции газеты «Челябинский рабочий» в августе 1937 г. были «разоблачены и арестованы враги народа» – редактор газеты и его заместитель⁶⁴¹. В № 37 свердловской газеты «Приисковский рабочий» за 18 декабря 1938 г. при последующем контроле цензоры обнаружили такую «опечатку»: «Статья под заглавием "Нельзя ли повежливее, товарищ Сталин", а в заключении говорится о том, что "нельзя ли одернуть взорвавшегося самодура"»⁶⁴². В акте обследования деятельности редакции этой газе-

⁶³⁸ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 14.

⁶³⁹ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 2. Д. 6. Л. 22.

⁶⁴⁰ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 2. Д. 8. Л. 105.

⁶⁴¹ Там же. Л. 106.

⁶⁴² ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 38. Л. 4.

ты специальная комиссия Свердловлита пришла к выводу, что «газета используется порой вражескими элементами»⁶⁴³. Несмотря на такой резкий отзыв, уполномоченный Свердловлита по Висимскому району, в чьи обязанности входил предварительный контроль за газетой «Приисковый рабочий», отделался лишь строгим выговором.

В период с 4 по 9 апреля 1939 г. комиссия Свердловлита провела обследование Нижнетагильского горлита. В ходе работы комиссия выявила девять случаев выхода в свет печатного материала без визы цензоров. Нарушения допустили уполномоченный обллита при редакции газеты «За Металл» Д.В. Пилигримов и его коллега И.В. Безносиков, трудившийся в той же должности при издательстве газеты «Вагоногигант»⁶⁴⁴. «В Нижнем Тагиле отсутствует контроль за типографиями», – говорилось в приказе № 4 по Свердловскому обллиту от 14 апреля 1939 г.⁶⁴⁵ Начальнику горлита И.Н. Тулакину предписывалось составить план по устранению проблемы «с расчетом, чтобы типографии и магазины были бы систематически проверяемы».

Год спустя, в отчете «О работе Тагильского горлита» за период с 1 января по 1 сентября 1949 г., И.Н. Тулакин сообщал о проведении силами его аппарата 7 обследований деятельности четырех действующих в городе типографий. «Типография газеты «Тагильский рабочий» проверяется ежедневно дежурным цензором, – писал И.Н. Тулакин. – Остальные типографии проверяются по мере надобности»⁶⁴⁶. Вместе с тем, И.Н. Тулакин был вынужден признать, что контроль за издательским делом все еще слаб. Так в типографии «Стальной Лocomотив» в июне и августе 1940 г. были напечатаны два номера газеты, не имевших визы Лита. В типографии «Вагоногигант» печати с визой Лита были обнаружены в шкафу у корректора. В целом, последующим контролем было выявлено 14 случаев разглашения гостайн и «опечаток». «Начальник горлита т. Тулакин не принял соответствующих мер по привлечению к ответственности директора типографии издательства газеты «За металл» т. Шрейдерса», – говорилось в резолюции кустового совещания уполномоченных Свердловлита от 25 сентября 1940 г.⁶⁴⁷ Вина заведующего типографией заключалась в том, что он не реагировал на замечания цензоров и хранил «в безобразном состоянии подлинники печатной продукции».

В районах Пермской области в 1939 г. уполномоченные обллита также слабо контролировали издательскую деятельность. В Очерском районе заведующий местной типографией достаточно длительный период самовольно проставлял визы цензора на периодические издания. Сам же начальник райлита Катков бездействовал. В Больше-Усинском

---

⁶⁴³ Там же. Л. 5.

⁶⁴⁴ Там же. Л. 7-10.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 9.

⁶⁴⁶ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 20. Л. 11.

⁶⁴⁷ Там же. Л. 2.

районе уполномоченный Хохлов совсем не «литуировал мелкопечатную продукцию». В Верещагинском районе уполномоченный М.Т. Туров вопреки всем инструкциям Главлита допускал к изданию печатный материал, не имевший подписи редактора⁶⁴⁸. В 1940 г. усилиями аппарата управления Пермобллита было проведено несколько «индивидуальных бесед» с редакторами периодических изданий и заведующими издательствами. В декабре 1940 г. в г. Кизеле состоялось совещание редакторов многотиражных газет с начальником обллита М.Н. Пермяковой. Редакторы и издатели были предупреждены о персональной ответственности за «разглашение гостайн»⁶⁴⁹.

В заключение отметим, что политический контроль за печатным словом оставался ведущим направлением в работе органов Главлита и в последующие периоды существования института советской цензуры. Исследование показало, что контролю подвергался не только сам текст произведения, но и принципы его оформления, тираж, расход печатных материалов. Однако мы не склонны разделить точку зрения Н.Н. Клепикова, суть которой заключается в том, что в конце 1930-х гг. печать, а вместе с ней и все издательское дело в целом, находилась под полным контролем правящего режима, в том числе за счёт политической цензуры⁶⁵⁰. Нам представляется, что в 1920–1930-е гг. только складывались принципы и механизмы цензурного контроля над деятельностью типографий и издательств. Органам Главлита постоянно и порой в тяжелой борьбе приходилось доказывать свое право на контроль. Уральские цензоры сталкивались с реальным противодействием со стороны издателей и редакций СМИ. Порой они сами путались в инструктивном материале и принимали свои решения на основе документов, уже утративших силу. Рост «прорывов» в печати был неизбежен. Это понимали руководители цензурных ведомств. Почти всегда вина за разглашение государственной тайны возлагалась на рядового цензора. Совсем уж единичными случаями было реальное привлечение к ответственности кого-либо из уральских издателей.

---

⁶⁴⁸ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 6.

⁶⁴⁹ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 2. Л. 6.

⁶⁵⁰ Клепиков Н.Н. Указ. соч. С. 138.

4.2. Цензура зрелищных мероприятий (театр, эстрада, музыка, кино)

Цензура зрелищ на Урале до начала 1923 г. осуществлялась местными отделами Главполитпросвета. Приступив к реализации задач по цензурному контролю, гублиты уже в начале 1923 г. запрашивали Уралобллит о возможности передачи им полномочий по цензуре зрелищ. В.А. Чуканцев-Муромцев в январе 1923 г., в частности, писал: «Тюменский гублит находит более целесообразным объединить работу Гублита и надзора за зрелищами в одно так называемое цензурное управление, а также и экспертную комиссию по налогам на зрелища»⁶⁵¹. Ранее уже отмечалось, что и Уралобллит ставил перед Главлитом подобный вопрос. После создания Главреперткома, в феврале 1923 г., Уралобллит подготовил первую инструкцию «Руководство по цензуре зрелищ»⁶⁵². Однако не все цензоры получили этот документ. Так, в апреле 1923 г. А.З. Неупокоев просил Уралобллит разъяснить ему правила контроля за эстрадным репертуаром. «Необходимо руководство по выдаче разрешений на постановку танцулек, балетов и прочей халтуры, возникающей на почве НЭП и которая в корне противоречит сути нашего театра», – говорил А.З. Неупокоев⁶⁵³.

4 мая 1923 г. Уралобллит в циркуляре № 338 призвал всех заведующих уездными ОНО «немедленно приступить к выполнению возложенных обязанностей по контролю за репертуаром»⁶⁵⁴. В этом же циркуляре на уездных цензоров была возложена обязанность по организации так называемых «волостных комиссий по надзору за репертуаром». Такая комиссия должна была состоять из нескольких должностных лиц: члена волостного исполкома, секретаря волкома РКП (б) и председателя волостного комитета Союза просвещения.

В июне 1923 г. А.Д. Ослоновский, готовя отчетный доклад в Главлит, цензуре зрелищ посвятил целый раздел, назвав его «О репертуаре и контроле за ним»⁶⁵⁵. Начавшийся летний сезон в деятельности большинства уральских театров и филармоний А.Д. Ослоновский охарактеризовал как сложный. «Классического репертуара с закрытием зимних сезонов теперь нет, – писал цензор. – В преобладающем числе случаев репертуар был мещанского характера, состоящий преимущественно из пьес-фарсов, водевилей и одноактных пьесок Чуж-Чуженина»⁶⁵⁶. О культурном уровне гастролирующих трупп артистов

⁶⁵¹ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 547. Л. 14.

⁶⁵² ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

⁶⁵³ ГАКО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 198. Л. 14об.

⁶⁵⁴ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.

⁶⁵⁵ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 3об-4.

⁶⁵⁶ Под псевдонимом «Чуж-Чуженин» творил свои работы Николай Иванович Фалеев. Он являлся автором нескольких либретто, комедий, пьес, стихов, оперы-гусельки «Сказ о царе Ахромее и прекрасной Евпракsee», оперетты «Княжна Аз-

начальник Уралобллита был также невысокого мнения. Выступления большинства «артистической братии», по его оценке, носили «халтурнический» характер. Многие эстрадные номера «только ради моды и приличия» были поставлены в «духе пролетарской культуры». В г. Свердловске театр «Муха» беспрепятственно произвел постановку нескольких спектаклей, которые А.Д. Ослоновский охарактеризовал как «ужасающая водевильщина в стиле Ги де Мопассан». В итоге Уралобллит предпринял «решительные меры» и запретил постановку 50% репертуара «подобных» театров. В целом за июнь 1923 г. в г. Свердловске и прилегающих соседних районах Уралобллит подверг цензуре 153 постановки, из которых на 20 был наложен запрет⁶⁵⁷.

С лета 1923 г. уральские цензоры стали получать утвержденные Главреперткомом списки разрешенных и запрещенных пьес, кинолент, музыкальных произведений. Так, 8 июня 1923 г. Уралобллит издал циркуляр № 373, содержащий списки кинокартин и пьес, разрешенных к «демонстрированию». Среди кинолент, допущенных к массовому зрителю, отметим комедии «Чарли Чаплин» и «Контора для найма прислуг», драмы «Мери Пикфорд» и «Морфий». Из двух десятков кинокартин только одна являлась хроникой и была посвящена празднованию 1 Мая в Москве. Практически все киноленты принадлежали киностудии «Севзапкино», получившей от ГРК право на их кинопрокат⁶⁵⁸. В списке пьес, рекомендуемых к постановке, следует отметить «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго, «Железная пята» Д. Лондона, «Посадник» А.Н. Толстого, «Жакерия» П. Мериме, «Оливер Кромвель» и «Канцлер и кесарь» А.В. Луначарского. По мнению Главреперткома, эти пьесы наиболее полно отражали сущность «классовых противоречий» и «борьбу классов». Произведения русских классиков (А.С. Грибоедова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова) не отвергались цензурой. Однако постановка пьес по мотивам их произведений отныне должна была выполняться с определенными «купюрами». «При постановке Достоевского необходимо сгладить мистицизм и во вступительном слове обрисовать значение Достоевского в русско-классической литературе с библиографическими данными», – отмечалось в циркуляре⁶⁵⁹.

Регламентации подверглась и деятельность частных кинопрокатных организаций. Все киноленты, транслируемые «кино-конторами», должны были иметь разрешительную визу ГРК. Перед организацией киносеанса и распространением афиш, билетов владелец «кино-конторы» был обязан явиться в местный орган цензуры, предъявив целый пакет документов: заявление, удостоверение личности, «лицен-

---

вяковна» и др. В 1918 г. был членом ВЦИК РСФСР, ответственным редактором «Известий ВЦИК».

⁶⁵⁷ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁶⁵⁸ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 19-20.

⁶⁵⁹ Там же. Л. 22.

зию» на право принадлежности кинопрокатной организации, договор между его организацией и Госкино⁶⁶⁰, в котором указывалась норма проката. В случае если кинокартина была новой или имела заграничное происхождение, к этому списку документов добавлялись еще лицензия Наркомвнешторга и специальный паспорт Главлита. «В случае отсутствия у кинопрокатчиков вышеуказанных документов или одного из них, считать, что кинолента новая, не принадлежащая им, и прокатывается незаконным образом», – говорилось в циркулярном письме Уралобллита № 477/с от 28 августа 1923 г.⁶⁶¹

Другой циркуляр Уралобллита № 509/с от 21 сентября 1923 г. был посвящен правилам цензуры эстрадного репертуара и танцев. Жесткой критике в первую очередь подверглись эстрадные номера («куплеты, стихи, клоунское антре»), носящие «оскорбительный характер для национальностей». Речь шла и о так называемых «антисемитских выпадах» в выступлениях артистов. «На шестом году Революции пора изжить прежний позор, при котором угнетенные в политическом отношении национальности были предметом насмешки со стороны самодовольного мещанства, буржуазии, которым продажные подобострастные писаки и артисты поддакивая, стремились доказать, что все не русское смешно», – отмечалось в документе⁶⁶². Далее Уралобллит предлагал цензорам не допускать танцевальные номера, демонстрирующие культ «нагого тела». Имелись в виду пластические и «эксцентрические» танцы – танго, фокстрот, шимми и т.д. Исполнение таких танцев, по мнению цензурного ведомства, было направлено главным образом на «разжигание болезненной чувствительности» у зрителя. «В отдельных местах танцы используются также предпринимателями для сводничества и всяких других грязных дел, приносящих им крупные доходы...», – говорилось в циркуляре. Примечательно и то, что цензоры обозначили этот эстрадный жанр не иначе как «кокаиновой культурой». Кроме того, Уралобллит обращал внимание своих служащих на недопустимость наличия в эстрадном репертуаре номеров политической сатиры. Объявлялись неприемлемыми в номерах артистов любые намеки на явления политической жизни страны⁶⁶³. В обязанность цензорам также вменялась организация совместно с политконтролерами ГПУ мероприятий, направленных на изъятие в клубах, трактирах и кафе запрещенных Главреперткомом к воспроизведению в «публичных местах» граммофонных пластинок. Среди

---

⁶⁶⁰ 19 декабря 1922 г. декретом СНК РСФСР Всероссийский фотокиноотдел был преобразован в хозяйственное предприятие Наркомпроса «Госкино», которое получило право монополии проката кинолент в пределах РСФСР. С 1 января 1923 г. все существующие организации могли заниматься прокатом только на основании заключенных с «Госкино» договоров // СУ РСФСР. 1923. № 1. Ст. 4.

⁶⁶¹ ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 26-26об.

⁶⁶² ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 39.

⁶⁶³ Там же. Л. 39об.

граммофонного репертуара, предназначенного к изъятию, числились цыганские романсы, популярные в народе песни «Варяг», «Вечерний звон», «Укажи мне такую обитель».

17 января 1924 г. Уралобллит направил на места «Инструкцию по контролю за репертуаром»⁶⁶⁴. В документе были собраны все предыдущие указания по реализации основных направлений в области организации контроля зрелищных предприятий. В некоторых положениях обнаруживаются более сдержанные формулировки. Так, цензоров призвали не отмечать все «буржуазное» и несоветское. «Необходимо из богатого наследства, оставленного нам буржуазией, выбирать все созданное веками общечеловеческой ценности, что нам полезно или по крайней мере безвредно, беспощадно отбрасывая в то же время хлам ярко выраженной враждебной нам идеологии», – говорилось в документе. Впервые вводилось деление зрителей на «нэпманские» и «рабоче-крестьянские» массы. Если первым разрешался просмотр пьес и опереток «пикантного мещанского» содержания («Змейка», «Испанская мушка», «Тайна Гарема», «Ночь любви»), то допуск вторых к подобному репертуару был категорически запрещен. Деятельность трупп артистов, курсирующих без визы окрлитов из города в город, объявлялась «халтурой», с которой необходимо было бороться. Исполнение пластических танцев по-прежнему определялось как «вульгарная пошлость», однако отдельные номера могли быть презентованы советскому зрителю. В пример приводились танцевальные номера петроградской студии Айседоры Дункан, в частности танец «Интернационал»⁶⁶⁵. «Бальные танцы на вечерах, спектаклях запрещать не следует, особенно молодежи, но нужно танцы перемешивать с концертной программой, не давать злоупотреблять так называемыми танцульками...», – отмечалось далее в «Инструкции»⁶⁶⁶.

Вопросы организации цензурного контроля над детским репертуаром также нашли свое выражение в «Инструкции». Так, детям, не достигшим 16-летнего возраста, запрещался просмотр в кинотеатрах кинолент следующих жанров:

---

⁶⁶⁴ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 52-53.

⁶⁶⁵ Впервые танец «Интернационал» был исполнен А. Дункан осенью 1921 г. в Москве. «"Интернационал" воплощал самые сокровенные чувства людей, совершивших революцию, – он был символом веры. И Дункан с честью выполнила сложнейшую творческую задачу – воссоздала картину грядущей победы Мировой Революции. Актриса танцевала вместе с приемной дочерью и детьми, облаченная в красные одежды, в образе "старшей сестры – Советской России" она гордо бросала вызов миру. Постепенно из тьмы к ней присоединялись "младшие сестры – будущие пролетарские республики", которых "Интернационал" вызывает... к бытию». Цит. по: *Овсянников Н.* Неумеренные параллели (по поводу Дункан) // *Коммунистический труд.* 1921. 11 ноября (№ 494). См.: *Шереметьевская Н.Е.* Танец на эстраде. М., 1985. Глава 2. С. 27-32.

⁶⁶⁶ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 52об.

- *детективных*, «где для героев (Шерлок Холмс, Пинкертон), по существу, безразлично кого обслуживать, и где их заслуга в большинстве случаев в интересах корыстных целей капиталистических классов и смежных с ним слоев»;
- *сентиментально-любовные драмы* из «буржуазно-мещанского быта»;
- *исторические драмы*, в которых любовно-романтический элемент заполняет собой собственно историческую сторону, обработанную кое-как, без всякого интереса к быту эпохи, а также, где культ героической личности выдвигается за счет приниженной бездействующей массы (где «народ безмолвствует»), т.е. «где история преподносится в духе старых учебников (по Д. Иловайскому)».

Вместе с тем в кинотеатрах не запрещалась демонстрация для детей фильмов приключенческого характера, где «приключения и авантюра не связаны с личными корыстными целями, а преследуют цели научных открытий или улучшения положения угнетенных классов» (по романам Жюль Верна, Д.Ф. Купера). Доступны к просмотру также были и так называемые «бытовые драмы» по классическим произведениям русских и иностранных авторов, разрешенные Главреперткомом⁶⁶⁷.

Вслед за инструкцией цензоры получили циркуляр Уралобллит № 94, в котором им разъяснялись принципы контроля за «школьным репертуаром». Сценарии спектаклей, концертов и праздничных вечеров, подготавливаемые творческими коллективами учащихся, предназначенные для их последующей постановки в стенах образовательных учреждений, не подлежали просмотру и визированию окрлитами. Те же постановки, которые предполагалось демонстрировать за пределами учебных заведений, подлежали цензуре на общих основаниях. «Все школьные постановки, носящие публичный характер, утверждаются окончательно Окрлитом, причем последнему предоставляется право действовать в порядке преподанной ранее инструкции по цензуре репертуара», – подчеркивалось в документе⁶⁶⁸.

В 1924–1925 гг. круг объектов цензурного контроля расширялся, становился все более предметным. 4 апреля 1924 г. в циркуляре № 132 Уралобллит объявил о своем решении запретить постановку пьес «Отец Сергей», «Контролер спальных вагонов» и «Певец своей печали». В качестве мотива запрета фигурировала формулировка: «...вышеуказанные пьесы к постановке Главреперткомом запрещены»⁶⁶⁹. В сентябре 1924 г. Уралобллит признал необходимым взяться за контроль над репертуаром в «Исправдомах». Зрелищные предприя-

⁶⁶⁷ Там же. Л. 53.

⁶⁶⁸ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

⁶⁶⁹ Там же. Д. 3. Л. 28.

тия, по мнению цензурного ведомства, должны были способствовать задаче перевоспитания лиц, отбывающих заключение. Окрлитам поручалось «усилить» контроль за зрелищами в «местах заключения», «не допуская отрицательного воздействия на психику заключенных»⁶⁷⁰.

В феврале 1925 г. уральские цензоры получили очередную секретную директиву, в которой Главлит требовал не пропускать сценариев эстрадных номеров, содержащих пародии на партийную дискуссию «о Ленинизме и Троцкизме». Эстрада мгновенно реагировала на политические явления в жизни страны, и развернувшаяся внутрипартийная борьба на время стала популярной темой для импровизаций. Несмотря на комичность, художественный вымысел подобных номеров, Главлит увидел в них угрозу компрометации коммунистической партии в глазах общества. «Так как партийная дискуссия, нашедшая место в партпечати и соответствующих выступлениях ответственных партийных работников, является серьезнейшим внутри партийным и теоретическим вопросом, ГРК находит недопустимой ее вульгаризировать и опошлять, а потому предлагает как можно строже относиться к разрешению эстрадных номеров, в которых находила бы освещение (хотя бы в знаках) партдискуссия», – отмечалось в распоряжении Главлита⁶⁷¹.

6 февраля 1925 г. Уралобллит издал циркуляр об изъятии на местах кинолент с пометкой «не для рабоче-крестьянских аудиторий». Таким образом, чуть больше года цензоры не трогали «нэпманские» фильмы. В документе подчеркивалось, что всякий «хлам» допускался в кинотеатры по причине «неразвитости» советской киноиндустрии⁶⁷². Теперь же с появлением новых советских кинолент можно было отказаться от идеологически не выдержанных. «Настала пора повести решительную борьбу с разлагающим влиянием заграничных фильмов», – подчеркивалось в циркуляре⁶⁷³. Всем кинотеатрам и киностудиям

---

⁶⁷⁰ Там же. Д. 2. Л. 75об.

⁶⁷¹ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

⁶⁷² Исследователь кино Н.С. Рябчикова, описывая развитие советской киноиндустрии в 1922-1925 гг., утверждает, что для этого периода были характерны многочисленные дискуссии об объединении советского кинопроката и кинопроизводства. Их итогом стало создание в начале 1925 г. акционерного общества «Совкино». Все кинопрокатные организации («Госкино», «Севзапкино», «Пролеткино», «Кино-Москва») передавались в исключительное ведение «Совкино». Кроме того, «Совкино» получило и монопольное право на ввоз в СССР кинокартин иностранного производства. В провинции право кинопроката принадлежало отныне только отделениям «Совкино». В процессе производства кинолент и их проката не осталось места для частных кинокомпаний. См.: *Рябчикова Н.С. «Пролеткино»: от «Госкино» до «Совкино» // Киноведческие записки: Историко-теоретический журнал. 2010. № 94-95. С. 90-108.*

⁶⁷³ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

запрещалось отныне демонстрировать данное «нэпманское кино». Окрлитам в контакте с уполномоченными ОГПУ предписывалось провести реквизиции этих кинолент и отправлять их фельдьегерской почтой в Уралобллит.

Весной 1925 г. внимание цензоров было приковано к предстоящему весенне-летнему репертуарному сезону. По данным Уралобллита следовало ожидать большой «наплыв» гастрольных трупп из Москвы и других городов в сельскую местность. Особое беспокойство вызывал практиковавшийся многими труппами «разговорно-куплетный жанр». В циркуляре Уралобллита № 7472 от 19 мая 1925 г. по этому поводу, в частности, отмечалось: «В округах, заводских и сельских местностях эстрадники, в особенности сатирики-куплетисты, пользуются тем, чтобы протащить свой балаганный репертуар»⁶⁷⁴. Уралобллит также располагал сведениями, что некоторые «куплетисты», скрывая запрещение цензурой своих номеров, переписывали заново их содержание, после чего представляли обновленный вариант в окрлит и получали разрешение. С целью борьбы с такого рода «авантюрой» цензорам предписывалось требовать от гастролеров программу выступления, имеющую разрешительную визу Уралобллита. Кроме того, цензор должен был предупредить артиста об уголовной ответственности за подобный обман.

Эстрадный репертуар, содержащий исполнение фокусов, «факирства» и гипнотических сеансов, наделялся эпитетами «большое зло», «умирающий» и т.п. Уралобллит в категоричной форме требовал от окрлитов не допускать на сцене такого рода выступлений⁶⁷⁵. Аналогичный запрет был наложен на эстрадные номера с выступлениями борцов-тяжелоатлетов. Его мотивом стало твёрдое убеждение цензоров, что выступления тяжелоатлетов носили «антифизкультурный характер»⁶⁷⁶.

В октябре 1925 г. очередь дошла и до бенефисов. Бенефисы объявлялись «худшим пережитком театра», вызывающим антагонизм и «дрязги» в театральной среде⁶⁷⁷. В феврале 1926 г. последовал запрет на постановку в театрах произведений опереточного жанра. «Старая оперетта, как наиболее яркое вырождение буржуазного театра, является у нас только терпимым жанром, – и чем скорее она исчезнет в РСФСР, тем лучше», – говорилось в циркулярном письме Главлита⁶⁷⁸. Вместе с тем циркуляр Главлита № 269/с от 1 июля 1926 г. освободил от предварительной цензуры репертуар рабочих клубов: песни, купле-

---

⁶⁷⁴ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 157-157об.

⁶⁷⁵ Там же. Л. 157об.

⁶⁷⁶ Там же. Л. 26.

⁶⁷⁷ Там же. Л. 61.

⁶⁷⁸ Там же. Д. 4. Л. 62.

ты, инсценировки, агитсуды, пьесы, тексты красных посиделок и т.д. Творчество рабочих коллективов объявлялось неприкосновенным⁶⁷⁹.

В 1926 г. Уралобллит утвердил формы заявлений для обращений в органы цензуры по вопросам разрешения проведения зрелищных мероприятий⁶⁸⁰.

Форма заявления в райлит				
				В РайОНО
.....Райлит				
Заявление				
Настоящим прошу разрешить «....» .....192...г. устройство.....				
в помещении .....находящегося по				
по следующей программе.				
Название произведения	Автор или композитор	Форма /Драма, комедия, воде- виль/	Число ак- тов, ча- стей	Отметка о репертуар- ном сборе
Число мест ..... Начало спектакля, концерта и т.д.				
.....				
Платно или бесплатно /подчеркнуть/. Цены от .... до				
Ответственный администратор				

Форма удостоверения райлита	
Форма 19	
Удостоверение	
.....Райлит настоящим разрешает.....	
..... на 192...г. до ..... час. ночи.....	
согласно указанной в сем заявлении программы, с правом /без права/ печатания афиш № ..... в количестве ..... экземпляров.	
.....подлежит обложению государственным налогом по группе.....%.	
Отметки о гербовом сборе.....	
Уполномоченный <i>Кунгурского Окрлита</i> <i>/Подпись/</i>	

Примерно в это же время Уралобллит разработал новую форму для отчета по контролю за зрелищами. Осенью 1926 г. окрлитам было поручено произвести учет всех прошедших в округах художественных

⁶⁷⁹ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 110.

⁶⁸⁰ МУ «Кунгурский городской архив». Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 82. Л. 71-71об.

постановок. Полученные сведения сводились цензорами в следующую форму (табл. 9)⁶⁸¹.

Таблица 9

№ п/п	Наименование постановок или кинолент	Автор пьесы / для кинолент № удостоверения	Число действий или частей	Какими силами проводилась постановка	Где проходила постановка и состав аудитории

В циркулярном письме от 3 октября 1926 г. начальнику шадринского окрлита Г. Новоселову М.Р. Ланге указал цензору на ряд ошибок, допущенных им в отчете за сентябрь. В частности, в отчете отсутствовала информация об авторах постановок, не указывалось количество актов в сыгранных пьесах. Пьеса «Именинница» была обозначена на афише и в программе как «советская комедия». В то же время, по мнению М.Р. Ланге, ничего характерного для «современной драматургии» эта пьеса не имела⁶⁸². Заметим, что произведение имело разрешительную визу Главлита. Претензии же Уралобллитка касались его формы презентации зрительским массам.

Шадринский окрлит формировал свои ежемесячные отчеты на основе докладов, поступаемых от уполномоченных в районах. Г. Новоселов требовал от своих помощников приводить более точные сведения по постановкам. Однако, имея под рукой вышеуказанную форму отчета, цензоры не всегда справлялись с задачей по ее заполнению. Для примера рассмотрим доклад уполномоченного окрлита в Верх-Теченском районе Д.Ф. Валькова за период с 1 октября по 1 декабря 1926 г. За два месяца в районе было проведено 15 постановок. Перечислив названия пьес («Бедность не порок», «Его величество Трифон», «На баррикадах», «Конкурс женихов»), Д.Ф. Вальков не обозначил ни одной фамилии авторов пьес⁶⁸³. В графе «Какими силами проводилась постановка» фигурировала одна и та же фраза: «Силами драматургии»⁶⁸⁴. Графа «Состав аудитории» была заполнена только на половину. На пьесе «Юный коммунар», по данным цензора, присут-

⁶⁸¹ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 47. Л. 6об.

⁶⁸² Пьеса «Именинница» была написана В.Е. Ардовым. Впервые пьеса была поставлена в 1924 г. на сцене Московского театра сатиры. Впоследствии автор написал еще более 40 сборников сатирических рассказов, очерков («Таракановщина», «Склока» и др.).

⁶⁸³ Пьеса «Бедность не порок» принадлежит перу выдающего русского драматурга А.Н. Островского. Пьеса «На баррикадах» ставилась на основе романов В. Гюго. Автором пьесы «Его величество Трифон» был Д.Ф. Чижевский (1885-1951 гг.).

⁶⁸⁴ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

ствовали учащиеся. Однако было не ясно, какое же учебное заведение они представляли. Неаккуратность в заполнении форм показывали и другие райлиты.

В докладе А.А. Черемных, уполномоченного окрлита по Четкаринскому району, из 20 пьес только 12 имели указание их авторов. Среди восьми безымянных была и пьеса «Конкурс женихов»⁶⁸⁵. Это произведение было некоторое время популярным не только в Шадринском округе, но и за пределами Уральской области. Так зимой 1927 г. ее с успехом ставили в райцентрах Вологодской губернии⁶⁸⁶. Последнее упоминание о постановке этой пьесы в Уральской области мы обнаружили в отчетном докладе от 25 декабря 1926 г. М. Богатырева, заведующего избой-читальней села Басказыкское Катайского района. По сведениям М. Богатырева на представлении присутствовало около 80 зрителей⁶⁸⁷. Вместе с тем, в январе 1927 г. Уралобллит направил в окрлиты обновленный список пьес, разрешенных и запрещенных к постановке. В списке запрещенных значилась и пьеса «Конкурс женихов»⁶⁸⁸. 15 января 1927 г. в письме Д.Ф. Валькову Г. Новоселов, в частности, писал: «Окрлит, на основании имеющихся у него данных, предлагает из репертуара деревенского театра изъять пьесу «Конкурс женихов»»⁶⁸⁹.

В начале 1927 г. Уралобллит внес изменения в схему «Текстового доклада местных органов по контролю за репертуаром»⁶⁹⁰. В структуру доклада были включены следующие разделы: «I. Предварительный и последующий контроль за репертуаром», «II. Кино: а) количество кинотеатров – профессиональных и клубных; б) количество прошедших картин; в) посещаемость кино; г) делались ли доклады по вопросам кино», «III. Музыкально-театральная часть: а) профессиональный театр; б) эстрада; в) музыкально-театральные учебные заведения; г) клубы; д) деревенский репертуар». Таким образом, возможность импровизированного доклада исключалась. М.Р. Ланге требовал точные статистические и фактические сведения о состоянии цензуры зрелищ в округе. В свою очередь окрлиты предъявляли те же требования к своим районным уполномоченным.

7 марта 1927 г. Г. Новоселов направил райлитам распоряжение Урал-обллита о переходе на процедуру новой системы отчетности. «В основу отчетности необходимо ввести текстовый доклад с упрощенными сводками по прилагаемой форме, – писал Новоселов. – При со-

⁶⁸⁵ Там же. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 805. Л. 33.

⁶⁸⁶ См.: Якунина О. «Чудесная книжка» // Премьер – новости за неделю. 2010. № 3. 19-25 января [Электронный ресурс]. URL: <http://premier.region35.ru/gazeta/np642/s8.html> (Дата обращения: 09.08.2011).

⁶⁸⁷ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 47. Л. 11.

⁶⁸⁸ Там же. Л. 45об.

⁶⁸⁹ Там же. Л. 18.

⁶⁹⁰ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-588. Оп.1. Д. 47. Л. 39-40.

ставлении текстового доклада давать больше фактических материалов, с коротким его пояснением, а если нужно, и с заключением»⁶⁹¹. Доклад предполагалось сдавать в окрлит три раза в год: к 4 января за сентябрь-декабрь, к 4 мая за январь-апрель и к 4 сентября за май-август. На основе поступаемых из районов сведений окрлит комплектовал свои сводные текстовые доклады.

Мы имеем возможность проанализировать пять докладов уполномоченных шадринского окрлита за первый отчетный период с января по апрель 1927 г.⁶⁹² В Камышловском районе уполномоченный С. Лисин в организационной части доклада признавал, что контроль за репертуаром фактически отсутствовал. «Репертуар заранее не утверждается, так как клубы не намечают определенных пьес или концертов, а представляют программу вечера от случая к случаю», – писал цензор. В результате разрешения выдавались им, как правило, за день до постановки⁶⁹³. В райцентре, селе Камышлове, по сведениям С. Лисина, имелось два клуба, где ставились пьесы и организовывался просмотр кинолент. Впечатляет масштаб кинопроката: за четыре месяца в клубах состоялось 92 киносеанса⁶⁹⁴. Средняя наполняемость зала варьировалась от 200 до 250 чел. Согласно выводам С. Лисина особой популярностью у зрителя пользовались «сильные драмы» («Преступление княжны Ширванской», «Дворец и крепость», «Мисс Менд») и «исторические» фильмы («Декабристы», «Машинист Ухтомский»)⁶⁹⁵. Заметим, что просмотр кинолент «Преступление княжны Ширванской» и «Мисс Менд» был организован для публики несколько раз, в то же время как фильм «Броненосец Потемкин» такого признания не получил. Советские киноленты, содержащие пропагандистские мотивы, оказались в буквальном смысле затерты в массе приключенческого жанра. Вслед за показом киноленты «Девятое января» реж. В. Висковского последовало до десятка таких фильмов, как: «Черный грот», «Теплая компания», «Мурзилка-грабитель», «Соперники» и т.д.⁶⁹⁶ «Запрещений не было», – резюмировал свой доклад С. Лисин.

---

⁶⁹¹ Там же. Л. 38.

⁶⁹² В 1927 г. численность уполномоченных окрлита достигла 19 человек. В Шадринском государственном архиве информация о работе большинства из них не сохранилась.

⁶⁹³ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 805. Л. 52.

⁶⁹⁴ Там же. Л. 53-54.

⁶⁹⁵ Премьера кинофильма «Машинист Ухтомский» состоялась в апреле 1926 г. В картине рассказывалось о героическом подвиге машиниста Ухтомского, возглавившего железнодорожников Московско-Казанской железной дороги, поддержавших восстание московских рабочих в дни революции 1905 года. В главных ролях снялись Николай Рыбников, Мария Блюменталь-Тамарина, Владимир Владиславский и др. Режиссер: А. Дмитриев. См.: [Эл. ресурс]. URL: <http://ruskino.ru/mov/10299> (дата обращения: 10.08.2011).

⁶⁹⁶ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 805. Л. 53.

Для сравнения в Мехонском районе по сведениям уполномоченного А. Ворожейкина состоялось всего три киносеанса. В Белоярском и Песчанском районах были «продемонстрированы» всего две киноленты, одной из которых была «Машинист Ухтомский»⁶⁹⁷. В Верх-Теченском районе за отчетный период в пяти селах демонстрировалась вообще одна кинолента и также «Машинист Ухтомский»⁶⁹⁸. Некоторые райуполномоченные называли причины торможения кинопроката. Так А. Ворожейкин сетовал на неисправность «кинопередвижки». Оборудование вышло из строя в декабре 1926 г.⁶⁹⁹ Д.Ф. Вальков описывал трудности с транспортом. По его словам большинство населенных пунктов располагалось в радиусе 30-40 верст от районного центра, и «не всегда можно было добраться до этих окраин»⁷⁰⁰.

Несколько лучше обстояло дело с театральными постановками. Из доклада Д.Ф. Валькова от 7 мая 1927 г. следует, что в Верх-Теченском районе было поставлено 9 пьес. Все без исключения прошли предварительный контроль у цензора. Пьесы «Взрыв Софийского Собора», «Василиса Мелентьева», «Подвох», «Пятеро» и «Дети Октября» были сыграны в местном клубе села Верхняя Теча. Пьесы «Подвода» и «Кирюшкина победа» были поставлены в клубах рабочей молодежи в селах Лобаново и Ангулово. «Случаев запрещения постановок не было», – отмечал Д.Ф. Вальков⁷⁰¹. В Песчанском районе в пяти избах-читальнях прошли постановки 11 пьес. Пьесы «Коммунистка Вера» и «Невеста Маша» были сыграны по три-четыре раза. Качество исполнения не совсем устраивало уполномоченного С.П. Мансветова, который отмечал в своем докладе «слабую» подготовку местного актива к игре⁷⁰². В Белоярском районе прошли постановки 25 пьес. Уполномоченный А.М. Кудрявцев обозначил примерную численность зрителей, посетивших спектакли – 4 300 чел.⁷⁰³ Представляется важным подчеркнуть, что ни один цензор не решился наложить запрет на какое-либо произведение. Все уполномоченные просили начальника окрлита Г. Новоселова прислать им «дополнительные» материалы по контролю за репертуаром. К лету 1927 г. участились случаи игнорирования установленного порядка предварительного контроля местными организациями культуры. Логичным представляется сделать вывод, что райуполномоченные выполняли в это время больше роль статистов, чем цензоров.

---

⁶⁹⁷ Там же. Л. 46, 48об, 49.

⁶⁹⁸ Там же. Л. 58об.

⁶⁹⁹ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 805. Л. 48об.

⁷⁰⁰ Там же. Л. 58.

⁷⁰¹ Там же. Л. 58об.

⁷⁰² Там же. Л. 49.

⁷⁰³ Там же. Л. 46.

Шадринский окрлит предпринимал попытки навести порядок в отношении подконтрольных организаций. Так 15 мая 1927 г. Г. Новоселов направил в адрес дирекции шадринского городского театра письмо, в котором предупреждал о недопустимости постановок пьес и оперетт, не прошедших предварительный контроль в окрлите. «В случае нарушения данного отношения виновные будут привлекаться к ответственности по ст. 185 Уголовного Кодекса», – писал Г. Новоселов⁷⁰⁴. 19 октября 1927 г. Г. Новоселов составил акт о нарушении цензурного законодательства в отношении управляющего городским театром Кирьякова-Кастальского. Минувя разрешение окрлита, Кирьяков-Кастальский допустил постановку на театральной сцене оперетты «Сильва», пьес «Овод» и «Жрица огня». «Очевидно, думает и остальные вещи вести таким образом, – отмечал в акте окружной инспектор, – поэтому я считаю, что это есть неподчинение и нарушение директив вышестоящих органов и дискредитирование постановления Президиума Уралоблисполкома, а также нарушение циркуляра Уралобллиты»⁷⁰⁵. Цензор просил окружной исполком Советов привлечь нарушителя к уголовной ответственности.

В соседнем Курганском округе активную борьбу с нарушителями вел А.З. Неупокоев. 4 марта 1927 г. он составил акт о нарушении цензурного законодательства в отношении артиста Славина. На сцене курганского городского театра «Новый мир» 3 марта Славин исполнил несколько номеров, которые еще с сентября 1925 г. значились запрещенными в списках Уралобллиты. В частности, речь шла о монологе «Беспартийный доклад», а также о нескольких частушках, которыми «Славин заменил разрешенный ему Окрлитом репертуар»⁷⁰⁶. Таким образом, вина артиста заключалась в том, что он вышел за рамки программы, утвержденной окрлитом. На этом основании цензор в присутствии администрации театра объявил Славину о налагаемом им запрете на любые его выступления в пределах Курганского округа. Акт был направлен в окрисполком для привлечения артиста к ответственности.

В 1928 г. в окрлиты поступил обновленный список пьес, запрещенных ГРК к постановке⁷⁰⁷. Всего в списке значились названия 69 произведений. Под запретом оказались пьесы по мотивам творчества Л.Н. Толстого «Отец Сергей» и «Хозяин и работник», А.Н. Толстого «Любовь – книга золотая», Н.Н. Лернера «Царевна Софья», А.И. Сумбатова-Южина «Старый закал», Я. Гордина «Любовь и смерть», В.О. Трахтенберга «Потемки души». В этом же списке мы находим произведения, которые были созданы авторами в эпоху НЭПа, но не

---

⁷⁰⁴ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 6. Л. 32.

⁷⁰⁵ Там же. Л. 23.

⁷⁰⁶ Там же. Л. 17.

⁷⁰⁷ МУ «Кунгурский городской архив». Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 15. Л. 108-108об.

нашли поддержки у партийной номенклатуры. Это работы М. Левина «Красная тройца» и «НЭП в деревне», Е. Карпова «Митькина карьера», И. Членова «Два мира» и «Американка». В списке значились и девять пьес, авторами которых были еврейские писатели. Они имели еврейские названия, такие как «Хурбон Иерушолаем» (И. Латейнер), «Дае пинтеле юд» (Б.В. Томашевский). Их постановка также была запрещена Главреперткомом.

Уральские цензоры через Уралобллит получали распоряжения ГРК и в отношении конкретных произведений. Так, 20 марта 1928 г. в кунгурский окрлит поступила телеграмма от Уралобллита с извещением о том, что «пьеса-рассказ «О семи повешенных» Кролевича ГРК к постановке не разрешена... и в дальнейшем ее к постановке не допускать»⁷⁰⁸. 10 августа 1929 г. Кунгурский окрлит получил предписание не допускать к постановке на территории округа пьесу «Борьба за урожай» как «примитивную» и «ничего не дающую зрителю»⁷⁰⁹.

В начале 1928 г. Уралобллит разработал «Рапортичку по изучению зрителя». В этом документе цензорам предписывалось перед демонстрацией произведения делить зрительский зал на три части. Например, при просмотре кинофильма, необходимо было фиксировать реплики, брошенные зрителями фразы, записывая их по обозначенным частям. В конце просмотра предлагалось проводить опрос аудитории. «Вопросник» содержал следующие вопросы: «1. Как вам нравится содержание картины, независимо от того, хорошо или плохо играли актеры? 2. Как вам понравилась художественная часть картины: а) Хорошо ли играли актеры? б) Хорошо ли обставлена картина? 3. Убеждает ли вас картина в том, что говорится в содержании – верите ли Вы в то, что это было на самом деле? 4. Полезна ли картина, то есть чему из нее можно научиться? 5. Стоит ли ставить такую картину в кино?»⁷¹⁰.

В феврале 1928 г. апробация данной методики прошла на базе Пролетарского театра Свердловского окружного отдела народного образования. Предметом изучения зрительских симпатий стала кинокартина реж. К.А. Гертеля «Из-под сводов мечети». Воспроизведем конспект сводной рецензии, составленной цензором (табл. 10)⁷¹¹.

---

⁷⁰⁸ Там же. Д. 82. Л. 18.

⁷⁰⁹ Там же. Д. 95. Л. 47.

⁷¹⁰ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 1120. Л. 8.

⁷¹¹ Там же. Л. 16.

Схема
записей реплик и замечаний по картине «Из-под сводов мечети»

1-й пояс	2-й пояс	3-й пояс
<p>1. Публика смотрит с большим интересом на поступок ученика священной школы Умара, выступившего против заводчика.</p> <p>2. Смех в публике, и некоторые «девицы» отворачиваются при молитве, когда рабочие, идя на работу, увидели раздетого заводчика и его жену.</p> <p>3. Захват девушки батрачки смотрелся с напряжением, одна рядом сидящая девушка говорила: «Бедные девушки!» и прослезилась.</p> <p>4. Взрыв снаряда у кишлака и убийство девушки, в публике вырвалось «Ох!».</p> <p>5. Делают замечания, «что-то неладноgrim»: был Умар больной, а теперь здоровый. Немного времени прошло.</p> <p>6. Слишком длинные части.</p>	<p>1. Слишком длинные части, говорят, после каждой части.</p> <p>2. Возмущение части публики, когда распродают имущество бедняка декхана, они сочувствуют старику.</p> <p>3. Удивлены зрители, когда увидели, что напал на заводчика учащийся духовного училища.</p> <p>4. «Вот молодец!», по поводу рабочего, который ведет подпольную работу.</p> <p>5. «Не ново!», когда царские чиновники похищают девушку.</p>	<p>1. На поступок Умара в набеге восклицают: «Молодец Умар, я и не думал, что это он!».</p> <p>2. Сочувствие выражает рабочий: «Куда же теперь он пойдет?» по поводу расчета рабочего с завода за бунтарство.</p> <p>3. «Давно бы, молодцы, надо», - загудела молодежь в части организации партизанского отряда.</p> <p>4. На разрушении кишлака карательным отрядом слышатся голоса: «Вот, собаки, разгромили!».</p> <p>5. На неудавшийся расстрел рабочего публика аплодировала.</p> <p>6. «Молодец, Умар!», когда Умар убивал заводчика.</p> <p>7. «А конец-то не ладный, должны ведь жениться».</p>

Суммировав свои записи, цензор сделал вывод следующего содержания: «Картина из жизни узбеков рисует довольно хорошо жизнь декхана и положение населения во время империалистической войны. По своему содержанию и оформлению сделана довольно хорошо. Идеологически выдержана, и можно рекомендовать в рабочие клубы». Субъективное видение уральских цензоров в данном случае не совпало с мнением коллег из ПУРа⁷¹². Однако в райцентрах Уральской

⁷¹² Выпуск фильма К.А. Гертеля «Из-под сводов мечети» (пр-во «Узбекгоскино») состоялся 10 января 1928 г. В киноленте повествовалось о борьбе узбекского народа против гнета местных феодалов в начале 1910-х гг. В главной роли снялся К.Я. Ярматов (Умар), в будущем режиссер киностудии Таджиккино (1932-1942 гг.). Через две недели решением специальной комиссии Политического управления РККА (ПУР) кинокартина была запрещена к демонстрации в армейских клу-

области эта кинокартина продолжала демонстрироваться. Практика составления рапортчиков в дальнейшем не получила распространение. Процедура по времени была затратной. Нам удалось установить, что только в г. Свердловске в 1928–1929 гг. уполномоченные Уралобллита практиковали этот метод⁷¹³.

9 января 1929 г. Уралобллит направил окрлитам циркуляр № 3/с, в котором обращал внимание цензоров на участвовавшие случаи нарушения цензурных норм авторами музыкальных произведений. «За последнее время замечено, что некоторые авторы музыкальных произведений, пользуясь недостаточной осторожностью со стороны местных органов Лита, обходят запрещение Главлита и печатают свои музыкальные произведения /романсы, фокстроты/ в других городах», – говорилось в циркуляре⁷¹⁴. М.Р. Ланге призывал своих работников усилить бдительность и не выдавать разрешений на печатание музыкальных авторских изданий без заключения Уралобллита.

В мае 1929 г. уральские цензоры получили извещение об издании Главреперткомом «Репертуарного указателя». Это было целое пособие для работников цензуры, в котором были помещены списки разрешенных и запрещенных ГРК сценических произведений (драма, опера, оперетта, балет, детский репертуар, цыганский репертуар, вокальные номера). «"Репертуарный Указатель" является специальным изданием Главлита и должен быть в качестве руководящего материала в каждом Лите (от Облита до Улита включительно)», – отмечалось в информационном письме Главреперткома. 29 июня 1929 г.⁷¹⁵ Один из его руководителей Р.А. Пельше в своих трудах последовательно продвигал идею «очищения» репертуара советского театра. «В нашей театральной работе нужно сделать резкий поворот, – писал Р.А. Пельше. – Нужно из нашего репертуара выбросить весь ненужный, вредный хлам и дать место новым пьесам»⁷¹⁶. Приобретение «Репертуарных указателей» осуществлялось за счет средств окроно. Так летом 1929 г. кунгурский окрлит оформил заказ на получение двух экземпляров «Репертуарного указателя»⁷¹⁷.

Надо отметить, что настойчивые требования Уралобллита строго придерживаться инструктивного материала подавляли у цензоров зачатки самостоятельности и приводили порой к слепому следованию за инструкцией. В Нижнем Тагиле имел место случай, который мы обозначили как «Дело Жарковой». Начальник окрлита А.В. Жаркова, основываясь на циркуляре ГРК № 7065 от 20 ноября 1928 г. и прилагае-

---

бах. Оригинал кинокартины не сохранился. См.: [Эл. ресурс]. URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/14531/annot> (дата обращения: 10.08.2011).

⁷¹³ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 1120. Л. 17, 18, 41-41об.

⁷¹⁴ ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 7. Л. 54.

⁷¹⁵ МУ «Кунгурский городской архив». Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 18. Л. 186.

⁷¹⁶ Политпросветработа и искусство / под ред. Р.А. Пельше. М.-Л. 1926. С. 22.

⁷¹⁷ МУ «Кунгурский городской архив». Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 18. Л. 187.

мых к нему двух списках разрешенных и запрещенных кинолент, в конце ноября 1928 г. вынесла решение запретить демонстрацию в городских клубах кинокартин «Два дыма», «Старец Василий Грязнов», «Процесс о трех миллионах»⁷¹⁸. Спустя некоторое время выяснилось, что в циркуляре ГРК была допущена опечатка. Были переставлены местами пункты «е» и «о». В результате получилась логически несвязная вещь: кинокартины, прошедшие в ГРК контроль и допущенные к демонстрации, оказались вдруг под запретом. В свою очередь, А.В. Жаркова не обратила внимание на нестыковки и приняла решение руководствоваться текстом документа в буквальном смысле. В это же время указанные киноленты находились в клубах, администраторы которых уже произвели оплату за их поставку. Назревал конфликт между цензором и кинопрокатчиками.

15 декабря 1928 г. А.В. Жаркова в письме в Уралобллит просила М.Р. Ланге помочь разобраться в данной ситуации и объяснить ей, как быть «с данным пунктом циркуляра ГРК». Однако с ответом начальник Уралобллита не спешил. В январе 1929 г. кинопрокатчики объявили себя «потерпевшей» стороной и подали на окрлит исковое заявление в суд с требованием возмещения понесенных убытков. 11 февраля 1929 г. городской суд удовлетворил иск и постановил: «Взыскать с Нижнетагильского Окроно в пользу Н. Тагильского отделения Союза кино 60 руб. 25 коп.»⁷¹⁹. Вскоре сумма достигла 174 руб., так как с аналогичными исками к цензору обратились «другие организации». Не добившись поддержки Уралобллита, А.В. Жаркова уволилась из окрлита. Принявший от нее дела К.Н. Стэнин 14 февраля 1929 г. отправил в адрес Уралобллита письмо, в котором сделал заявление, что «Окроно не считает себя виновным и поэтому отказывается от уплаты денежных средств по предъявленным искам»⁷²⁰. Совместно с заведующей окроно Е. Чемодановой цензор предлагал М.Р. Ланге «договориться» с уральским отделением «Совкино» о повторной отправке кинолент в Нижний Тагил на безвозмездной основе. Такое решение, по убеждению К.Н. Стэнина, помогло бы «урегулировать вопрос».

Ответ из Уралобллит пришел только 2 апреля 1929 г. В нем сообщалось, что Уралобллит в данной тяжбе занял сторону кинопрокатчиков, а отвечать по исковым заявлениям должен был окрлит. На этом история не закончилась. В поисках правды нижнетагильские цензоры обратились в Главлит⁷²¹. Ожидание длилось около полугода. Очевидно, Главлит запросил информацию о перипетиях этого дела у руководителя Уралобллитом. 21 ноября 1929 г. Уралобллит направил в Ниж-

⁷¹⁸ МУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1038. Л. 62.

⁷¹⁹ МУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1112. Л. 3об.

⁷²⁰ Там же. Д. 1038. Л. 62.

⁷²¹ Там же. Д. 1112. Л. 3-4.

ний Тагил новое письмо, копия которого была также отправлена в Главлит. В своем письме М.Р. Ланге подтверждал правильность принятого им ранее решения. Начальник Уралобллитта объяснял тагильским коллегам, что он не имеет права воспрепятствовать исполнению решения суда о взыскании убытков, причиненных «кинопредприятиям». «Принципиально же всякий работник ответственен за свою работу, и если по его вине принесен вред организации, то естественно он за это отвечает», – писал М.Р. Ланге. Кроме того, М.Р. Ланге обращал внимание на то, что циркуляр ГРК с «опечаткой» попал во все уральские окрлиты. «Но нигде его так не истолковали, как т. Жаркова, и никто так механически, несознательно не исполнял его...», – резюмировал начальник Уралобллитта⁷²². Будучи сам юристом, М.Р. Ланге видел разрешение проблемы в ходатайстве перед «кассационными судебными инстанциями». Таким образом, тагильским цензорам предлагалось самостоятельно подать кассационную жалобу в суд и надеяться на положительное решение. «Дело Жарковой» закончилось в конце 1929 г. Последнее слово осталось за президиумом нижнетагильского окрисполкома Советов, который в итоге постановил: «Предложить Окроно уплатить 174 руб. из бюджета 1929 г., а затем взыскать через суд указанную сумму с бывшего Окрлита Жарковой А.В.»⁷²³. Финал этой истории является еще одним показателем той атмосферы, которая имела место в уральских цензурных органах. Косвенно вина лежала и на Уралобллитте, который грозил ответственностью цензорам, отступившим от буквы инструкции. Столкнувшись с конкретной ситуацией, Уралобллит предпочел занять самую удобную позицию, свалив всю вину на рядовых служащих.

В начале 1930-х гг. контроль за зрелищами продолжал осуществляться органами Главлита. Еще большей регламентации подверглась реклама зрелищных мероприятий. Усилия цензоров были направлены на искоренение «нездоровой» рекламы, «зачастую вводящей в заблуждение советского зрителя»⁷²⁴. 10 июля 1932 г. в секретном циркуляре № 83/с Уралобллит потребовал от горрайлитов принять все меры для того, чтобы реклама зрелищ носила исключительно информационный характер. С этого времени в афишах и анонсах спектаклей, представлений, эстрадных номеров запрещалось указывать по отношению к артистам такие эпитеты, как «всемирно известный», «знаменитый», «мировой», «известный исполнитель», «премьер гостеатров», «артист гостеатров», «после возвращения из-за границы» и т.д. В дополнение ко всему циркуляр содержал предписание не допускать перепечаток в афишах «хвалебных рецензий» заграничной прессы⁷²⁵.

⁷²² МУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1112. Л. 6.

⁷²³ Там же. Л. 4.

⁷²⁴ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 70. Л. 15.

⁷²⁵ Там же. Л. 15об.

В других циркулярах Уралобллит настойчиво требовал сократить в районах объем выпускаемых театральных афиш, производить их печатание только на цветной бумаге строго определенного формата⁷²⁶.

С середины осени 1932 г. в райгорлиты Уральской области стали поступать циркулярные распоряжения Облреперткома – структурного подразделения Главреперткома. В совместном приказе Уралобллита и Облреперткома от 31 октября 1932 г. объявлялось, что отчеты по контролю за зрелищами цензоры были обязаны представлять в Облрепертком по адресу: г. Свердловск, ул. Ленина, д. 42.⁷²⁷ В письме райгорлитами от 3 декабря 1932 г. руководитель Облреперткома П.Н. Шмелев обращал внимание цензоров на правила контроля за музыкальными произведениями. Отсутствие музыкального образования у начальников райгорлитов предлагалось компенсировать привлечением к цензуре местных «политически проверенных музыкальных сил»⁷²⁸. 15 мая 1933 г. в театральные учреждения Уральской области был направлен специальный циркуляр Облреперткома, в котором подчеркивалось, что «прием спектакля должен проводить инспектор райлита с привлечением заинтересованных лиц»⁷²⁹. Вновь зашла речь о создании при цензоре «репертуарных комиссий».

14 февраля 1933 г. П.Н. Шмелев констатировал факт непредставления большинством райгорлитов отчетных материалов по контролю за репертуаром⁷³⁰. Как и Уралобллит, Облрепертком грозил цензорам партийной и административной ответственностью за «торможение» в работе. К этому вопросу пришлось вернуться через два месяца. В циркуляре от 21 мая 1933 г. Облрепертком потребовал от райгорлитов представлять отчет о состоянии цензуры зрелищ не позднее 10 числа каждого месяца. С этой целью на места было направлено «Инструктивное письмо об организации проверки музыкально-эстрадного репертуара в районах»⁷³¹. Уральским цензорам рекомендовалось усилить контроль за выступлениями эстрадных исполнителей. «Мы имеем факты, – говорилось в документе, – когда вполне приемлемый текст поется на негодную музыку, и больше того – берется определенная музыка опереточно-шантанного характера и к ней подделываются слова о смене, о колхозе, о строительстве». Райлитам указывалось на полезность создания в районе «актива товарищей», которые бы оказывали компетентную помощь последним в цензуре эстрадного репертуара. В обращении «Ко всем райлитам» от 12 июня 1933 г. Облрепертком приводил факты свободного «оперирования» по территории области различных исполнителей-одиночек, бродячих трупп,

---

⁷²⁶ Там же. Л. 16.

⁷²⁷ Там же. Д. 88. Л. 59.

⁷²⁸ Там же. Л. 53.

⁷²⁹ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 88. Л. 28.

⁷³⁰ Там же. Л. 52.

⁷³¹ Там же. Л. 27.

концертных бригад, репертуар которых не был визирован органами цензуры. Приводились конкретные примеры. В Куртамышском районе артист «восточных цирков» Валя Гурков демонстрировал местному населению прыжки «с 8-ми аршинной башни» и «хождение с самоваром на голове»⁷³². Отмечая «безыдейность» подобных номеров, Облрепертком требовал от цензоров не допускать к работе «всякие приезжающие бригады». В другом циркуляре от 12 июня 1933 г. Облрепертком извещал райлиты о снятии с экранов кинофильмов «Конец журавлики», «Пятилетка в четыре года», «Заем решающих побед», «Неоплаченное письмо» и т.д.⁷³³ В это же время постановлениями Главреперткома был наложен запрет на демонстрацию таких кинолент, как «Банда батьки Кныша», «Ваша знакомая», «Лодырь», «Язык стен», «Шестьдесят миллионов», «Великий путь»⁷³⁴.

К посевной и уборочной кампании 1933 г. Облрепертком подготовил списки музыкального репертуара. К исполнению музыкальными коллективами были рекомендованы следующие произведения: сборник «Полевые песни» (М.В. Коваль), песни «Колхозная массовая» и «Дорогу трактору в кишлак» (Д.С. Васильев-Буглай), «Колхозная посевная» (Н. Чаплыгин), «Тракторист» (Г. Камалединов), «Три колхозные частушки» (А.А. Давиденко), «Марш ударников» (Б. Рейниц), «Песня о посеве» (М. Чулаки)⁷³⁵. «Кроме указанного репертуара рекомендуем использовать массовые песни (листочки с текстом и нотами) и другие произведения советских композиторов», – наставлял Облрепертком работников районной цензуры. В списке кинокартин, рекомендованных Облреперткомом к просмотру трудящимися, отметим такие как «Земля жаждет» (реж. Ю. Райзман), «Токарь Алексеев» (реж. В. Шестаков), «Старое и новое» (С. Эйзенштейн), «Бессарабская коммуна» (реж. М. Капчинский), «Человек с орденом» (реж. Амо Бек-Назаров), «Водоворот» (П. Петров-Бытов)⁷³⁶. В этих кинолентах центральной темой был созидательный труд советского человека, преодолевающего все препятствия.

26 февраля 1934 г. СНК РСФСР принял постановление о передаче функции цензуры всех видов зрелищ от Главлита Главреперткому (ГУРК) и его местным отделам⁷³⁷. 19 мая 1934 г. Свердловлит в приказе № 38 объявил о начале проведения мероприятий по передаче цензуры зрелищ уполномоченным Облреперткома. «Всем начальникам райлитов предлагается сосредоточить центр внимания в своей работе по контролю за печатью, радиовещанием, выставками, картинами, художественной и скульптурной продукцией», – говорилось в

⁷³² Там же. Л. 9.

⁷³³ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 88. Л. 9.

⁷³⁴ Там же. Л. 31.

⁷³⁵ Там же. Л. 34.

⁷³⁶ Там же. Л. 34-34об.

⁷³⁷ СУ РСФСР. 1934. № 10. Ст. 66.

приказе⁷³⁸. Уралоблрепертком был реорганизован в Свердловский облрепертком. В Челябинской области облрепертком был образован только в 1935 г. Первые указания по формированию аппарата его уполномоченных были даны не ранее осени 1935 г.⁷³⁹ Вместе с тем утверждать, что уральские цензоры после 1934 г. выпали из системы контроля за зрелищами, было бы преждевременным.

31 декабря 1934 г. начальник троицкого райлита Н. Андрющенко в обращении в Челябобллит просил выслать ему «репертуарные указатели для руководства». «Сталкиваюсь с затруднениями, – писал Н. Андрющенко, – сложность представляют пьесы, а в репертуаре нет»⁷⁴⁰. Во второй половине 1930-х гг. уральские цензоры продолжали выполнять поручения облреперткомов по цензуре зрелищ. В сентябре 1937 г. начальник курганского райлита В.Я. Петряков в письме в Челябобллит отмечал, что препятствием в работе по контролю за зрелищами является отсутствие репертуарных указателей⁷⁴¹. В отчетных докладах за 1939–1940 гг. Пермского обллита, в частности, отмечалось, что «наряду с основной работой, уполномоченные обллита в районах осуществляют контроль над зрелищными предприятиями»⁷⁴². М.Н. Пермякова особо подчеркивала, что работа по зрелищам возросла во много раз. На призыв Молотовского облреперткома обеспечить контроль за всеми постановками М.Н. Пермякова отвечала: «Это физически невозможно!»⁷⁴³. По данным пермской цензуры только в Кизеловском районе имелся драматический театр и около 40 любительских драмкружков по клубам. Организовать постоянный контроль за репертуаром начальника райлита был не в состоянии. «Аналогичное положение и в других районах области», – писала М.Н. Пермякова. Заметим, что своих райуполномоченных Молотовский облрепертком не имел. Остается предположить, что это было связано с отсутствием необходимого объема финансирования на выделение штатов.

В Нижнем Тагиле аппарат горлита также привлекался Свердловским облреперткомом к цензуре зрелищ. Тагильские цензоры регулярно просматривали репертуар городского драматического театра, клубных постановок, кинопрокатных предприятий. «Проверяется качество показа кинокартин и во время сеансов, – отмечал начальник горлита И. Тулакин. – Во время сеанса кинокартины «Большая жизнь» обнаружено цензором вмешательство в звуковую часть картины местного радиовещания. В период речи тов. Орджоникидзе заглушается речью Тагильского диктора о сборе утиля»⁷⁴⁴. Цензор отмечал, что

⁷³⁸ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 88. Л. 78.

⁷³⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1402. Оп. 1. Предисловие к описи. Д. 1, 2.

⁷⁴⁰ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

⁷⁴¹ Там же. Л. 25.

⁷⁴² ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 2. Л. 5.

⁷⁴³ Там же. Л. 5.

⁷⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 20. Л. 11.

только при его своевременном «вмешательстве» выявленные нарушения были устранены. В период за июль по начало сентября 1940 г. горлит выдал разрешение на постановку 6 пьес и 13 концертов на сцене городского драмтеатра⁷⁴⁵.

Таким образом, уральские органы Главлита выполняли задачи по цензуре зрелищ в 1923–1940 гг. Объектом контроля становился репертуар как советских учреждений (театры, филармонии, кино клубы, музыкальные заведения), так гастролирующих трупп и отдельных артистов. Анализ инструктивного материала по цензуре зрелищ позволяет сделать вывод о том, что, следуя распоряжениям Главлита и Главреперткома, Уралобллит стремился охватить предварительным контролем все возможные вариации творческой мысли в области зрелищ. Однако на практике репертуарный контроль стал одним из самых слабых мест в деятельности уральских цензоров. В большинстве случаев работа по контролю над репертуаром подменялась простой фиксацией фактов, ведением статистики поставленных в районе пьес, концертов и кинофильмов. Не каждый цензор мог распознать уловки, к которым прибегали артисты, преследуя цель обойти существующие запреты. Мы приводили эпизоды слаженной работы шадринского окрлита Г. Новоселова. Вместе с тем в циркулярах уральских обллитов находим и обратные примеры, в частности «выступления» Вали Гуркова в Куртамышском районе. Большие хлопоты цензорам доставляли разборки с подконтрольными организациями – администраторами театров, кинопрокатных контор. На нарушителей составлялись акты, ходатайства в местные исполкомы Советов о привлечении их к уголовной ответственности. Не всегда, однако, местные власти удовлетворяли ходатайства цензоров. «Дело Жарковой» показало, что одна ошибка могла стоить цензору не только занимаемой должности, но и судебными тяжбами и материальными затратами. Развитие сети культурных заведений на Урале в 1930-е гг. привело к тому, что органы Главлита реально не справлялись с задачами по цензуре зрелищ. Появление новой структуры – областных реперткомов и их уполномоченных – не привело к разгрузке в работе служащих Главлита. На рубеже 1930–1940-х гг. уральские цензоры продолжали вести работу по контролю за репертуаром. Цензурный контроль за зрелищами в индустриально развивающемся регионе так и не приобрел тотальные черты.

---

⁷⁴⁵ Там же. Л. 11.

4.3. Радиовещание на Урале как объект политической цензуры

В отличие от печати и зрелищ радиовещание довольно длительный период времени оставалось вне поля зрения Главлита и его местных органов. Сам термин «радиовещание» был введен в оборот на страницах первого номера за 1924 г. советского журнала «Радиолюбитель», тем самым вытеснив бытовавшие до этого понятия «радиотелефония» и «широковещание»⁷⁴⁶. В этом же году осенью было создано акционерное общество «Радиопередача». Учредителями общества выступили Наркомат почт и телеграфов СССР, Всероссийский электротехнический трест заводов слабого тока и Российское телеграфное агентство. Устав этого общества был утвержден постановлением Совета Труда и Оборона от 1 декабря 1924 г. (далее СТО). Уставными целями деятельности «Радиопередачи» объявлялись: объединение всего радиодела в стране, организация ширококовещания, строительство и эксплуатация радиостанций, торговля радиоаппаратурой и т.д. Как отмечает Т.М. Горяева, на первых порах общество «Радиопередача» пользовалось полной поддержкой государственных и партийных органов. Так на заседании СТО 4 марта 1925 г. было принято решение обязать Наркомфин в течение месяца выдать обществу «Радиопередача» ссуду в размере 500 000 руб.⁷⁴⁷ 2 марта 1925 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О радиоагитации», в котором поручил Агитпропу ЦК и его местным отделам общее, координирующее руководство деятельностью радиогазет и радиовещательных организаций. Партийным комитетам рекомендовалось заняться устройством радиодела на местах. Таким образом, новое коммуникативное средство получило дополнительный импульс для развития⁷⁴⁸.

Однако уже со второй половины 1925 г. центральная власть круто меняет свой курс по отношению к радиовещанию. По решению ЦК ВКП (б) 22 июня 1925 г. при Агитпропе ЦК была создана Радиокomisсия. На неё возлагалось повседневное идейно-политическое руководство радиовещанием, координация всей работы по использованию радио⁷⁴⁹. Полгода спустя, 3 декабря 1925 г., на заседании Радиокomisсии было принято решение «О радиоцензуре», где в качестве субъекта впервые выступил Главлит. Цензурному ведомству поручалось начать осуществление деятельности по контролю радиовещания. Формы цензурного контроля были установлены во временной инструкции, также разработанной Радиокomisсией: 1) обязательная регистрация в орга-

⁷⁴⁶ Ружников В.Н. Становление советской радиожурналистики. Начальный период. 1917-1924 гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. С. 196.

⁷⁴⁷ Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – начале 1930-х годов. Документированная история. М., 2000. С. 56.

⁷⁴⁸ Ружников В.Н. Указ. соч. С. 198-199.

⁷⁴⁹ Жирков Г.В. Указ. соч. С. 264.

нах Главлита всех учреждений и организаций, занимающихся радиовещанием; 2) учреждение института уполномоченных Главлита, отвечающих за политическую сторону работы радиовещательных организаций; 3) предварительный контроль микрофонных материалов, предназначенных в радиоэфир; 4) последующий контроль за трансляцией докладов и прений, происходящих на съездах и конференциях и т.д.⁷⁵⁰ Включение Главлита и его органов в систему политического контроля за радио свидетельствует о том, что правящая партийная элита вдруг увидела в этой технической новинке еще одно средство манипуляции общественным сознанием. Власть получала возможность не только оперативно доводить до потребителя, даже не владевшего грамотой, нужную ей информацию, но и играть с сознанием советского человека, формируя определенные стереотипы в его поведении, ценностные идеалы.

Итак, с конца 1925 г. радиовещание стало одним из основных объектов цензуры. Главлиту же потребовалось почти полгода для выработки плана предстоящих мероприятий по контролю над радиовещанием. «Остро сейчас стоит вопрос о том, что передавать по радио, – писал Р.А. Пельше. – Мы хорошо не знаем, чего хотят крестьянские и рабочие массы»⁷⁵¹. Р.А. Пельше оговорился, что в ГРК по этому вопросу имелись «некоторые» разногласия.

23 апреля 1926 г. Главлит издал секретный циркуляр № 628/с, который содержал предписание цензорам «произвести учёт на местах всех радиостанций и обществ, занимающихся ширококовещанием»⁷⁵². Уральские цензоры получили соответствующее распоряжение не ранее начала июня 1926 г. Только 28 мая 1926 г. Уралобллит направил в окрлиты циркуляр № 63/с, в котором предложил в двухнедельный срок предоставить отчет о количестве радиостанций и «обществ ширококовещания» в округе⁷⁵³. К циркуляру прилагалась специально разработанная форма анкеты «Для радио-телефонных станций, обслуживающих радиовещательные организации». Кроме наименования радиостанции, местонахождения и имени ее заведующего, анкета содержала такие технические моменты, как мощность, длина волн, на которых производится передача, время передачи и т.п.⁷⁵⁴ Один из вопросов анкеты уточнял количество студий и помещений, откуда производились радиопередачи.

Вместе с тем уральские окрлиты не спешили брать на себя дополнительные обязанности по контролю радиовещания. Подтверждение этому явлению мы находим в нескольких циркулярах Уралобллит-

---

⁷⁵⁰ Горяева Т.М. Указ. соч. С. 81-82.

⁷⁵¹ Политпросветработа и искусство / под ред. Р.А. Пельше. М.-Л.: ГИЗ, 1926. С. 19.

⁷⁵² ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 72.

⁷⁵³ Там же. Л. 72-72об.

⁷⁵⁴ Там же. Л. 95.

та. Так 21 июля 1926 г. в циркуляре № 102/с его начальник М.Р. Ланге потребовал от окружных инспекторов «срочно представить сведения, запрошенные об учете радиостанций округа»⁷⁵⁵. Спустя два месяца, в циркуляре № 136/с от 28 сентября 1926 г. М.Р. Ланге, повторно обращаясь к окрлитам, писал: «Уралобллит категорически предлагает представлять сведения об учете радиостанций округа, запрошенные нашим отношением за № 63/с от 28/V-26 года»⁷⁵⁶. Одновременно с попыткой добиться от цензоров какой-либо информации Уралобллит направил аналогичный запрос в Управление Уральского округа связи НКПТ СССР. Реагируя на запрос, эксплуатационно-технический отдел Управления подготовил специальную справку, которая 26 июня 1926 г. была передана в Уралобллит. По данным связистов, в этот период времени на территории Уральской области имелось всего 5 приемно-передающих и 15 приемных радиостанций. Мощностью в 10 киловатт «дуговой системы Паульсена» две приемно-передающие станции имелись только в Тобольском округе, в селах Березово и Самарово. В Тобольском же округе находились и две приемно-передающие станции мощностью по 2 кВт. В столице Уральской области, г. Свердловске, имелась в наличии всего одна радиостанция «ламповой системы». Приемные станции располагались лишь в окружных центрах, таких как Пермь, Челябинск, Тюмень, Курган, Шадринск, Златоуст, Кудымкар. «Об организованных широкоэмитательных обществах сведений в Управлении не имеется, да и обществ этих, вероятно, не существует по Уралу», – отмечал в справке начальник эксплуатационно-технического отдела Сафронов⁷⁵⁷. Суждения о «вероятности», конечно, не могли устраивать Уралобллит, и он продолжал настойчиво требовать от окрлитов предоставления точных сведений о ситуации с радиовещанием в округах и районах.

Проведенный нами анализ отчетных документов окрлитов Уральской области за период с осени 1926 г. по февраль 1927 г. дал следующие результаты. Во-первых, большинство цензоров фактически не владели информацией о количестве радиостанций и передатчиков на территории округа. Верхне-Камский, Нижнетагильский, Кунгурский, Златоустовский, Шадринский, Сарапульский окрлиты сообщали в Уралобллит сведения об отсутствии радиостанций в округах. Заведующий кунгурским окрлитом Д.Е. Васильев в своей телеграмме в Уралобллит, в частности, отмечал: «Окрлит сообщает, что радиостанций и обществ, занимающихся широкоэмитацией, на территории Кунгурского округа не имеется»⁷⁵⁸. «Что же касается радиоустановок, то последние на учет берутся и по получению материалов с мест све-

---

⁷⁵⁵ Там же. Л. 94.

⁷⁵⁶ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁷⁵⁷ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

⁷⁵⁸ Там же. Л. 11.

дения будут даны незамедлительно», – писал в телеграмме от 11 октября 1926 г. начальник Верхне-Камского окрлита Е. Мишин⁷⁵⁹. Кстати, связисты в указанной выше справке утверждали, что в г. Златоусте летом 1926 г. было образовано «Общество друзей радио». Начальник златоустовского окрлита М. Яркин об этом, очевидно, не знал и в Уралобллит сообщил: «В Златоусте радиостанций и обществ нет»⁷⁶⁰.

Во-вторых, первые развернутые отчеты – «Сведения контрольно-го учета приемных радиостанций частного пользования» – стали поступать с мест в Уралобллит не ранее второй половины января 1927 г. Так, например, 29 января 1927 г. такой отчет был выслан фельдъегерской связью ОГПУ Челябинским окрлитом⁷⁶¹. В отчете были перечислены имена 11 человек, а также их домашние адреса, где располагались радиоточки. В сельской местности радиоточки имели только два человека, остальные располагались в г. Челябинске. Кроме того, радиоприемники имелись в окружкем ВКП (б), в городском клубе им. Ленина, а также в клубе «народной связи». Аналогичный отчет поступил в Уралобллит и из Шадринского окрлита, в котором на 1 апреля 1927 г. содержались сведения о 27 радиоточках. Десять «радиолюбителей» пользовались радиоприемниками на дому, четыре радиоточки были размещены в сельских избах-читальнях. Радио имелось в Шадринском отделении госбанка, в окротделе ОГПУ, функционировал и кружок «Общества друзей радио»⁷⁶².

10 января 1927 г. постановлением «О руководстве радиовещанием» ЦК ВКП (б) окончательно закрепил за Главлитом функцию политического контроля над радиовещанием⁷⁶³. 17 ноября 1927 г. в Уралобллит поступила копия секретного циркуляра Главлита № 2160/с от 30 сентября 1927 г., в соответствии с которым за уральскими цензорами была закреплена функция предварительного и последующего контроля над радиовещанием в области, округах и районах. «Необходимо предложить работникам радиовещательных организаций строго руководствоваться инструкциями и указаниями Литов, как в смысле своевременного представления на просмотр Литов или их уполномоченных предназначенного к передаче материала, так и в смысле строгого и бдительного контроля над микрофонами», – говорилось в документе⁷⁶⁴. В этом же документе обллитам и крайлитам было предложено создать аппарат уполномоченных при радиовещательных организациях. При последующем контроле радиопередач, допущенных в эфир,

---

⁷⁵⁹ Там же. Л. 5.

⁷⁶⁰ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 9. Л. 46.

⁷⁶¹ Там же. Л. 40-41.

⁷⁶² ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. р-213. Оп.1. Д. 805. Л. 99-99об.

⁷⁶³ *О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: сборник документов и материалов.* М., 1972. С. 511.

⁷⁶⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 9. Л. 48об.

цензорам предписывалось действовать в тесном контакте с органами политконтроля ОГПУ.

25 ноября 1927 г. заведующий Уралобллитом М.Р. Ланге в отчетном докладе в Главлит писал, в частности, следующее: «Объектом радио-контроля на Урале является одна ширококвещательная станция и одна трансляционная, обе в г. Свердловске... Последующий контроль Уралоблит предлагает проводить путем: а) установления приемника в Облите и б) путем периодического просмотра материала на месте передачи»⁷⁶⁵. Однако только в 1928 г. аппарат уральской цензуры приступил к исполнению директив Главлита. До этого времени система контроля за радиовещанием продолжала оставаться еще в зачаточном состоянии.

Заметим, что в конце 1920-х гг. в стране начался настоящий «радиобум». Уже к середине 1928 г. в СССР насчитывалось 80 радиогазет, а в 1930 г. в эфир выходило около 300. По данным Т.М. Горяевой, что в стране имелось 179 фабрично-заводских и 100 колхозных радиогазет, выходящих на 29 языках народов СССР⁷⁶⁶. Урал не выбивался из общего контекста, здесь также наметились тенденции к расширению сети радиовещания. Только в Нижнетагильском округе в период с 1926 по 1928 гг. радиостанции появились в девяти районах. В Кытлымском районе функционировало 8 «радиоустановок» и приемников. В Верхотурском районе в рабочих клубах имелось 7 приемников⁷⁶⁷. Соответственно увеличивалась нагрузка на цензоров.

В докладе «О состоянии контроля над радиовещанием Уральской области» от 10 июня 1928 г. М.Р. Ланге констатировал факт увеличения трансляционных станций до 16 единиц, индивидуальных «прицепок» (приемников) до 1994 шт., прицепок общественного пользования до 396 шт. Аудитория радиовещания насчитывала около 10 000 слушателей⁷⁶⁸. Уралобллит интересовал и «социальный состав индивидуальных прицепщиков». По его данным, радиоприемники имели преимущественно «служащие, с заработком от 90 р. и выше». Главный уральский цензор отмечал также усилия своих служащих по просмотру и утверждению микрофонного материала радиопередач. Эта деятельность имела преимущественно выборочный характер. Из доклада также следует, что охрану микрофонов на трансляционных пунктах, радиостудиях, их изоляцию от посторонних «глаз» Уралобллиту и его местным органам осуществлять в полной мере не удавалось. «Контроль охраны микрофонов со стороны органов Лита и Политконтроля ГПУ отсутствует, – отмечал М.Р. Ланге. – Охрана осуществляется зав.

---

⁷⁶⁵ Там же. Л. 47.

⁷⁶⁶ Горяева Т.М. Указ. соч. С. 64-65.

⁷⁶⁷ МУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1036. Л. 22, 24-25.

⁷⁶⁸ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 41. Л. 70.

трансляционными пунктами лишь с целью охраны от поломок»⁷⁶⁹. Последующий контроль над радиовещанием осуществлялся специально выделенным для этой деятельности инспектором обллита «посредством слушания передачи у себя на дому». Первые результаты последующего контроля не заставили себя долго ждать. Так за передачу в эфир Свердловской областной радиостанцией нескольких программ без разрешения цензуры был дважды оштрафован ее руководитель.

В докладе также содержались сведения о том, какого рода передачи заполняли радиоэфир на Урале. С 1 января по 1 мая 1928 г. было проведено всего 32 радиопередачи. Продолжительность программы в среднем составляла 2 часа эфирного времени. По своему содержанию программа радиопередачи состояла из докладов, бесед, художественных постановок. Первая часть программы была посвящена докладам партийных и советских организаций по вопросам «советского строительства». Беседы носили «санитарно-просветительский» характер: слушателям разъясняли принципы профилактики таких болезней, как корь, скарлатина, тиф и т.д.⁷⁷⁰ Вторая часть программы была посвящена «художественным передачам»: концертам, литературным вечерам, исполнению русских народных песен. Как отмечал М.Р. Ланге, несколько концертов было приурочено к датам революционных праздников: «9 января, Памяти Ленина, Февральская революция и т.д.». Интересна его оценка большинства музыкальных передач, допущенных цензурой в радиоэфир: «Беспланные, неинтересные по содержанию, низкого художественного уровня и социальной значимости передачи с уклоном на удовлетворение обывательско-мещанского слушателя, но не удовлетворяющие его даже благодаря затасканности и избитости исполняемых вещей». Два концерта цензурное ведомство вообще запретило к исполнению. Уполномоченные обллита настойчиво «рекомендовали» местным артистам «разучивать революционный репертуар». В частности, рекомендовались «Боевые песни Запада», «песни, содействующие обороне страны». «С большим трудом и лишь к маю месяцу некоторыми артистами были разучены новые революционные вещи, и последние программы рабочего радиополдня, в его художественной части, можно назвать выдержанными», – писал в заключительной части своего доклада М.Р. Ланге.

Брать под контроль радиовещание в районах для цензоров было делом нелегким. Кроме данных по учету радиостанций и прицепок в отчетных материалах районной цензуры за 1928–1929 гг. каких-либо других сведений не содержалось. В частности, в Верхотурском районе уполномоченный Глазунин в докладе за 24 мая 1929 г. называл общее количество «прицепок» – 220 и упоминал о трансляции местной ра-

---

⁷⁶⁹ Там же. Л. 70об.

⁷⁷⁰ ГАСО. Ф. р-577. Оп. 1. Д. 41. Л. 71.

диогазеты 1-2 раза в месяц⁷⁷¹. Никакой конкретной информации в докладе не содержалось. Его коллега, уполномоченный окрлита в Ивдельском районе Пьянников, в докладе за 1 октября 1929 г. не скрывал, что «контроля над радио нет»⁷⁷².

24 мая 1930 г. Главлит РСФСР в циркуляре № 1141/с «О контроле над радиовещанием» потребовал от своих местных органов усилить цензурный контроль за деятельностью радиоузлов, станций и обществ. «Некоторые органы Лита совершенно устранились от какого бы то ни было предварительного или последующего просмотра радиопередач, очевидно считая, что контроль над радиовещанием не входит в круг их обязанностей»⁷⁷³. Претворять в жизнь требования Главлита удавалось только в г. Свердловске. Начальник пермского горлита Г.С. Казанцев, характеризуя деятельность своих предшественников за период с 1930 по октябрь 1932 г., прямо указывал на полное отсутствие контроля за радиовещанием в г. Перми. По данным на 1 сентября 1933 г. вне поля зрения Г.С. Казанцева оставалось 13 радиоузлов, «которые имелись при некоторых предприятиях города»⁷⁷⁴.

В «Положении о Главлите» от 6 июня 1931 г. советское правительство официально возложило на органы Главлита обязанность осуществления предварительного и последующего контроля «над радиовещанием». Раздел 4 «Положения о Главлите» предусматривал создание института уполномоченных Главлита при «радиовещательных организациях», материальное обеспечение которых устанавливалось за счет «организаций, при которых они состоят». Довольно длительное время эта норма фактически не выполнялась ни радиовещательными организациями, ни цензурным ведомством. В директивном письме Уралобллита № 661 от 15 ноября 1933 г. прямо говорилось о «неудовлетворительном контроле райгорлитов за радиопередачами». Институт «уполномоченных» на Урале к этому времени так и не был создан. Уралобллит обращался к районным цензорам с требованием «немедленного» принятия всех мер для «усиления контроля над радиовещанием»⁷⁷⁵. Райлитам предписывалось в обязательном порядке присутствовать на всех «радиоперекличках», просматривать микрофонный материал, проверять текст музыкальных номеров и песен «с точки зрения их с политическим текстом передач». На материалах, допущенных цензором к радиоэфиру, должна была проставляться разрешительная виза райлита. Уралобллит требовал к 15 декабря 1933 г. представления информации о количестве радиоузлов и радиоточек,

---

⁷⁷¹ МУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1112. Л. 96.

⁷⁷² Там же. Л. 100-101.

⁷⁷³ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 23. Л. 27.

⁷⁷⁴ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 123. Л. 13.

⁷⁷⁵ Там же. Д. 111. Л. 93.

взятых цензорами под контроль. «Обязать всех зав. радиоузлами и Областной радиовещательной станцией в те часы, когда радиоузлы и станции не работают, опечатывать микрофоны», – говорилось в директиве⁷⁷⁶.

В 1934 г. тема контроля за радиовещанием получает новое развитие в свердловском и челябинском обллитах. На областном совещании в июле 1934 г. в г. Свердловске было принято решение об установке на квартирах начальников райлитов контрольных радиоточек. При этом оплата за их установку и эксплуатацию возлагалась на местные радиовещательные организации⁷⁷⁷. Подобные решения не могли устраивать уральские отделения связи. Конфликт интересов стал неизбежным. Примером выяснения отношений цензоров и связистов будем считать ситуацию в Каменском районе.

20 октября 1934 г. в адрес Челябинского обллита было направлено письмо начальника Каменского райлита И.В. Пошлякова. Согласно доводам И.В. Пошлякова, заведующие четырех районных радиоузлов были им проинструктированы о принципах цензуры микрофонного материала, радиопрограмм и пр. Кроме того, действуя согласно инструкциям Уралобллита, цензор уведомил заведующего городским радиоузлом о том, что имеющаяся у него радиоточка освобождена от абонентской платы, а все расходы по ее содержанию отныне несет сама радиовещательная организация⁷⁷⁸. Ответные действия администрации радиоузлов в отношении райлита И.В. Пошляков назвал «полнейшей глупостью». На «претензии» цензора связисты подали жалобу в Челябинское областное управление связи. Ответ областных чиновников был краток: никаких прав контроля над радио у райлита нет. За неуплату абонентской платы сотрудники Каменского радиоузла, несмотря на протесты И.В. Пошлякова, сняли у последнего радиоточку и предъявили квитанцию о наложении штрафа⁷⁷⁹. Подобные действия, безусловно, поставили под сомнение авторитет районного цензора в местных редакциях газет, типографиях и т.д. В связи с чем И.В. Пошляков просил начальника Челябобллита П.Н. Шмелева разобраться в ситуации и помочь ему восстановить контроль над радиовещанием в районе. Однако обллит не спешил вмешаться в конфликт. Спустя месяц, 23 ноября 1934 г., И.В. Пошляков вторично обратился к руководству со словами: «...Нечего сказать, хорошая оперативность в работе. Однако я продолжаю ждать Ваших разъяснений, кто прав, я или отдел Челябинского радиоуправления»⁷⁸⁰. К сожалению, в нашем распоряжении нет ответного письма Челябобллита. Ситуация же, в которую попал И.В. Пошляков, была типична и для других райлитов. В конце

⁷⁷⁶ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 93об.

⁷⁷⁷ Там же. Л. 53.

⁷⁷⁸ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

⁷⁷⁹ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 20об.

⁷⁸⁰ Там же. Л. 18.

1934 г. – начале 1935 г. сведения о противодействии, исходящем от связистов, приходили от Литов Троицкого района Челябинской области, а также Коми-Пермяцкого округа, Оханского, Верещагинского, Нытвенского и Сарапульского районов Свердловской области⁷⁸¹.

Разберем аргументы связистов. Их позиция и доводы были довольно хорошо изложены в письме начальника радиоотдела Челябинского областного управления связи Балябина, адресованного в горузел Каменского района⁷⁸². Первый аргумент связистов: райлиты не имеют право на бесплатную установку и пользование радиоточкой. Вторым аргументом: никто не давал право райлитам принимать участие в «радиоперекличках». Присутствие цензоров признавалось только в том случае, если перекличку организует обллит. Третий аргумент: прежние распоряжения Уралобллита не имеют юридической силы, так как «Уральской области уже нет». Наконец, четвертый аргумент: за райлитом признавалось право проверять текст материала, предназначенного в радиоэфир. Вместе с тем, цензор не может редактировать программу вещания. Эта прерогатива была возложена на культпропотдел райкома ВКП (б). «Никакой выплаты Райлито не производить, ибо его основная роль и задача – проводить проверку материала», – говорилось в заключении.

В ответ на действия связистов обллиты неоднократно подавали жалобы в прокуратуру. Прокуроры принимали сторону цензуры. Так, в приказе от 7 июля 1934 г. Свердловской областной прокуратуры отмечалось, что «органы цензуры часто встречают противодействия со стороны... радиоузлов»⁷⁸³. Служащим прокуратуры поручалось оказывать помощь органам цензуры в охране гостайн в радиовещании.

Проблема обсуждалась и на страницах «Бюллетеней Главлита РСФСР и ОВЦ». В № 8 журнала за 1934 г. уполномоченный свердловского обллита В.М. Трухановский в статье «Больше внимания контролю за радио» обозначил три составные части в своей работе по радиоцензуре: 1) контроль за материалом, поступающим ежедневно и передающимся в обычном порядке через студии дикторами; 2) контроль за радиоперекличками; 3) контроль за трансляциями из садов, театров, клубов и т.д. По мнению цензора, больше всего трудностей возникало при последующем контроле трансляций докладов, совещаний партийных и советских организаций. Часто рассекречивались сведения, содержащие названия воинских частей. «Трудно остановить оратора, говорящего из зала. Остается одно – выключить микрофон, а это не всегда удобно...», – писал В.М. Трухановский⁷⁸⁴. Цензор открыто выразил беспокойство по поводу вмешательства в работу органов цензуры

⁷⁸¹ Там же. Л. 5; ГАПК. Р-684. Оп 3. Д. 111. Л. 49, 53.

⁷⁸² ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

⁷⁸³ ГАПК. Р-684. Оп 3. Д. 111. Л. 59.

⁷⁸⁴ Трухановский В.М. «Больше внимания контролю за радио» // Бюллетень Главлита РСФСР и ОВЦ, 1934. № 8. С. 9-10. ГАПК. Р-684. Оп 3. Д. 123. Л. 7-7об.

служащих областного управления связи. «Нас очень удивляет требование Управления связи освободить переключки от контроля, ссылаясь на какое-то соглашение с Главлитом, – отмечал Трухановский. – Полагаем, что такого соглашения у органов связи с Главлитом нет и что это, попросту говоря, попытка отделаться от предварительного контроля». Заметим, что в краткой рецензии на статью В.М. Трухановского редакция издания замечала: «Тов. Трухановский правильно подошел к организации цензурной работы по радио».

20 января 1935 г. Главлит издал приказ № 177 «О переключках». В этом документе за цензорами закреплялась обязанность присутствовать у микрофона при переключках. Кроме того, каждая программа по переключкам должна была иметь разрешение партийного комитета⁷⁸⁵. Таким образом, вопрос о переключках между Наркоматом связи и Главлитом был решен. Однако на местах проблема взаимоотношений связистов и цензоров продолжала сохранять свою актуальность. В постановлении № 116 Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР от 11 августа 1935 г. «Об улучшении радиовещания на узлах», в частности, отмечалось: «Проверка, проведенная тов. Кокориным по ряду узлов Свердловской области и Горьковского края... показывает, что положение с вещанием на узлах продолжает оставаться совершенно неудовлетворительным»⁷⁸⁶. Далее, в документе устанавливался порядок подготовки материала в радиоэфир. Материал считался «готовым» только в том случае, если он имел подпись ответственного редактора, не имел никаких пропусков в тексте и был «завизирован уполномоченным Литом»⁷⁸⁷. Передача по радиоузлу любого вида объявлений могла производиться также только при получении разрешения цензора.

Во второй половине 1930-х гг. состояние цензуры радиовещания на Урале каких-либо качественных изменений не претерпело. С одной стороны, властные органы все более ограничивали пределы свободы радиовещания. В 1935–1937 гг. Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию издал целый ряд постановлений, направленных на ликвидацию любой инициативы радиовещательных организаций. В 1936 г. при ВКР была создана Главная редакция микрофонных материалов. Теперь местные радиокомитеты централизованно снабжались готовыми текстами радиопередач, не имея права их самостоятельного редактирования и тем более составления. Сложно не согласиться с Н.Н. Клепиковым, что одним из мощных ударов, нанесенных по свободному радиовещанию, стало запрещение радиопереключек⁷⁸⁸.

---

⁷⁸⁵ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 2. Д. 6. Л. 9.

⁷⁸⁶ *Сборник материалов по радиовещанию (В помощь уполномоченному)*. Ростов-н/Д. 1936. С. 18.

⁷⁸⁷ Там же. С. 19.

⁷⁸⁸ Клепиков Н.Н. Указ. соч. С. 148.

26 октября 1937 г. ЦК ВКП (б) издал соответствующее постановление.

С другой стороны, мы не беремся утверждать, что в этот период времени уральская цензура действительно жестко контролировала радиовещание. Так в декабре 1936 г. в Ирбитском районе местный радиоузел продолжал пропускать в радиоэфир материалы без их предварительного просмотра и разрешения органом цензуры⁷⁸⁹. В отчетных докладах о работе Свердловского, Челябинского и Пермского обллитов за 1937–1940 гг. отсутствовал раздел «Контроль за радиовещанием»⁷⁹⁰. В основном уральские цензоры продолжали освещать свои достижения по цензуре местной печати, контролю за деятельностью типографий, книготорговой сети. О цензуре радиовещания – всего несколько строк. Так Свердловский обллит в отчете за 1939 г. сообщал, что по местному радиовещанию даны обзоры только по 19 районам. Пермский же обллит сетовал на то, что в некоторых районах (Нытвенском) местное радиовещание подвергается цензуре «от случая к случаю», а в Верещагинском районе «тов. Туров совсем его не контролирует»⁷⁹¹. В отчетном докладе за 1940 г. начальник Молотовского обллита М.Н. Пермякова отмечала, что всего в области количество радиоузлов составило 179, ежемесячно в радиоэфир выходили передачи общим объемом 304 часа. Однако отдельных штатных уполномоченных обллита по радиовещанию выделено не было. «Отдельных цензоров нет», – писала М.Н. Пермякова⁷⁹². На этом фоне в лидерах оказался Нижнетагильский горлит, где в 1940 г. местные цензоры проверили материалы для более чем 200 радиопередач. «Открыта новая редакция местного вещания на Руднике имени III Интернационала, куда требуется подобрать уполномоченного Обллита (по совместительству без оплаты)», – писал начальник горлита И.В. Тулакин⁷⁹³.

Нельзя выпускать из виду и такое важное обстоятельство, как стойкое сопротивление связистов притязаниям политконтролеров. Уральские радиовещательные организации продолжали отстаивать свои права, невзирая на грозные циркуляры Главлита. Показательным является пример активности челябинских связистов. 23 марта 1940 г. в адрес начальника Челябобллита П.Н. Шмелева было направлено письмо из Челябинского областного управления связи. В этом письме заведующий радиоотделом Фрумкин с возмущением говорил о том, что уполномоченный Челябобллита при областном радиокомитете «считает возможным допускать к передаче материалы из книг и журналов только при условии, что они последнего года издания»⁷⁹⁴. Мож-

⁷⁸⁹ ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-409. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁷⁹⁰ ГАПК. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 1-25; Там же. Д. 2. Л. 1-13.

⁷⁹¹ ГАПК. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 6.

⁷⁹² Там же. Д. 2. Л. 4.

⁷⁹³ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 20. Л. 10.

⁷⁹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

но понять мотивы поведения цензора. Издания 1937–1938 гг. могли содержать публикации «врагов народа». Фрумкин же категорично заявлял, что подобное требование «необоснованно». «Цензор не вправе заранее определять круг изданий для источников, используемых редакцией для соответствия передач, – писал Фрумкин. – Он должен судить о передаче по существу ее содержания и этим определять свое отношение к ней»⁷⁹⁵. Заведующий радиоотделом просил П.Н. Шмелева разобраться в ситуации и сделать цензору «необходимые указания». Кстати, должность уполномоченного Челябинского областного радиокомитета предположительно занимала Ю.Г. Трубникова⁷⁹⁶. Приведенный пример позволяет нам сделать вывод, что работники советского радиовещания были отнюдь не «безголосыми» исполнителями директив Главлита, как это утверждает, например, Т.М. Горяева⁷⁹⁷.

В целом, характеризуя процесс становления политической цензуры за радиовещанием в советской провинции в 1920–1930-е гг., следует избегать формулировок «бдительный контроль цензоров», «тотальное засекречивание информации» и «строго отлаженный механизм радиоцензуры»⁷⁹⁸. Исследование показало, что уральские райлиты не всегда претворяли в жизнь циркуляры вышестоящих цензурных ведомств. В большинстве районов контроль за радиовещанием не был системным, а в некоторых вообще отсутствовал. Цензоры постоянно сталкивались с противодействием радиовещательных организаций. Конфликты со связистами в районах порой приводили совсем к курьезным случаям. Характерным примером является история с И.В. Пошляковым. Остается только отдать должное служащим радиовещательных организаций, которые не пасовали перед органами Главлита. Все это дает нам возможность утверждать, что в отличие от центра цензура радио на Урале имела свои специфические черты, которые, несомненно, определяли пути дальнейшего развития радиовещания в регионе.

---

⁷⁹⁵ Там же. Л. 32.

⁷⁹⁶ В этой должности Ю.Г. Трубникова была утверждена в январе 1939 г. См.: ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁷⁹⁷ Горяева Т.М. Радио России. С. 165

⁷⁹⁸ Например: Клепиков Н.Н. Указ. соч. С. 144, 156.

Глава 5.

Повседневная жизнь цензурного аппарата в 1930-е гг. (на примере парторганизации Свердловского обллита)

5.1. Парторганизация Свердловского обллита в 1933–1941 гг.: состав и практики профессиональной активности

Первые партийные организации работников уральской цензуры появились в регионе не ранее конца 1933 г. М.В. Зеленов в одной из публикаций предположил, что работники Литов не имели своих парторганизаций вплоть до 1938 г.⁷⁹⁹ Следует внести корректировки в данное утверждение. Мы допускаем факт создания парторганизаций в ряде регионов СССР в 1938 г. и в последующий период. Однако будем иметь в виду, что в 1933 г. парторганизации цензоров учреждаются не только на Урале, но и, например, на Северо-Западе СССР. Так, Ф.К. Ярмолич в своих трудах приводит данные, что первичная партийная организация Леноблгорлита Куйбышевского района г. Ленинграда была организована в 1933 г.⁸⁰⁰ К сожалению, до настоящего времени в архивах сохранились документы только парторганизации Свердловского обллита. Документов о деятельности партийных организаций Челябинского и Пермского обллитов в 1930-е гг. нам обнаружить не удалось.

Датой создания первой партийной организации цензоров на Урале можно считать 19 ноября 1933 г. В этот день при Уралобллите была создана партийная ячейка ВКП (б), куда вошли работники его аппарата и уполномоченные при издательствах. Первое организационное заседание бюро ячейки состоялось 2 декабря 1933 г., на котором решался вопрос о распределении обязанностей между ее членами⁸⁰¹. На заседании присутствовало 10 человек: 7 коммунистов, 1 кандидат в члены ВКП(б) и 2 беспартийных. Секретарем партячейки был избран уполномоченный обллита Мухитов, начальнику же Уралобллита С.И. Тубанову досталась должность ответственного за культурно-пропагандистскую работу. В акте создания парторганизации отнюдь не прослеживается тенденция усиления партийного контроля за деятельностью органов цензуры, как об этом пишет Г.В. Жирков⁸⁰². Партийная ячейка была призвана решать как вопросы повышения эффективности цензурной работы, так и бытовые проблемы. Практика показала, что в одиночку начальник обллита был не в состоянии решать

---

⁷⁹⁹ Зеленов М.В. Высший цензурный комитет СССР между властью и обществом в 1920-1930-е гг. // Цензура и доступ к информации: история и современность: тез. докл. Междун. науч. конф. (16-18 марта 2005 г., г. Санкт-Петербург). СПб., 2005. С. 70.

⁸⁰⁰ Ярмолич Ф.К. Указ. соч. С. 11.

⁸⁰¹ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

⁸⁰² Жирков Г.В. Указ. соч. С. 290-291.

вышеописанные проблемы. Выход был найден: коллектив коммунистов может сделать намного больше, чем один руководитель. Примером может служить следующий факт. Уже на втором заседании бюро ячейки ВКП (б) при Уралобллите, состоявшемся 7 декабря 1933 г., обсуждался вопрос об «организации Месткома при Обллите». В принятом по итогам заседания постановлении, в частности, отмечалось: «Учитывая неудовлетворительное обслуживание Месткома Ураломо сотрудников Обллита: отсутствие цехового питания, культобслуживания, постоянные задержки в выдаче зарплат, пропусков в столовую, продовольственных карточек и т.п. – признать необходимым организацию самостоятельного Месткома при Обллите»⁸⁰³. Местком был организован в середине декабря 1933 г.

Первый опыт коллективной работы был недолгим. Уже 4 января 1934 г. в связи с упразднением Уралобллита его партячейка была реорганизована в первичную парторганизацию Свердловского обллита Сталинского районного комитета ВКП (б) г. Свердловска⁸⁰⁴. За месяц своего существования партячейка Уралобллита провела 6 собраний, в ходе которых были приняты решения о создании месткома, об организации курсов партийной учебы для аппарата обллита и его уполномоченных. На основании постановления бюро ячейки от 13 декабря 1933 г. планировалось создать два учебных кружка: по истории ВКП (б) и по изучению основ «ленинизма». «Занятия кружка по изучению Ленинизма проводить один раз в декаду – 10 и 31-го числа, в остальные дни партучеба... кружок по истории ВКП (б) собирается и работает регулярно во все дни партучебы», – говорилось в документе⁸⁰⁵.

В этот же период времени была принята резолюция «О подготовке к XVII партсъезду». Работники аппарата Уралобллита брали на себя такие обязательства, как «выполнить производственный план и ликвидировать все недочеты», «повести решительную борьбу с браком в области цензурной работы», «обязать всех уполномоченных и инспекторов вести обзор районной печати в части подготовки к партсъезду».

В повестку дня заседаний бюро партячейки включались также вопросы, связанные с разбором правонарушений, совершенных работниками аппарата Уралобллита. Так, 21 декабря 1933 г. членами партячейки разбиралось дело о проступке С.М. Потапова, уполномоченного Уралобллита при издательстве «Уральский рабочий». Инициатором разбирательства был секретарь ячейки Мухитов, который несколькими днями ранее обнаружил на рабочем столе С.М. Потапова «чистые бланки с печатью и штампом железнодорожного рабфака». До занятия должности уполномоченного Уралобллита С.М. Потапов

---

⁸⁰³ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

⁸⁰⁴ Там же. Д. 2. Л. 3.

⁸⁰⁵ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

работал в должности директора рабфака. Мухитову не составило труда сделать предположение, что данные документы его коллега готовился использовать в личных целях. В ходе разбирательства С.М. Потапов объяснил своим коллегам, что оставил у себя несколько бланков по причинам «забывчивости» и болезни. В итоге бюро партячейки вынесло постановление, в котором говорилось о решении объявить Потапову выговор «с доведением об этом до сведения городской партийной контрольной комиссии»⁸⁰⁶. Подобная практика внутренних разбирательств будет привнесена в парторганизацию Свердловского обллита и станет в кругу цензоров привычной нормой.

4 января 1934 г. состоялось первое собрание партийной организации Свердловского обллита. Всего за январь 1934 г. было проведено 5 собраний, а за весь 1934 г.⁸⁰⁷ – 26. Обратим внимание на содержание обсуждаемых членами парторганизации обллита вопросов, выносимых на повестку дня заседаний в период с 1934 по 1940 гг. (табл. 11)⁸⁰⁸.

Таблица 11

Повестка дня собраний парторганизации обллита

Показатель	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
1. Количество собраний	26	20	22	27	32	24	25
2. Вопросы повестки дня	Количество обсуждений						
Проработка решений пленумов ЦК, резолюций съездов партии	15	14	13	16	11	14	13
Проработка материалов Главлита и ОВЦ	2	1	2	2	3	2	3
Утверждение планов работы парторганизации	5	3	4	3	8	5	4
Разбор отчетов по самообследованию, самокритике	11	10	17	22	16	10	11
Рассмотрение практик соцсоревнований, выполнения социалистических договоров	4	2	2	2	3	4	4
Выборы делегатов на партконференции, парторга	3	3	1	9	2	3	3
Обсуждение социально-бытовых проблем парторганизации	3	4	3	2	4	5	5
Разбор результатов сдачи зачетов цензорами	-	-	-	-	-	2	3

⁸⁰⁶ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 1. Л. 13-14.

⁸⁰⁷ Там же. Д. 2 (Протоколы собраний за 1934 г.).

⁸⁰⁸ Там же. Д. 2-9.

Как правило, партийные собрания проводились в вечернее время, после 19 часов. Присутствие на собрании было обязательным для работников аппарата Свердловобллита и его уполномоченных. В протоколах собраний строго велся учет посещаемости, отмечался поименный список отсутствующих по уважительным причинам и без таковых. Всего на собрании парторганизации обллита присутствовало в среднем 10-12 человек. В начале каждого заседания происходили выборы председателя и секретаря, которые после его завершения в трехдневный срок должны были подготовить протокол.

Каждый член парторганизации выполнял какую-либо общественную обязанность. Так называемая «партнагрузка» распределялась, как правило, в начале года. Примером может служить решение партийной организации обллита от 19 февраля 1936 г., в котором, в частности, говорилось: «Согласиться с предложением тов. М.И. Земскова о распределении партнагрузки: 1) Тубанов С.И. – внештатный инструктор Обкома ВКП (б); 2) Земсков М.И. – парторг; 3) Давыдова М.Ф. – редактор стенгазеты обллита; 4) Попова К.П. – информатор РК ВКП (б); 5) Козлова Е.Н. – староста кружка по истории ВКП(б) – агитатор Обллита; 6) Бабаев С.Б. – пропагандист; 7) Юматов Н.И. – член редколлегии; 8) Шпак М.В. – информатор РК ВКП (б), проверка соцсоревнований; 9) Ковнатор Р.Д. – информатор РК ВКП (б); 10) Потапов С.М. – ОСО...»⁸⁰⁹. Периодически члены парторганизации отчитывались о ходе выполнения плана работ по своему направлению деятельности.

Заметим, что не все работники Свердловобллита принимали активное участие в обсуждении вопросов, вынесенных на партсобрание. Некоторые цензоры выражали недовольство самой практикой проведения собраний в вечернее время. Так, на собрании 13 октября 1937 г. уполномоченный обллита С.М. Потапов в ответ на предъявленное ему парторгом О.Д. Цветковой обвинение в допущении большого количества «политических ошибок» в периодической печати откровенно заявил: «О моих ошибках... да, я их допустил, но это потому лишь, что я задерживался на партсобраниях, и вообще собрания мешают нашей работе! Вот в газете «Колхозный путь» от 14.VIII. с.г. о том, что «только стахановским движением ликвидируем вредительство», в этот день я был на собрании и газету смотрел бегло...»⁸¹⁰. На партсобрании 4 января 1939 г. уполномоченный обллита Г. Гайфуллин, участвуя в прениях, выразил следующую мысль: «Когда на партсобрании решаются вопросы теоретического характера, то большинство коммунистов не выступают в прениях, собрание проходит вяло. Это наводит на грустное размышление...»⁸¹¹. В отчете «О работе партбю-

---

⁸⁰⁹ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 4. Л. 5об.

⁸¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 5. Л. 85.

⁸¹¹ Там же. Д. 7. Л. 1.

ро парторганизации Свердлобллита с апреля 1938 г. по март 1940 г.» парторг В.Д. Устюгов также отмечал тенденцию апатичного отношения членов парторганизации к обсуждаемым проблемам. «Несколько слов о подготовке к партийным собраниям, – говорил В.Д. Устюгов. – Многие коммунисты к собраниям заранее не готовятся, не готовят свое выступление. Секретарь партбюро тоже не готовит отдельных коммунистов». В этом же отчете В.Д. Устюгов приводил данные о количестве выступлений членов парторганизации в прениях, как то: Устюгов В.Д. – 33 раза, Тюкалева Т.А. – 24 раза, Шипкова М.А. – 23 раза, Ольков М.П. – 14 раз, М. Турыгин – 14 раз, Кротких А.А. – 11 раз. Меньше десяти раз на партсобраниях выступала начальник Свердлобллита А.П. Горских (7 раз), уполномоченные обллита А.И. Шарина (7 раз), Е.К. Курбатова и М.Ф. Мусихин (4 раза), Шаламов (3 раза), Е. Сазонова (2 раза). Ни разу не выступила на партсобрании Е.С. Братухина. «Вот такие коммунисты, как товарищи Братухина, Курбатова, не проявили никакой активности на партсобраниях, а только их посещали, – отмечал В.Д. Устюгов. – Товарищ Сазонова тоже особой активности не проявляла... Как видите, у нас есть группа коммунистов, которые внутри партийной жизни ведут себя пассивно, сами всегда стараются освободить себя от партийной работы»⁸¹².

Обратимся к данным таблицы 11. Большинство вопросов, включаемых в повестку дня партсобраний, были посвящены изучению решений пленумов ЦК ВКП (б), резолюций партийных съездов и конференций, докладов руководителей партии и правительства. Проработка этих партийных документов сопровождалась призывами к усилению «большевистской бдительности», к ликвидации всех недостатков в работе по цензуре. Разбирая «Речь тов. Сталина на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г.», на партсобрании 16 мая 1935 г. зам. начальника Свердлобллита Н.И. Юматов призвал коллег серьезно отнестись к межличностным взаимоотношениям. «Речь т. Сталина проникнута такой любовью к человеку, она всколыхнула всю страну и трудящихся капиталистических стран, – говорил он. – В нашей организации должны быть дружные товарищеские отношения в работе, и если тот или иной товарищ может оказаться в тяжелом положении, надо изыскать меры помощи»⁸¹³.

В протоколах партийной организации неизменно фигурировало решение коллектива работников: «Каждому коммунисту систематически работать над повышением своего идейно-теоретического уровня». В протоколе партсобрания от 16 мая 1935 г., в частности, говорилось, что в кружке по изучению основ «ленинизма» постоянно обучается 5 человек. Староста кружка Р. Касимов отмечал, что «с 20 мая планируется перейти на изучение истории партии по программе, рекомендо-

⁸¹² Там же. Д. 9. Л. 36-39. Устюгов В.Д. Приложение 2. С. 350.

⁸¹³ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

ванной Обкомом ВКП (б)»⁸¹⁴. Парторг В.Д. Устюгов в «Отчете о работе парторганизации Свердловского обллита с февраля 1940 г. по апрель 1941 г.» приводил данные, что за отчетный период члены парторганизации провели пять конференций по 7-9 главам «Краткого курса истории ВКП (б)», посетили две лекции по 10 главе в доме Партактива, а также прослушали 4 лекции по теме «Международное положение СССР». В указанных мероприятиях приняло участие в среднем 7 человек⁸¹⁵. Некоторые члены парторганизации посещали дополнительные занятия по партийной учебе. Так, начальник обллита А.П. Горских посещала семинары по марксистско-ленинской философии, а А.Г. Улитина обучалась в партийной школе Ленинского района г. Свердловска. «Шесть занятий было проведено по изучению первоисточников Ленина и Сталина за счет часов политзанятий, – писал В.Д. Устюгов. – Тут мы нарушали закон, но это было сделано с разрешения обкома и райкома, эти занятия сыграли очень большую роль в учебе коммунистов»⁸¹⁶.

Вместе с тем следует отметить, что проводимые занятия по партийной учебе вызывали у ряда цензоров неоднозначную оценку. Так на партийном собрании 4 января 1939 г. уполномоченный обллита П.Ф. Треногин, в частности, говорил: «Я думаю, что наш партком неправильно подошел к организации лекций, приведу как пример: если есть лекция на ту или иную тему, то партком обязывает явиться всех коммунистов, не считаясь с их запросами и пожеланиями». Его коллега М.П. Ольков высказался конкретнее: «Мне чрезвычайно трудно посещать лекции, так как они проходят в то время, когда я работаю. Поэтому приходится пропускать те лекции, которые хотелось бы послушать»⁸¹⁷. Далее М.П. Ольков приводил пример, что когда он все же посещал занятия, то после их окончания ему приходилось возвращаться на место работы и трудиться до часу ночи. Цензор выражал уверенность, что партийная организация создаст условия для учебы всех коммунистов.

Пристальное внимание парторганизация Свердловобллита уделяла вопросам самообследования и самокритике. Одной из форм самообследования являлось заслушивание самоотчетов членов парторганизации. На партийном собрании 16 апреля 1936 г. был заслушан самоотчет бывшего парторга М.В. Шпака. После его доклада состоялась дискуссия, в результате которой коллеги-цензоры предложили М.В. Шпаку устранить выявленные недочеты. «Предложить тов. Шпаку иметь на каждый день план работы, – говорилось в решении парторганизации. – Обязать тов. Шпака для повышения своего идей-

---

⁸¹⁴ Там же. Л. 12об.

⁸¹⁵ Там же. Д. 10. Л. 32.

⁸¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

⁸¹⁷ Там же. Д. 7. Л. 1.

ного и культурного уровня систематически читать беллетристику. Обратит внимание тов. Шпака на его недисциплинированность в выполнении партийных поручений, которые всегда выполняются при неоднократном напоминании»⁸¹⁸. 27 мая 1936 г. на партийном собрании был заслушан самоотчет С.М. Потапова. В прениях профорг парторганизации К.П. Попова сделала заявление, что у ее коллеги отсутствует такое качество, как «большевистская скромность». «Когда с товарищем Жуховицким («Уральский рабочий») приходится разговаривать о снятии того или иного материала, просто придешь и скажешь, что это и то надо снять, – говорила К.П. Попова. – А у т. Потапова всегда получается что-то особенное: «Ох, я сегодня и взял в оборот Жуховицкого!». Все это, конечно, одни слова, но в оборот мы никого не берем, хвастать тут нечем»⁸¹⁹. Итогом обсуждения деятельности С.М. Потапова стало следующее решение парторганизации: «Обратить внимание т. Потапова на имеющуюся у него общую малограмотность и рекомендовать ему немедленно заняться изучением русского языка, более читать художественной литературы, посещать чаще кино, театры». Важно подчеркнуть, что процедура самоотчета не предусматривала применение каких-либо дисциплинарных санкций, партвызысканий. Цензор имел возможность поделиться с коллегами своими проблемами или, наоборот, достижениями. Взгляд со стороны стимулировал самокритику, давал возможность работнику корректировать свое поведение и отношение к должностным обязанностям. Здесь уместно привести слова парторга М.И. Земскова: «Недостатков у Шпака много, но для их изжития ему создана товарищеская обстановка»⁸²⁰.

Самокритика в парторганизации имела ярко выраженный эмоциональный характер. В выступлениях на собраниях коммунисты предлагали свое видение ситуации в цензурном органе. На состоявшемся 16 сентября 1934 г. партийном собрании его секретарь А.Н. Ивановская инициировала обсуждение вопроса о состоянии «большевистской самокритики» в парторганизации обллита⁸²¹. «Я впервые попала в аппарат, который никто никогда не проверяет, не контролирует, – говорила А.Н. Ивановская. – Хорошо мы работаем, плохо мы работаем, ничего и никто не скажет. Здесь отчужденность...нет большевистской самокритики»⁸²². Свердлоблит, по мнению А.Н. Ивановской, представлял собою своеобразную «республику в республике». Главную проблему в его деятельности она видела в том, что результаты труда цензоров не становились «достоянием партийных органов», а лишь формально помещались в сводки-отчеты. Согласие с данной позицией

⁸¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

⁸¹⁹ Там же. Л. 23.

⁸²⁰ Там же. Л. 17.

⁸²¹ Приложение 2. С. 345.

⁸²² ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об.

выразила и Р.Д. Ковнатор, в свою очередь заявив: «Очень правильно говорит товарищ Ивановская, что у нас не все благополучно... Мы оторваны от всей общественной жизни и коллективов»⁸²³. Обозначенная А.Н. Ивановской проблема впоследствии периодически вызывала жаркие дискуссии среди ее коллег. На партсобрании 9 апреля 1935 г. Н.И. Юматов выразил такую мысль: «Позорно для Обллита, что Обком партии узнает об извращениях в газетах не от нас. Требуется громадная бдительность, а мы еще до сих пор являемся только фиксаторами, своевременной сигнализации не даем»⁸²⁴. Среди внесенных им предложений можно выделить такие, как систематическую проверку качества работы политредакторов, совершенствование методов работы последующего контроля, своевременное информирование партийных органов о состоянии печатной продукции в регионе.

Другой недостаток в работе коллектива цензоров выявила профорг парторганизации К.П. Попова в своем докладе на партийном собрании 16 марта 1936 г. «У нас дисциплина есть, но мне кажется, что у нас нет партийной этики – имеются сплетни, пересуды за глаза, а в глаза не говорят, – говорила профорг. – Например, я просматривала план хозяйственного строительства Облплана по указанию т. Тубанова, а потом случилось так, что я просмотрела этот материал самовольно, и мне прямо об этом не сказали»⁸²⁵. Присутствующая на собрании Е.Н. Козлова согласилась с профоргом, в свою очередь заметив: «Относительно судачеств – это действительно есть. Прямо о работниках вопрос не ставится, прямо в глаза говорить не любят»⁸²⁶. Чаще всего коммунисты жаловались на «неэтичное» поведение со стороны руководства обллита. На партсобрании 21 января 1938 г. Р.Д. Ковнатор приводила факты «бюрократического бездушного» отношения и.о. начальника обллита О.Д. Цветковой по отношению к себе и другим работникам⁸²⁷. Уполномоченный обллита по радиовещанию М.П. Ольков на партийном собрании 16 февраля 1939 г. жаловался коллегам на А.П. Горских: «Начальник Обллита т. Горских смотрит на меня бездушно, безразлично. Я неоднократно обращался к ней об улучшении условий работы, но она ничего не сделала... Такое отношение руководства нетерпимо»⁸²⁸. Вместе с тем рядовые члены парторганизации также не могли похвастаться своим прилежным поведением. Например, в отчете «О работе партбюро парторганизации Свердловского облплита с апреля 1938 г. по март 1940 г.» парторг В.Д. Устюгов, в частности, отмечал: «В парторганизации есть товарищи, которые видят недостатки, но о них на собраниях не говорят, а

---

⁸²³ Там же. Л. 2.

⁸²⁴ Там же. Д. 3. Л. 16.

⁸²⁵ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

⁸²⁶ Там же. Л. 8.

⁸²⁷ Там же. Д. 6. Л. 4. Ковнатор Р.Д. Приложение 2. С. 347.

⁸²⁸ Там же. Д. 7. Л. 19.

обсуждают семейным порядком в кулуарах Обллита...и есть такие, которые не любят самокритику и неправильно ее воспринимают. Стоило мне как-то покритиковать т. Шарину и т. Курбатову, они после это со мной три дня не разговаривали и не здоровались, – одним словом сердились на меня»⁸²⁹.

Периодически в повестку дня партийных собраний включались вопросы практики заключения социалистических договоров с другими парторганизациями, выполнения взятых на себя обязательств по социалистическому соревнованию. Первый такой соцдоговор парторганизация обллита заключила в середине января 1934 г. с партийной организацией свердловского партийного издательства⁸³⁰. В то же время парторганизация разбирала и практику реализации соцдоговоров, ежегодно заключаемых между Свердлоблитом и Горьковским крайлитом, а с 1939 г. и с Молотовским обллитом. Следует констатировать, что из года в год результаты соцсоревнований не радовали парторганизацию обллита. Так, в резолюции партийного собрания от 27 июня 1935 г., в частности, говорилось: «По соцдоговору с Горьковским краем имеем невыполнимыми ряд обязательств: не проведено прикрепление более сильных работников к слабым, не произведено самообследование районов, не проявлено достаточной борьбы за подбор и закрепление на работе лучших кадров, нет рецензий на вновь выпускаемую литературу»⁸³¹. На партсобрании 26 декабря 1939 г. один за другим с критикой итогов соцсоревнований выступили трое цензоров. «Администрация нашего учреждения не возглавляет социалистические соревнования, учет работы не проверяется», – заявил политредактор А.А. Кротких. Уполномоченный обллита при газетах «Восходы Коммуны» и «Колхозный путь» М. Турыгин в свою очередь заметил: «Соревнование у нас действительно не развернуто, профиль показателей не разработан. Поощрением лучших работников мы не занимаемся»⁸³². На партийном собрании 26 января 1940 г. его председатель, уполномоченный обллита по Свердловскому району, Т.А. Тюкалева выразила общую для всех присутствующих мысль: «Соревнование у нас в этом году носило бумажный характер, не было активного действия проверки договоров»⁸³³. Несмотря на слабые стороны этих мероприятий и часто неудовлетворительный результат, парторганизация Свердлобллита продолжала периодически декларировать важность практик социалистических соревнований. Отказ от них был невозможен, «соцсоревновательный» дух, подогреваемый резолюциями, решениями съездов ВКП (б) и партконференций, проник во все сферы жизни советского общества.

---

⁸²⁹ Там же. Д. 9. Л. 37.

⁸³⁰ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁸³¹ Там же. Д. 3. Л. 20.

⁸³² Там же. Д. 7. Л. 65-66.

⁸³³ Там же. Д. 9. Л. 5.

Знакомясь с протоколами собраний парторганизации Свердловллит, мы обратили внимание на то обстоятельство, что проработке материалов Главлита РСФСР и ОВЦ ее члены уделяли сравнительно малое количество времени. Инструктивный материал по цензуре изучался в формате технической учебы, кружковой деятельности. На партсобрание же не выносились вопросы, связанные с обсуждением взаимодействия с Главлитом. В основном Главлит фигурировал как адресат отчетных докладов начальника Свердловллит, обсуждаемых прежде на партийном собрании. Изредка члены парторганизации озвучивали предложения, адресованные в Главлит. Например, 4 марта 1934 г. на собрании парторганизации обллиты политредактор И.А. Шляпин внес предложение просить Главлит увеличить количество «Бюллетеней Главлита РСФСР», присылаемых в Свердловллит, с целью «удовлетворения потребностей районов»⁸³⁴. В то же время до 1939 г. парторганизация Свердловллит напрямую не обращалась в Главлит с какими-либо просьбами и предложениями. В 1939–1940 гг. такие обращения состоялись и были связаны с социально-бытовыми нуждами работников Свердловллит. Подробно об этом речь пойдет ниже.

С 1939 г. в повестку дня партсобраний стали включаться вопросы, связанные с практикой повышения квалификации работников аппарата обллиты. Периодически члены парторганизации осуществляли разбор результатов сдачи зачетов их коллегами. «Зачеты – это средство к осуществлению нашей цели, – говорил партторг В.Д. Устюгов на партсобрании 16 ноября 1939 г. – Мы должны поддержать администрацию в том, что тот товарищ, который не сдал зачетов по техминимуму, не может работать на порученном участке и должен быть переведен на низшую должность». В резолютивной части партсобрания было отражено это нововведение: показал плохой результат на зачете – перевод на нижестоящую должность с перспективой увольнения»⁸³⁵.

В начале февраля 1941 г. в парторганизации обллиты впервые был осуществлен прием в члены ВКП (б). В партию принимали А.Г. Улитину, кандидата в члены ВКП (б) с мая 1939 г., работавшую в аппарате цензуры с лета 1940 г. Среди вопросов к кандидату был задан и такой: «Были ли среди родственников арестованные и разоблаченные как враги народа?». В ответ А.Г. Улитина призналась, что у мужа сестры были проблемы по этой линии, однако в данное время он уже был восстановлен в партии и она с ним фактически не знакома. В свою очередь кандидат подчеркнула, что систематически повышает свой «идейно-теоретический уровень», а также «учится в Ленинской школе». В итоге парторганизация Свердловллит постановила при-

---

⁸³⁴ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

⁸³⁵ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 7. Л. 62.

нять А.Г. Улитину в члены ВКП (б), а также рекомендовать ее кандидатуру для утверждения в вышестоящие партийные инстанции⁸³⁶.

Два аспекта профессиональной активности парторганизации Свердловллита мы вынесли в отдельные части настоящего исследования – социально-бытовые вопросы повседневной жизни и репрессивные практики в цензурном органе.

5.2. Повседневная жизнь партийной организации обллита

Правовой статус работника цензурного органа отнюдь не ограничивался простым набором его профессиональных прав и обязанностей. Стимулировать качество исполнения этой трудовой функции была призвана система государственных гарантий. Люди, приходившие в цензурный аппарат, часто не представляли себе объемы работы, ее специфику. Получив направление от партийных структур, они не сомневались в том, что это новое занятие принесет им хорошие дивиденды. Вполне естественным казалось, что принадлежность к цензуре может открыть им многие двери, завести нужные знакомства, приблизить перспективу продвижения далее по служебной лестнице. «С кадрами у нас всегда дело обстоит остро, дают работников и говорят они хорошие, – признавал начальник Свердловллита С.И. Тубанов в июне 1937 г. – Захарову, например, выдвинул т. Самохвалов из Главлита, Попову рекомендовал Белоглазов, Цветкову дал Отдел печати. Юматова дали решением бюро Обкома..., Ивановскую направил культпроп Горкома»⁸³⁷. Совершенно очевидно, что «выдвиженцы» рассчитывали на нечто большее, нежели им могло дать простое кропотливое выполнение цензорских обязанностей.

Поэтому не случайно в парторганизации Свердловллита вопросам социально-бытового обслуживания работников уделялось самое пристальное внимание. Уже 4 марта 1934 г. на партийном собрании обсуждался вопрос о первых результатах деятельности месткома при обллите. Члены парторганизации тогда много говорили о проблемах, ждущих немедленного разрешения. Спустя три месяца, 4 июня 1934 г., на партийном собрании был заслушан доклад Р. Касимова, руководителя месткома. По существу он признал бессилие месткома без поддержки «авторитетных» органов решать вопросы бытового обслуживания членов парторганизации. Его тезисы поддержал С.И. Тубанов, констатируя факты: «Насчет медобслуживания у нас обстоит дело плохо, нам в медобслуживании отказали, и я должен буду ставить в обкоме партии этот вопрос... Что же касается мест на курорты,

---

⁸³⁶ Там же. Д. 10. Л. 6-7.

⁸³⁷ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 5. Л. 48об.

то нам не дано»⁸³⁸. Возмущенные таким состоянием дел члены парторганизации приняли постановление: «Добиться прикрепления сотрудников к медобслуживанию, заняться заготовкой дров, оживить работу добровольных обществ МОПРа и ОСО»⁸³⁹.

Отсутствие желаемых благ считалось в парторганизации временным явлением. Цензоры полагали, что вышестоящие партийные инстанции просто не знают об их проблемах. У них не было ни малейших сомнений, что все недоразумения, возникшие на первых порах, будут изжиты в самое ближайшее время. Эта уверенность поддерживалась порой причудливыми притязаниями на право считать себя носителем власти, причислять свою организацию к властным структурам. Причем любые суждения, свидетельствующие об обратном, немедленно отвергались. «Мы – не второстепенная организация!» – этот лозунг был озвучен А.Н. Ивановской на партийном собрании 16 сентября 1934 г. «Этого не может быть, с этим мы смириться не можем», – говорила она своим коллегам⁸⁴⁰. Подобный психологический настрой не менялся довольно длительное время. Выработанные внутри самой парторганизации стереотипы мешали ее членам выбрать верную тактику поведения в практике взаимодействия с советскими учреждениями и организациями.

Требования о предоставлении социальных услуг продолжали периодически закрепляться в постановлениях партсобраний. 3 марта 1935 г. парторганизация, в частности, постановила:

«<...>6. Поручить тов. Шпак договориться с РК ВКП(б) о прикреплении в порядке культдоговора организации Обллит к какому-либо предприятию или ближайшему колхозу.

7. Поручить тов. Тубанову поставить вопрос в Облисполкоме перед тов.

Головиным о необходимости выделения трех квартир для работников Обллита, не имеющих квартиры.

10. В целях оказания лечебной помощи в период отпусков работникам Обллит просить т. Тубанова изыскать средства идущим в отпуск на приобретение четырех курортных мест всего в сумме до 5500 рублей и поставить вопрос перед издательствами о выделении лечебных средств для уполномоченных при издательствах»⁸⁴¹.

Начальнику обллита и парторгу поручалось довести до сведения властных структур нужды цензурного органа. В тексте постановления обнаруживается конкретность требований, называются адресаты их исполнения, предлагаются варианты изыскания финансовых средств для удовлетворения этих потребностей. Каких-либо сомнений в пра-

⁸³⁸ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

⁸³⁹ Там же. Л. 27об.

⁸⁴⁰ Там же. Д. 1. Л. 1 об.

⁸⁴¹ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 3. Л. 3-3об.

вомочии своих предложений членами парторганизации высказано не было.

Вместе с тем немедленной реакции со стороны партийных и советских организаций не последовало. Предложения цензоров оставались на бумаге. Облесполком не спешил принимать решения о предоставлении жилых помещений Свердловобллиту. В Сталинском райкоме ВКП (б) обращение парторганизации обллита на заседаниях бюро не рассматривалось. Попытки начальника обллита С.И. Тубанова вынести свой доклад «О работе Обллита» на пленум бюро обкома ВКП (б) также не увенчались успехом⁸⁴². При этом бытовые проблемы в цензурном органе нарастали как снежный ком.

9 апреля 1935 г. в повестку партийного собрания был включен вопрос о ситуации с Н.И. Юматовым, заместителем начальника обллита. В течение трех дней он не выходил на работу по причине приступа «острой невралгии». «У товарища Юматова особенно тяжелое положение сейчас, более года он живет в Свердловске без семьи и не может получить квартиры, – говорила секретарь собрания Е.Н. Козлова. – Жена сейчас имеет открытый процесс туберкулеза, надо немедленно отправить ее на курорт, Юматов не может достать ей путевку»⁸⁴³. Обсудив тяжелое положение своего коллеги, члены парторганизации приняли решение об оказании ему «срочной» помощи. В адрес Сталинского райкома ВКП (б) были направлены следующие предложения: о содействии в предоставлении Н.И. Юматову квартиры в городе, а также путевки на лечение его супруге. По линии Свердловобллита ему гарантировался льготный график работы, освобождение от дополнительных нагрузок и поручений. Несколько дней спустя Н.И. Юматов вновь приступил к исполнению своих обязанностей, однако квартира его семье впоследствии так и не была предоставлена.

Через месяц после истории с Н.И. Юматовым парторганизация обллита выразила бурное недовольство усугубившейся ситуацией с социальным обеспечением работников цензуры. В прениях на партсобрании 16 мая 1935 г. С.И. Тубанов, в частности, говорил: «В отношении прикрепления к столовым вопрос ставился, но ничего не добились. Я поставлю еще раз вопрос перед партгруппой облОНО о выделении средств на курорты, в литпайках облОНО отказало»⁸⁴⁴. В свою очередь И.А. Шляпин в своем выступлении призвал коллег вернуться к идее двухмесячной давности: «В отношении получения курортов для уполномоченных при издательствах нужно поставить вопрос перед издательствами». Кстати, это предложение было вновь единогласно поддержано присутствующими. Другие члены парторганизации

---

⁸⁴² Там же. Л. 24.

⁸⁴³ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

⁸⁴⁴ Там же. Л. 12.

также делились своими мыслями по поводу обсуждаемых проблем. Критика «бездушного» отношения чиновников к проблемам цензурного органа с этого времени начинает набирать обороты. Меняется трактовка объяснения причин кризисных явлений.

«Забота о человеке – не личное дело, а государственное, так как лучше устроенный человек больше приносит пользы государству своей работой», – это высказывание принадлежит парторгу М.И. Земскову. На партсобрании 16 ноября 1935 г. он и его коллеги снова обсуждали «жилищную» проблему. Руководитель парторганизации обллита столкнулся на личном примере с «бездушно-бюрократическим» отношением советских чиновников. «Квартирный вопрос со мной: ведь обошел все организации и везде встретил только бездушные, нет внимания, и меня это уже истрепало, – говорил М.И. Земсков. – Уже указываю на квартиру, и все-таки начинают увертываться. Тов. Стрихнин, как самый ярый бюрократ в этом отношении, квартиры распределяет по знакомству»⁸⁴⁵. «Бюрократ» Стрихнин занимал должность заместителя начальника управления Горжилсоюза г. Свердловска. Семья М.И. Земскова насчитывала пять человек, двое из которых были детьми. Цензор не смог найти общий язык с чиновниками Горжилсоюза. Ему не помогало даже покровительство секретаря свердловского горкома ВКП (б) М.В. Кузнецова, который еще в сентябре 1935 г. дал указание городским властям найти для М.И. Земскова подходящий вариант. Выход из сложившейся ситуации сам М.И. Земсков видел в создании при Свердловском обллите собственного жилищного фонда.

Сочувствие парторгу выразили его коллеги С.Б. Бабаев, М.Н. Никитин и С.И. Тубанов. «Вопрос о квартирах у нас в Обллите стоит гораздо серьезнее, так как нам нужны кадры, а их мы не получим, пока у нас не будет квартир», – говорил на партсобрании С.Б. Бабаев⁸⁴⁶. С.И. Тубанов дал обещание вопрос о жилье заново поставить перед облисполкомом, однако выразил сомнение в перспективах учреждения жилфонда при цензурном ведомстве. М.Н. Никитин подхватил мысль парторга о мздоимстве отдельных советских служащих. «Я лично нуждаюсь в курорте, обил все пороги и все-таки только по «блату» смог получить путевку», – признался цензор⁸⁴⁷. Вместе с тем парторганизация была не в силах оптимизировать ситуацию в сфере социально-бытового обслуживания своих членов. На плохие жилищные условия цензоры жаловались и в последующие годы. Престижность профессии стремительно падала. В августе 1937 г. на очередном партсобрании тот же С.Б. Бабаев в своей речи подчеркивал, что при-

---

⁸⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.

⁸⁴⁶ Там же. Л. 30-31.

⁸⁴⁷ Там же. Л. 31.

ток новых кадров в органы цензуры напрямую зависит от «квартирных» и иных бытовых условий⁸⁴⁸.

Поиск места своей организации в системе государственного управления нередко приводил к курьезным случаям. Так, например, цензоры не всегда могли решить вопрос о том, каким образом презентовать свою организацию на торжествах или празднествах. 16 апреля 1936 г. на партийном собрании рассматривался вопрос «О подготовке к проведению 1 Мая». Вопрос начальника обллита С.И. Тубанова «С кем лучше пойти в колонне демонстрации?» повис в воздухе. Избегая прямого ответа, М.В. Шпак и М.И. Земсков предложили вообще отказаться от участия в первомайской демонстрации. «Практика показала, что участие в демонстрации наших работников не удастся, все мы обычно болтаемся по городу», – говорил М.И. Земсков. Е.Н. Козлова внесла предложение выйти на улицы города ранним утром с целью «обследования украшений и лозунгов». После обсуждения других второстепенных моментов лишь С.М. Потапов отважился заявить: «В демонстрации мы должны безусловно участвовать, идти хотя бы с Союзом Издателств»⁸⁴⁹. Правда, эта идея была сразу отвергнута. После продолжительных дебатов парторганизация постановила все же принять участие в шествии, но отдельной группой под известным лозунгом «Жить стало лучше, товарищи! Жить стало веселее!»⁸⁵⁰.

Перевод органов цензуры с 1 января 1938 г. на государственное бюджетное финансирование фактически не вызвал кардинальных изменений в сфере бытового обслуживания. В докладе «О состоянии кадров Обллита на 15 августа 1938 г.» начальник Свердловобллита А.П. Горских отмечала, что «надлежащие материально-бытовые условия» для работников цензуры так и не были созданы. «Ни один работник не получил квартиры, работая в Обллите, – говорила А.П. Горских. – Те, кто раньше, до работы в Обллите имел квартиры, так те счастливы, те же, кто не имел квартиры – так нет и надежды получить вообще, пока они работают в системе Обллита»⁸⁵¹. 16 августа 1938 г. парторганизация обллита приняла резолюцию, в которой признавалось, что «ввиду плохих материальных условий многие работники стараются уйти на другую работу». В своем обращении в Свердловский обком ВКП (б) парторганизация настойчиво просила «создать материальные условия» для работников аппарата обллита и райлитов посредством их «обеспечения квартирами»⁸⁵². Данное обращение цензоров, как и прежние, осталось без внимания. До конца 1938 г. Свердловобллит не получил ни одной квартиры для своих работников.

---

⁸⁴⁸ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 5. Л. 59.

⁸⁴⁹ Там же. Д. 4. Л. 15.

⁸⁵⁰ Там же. Л. 16.

⁸⁵¹ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 6. Л. 46.

⁸⁵² Там же. Д. 6. Л. 46-47.

В 1939 г. переход цензоров на другую работу по причине отсутствия жилья приобрел массовый характер. В первом полугодии Свердловлит покинули уполномоченный при газете «Уральский рабочий» И.М. Юсупов и политредактор В.И. Карпушев⁸⁵³. Оба цензора проработали в обллите около двух лет. Размер должностного оклада у первого составлял 700 руб., у второго – 600 руб.⁸⁵⁴ 7 августа 1939 г. заявление об уходе из парторганизации подал уполномоченный обллита при газетах «Восходы Коммуны», «Колхозный путь», «Смена» П.Ф. Треногин. В заявлении он открыто обозначил мотив своего решения: «ввиду не имения квартиры». Обратим внимание, что присутствующие на партсобрании коллеги П.Ф. Треногина не пытались его отговорить, приободрить словами, воззвать к его большевистской совести, подчеркнуть важность его работы для коллектива и обллита в целом. Заявление П.Ф. Треногина было удовлетворено и вновь продекларировано: «Поставить вопрос перед Обкомом ВКП (б) и Главлитом, что ввиду отсутствия квартир у ряда работников Обллита они вынуждены уходить с нашей работы»⁸⁵⁵. Отток кадров из аппарата Свердловлитита продолжался.

Спустя месяц после увольнения П.Ф. Треногина Свердловлит покинула политредактор Л. Хренова. В цензуре она проработала менее одного года. Проживая в съемной квартире на окраине г. Свердловска, политредактор неоднократно жаловалась коллегам на неудовлетворительные условия бытового снабжения. «Дров мне не привезли, а зима проходит, – говорила Л. Хренова на партсобрании 16 января 1939 г. – Приходишь и вместо того, чтобы отдохнуть, в квартире холодно. Я работаю четвертый месяц, и в таком положении работать очень плохо – нужно заботиться о людях»⁸⁵⁶. Ее терпения хватило на следующие полгода, после чего цензурный орган потерял еще одного работника.

Подводя итоги уходящего года на партийном собрании 26 декабря 1939 г., цензоры с неподдельным возмущением констатировали факт развала кадровой работы в аппарате Свердловлитита. «Люди уходят, основная причина этому – не созданы надлежащие условия», – говорил М. Турыгин. «За последнее время ушло 4 человека, нужно закреплять кадры, – отмечала в свою очередь Е. Сазонова. – Заняться бытовыми условиями, администрация обязана создать для работников требуемые условия»⁸⁵⁷. Кроме жилья цензоры продолжали требовать прикрепления своих семей к специализированным медицинским учреждениям, столовым и снабженческим структурам. Даже отсутствие снабжения дровами считалось унижительным явлением. Полит-

---

⁸⁵³ Там же. Д. 7. Л. 49.

⁸⁵⁴ ГАСО. Оп. 2. Д. 17. Л. 55.

⁸⁵⁵ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 7. Л. 49.

⁸⁵⁶ Там же. Л. 6.

⁸⁵⁷ Там же. Л. 66.

редактор Г. Гайфулин объяснял свои частые опоздания на работу причиной простоя в очередях за дровами. «Со стороны Обкома по отношению к нам есть недооценка, так как они нам плохо помогают, даже меня, секретаря, ни разу не вызвали поговорить о работе», – заявил парторг В.Д. Устюгов⁸⁵⁸.

Все же на втором месте после жилья неизменно стояла тема заработной платы. Оплата труда вызывала у цензоров не меньшую озабоченность. В августе 1938 г. А.П. Горских в уже известном нам докладе назвала существующие ставки цензоров «ненормальным явлением». Для сравнения начальник обллита взяла оклады редакторов газет. Получалось, что при наименьшей интенсивности труда зарплата редактора была выше, чем у работника цензуры. «Если уполномоченный Обллита литирует несколько газет, по 3-4 и больше, несет ответственность за каждую из них, получает меньше подчас, нежели чем редактор одной газеты, – говорила А.П. Горских. – Например, по г. Перми, где у уполномоченного Обллита выше ставки в 650 руб. нет, а редактор газеты «Звезда» т. Ревко получает ставку 750 руб. и дополнительно 50 руб. как гонорар»⁸⁵⁹. Такую практику в обллите признали недопустимой. В резолюции парторганизации от 16 августа 1938 г. цензоры заявили о необходимости повышения ставок оплаты их труда. Периодически к этому вопросу парторганизация возвращалась в 1939–1940 гг. Вместе с тем обращения цензоров в Главлит и партийные комитеты положительного результата не дали.

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. парторганизация Свердловобллита в качестве меры воздействия на властные структуры опробовала допустимые формы протеста. Внутренние кипящие страсти выливались в официальные резолюции, обращения и призывы. Не получив ожидаемых, порой надуманных благ, работники один за другим покидают Свердловобллит. На 1 января 1939 г. в аппарате обллита не осталось ни одного уполномоченного, работавшего в 1935-1936 гг. Начиная с осени 1938 г. протест цензоров усиливается, люди уже открыто заявляют о «ненормальностях» и уходят из обллита. Их пример заразителен, оставшиеся также начинают искать альтернативу профессиональной деятельности. С августа 1938 г. по май 1940 г. из аппарата Свердловобллита уволилось еще 13 человек⁸⁶⁰. К весне 1940 г. в парторганизации осталось только 30% работников, числившихся в штате обллита на 1 июня 1938 г. Имидж цензурного органа был серьезно подорван, психологический настрой в парторганизации можно охарактеризовать как упаднический. «Нас остаются из года в год одни и те же, потому что подготовленные работники к нам не идут, не закрепляются», – говорил парторг В.Д. Устюгов на одном из партийных

---

⁸⁵⁸ Там же. Л. 6, 28.

⁸⁵⁹ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 6. Л. 46.

⁸⁶⁰ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 9. Л. 76.

собраний⁸⁶¹. При всем этом каких-либо открытых акций в адрес Главлита или местных властей парторганизация Свердловобллита не предпринимала.

Ситуация резко изменилась в мае 1940 г., когда терпению цензоров пришел конец, и парторганизация решилась на открытый конфликт с вышестоящими структурами. Сигналом к выступлению послужило прискорбное событие – 6 мая умерла член парторганизации, политредактор Галанова. Денежных средств как на организацию погребения, так и на материальную помощь семье Галановой в кассе обллита не оказалось. На следующий день парторгом В.Д. Устюговым был инициирован созыв внеочередного партсобрания, на котором после непродолжительных дебатов было принято решение о сборе денег на похороны с каждого члена парторганизации. Подчеркнем, что только усилиями работников аппарата обллита удалось урегулировать вопрос с похоронами. Помощи от других организаций не поступило. Подобное отношение глубоко возмутило цензоров. Бытовые проблемы вновь выступили на первый план.

16 мая 1940 г. состоялось партийное собрание, где в адрес региональной власти и Главлита прозвучало немало критических высказываний. Эмоциональный фон подогрело заявление Е. Сазоновой, рассказавшей коллегам о проблемах начальника обллита А.П. Горских. Ее с двумя маленькими детьми выселяли из съемной квартиры, кроме того она не могла устроить детей в детский сад. Хождения по инстанциям результатов не принесли. Присутствовавшая на собрании А.П. Горских подтвердила слова коллеги. Данная история стала последней каплей, переполнившей чашу терпения, после чего началось настоящее бичевание властных структур.

«Руководят нами действительно плохо, от нас отмахивается райком, горком и Обком, – начал первым В.Д. Устюгов. – Совершенно недостаточно руководит нами Главлит (Садчиков), а в районах дело обстоит еще хуже! Не можем мы дать необходимую материальную помощь. Для того чтобы похоронить товарища, мы вынуждены собирать средства с коммунистов!»⁸⁶². Далее парторг говорил, что неоднократно парторганизация обращалась с официальными письмами в Главлит, содержащими просьбы о выделении материальных средств. «Ничем не можем и не имеем возможности поддержать товарища в смысле отдыха, лечения», – продолжал В.Д. Устюгов. В заключение своего выступления он предложил написать докладную в ЦК ВКП (б), изложив в ней все беды парторганизации Свердловобллита. Присутствующие на собрании члены парторганизации поддержали парторга. В частности М. Турыгин заявил: «Я поддерживаю предложение Устюгова о том, чтобы написать письмо-докладную в ЦК партии о нашем

---

⁸⁶¹ Там же. Л. 75об.

⁸⁶² ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 9. Л. 76.

положении!»⁸⁶³. Е. Сазонова, выразив удовлетворение этой инициативой, обратила внимание коллег на то, что из-за создавшегося критического положения двое цензоров собрались покинуть в ближайшее время цензурный орган. «Шаламов уходит с работы из-за квартиры, очередь по этим вопросам за Ольковым и др.», – говорила она. Заметим, что присутствующий на собрании представитель Сталинского райкома ВКП (б) предпринял попытку поправить выступающих цензоров, предложив вариант: «Письмо, прежде всего, нужно написать в Обком партии...»⁸⁶⁴.

По окончании дебатов парторганизация обллита приняла решение о формировании рабочей группы для составления проекта письма в ЦК ВКП (б) и Главлит РСФСР. В состав рабочей группы были избраны: парторг В.Д. Устюгов, начальник обллита А.П. Горских, политредакторы А.А. Кротких и Е. Сазонова. Несколько дней спустя появился документ – резолюция собрания парторганизации Свердловобллита от 16 мая 1940 г. «О положении дел с кадрами Свердловского обллита»⁸⁶⁵. Обратим внимание, что письмо в ЦК ВКП (б) так и не было составлено. Партийная дисциплина все же возобладала над эмоциями. Адресатами резолюции стали Главлит и Свердловский обком ВКП (б).

В данном документе нашли отражение несколько проблемных тем.

Во-первых, парторганизация констатировала факт потери целого ряда квалифицированных работников, связав это с невозможностью предоставления им жилья. «Сейчас некоторые работники находятся в таком же положении, живут в плохих квартирных условиях или в квартирах других организаций, которые предлагают освободить квартиры», – отмечалось в резолюции.

Во-вторых, парторганизация признала свое бессилие в вопросе воздействия на местные властные структуры. «Все попытки просить у местных организаций о закреплении нескольких квартир за Облитом ни к чему не привели», – говорилось далее в документе.

В-третьих, парторганизация выразила неудовлетворение деятельностью Главлита как руководящей структуры. Претензии к Главлиту можно также разбить на несколько групп:

а) выделение Свердловобллиту недостаточного количества денежных средств. В 1940 г. на «социально-бытовые нужды» Свердловобллит получил всего три тысячи рублей. «Из этих средств представляется возможным помочь 3-4 чел., в то время как большое количество товарищей нуждается в неотложной помощи, курорты и другие виды», –

---

⁸⁶³ Там же. Л. 77.

⁸⁷⁵ Там же. Л. 77об.

⁸⁶⁵ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Л. 76-76об.

говорилось в резолюции. Подобная ограниченность в средствах порой, по мнению цензоров, приводила к «возмутительным» фактам. В качестве примера был описан случай с похоронами политредактора Галановой;

б) отсутствие стимулирующих выплат, премирования работников Свердловллиты за 1939-1940 гг. «На премирование не было выделено ни копейки, несмотря на ранее вынесенное нашей парторганизацией решение, которое было послано т. Садчикову, последний не считал даже нужным ответить на наше решение», – подчеркивалось в документе;

в) недостатком работы Главлита парторганизация назвала и «слабое» руководство процессом повышения квалификации, подготовки и переподготовки цензоров. «Все работники нашего обллита решили задачи (1-2 серии) слабо, – отмечалось в резолюции. – Главлит не заинтересовался, почему такое положение? Или состав работников Свердловского обллита очень плохой или какие другие причины». Далее следовал призыв к Главлиту руководить «учебой по существу»⁸⁶⁶.

Изложив свои проблемы, парторганизация сформулировала пять требований: 1. Предоставить Свердловллиту не менее 3 квартир. 2. Выделить Свердловллиту дополнительные денежные средства на «социально-бытовые» нужды. 3. Провести процедуру прикрепления работников обллита к поликлинике «спецназначения», а также к «спецстоловым». 4. Периодически премировать лучших работников обллита. 5. Своевременно утверждать в должностях вновь назначенных уполномоченных Свердловллита. Выполнение Свердловским обкомом ВКП (б) и Главлитом этих требований, по мнению парторганизации, будет способствовать созданию условий для «выращивания» и закрепления кадров в уральском цензурном ведомстве.

Резолюция парторганизации Свердловллиты дошла до адресата. К сожалению, мы не располагаем ответом Свердловского обкома ВКП (б). Вместе с тем в наших руках имеется циркулярное письмо Главлита РСФСР от 22 июля 1940 г. на имя парторга В.Д. Устюгова. Ответ был подготовлен заместителем начальника Главлита П.Н. Прониным и начальником отдела местных органов ОВЦ А.А. Тарарухиным. Заметим только, что в резолюции парторганизации несколько раз упоминалась фамилия начальника Главлита Н.Г. Садчикова. Вполне очевидно, что уральские цензоры желали получить ответы на свои вопросы непосредственно из первых рук. Однако этого не случилось.

Ответ Главлита был построен на основе контраргументов и претензий. С первых же слов чиновники постарались охладить пыл своих уральских коллег. «Решение вопроса о квартирах для цензоров зависит исключительно от местных организаций гор. Свердловска, – гово-

---

⁸⁶⁶ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 9. Л. 76об.

рилось в циркуляре. – В данном случае начальнику Обллита т. Горских необходимо быть более активным, а Вы помогите ему, информируйте Горком и райком партии о положении»⁸⁶⁷. Все дальнейшее содержание циркуляра было выстроено в этом же духе. Отметим частое употребление таких оборотов, как «Вы не сумели правильно решить вопрос...», «Свердловский обллит почему-то не использовал эту возможность...», «парторганизация должна помочь начальнику обллита в деле...» и т.д. Главлит высказал конкретные претензии к начальнику обллита А.П. Горских и его заместителю, как то: перерасход денег по фонду зарплаты в 1939 г., необоснованное уплотнение рабочего дня цензоров, учреждение «лишних» штатов, неправильное распределение ставок окладов для районных уполномоченных и т.д. По вопросу выделения дополнительных средств на «социально-бытовые» нужды обллита Главлит отвечал категорическим отказом. «Не существует положения, чтобы каждому работнику за счет государства предоставлять курортную путевку!», – писал П.Н. Пронин.

При всем этом чиновники Главлита позволили себе сделать выпад и в отношении парторганизации Свердлобллита, а именно: «В постановлении партийного собрания не видно роли партийного бюро и его секретаря в деле укрепления цензуры в Свердловской области»⁸⁶⁸. Этот намек на несостоятельность имел цель предупредить очередную порцию критических замечаний уральских коммунистов в адрес Главлита. К тому же в заключение циркуляра Главлит указал парторганизации обллита на область ее деятельности: «активно помогать обллиту в работе, поддерживать единоначалие, укреплять дисциплину среди работников». Такое вольное обращение с партийным органом могло быть вызвано в целом неопределенным статусом партийных объединений работников цензуры. Обратись в Главлит партийная организация другого советского учреждения, ответ наверняка был бы более учтивым и содержательным. С парторганизациями своих местных органов Главлит, как мы убедились, не очень-то считался. Его руководители заняли позицию игнорирования подобных обращений, писем и резолюций.

Итак, парторганизация Свердлобллита не добилась выполнения своих требований. Как следствие, кадровый аппарат обллита продолжал терять работников. За вторую половину 1940 г. уволилось еще несколько коммунистов: Шаламов, Е. Сазонова, М. Турыгин. Ушли как раз те, кто активно призывал коллег отстаивать свои права. Их место занимали новые люди, не имевшие порой даже партийного стажа. Так на 1 января 1941 г. в парторганизации обллита насчитывалось 14 че-

---

⁸⁶⁷ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 9. Л. 92.

⁸⁷⁹ Там же. Л. 92об.

ловец, двое из которых являлись лишь кандидатами в члены ВКП (б)⁸⁶⁹.

Проблемы бытового характера обсуждались на партийных собраниях и накануне Великой Отечественной войны. Так, на собрании парторганизации 5 июня 1941 г. заместитель начальника Свердловллиты А.Н. Чернов заявил об отказе отдать целиком свою месячную зарплату на кампанию, посвященную государственному займу им. 3 пятилетки. Его поддержал уполномоченный обллита при областной газете «Уральский рабочий» М.Ф. Мусихин, согласившись пожертвовать 550 руб. при окладе в 700 руб.⁸⁷⁰ Оба цензора подверглись нападкам со стороны коллег. «Эти товарищи не поняли важности проводимой кампании, они плетутся в хвосте!», – с возмущением говорил политредактор А.А. Кротких. «В отношении Чернова: учился на советские деньги, является руководителем Обллита, – говорила профорг Т.А. Тюкалева. – А подписываться на месячный оклад не хочет. Плохи те коммунисты, которые проваливают решения партсобраний!»⁸⁷¹. В свою очередь А.Н. Чернов объяснял свое решение материальными трудностями, с которыми столкнулась его семья. «Некоторые товарищи не знают, как Чернов живет, – отвечал цензор. – Нужда, которая меня заедает, началась еще со студенческих лет. Моей зарплатой не хватает, жена не имеет обуви, ходит в галошах. У меня не было ботинок, пришлось в кассе взаимопомощи брать 60 руб. Для меня и 10 руб. – это важная сумма для жизни!». В свою очередь М.Ф. Мусихин просил обратить внимание коллег на его проблемы: «У меня дочь больна, каждый рубль имеет для меня значение. Я подписался сколько мог, у меня ребенок больной!»⁸⁷². Несмотря на эти призывы, большинством голосов парторганизация приняла постановление, в котором отмечалось: «Тов. Чернов и Мусихин не показали передовой роли большевика-коммуниста, свои личные интересы они поставили выше государственных». Кроме того, объявлялось о решении лишить обоих цензоров занимаемых ими должностей: Мусихина снять с должности председателя «Комсода», а Чернова – с должности заместителя начальника обллита. К тому же о непартийном поведении коммунистов предлагалось довести до сведения обкома ВКП (б). В итоге, под таким мощным давлением, А.Н. Чернов и М.Ф. Мусихин написали заявления о своей согласии отдать месячный оклад в размере соответственно 700 и 720 руб. на государственный займ⁸⁷³.

---

⁸⁶⁹ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 10. Л. 47.

⁸⁷⁰ Там же. Л. 50.

⁸⁷¹ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 10. Л. 50-51.

⁸⁷² Там же. Л. 51-52.

⁸⁷³ Там же. Л. 53.

Рассмотренные выше практики из повседневной жизни парторганизации Свердловллита дают возможность констатировать следующее. Психологический климат в коллективе был неустойчив, во многом раздираемый бытовыми неудобствами. Длительный путь в профессии цензора проходили единицы, люди с устойчивой психикой и верой в свои силы. Подавляющее большинство специалистов, попавших в цензурный аппарат, быстро ломались и уходили, унося с собой непонимание и обиды. Тезис «о лучше устроенном человеке» М.И. Земскова находил себе множество сочувствующих. Невнимание властей к нуждам цензоров коробило последних, оскорбляло их чувства, а главное – надежды на приобщение к благам привилегированного слоя общества. Не получая морального удовлетворения от статуса профессии, испытывая материальную нужду, спустя некоторое время человек, до этого будучи уверенным в том, что он наконец нашел свое призвание, уходил из цензуры. Таким образом, не прекращавшееся обновление кадрового состава аппаратов обллитов во второй половине 1930-х – нач. 1940-х гг. можно объяснить не столько уже известными событиями (например, репрессии), сколько так называемым «человеческим фактором». Удовлетворение повседневных потребностей было все же первично, нежели профессиональные интересы.

5.3. Парторганизация обллита как объект политического контроля

Общеизвестно, что по мере развертывания этапов внутривнутрипартийной борьбы в СССР происходило ужесточение требований к политическому облику коммуниста. Ни для кого не секрет, что к последователям Г.И. Мясникова в первой половине 1920-х годов были применены фактически либеральные меры (выговоры, предупреждения, переброски в другую местность, переводы на менее ответственные участки работы и только к нескольким лидерам – исключение из партии). В конце 1920-х гг. тенденция к единомыслию в рядах ВКП (б) и беспрекословному служению «генеральной линии» партии принимает все более суровый характер. В 1930-е гг. одного только предъявления обвинения в принадлежности к «троцкистам», «правоуклонистам» и «оппортунистам» стало достаточно, чтобы безапелляционно исключать неудобных людей из партии, а порой и подвергать их уголовному преследованию. К началу 1934 г. в результате так называемой третьей «генеральной чистки» из партии было исключено 362,5 тыс. чел., или 18% членов ВКП (б)⁸⁷⁴. В постановлении ЦК ВКП (б) и ЦКК от 28 ап-

---

⁸⁷⁴ Г.А. Авторханов. Технология власти. М., 1991. С. 279-288.

реля 1933 г. объявлялись категории «вычищаемых» элементов. Обратим внимание на одну из них: «Открытые и скрытые нарушители железной дисциплины партии и государства, не выполняющие решений партии и правительства, подвергающие сомнению и дискредитирующие решения и установленные партией планы болтовней об их «нереальности» и «неосуществимости»»⁸⁷⁵. Таким образом, изгнанию подлежал всякий коммунист, который высказывал сомнения в правильности не только «генеральной линии», но и отдельных практических мероприятий партийного руководства. Эти веяния времени не обошли стороной и уральские парторганизации⁸⁷⁶.

Исследуя динамику репрессий против номенклатуры на Урале, О.Ю. Винниченко, в частности, отмечал: «Массовые репрессии среди советских работников низового звена активно проходили в течение 1933–1937 гг.». Сначала репрессии коснулись низших эшелонов власти, а уже собственно в 1937 г. – средних и высших⁸⁷⁷. Внутри уральских партийных организаций ВКП (б) поиск «двурушников» осуществлялся последовательно и методично. Парторганизация Свердловского обллита не была исключением.

Период образования парторганизации Уралобллита пришелся как раз на время партийной чистки 1933 г. Однако за полтора месяца работы повод уличить кого-либо в «оппортунизме» так и не был найден. Вместе с тем оставаться в стороне от кампании было рискованно. Микроклимат на партийных собраниях постепенно накалялся. Нам представляется не случайным, что едва только организационно оформившись, парторганизация Свердловского обллита нашла в своих рядах «заблудшего» члена. Эту историю мы условно назовем «Дело Мухитова». Как не странно, именно бывший секретарь партячейки Уралобллита Мухитов был первым принесен в жертву.

31 января 1934 г. состоялось партийное собрание парторганизации Свердловобллита. В повестке дня значился доклад С.И. Тубанова на тему «О проработке доклада т. Сталина на XVII съезде ВКП (б)»⁸⁷⁸. Цензоры готовились обсудить тезисы выступления вождя и вынести соответствующую резолюцию. В составленном позже протоколе будет зафиксировано, что начальнику обллита С.И. Тубанову по окон-

---

⁸⁷⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М.: Политиздат, 1985. С. 46-47.

⁸⁷⁶ *Сосновских С.В.* Политические репрессии середины 1930-х гг. на Урале в творчестве современных историков // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 52. С. 319-328; *Хаустов В.Н.* Репрессии второй половины 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти: тез. докл. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 98-102.

⁸⁷⁷ *Винниченко О. Ю.* Номенклатура и репрессии 30-х гг. (на материале местных Советов Урала) // История репрессий на Урале в годы советской власти: тез. докл. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 16-17.

⁸⁷⁸ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

чании его доклада было задано всего четыре вопроса. Однако только один из них нашел детальное описание в протоколе: «Почему вопрос о цифрах уменьшения скота не был заострен раньше до XVII партсъезда?». Его автором был уполномоченный обллита Мухитов. В свою очередь С.И. Тубанов не стал поспешно отвечать на вопрос своего коллеги, сославшись на его «неясность», и предложил Мухитову изложить суть вопроса в письменном виде. Ничего не подозревая, цензор написал свой вопрос на бумаге: «Что падеж скота ежегодно, мы этот падеж скрывали, на конкретных примерах: в Ялutorовском районе газета пишет о падеже скота, а мы по перечню скрываем, то есть не открываем саботажа данного района». После оглашения такой формулировки вопроса начались прения. Одним из первых с резкой критикой выступил уполномоченный обллита по радиовещанию В.М. Трухановский. Именно он предложил присутствующим признать вопрос Мухитова «оппортунистичным». «Смысл вопроса Мухитова таков: почему ЦК, зная о катастрофе положения, умышленно скрывало и сигнализировало массы и вопрос почему цензурные органы также скрывали, – говорил В.М. Трухановский. – Такая постановка вопроса *оппортунистична*: из выступления т. Мухитова вытекает, что ЦК партии не достаточно занималось животноводством»⁸⁷⁹. Термин «оппортунизм» моментально завладел умами цензоров. От Мухитова требовали немедленно предоставить «исчерпывающий» ответ на свой же вопрос. У последнего все еще оставался шанс объясниться с коллегами, переформулировать проблему, всеми силами отодвинуть от себя ярлык «оппортуниста». Однако Мухитов его упустил, предельно откровенно обнажая свою мысль: «В 1930 г. в момент коллективизации классовый враг саботируя использовал отсталые настроения части крестьянства в части убоя скота. Я работаю в органах цензуры с 1932 г., уменьшение поголовья скота нами в печати скрывалось, тем самым мы не мобилизовали массы, и со стороны партийных органов меры не принимались...». Далее цензор снова задал коллегам вопрос: «Почему уменьшение поголовья скота и вредительство в 1930 г. нами скрывалось?»⁸⁸⁰. Мухитов все еще не понимал либо не хотел понимать, что этого «откровения» от него только и ждали.

На Мухитова обрушился шквал обвинений. Каждый присутствующий на собрании цензор постарался отмежеваться от коллеги. Так, И.А. Шляпин высказал следующее суждение: «Постановка вопроса т. Мухитова дает нам право толковать о горячке оппортунизма! Мы всегда мобилизовали массы о неблагополучии в вопросе животноводства». В свою очередь М. Шулькина заявила о недопустимости для коммуниста ставить подобные вопросы на партийном собрании. «Мухитов неправильно понимает вопрос руководства парторганизациями

---

⁸⁷⁹ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 2. Л. 8об.

⁸⁸⁰ Там же. Л. 8об.-9.

на местах, по его выступлению можно сделать вывод, что ЦК и Обком ВКП (б) не руководят нашей цензурной работой, – говорила М. Шулькина. – Руководящие парторганизации великолепно знали и знают о положении животноводства и своевременно мобилизовали массы по данному вопросу»⁸⁸¹. С.М. Потапов выразил свое согласие с доводами выступающих и объявил о том, что Мухитов окончательно «запутался» в своих мыслях и действиях. Итог дебатам подвел С.И. Тубанов, который призвал коллег признать выступление Мухитова «оппортунистическим» и осудить его заблуждения. В принятой партсобранием резолюции поведение Мухитова было признано как «оппортунистическое». Объявлялось о возложении обязанности на цензора дать письменное объяснение «по существу своего выступления». Кроме того, парторганизация обллита приняла решение сообщить о данном факте в вышестоящие партийные инстанции⁸⁸². Обратим внимание, что парторганизация не решилась предпринять к Мухитову какие-либо меры взыскания. Главное было сообщить, что «оппортунист» изобличен своими силами.

«Дело Мухитова» рассматривалось на бюро Сталинского райкома ВКП (б) 3 февраля 1934 г. Партком признал суждения члена парторганизации обллита «оппортунистической» выходкой. В качестве меры наказания было избрано объявление Мухитову строгого выговора с предупреждением⁸⁸³. Кроме того, специальному представителю райкома Егорову поручалось присутствовать на партийном собрании парторганизации обллита и объявить цензорам о решении райкома партии. 4 февраля 1934 г. в стенах обллита было созвано внеочередное партсобрание. В предоставленном слове Мухитов вновь предпринял попытку объяснить свое «непартийное» поведение, и это вызвало негативную реакцию у коллег. В присутствии Егорова С.И. Тубанов и В.М. Трухановский внесли предложение исключить Мухитова из партии с формулировкой «за неискренность». Предложение было поддержано еще тремя коммунистами. Ситуацию разрядили И.А. Шляпин и Р. Касимов, настойчиво попросившие дать Мухитову последний шанс признать ошибки. «Во вторичном выступлении Мухитов более откровенно разоблачил свои ошибки, указав, что он говорил и об убытии скота», – говорилось в протоколе партсобрания. Бывший парторг, наконец, признал свое поражение. От крайней меры его спасла поддержка И.А. Шляпина и Р. Касимова. Парторганизация в итоге постановила: «Объявить т. Мухитову строгий выговор и предупредить, что он при не исправлении своей ошибки поставит себя вне рядов партии». Цензоры приняли на себя обязательство усилить «большевистскую бдительность» и продолжить борьбу «со всякими проявлениями

---

⁸⁸¹ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 2. Л. 8об.

⁸⁸² Там же. Л. 9.

⁸⁸³ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

оппортунизма». Редактору стенгазеты Свердловобллита В.М. Трухановскому партсобрание поручило подготовить ее внеочередной выпуск, где нашли бы отражение «ошибки, допущенные Мухитовым»⁸⁸⁴.

«Дело Мухитова» на этом не закончилось. Под давлением ярлыка «оппортуниста» цензор был вынужден написать заявление о добровольном выходе из парторганизации и увольнении из обллита. Уже в конце февраля 1934 г. Мухитов выбыл из штата Свердловобллита. О его дальнейшей судьбе нам, к сожалению, ничего неизвестно. Эта история стала показательной для остальных цензоров-партийцев. С какой легкостью отнюдь не рядовой, известный в среде цензоров и заслуженный коммунист превратился в «оппортуниста», «двурушника». При всем этом надо полагать, что «своевременное» изобличение Мухитова стало для парторганизации обллита своеобразным громоотводом. В течение последующих месяцев 1934 г. каких-либо «уклонов» в парторганизации не было выявлено.

После убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. репрессивная политика получила новый импульс. Органы госбезопасности раскрыли «троцкистско-зиновьевские террористические центры» в Москве и Ленинграде, было сфабриковано так называемое «Кремлевское дело»⁸⁸⁵. По всей стране инициировалось проведение петиционных кампаний по осуждению «террористов», «зарвавшихся оппортунистов». В парторганизации Свердловобллита, как и во всех уральских партийных комитетах ВКП (б), клеймилась позором «троцкистско-зиновьевская оппозиция»⁸⁸⁶. 28 апреля 1935 г. на партийном собрании одним из ключевых вопросов повестки дня стало разбирательство с «прорывом» в сфере последующего контроля областного радиовещания. В радиоэфир 1 апреля 1935 г. уполномоченным обллита И.А. Шляпным был допущен материал в виде радиокалендаря, посвященный народовольцу Степану Халтуруину. По мнению парторганизации, их коллега проявил «политическую близорукость», разрешив к вещанию «пошлый» материал, содержащий пропаганду индивидуального террора, «осуждаемого т. Лениным и всей коммунистической партией». «Показывая Халтуруина как народника-террориста, в календаре не дана Ленинская оценка индивидуального террора, не сказано о том, что наша партия всегда осуждала и осуждает индивидуальный террор как метод борьбы пролетариата с буржуазией, – отмечалось в резолюции парторганизации обллита. – В календаре не показано, что методом индивидуального террора пользовались подонки контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции против нашей партии и советской власти»⁸⁸⁷. Индивидуальный террор, по мнению цензоров,

---

⁸⁸⁴ Там же. Л. 11.

⁸⁸⁵ Маслов В., Чистяков Н. Сталинские репрессии и советская юстиция // Коммунист. 1990. № 10. С. 105.

⁸⁸⁶ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 3. Л. 10-11.

⁸⁸⁷ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 3. Л. 10об.

активно применяли фашисты для подавления революционного движения пролетариата в странах Европы. Параллельно с этим парторганизация констатировала наличие в радиокалендаре фактов искажения исторической действительности. За проявленную «близорукость» И.А. Шляпину парторганизация постановила объявить строгий выговор. Всем коммунистам цензурного органа поручалось систематически повышать «политическую бдительность» в дальнейшей работе⁸⁸⁸. Для самого И.А. Шляпина этот инцидент имел в дальнейшем печальные последствия.

В мае 1935 г. началась кампания по проверке партийных документов. По утверждению О.В. Хлевнюка инициатором ее проведения выступил сам И.В. Сталин. На места было разослано закрытое письмо ЦК ВКП (б) о беспорядках в учете, выдаче и хранении партийных документов. В письме выдвигалось требование навести порядок в партийном хозяйстве и исключить возможность проникновения в партию чуждых элементов. Формально намеченное мероприятие предполагало проверку наличия и подлинности партийных билетов и учетных карточек. Однако фактически проверка, проходившая в мае-декабре 1935 г., представляла собой очередную чистку с применением арестов⁸⁸⁹. Так 4 февраля 1936 г. парторганизация Свердловобллита на плановом собрании рассмотрела вопрос об итогах проверки партдокументов в своих рядах. Делавший доклад С.И. Тубанов обратил внимание присутствующих на следующее обстоятельство: «Проверка выявила проникновение в ряды партии враждебных чуждых элементов. Из нашей организации был исключен Шляпин...»⁸⁹⁰. Уполномоченный обллита при свердловском областном радиокомитете И.А. Шляпин был разоблачен как «бывший белогвардеец», исключен из ВКП (б), и его личное дело было передано в органы НКВД⁸⁹¹. Кстати, последний раз на партийном собрании И.А. Шляпин присутствовал 28 октября 1935 г. Таким образом, расправа над цензором была учинена не ранее начала ноября⁸⁹². Логично предположить, что партийное взыскание, полученное И.А. Шляпиным накануне чистки, возбудило у «контролеров» повышенный интерес к его личности.

Спустя полгода парторганизацию Свердловского обллита всколыхнуло «Дело Юматова»⁸⁹³. Обвинение в связи с «троцкистами» бы-

---

⁸⁸⁸ Там же. Л. 11.

⁸⁸⁹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. Гл. 4. 304 с.

⁸⁹⁰ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁸⁹¹ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.

⁸⁹² Там же. Л. 27.

⁸⁹³ Предыстория этого дела такова. Весной 1927 г. в г. Свердловске на квартире, где проживал Н.И. Юматов, состоялось собрание коммунистов, на котором присутствовал А.Г. Белобородов, являвшийся по данным чекистов одним из лидеров «объединенной оппозиции». В ноябре 1927 г. А.Г. Белобородов решением ЦКК ВКП (б) был исключен из партии за «фракционную» деятельность. В мае 1930 г. его восстановили в рядах ВКП (б), и

ло предъявлено заместителю начальника обллита Н.И. Юматову. 27 августа 1936 г. состоялось закрытое партийное собрание парторганизации Свердловского обллита. Предметом обсуждения стал вопрос о «партийности» Н.И. Юматова. В вину бывшему коллеге по работе ставилось сознательное «сокрытие» факта его участия в 1927 г. во «фракционном троцкистском» собрании. Так, Е.Н. Козлова высказала такое мнение: «Юматов обманул партийную организацию, не поставил в известность парторганизацию о том, что у него было. Случаев для того, чтобы довести об этом до сведения парторганизации – у него было достаточно. Между тем он этого не сделал, этим самым поставил себя наравне с контрреволюционерами»⁸⁹⁴. Обвиняя коллегу в «троцкизме», цензоры аппарата обллита не принимали во внимание, что партийное взыскание с Н.И. Юматова было снято еще в 1929 г. постановлением Свердловской окружной контрольной комиссии ВКП (б).

В свою очередь Н.И. Юматов отвергал предъявленные ему обвинения. «Я никакой связи с троцкистами не держал, – говорил он на собрании. – В душе против партии я камня никогда не держал. Я боролся против троцкистов и зиновьевцев делами... Я признаю, что я в официальных документах последнее время из-за малодушия не указывал о своем выговоре. Если бы у меня были факты связи с троцкистами – я бы покончил жизнь самоубийством...»⁸⁹⁵. Подобный крик души человека не встретил понимания. Присутствующая на собрании Р.Д. Ковнатор так прокомментировала выступление Н.И. Юматова: «Юматов – грамотный член партии, знает, как нужно себя держать перед партией. Отсутствием храбрости это объяснить нельзя. Он просто хотел выйти чистеньким из всего этого. Если бы его не вызвали в

до августа 1936 г. он трудился на руководящих должностях. Присутствие Н.И. Юматова на указанном «фракционном» собрании вскоре было выявлено. Свердловская окружная контрольная комиссия ВКП (б) постановила объявить Н.И. Юматову строгий выговор с предупреждением. В 1929 г. в период очередной партийной чистки данное взыскание с Н.И. Юматова было снято, после чего он считал себя полностью реабилитированным. В августе 1936 г. Н.И. Юматова внезапно вызвали на допрос в облотдел НКВД. В это время А.Г. Белобородов был снова исключен из партии и арестован как «враг народа». Н.И. Юматова же допрашивали на предмет его связи с лидерами «троцкистов». Вскоре последовал его арест. В ноябре 1936 г. «Дело Юматова» рассматривалось Особым Советом при НКВД СССР. 30 декабря 1936 г. Н.И. Юматов был осужден по ч. 10, 11 ст. 58 и ч. 1 ст. 182 УК РСФСР. Отметим, что бывшего цензора осудили за «контрреволюционную троцкистскую деятельность», а также и за «незаконное хранение оружия». Мера наказания была избрана в виде 5 лет лишения свободы с отбыванием всего срока в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ). В период перестройки в СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. Н.И. Юматов был реабилитирован. 27 июня 1989 г. бюро Свердловского обкома ВКП (б) приняло постановление «О реабилитации в партийном отношении т. Юматова».

⁸⁹⁴ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 4. Л. 37об.

⁸⁹⁵ Там же. Л. 38.

НКВД – до сих пор мы бы ничего не знали, обманывал парторганизацию. Везде писал, что не подвергался партвзысканиям»⁸⁹⁶.

В итоге прений сторон партийная организация Свердловского обллита приняла постановление, в котором, в частности, отмечалось: «Данные Юматовым объяснения партсобрание считает не искренними, двурушническими. Собрание отмечает, что Юматов не разоблачил до конца всех участников указанного контрреволюционного собрания, своей роли на этом собрании и дальнейших связей с троцкистами... Во время убийства т. Кирова контрреволюционной троцкистско-зиновьевской бандой Юматов клеймил позором убийц и их вдохновителей, но двурушнически скрыл при этом свое активное участие в троцкистской работе в 1927 г.»⁸⁹⁷. Резолютивная часть постановления содержала решение об исключении Н.И. Юматова из партии «как обманщика и двурушника». Таким образом, коллеги не дали Н.И. Юматову ни малейшего шанса оправдаться.

Исключение из партии повлекло и увольнение с работы в обллите. Трудоустроиться Н.И. Юматов не успел: несколько дней спустя он был арестован. 9 октября 1936 г. Сталинский районный комитет ВКП (б) утвердил решение первичной парторганизации об исключении Н.И. Юматова из членов ВКП (б) с формулировкой «за двурушничество, скрывание своего участия в троцкистской группировке»⁸⁹⁸. 13 февраля 1937 г. на очередном общем партийном заседании парторганизации Свердловобллита был вновь поднят вопрос о «Деле Юматова». В принятом на этот раз постановлении, в частности, отмечалось: «Парторганизацией Обллита не был своевременно разоблачен троцкист – Юматов, в силу чего последний получил новый партийный билет и только в августе был исключен из партии, как враг и двурушник. Несмотря на то, что ряд моментов в работе и поведении Юматова (пьянство, не выход на работу, оторванность от парторганизации) должны были бы парторганизацию проверить его как члена партии, она этого не сделала»⁸⁹⁹. Далее последовало решение об усилении большевистской бдительности в обллите.

Имя Н.И. Юматова вплоть до 1939 г. будет фигурировать в протоколах собраний парторганизации обллита как образ «врага-двурушника». Но само «Дело Юматова» открывает следующую страницу в истории партийной организации Свердловобллита. Речь идет о тактике выживания в годы «Большого террора». Преследуя цель отвести от себя малейшие подозрения, цензоры-партийцы будут готовы поддержать любое обвинение в отношении сослуживца, коллеги.

---

⁸⁹⁶ Там же. Л. 37об.

⁸⁹⁷ Там же. Л. 38.

⁸⁹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 21. Д. 3746. Л. 2.

⁸⁹⁹ Там же. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 5. Л. 4об.

Пик репрессий на Урале многие исследователи связывают с так называемым «Делом Кабакова». Иван Дмитриевич Кабаков, как известно, являлся первым секретарем Уралобкома ВКП (б)⁹⁰⁰. В конце 1936 – начале 1937 гг. НКВД сфабриковал «дело» о так называемом уральском штабе восстания, который якобы существовал с 1929 г. и объединял «троцкистов» и правых «уклонистов». Руководителем этого штаба и был назван И.Д. Кабаков⁹⁰¹. Весной 1937 г. в Свердловской области началась кампания по выявлению «кабаковцев» в партийных и советских организациях.

9 июня 1937 г. в приложении к приказу Свердлобллита № 10/с для цензоров был подготовлен секретный перечень «Список троцкистов и правых контрреволюционеров, врагов народа»⁹⁰². В перечне значились 33 фамилии «врагов». Кроме И.Д. Кабакова, здесь можно было обнаружить имена других бывших уральских руководителей – В.Ф. Головина, М.В. Кузнецова, Н.И. Харитонова, С.Д. Чудновского и др. Напомним, что к В.Ф. Головину и М.В. Кузнецову парторганизация Свердлобллита неоднократно обращалась с просьбой о помощи в выделении жилых помещений для личного состава цензурного аппарата. Через несколько дней в парторганизации Свердлобллита был обнаружен и пособник «кабаковцев». Эта незавидная роль досталась политредактору обллита М.Ф. Давыдовой, с декабря 1935 г. работавшей в цензуре. Следует заметить, что с осени 1936 г. она занимала должность заместителя начальника Свердловского обллита.

Преследование М.Ф. Давыдовой началось с момента известия об аресте ее мужа Решетникова, работавшего секретарем у И.Д. Кабакова. 14 июня 1937 г. на партийном собрании члены парторганизации обллита рассматривали всего один вопрос: «О партийности Давыдовой». Из десяти коммунистов только С.И. Тубанов являлся представителем сильного пола. В общей сложности коллеги задали М.Ф. Давыдовой более десятка вопросов, суть которых сводилась к следующему: «Знали ли Вы, что ваш муж – контрреволюционер?». «Мой муж никогда ни троцкистом, ни правым не был и боролся за генеральную линию партии, – говорила М.Ф. Давыдова. – Я о его работе ничего не знала, он со мной совсем не делился и я ничего не замечала»⁹⁰³. Политредактор предприняла попытку убедить коллег в своей непричастно-

---

⁹⁰⁰ *Попов Н. Н.* Сталинские репрессии на Урале во второй половине 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти: тез. докл. научной конференции. Екатеринбург: УрГУ, 1994. С. 75; *Сушков А. В.* Май 1937: Трагедия секретаря Свердловского обкома // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: в 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 247–251, и др.

⁹⁰¹ *Сосновских С. В.* Политические репрессии середины 1930-х гг. на Урале в творчестве современных историков // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 52. С. 325–326.

⁹⁰² ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 13. Л. 14.

⁹⁰³ ЦДОСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.

сти к деятельности «кабаковцев». Однако фраза, брошенная С.И. Тубановым, предрешила исход дискуссии: «Разве органы НКВД могут арестовать без основания? Значит, есть на то основания!». Е.К. Курбатова, подхватив мысль начальника, заявила: «Я считаю, что Давыдова не могла не знать политического лица своего мужа!»⁹⁰⁴. Политредактор Н.Н. Захарова в свою очередь обратила внимание присутствующих на черты личности коллеги: «У Давыдовой известная заносчивость была все время... Давыдова хотела всем показать, что она на особом положении». Т.А. Тюкалева предложила М.Ф. Давыдовой признать факт «вражеской» деятельности Решетникова и рассказать о его «преступлениях». В ответ М.Ф. Давыдова еще раз подтвердила отсутствие у нее каких-либо сведений. Последнее слово осталось за инспектором обллита П.И. Нечаевой, которая, подытожив все вышесказанное ее коллегами, объявила: «У Давыдовой неискренность, а мы знаем решение партии – если член партии говорит неискренне, значит, он не может быть в партии»⁹⁰⁵.

По итогам разбирательства парторганизация Свердловского обллита приняла решение об исключении М.Ф. Давыдовой из членов партии ВКП (б). «Партийное собрание считает, что Давыдова искренне не признала и не рассказала о действиях Решетникова и его личных связях... и что ей не доказали, что он враг народа», – говорилось, в частности, в резолюции. Несколько дней спустя Сталинский райком ВКП (б) утвердил решение парторганизации обллита об исключении М.Ф. Давыдовой из партии. Соответственно на этом закончилась и ее служба в органах цензуры. Здесь имеет смысл заметить, что в ходе разбирательства с заместителем начальника Свердловского обллита под подозрение попадал и сам руководитель цензурного аппарата. Не случайно, критикуя личность М.Ф. Давыдовой, политредактор Н.Н. Захарова обронила фразу: «За подбор кадров отвечает т. Тубанов, а он по своему мягкому характеру берет работников потому, что их дают»⁹⁰⁶.

В 1937 г. начались чистки в центральном аппарате Главлита РСФСР. По выражению М.Н. Глазкова, в «ежовой рукавице» забился и сам Главлит⁹⁰⁷. «Органы Главлита были засорены троцкистско-бухаринскими и буржуазно-националистическими шпионами и вредителями, – отмечал в докладной записке на имя В.М. Молотова от 9 июня 1938 г. Н.Г. Садчиков. – Достаточно сказать, что в 1937 г. и 1938 г. из общего количества 144 работников центрального аппарата изъято органами НКВД 44 человека... Такое же приблизительное положение и на местах»⁹⁰⁸. По сведениям Н.Г. Садчикова, были разобла-

⁹⁰⁴ Там же. Л. 48об.

⁹⁰⁵ Там же. Л. 49.

⁹⁰⁶ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 5. Л. 48об.

⁹⁰⁷ Глазков М.Н. Чистки фондов массовых библиотек в годы Советской власти (октябрь 1917–1939). М., 2001. С. 84.

⁹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

чены как «враги народа» начальники Главлитов Союзных Республик – Украинской, Грузинской и Азербайджанской, а также Главлитов автономных республик – Татарской, Башкирской, Марийской. Кроме того, по «политическим мотивам» были освобождены от занимаемой должности 14 начальников крайобллитов. В декабре 1937 г. потерял должность прежний начальник Главлита С.Б. Ингулов, в 1938 г. он был репрессирован. «Врагами» были объявлены и два его заместителя – А.П. Таняев и Е.В. Стельмах⁹⁰⁹. По сведениям А.В. Блюма, мощная «волна» репрессий обрушилась на аппарат Ленинградского обллита. Под арестом оказалось 14 цензоров⁹¹⁰.

На этом фоне ситуация в свердловской цензуре выглядела почти безобидной. За вторую половину 1937 г. парторганизация Свердловобллита приняла резолюции об исключении из партии четырех человек. Первым покинул цензурные органы Г.В. Тарханов, имевший, кстати, неосторожность выступить в поддержку М.Ф. Давыдовой. 13 августа 1937 г. на партийном собрании он открыто признал, что никогда не считал поведение Троцкого, Зиновьева и Каменева до 1928 г. «враждебным». По его убеждению, бывшие партийные лидеры шли против партии «несознательно», а Троцкий стал «врагом» только с 1928 г.⁹¹¹ 19 августа 1937 г. специально созданная комиссия по расследованию обстоятельств этого дела во главе с М.П. Ольковым признала убеждения Г.В. Тарханова «троцкистскими». 25 августа 1937 г. парторганизация обллита приняла решение исключить его из членов ВКП (б) за «протаскивание троцкистско-эсеровских» установок⁹¹². Позже Г.В. Тарханова вызывали в Свердловский горком ВКП (б) для разбирательства по существу, однако он отказался от подачи апелляции и не явился в партийный комитет.

Вслед за ним в сентябре 1937 г. постановлением закрытого собрания парторганизации обллита была исключена из партии Р.Д. Ковнатор «за протаскивание контрреволюционных установок по радиовещанию, за потерю классовой бдительности, за отрыв от партии»⁹¹³. 13 октября 1937 г. «за политическую близорукость» был исключен из кандидатов в члены ВКП (б) С.М. Потапов, работавший в Свердловобллите с момента его основания⁹¹⁴. Наконец, в ноябре 1937 г. был снят с должности и исключен из партии начальник Свердловобллита С.И. Тубанов. О перипетиях этого дела мы писали выше, разбирая его биографию. После этого репрессивный накал пошел на спад.

Исключение из партии С.И. Тубанова вышестоящими партийными инстанциями не было утверждено. В январе 1938 г. Р.Д. Ковнатор

⁹⁰⁹ Блюм А.В. Указ. соч. С. 57; Жирков Г.В. Указ. соч. С. 321.

⁹¹⁰ Блюм А.В. Указ. соч. С. 58.

⁹¹¹ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 5. Л. 70.

⁹¹² Там же. Л. 73.

⁹¹³ Там же. Д. 6. Л. 22.

⁹¹⁴ Там же. Д. 5. Л. 85.

была восстановлена в должности в аппарате Свердловобллита. Весной же 1938 г. в парторганизации обллита разгорелась дискуссия о «перегибах». На партийном собрании 20 апреля 1938 г. и.о. начальника обллита О.Д. Цветкова открыла коллегам некоторые обстоятельства, предшествующие исключению Давыдовой и Тубанова. «Я была парторгом, но я не знала Давыдову, – говорила О.Д. Цветкова. – Я не знала, как с ней быть, муж ее арестован. Пошла в ГК РКП (б), Щекин дал установку немедленно исключить Давыдову. РК Ватутин дал установку исключить Тубанова. Нам дали установку РК исключить, мы и исключили этих товарищей»⁹¹⁵. Реагируя на это заявление О.Д. Цветковой, Е.К. Курбатова, в свою очередь, высказала следующую мысль: «Наша организация допустила большую ошибку, к Тубанову подошли строго. Тубанов старался наладить работу, но Обком ему не помогал...»⁹¹⁶. Таким образом, цензоры переложили ответственность за «перегибы» в своей парторганизации на парткомы. Подобный ход можно объяснить в частности тем, что областные руководящие органы обновлялись в 1937–1938 гг. по несколько раз. Как отмечает Н.Н. Попов, новые работники партийного и советского аппаратов в тогдашней атмосфере подозрительности не пользовались доверием⁹¹⁷. Соответственно ссылка на некомпетентность прежнего репрессированного руководства была вполне обоснованной и на деле не вызывала каких-либо возражений у вновь назначенных руководителей.

В 1938-1940 гг. в парторганизации Свердловобллита не было выявлено ни одного случая «троцкизма» или «уклонизма». При этом надо иметь в виду, что репрессии в Свердловской области продолжались вплоть до 1940 г.⁹¹⁸ В докладных записках начальника Главлита Н.Г. Садчикова в Совнарком и Секретариат ЦК ВКП (б) за 1938-1939 гг., где он рассказывал и о фактах обнаружения «врагов» в местных крайобллитах, мы не обнаруживаем ни одного упоминания об уральских обллитах⁹¹⁹. Правда, в сентябре 1939 г. был уволен начальник Пермского обллита А.М. Огибенин. Ранее уже отмечалось, что причиной его отставки стали бытовые вопросы⁹²⁰. При этом у Н.Г. Садчикова к А.М. Огибенину особых претензий не было. Главлит характе-

---

⁹¹⁵ ЦДООСО. Ф. 4284. Оп. 1. Д. 6. Л. 18.

⁹¹⁶ Там же. Л. 17об.

⁹¹⁷ Попов Н.Н. Указ. соч. С. 75.

⁹¹⁸ Фельдман М. А. Уральские организации ВКП (б) в 1938 – июне 1941 г. // История репрессий на Урале в годы Советской власти: тез. докл. науч. конф. Екатеринбург., 1994. С. 132; Корнилов Г. Е., Оболенская О. В. Репрессии против сельскохозяйственных кадров Среднего Урала во второй половине 30-х гг. // Там же. С. 114.

⁹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 1, 5, 7, 10.

⁹²⁰ ПермГАНИ. Ф. 195. Оп. 243. Д. 1879. Л. 12об.

ризовал его как вполне грамотного работника⁹²¹. Таким образом, логично утверждать, что в период «Большого террора» репрессивная «волна» обошла стороной аппарат и парторганизацию Свердловобллита. Учитывая репрессивный накат на «соседей» – Башкирский и Татарский Главлиты, можно только констатировать, что Свердловобллит вышел «сухим из воды»⁹²².

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Партийная организация Свердловобллита последовательно реагировала на вызовы времени. В период партийных «чисток», судебных процессов над «врагами» своевременно находились новые «жертвы». Мухитов, Шляпин, Юматов, Давыдова, Тарханов – эти коммунисты были преданы своими товарищами во благо сохранения единства парторганизации. Их «разоблачение» принесло парторганизации обллита немалую пользу: отсутствие тотальных зачисток, как в случае с Ленинградским обллитом. Довольно быстро парторганизация сумела выйти из состояния страха и подозрительности. Преследование по «политическим мотивам» фактически прекратилось в начале 1938 г. Это позволило свердловским цензорам сохранить рабочий потенциал и активно заняться решением социально-бытовых проблем.

---

⁹²¹ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 10. Л. 103.

⁹²² В 1937-1938 гг. как «враги народа» были разоблачены начальники Татарского и Башкирского Главлитов. См.: ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 1. Л. 29; Д. 5. Л. 9.

Заключение

В результате проведенного исследования были решены задачи, постулированные во вводной части. Органы Главлита в провинции конструировались в сложных послевоенных условиях. Важно подчеркнуть, что почва для их создания заранее не готовилась. Большевики не желали восстанавливать структуру, по внешним признакам схожую с царской цензурой. Даже после создания Главлита в СССР отрицалось существование цензуры как таковой. В первых советских сборниках законодательства Главлит был представлен как надзорная структура, призванная обеспечить правопорядок в печати. Партийные лидеры не исключали временный характер существования цензурных органов. «Когда пролетариат одержит окончательную победу, цензура исчезнет за ненадобностью», – говорил Л.Д. Троцкий. В результате было принято половинчатое решение: Главлит не получил права быть самостоятельным государственным органом. Цензурное ведомство получило прописку в Наркомпросе РСФСР. Из системы народного образования, органы цензуры черпали кадровые и финансовые ресурсы. Вместе с тем формат Наркомпроса ограничил возможности цензурного ведомства. Другими словами, Главлит попал не в ту структуру власти, где имел бы куда более широкие полномочия. Так, если гипотетически предположить, что место советского цензора в 1922 г. было бы определено в партийной номенклатуре, то рычаги воздействия на подконтрольные объекты получили бы универсальный характер. Маловероятным представляется, например, поведение заведующего типографией, проигнорировавшего предписание инструктора парткома. Наркомпрос де-факто не мог дать служащим Главлита политического веса. Грозные цензурные циркуляры выходили под "шапкой" отделов образования. Например, секретный инструктивный материал Уралобллита в 1920-е гг. неизменно имел такие реквизиты: «Уралобллит. Подотдел Уралобллита». Нельзя не сказать, что руководители Главлита неоднократно делали попытки доказать партийной элите необходимость повышения статуса организации цензоров. В частности, Н.Г. Садчиков в конце 1930-х гг. в обращениях в ЦК ВКП (б) продвигал идею создания Главного цензурного управления СССР. Однако политический вес в межвоенный период Главлиту и его органам в провинции набрать не удалось. В политической системе страны органы цензуры занимали довольно скромное место.

Попыткой выхода из неудобного положения стало создание при областных Литзах партийных организаций ВКП (б). На свои парторганизации цензоры-коммунисты возлагали большие надежды. В высказывании А.Н. Ивановской не трудно увидеть устремления служащих Свердловобллита: «Мы – не второстепенная организация!». Борьба за привилегированное положение, льготы и жилье показывает, что коллектив цензоров считал возможным добиться желаемого во что бы то

ни стало. Вместе с тем, цензоры не могли понять, а может и не хотели признать главной причины их постоянных неудач в этой борьбе: значимость их парторганизации (10-14 чел.) для горкома или обкома ВКП (б) была куда ниже, чем, например, парторганизации градообразующих предприятий (Верхнеисетский завод - ВИЗ). В государстве трудящихся и без того скудные ресурсы использовались для воплощения в жизнь главной идеи. «Диктатура пролетариата» призывала региональные власти прежде всего учитывать и удовлетворять интересы рабочих, а затем уже всех остальных категорий, в том числе служащих. Поэтому в отношении к цензорам применялся так называемый остаточный принцип. Конечно, совсем уж игнорировать парторганизацию цензоров парткомы не могли. Мы приводили пример: признание цензора-стажиста М.Н. Никитина о получении им путевки «по благу». С.И. Тубанову предоставляли возможность выступать на бюро Свердловского обкома ВКП (б) и информировать партийные органы о «нуждах» цензуры. Однако, как показало исследование, надежды цензоров не оправдались.

В исследовании ставилась задача обозначить основные этапы организационного строительства органов Главлита на Урале. Всего было выделено четыре этапа. Первый этап: осень 1922 г. – зима 1923 г. – создание четырех гублитов (Челябинского, Тюменского, Пермского и Екатеринбургского), образование Уральского обллита 15 декабря 1922 г. и формирование улитов – уездной цензуры.

Второй этап: зима 1923 г. – лето 1930 г. – развитие системы уральских цензурных органов, упразднение гублитов и улитов в конце 1923 г. (первая реорганизация). В 1924-1930 гг. основной единицей цензуры на местах были окрлиты. При окрлитах формировался аппарат районных уполномоченных – «райлиты». Уралобллит руководил работой окрлитов, однако напрямую с районной цензурой работу не вел. В этот период времени выходит основная масса инструктивного материала по объектам цензурного контроля.

Третий этап: лето 1930 г. – конец 1933 г. – происходит перестройка системы цензурных органов (вторая реорганизация). Результатом ликвидации окружного деления Уральской области стало упразднение окрлитов. Основная нагрузка по цензуре в районах была возложена на райлиты. В 1931 г. был образован институт уполномоченных Уралобллита при издательствах. Последствием реорганизации стало падение по Уральской области качества цензурной работы, высокая текучесть кадров. Уралобллит сохраняет позиции центра политической цензуры. В конце 1933 г. учреждается первая на Урале партийная организация цензоров.

Четвертый этап: зима 1934 – начало 1941 г. – децентрализация уральской цензуры, упразднение в январе 1934 г. Уралобллита и образование обллитов (Свердловского, Челябинского, с 1938 г. – Пермского). В городах и районах Урала цензурный контроль осуществляют

«освобожденные работники» (райгорлиты) и «неосвобождённые» (уполномоченные по совместительству). В начале 1934 г. при обллитах создаются партийные организации. В 1934-1935 гг. полномочия по контролю за зрелищами уральские Литы передают органам ГУРК. Однако и в последующее время цензоры продолжали контролировать зрелища. В областях сохраняется высокий показатель текучести кадров, продолжается падение качества цензурной работы. Серьезные сдвиги в работе уральской цензуры происходят только накануне Великой Отечественной войны.

Исследование показало, что Уралобллит как цензурное ведомство на Урале просуществовало 11 лет. Нормативная база Уралобллита, безусловно, поражает своим объемом. Его небольшой аппарат (от 2 до 3 чел.) в 1920-е гг. разработал и распространил сотни циркуляров, инструкций и распоряжений по цензуре. Однако не все из них были реализованы на практике. Наладить контроль за исполнением на местах нормативных документов было делом нелегким. В главах научной работы были описаны финансовые, кадровые, «имиджевые» проблемы уральской цензуры. Аппарат Уралобллита в 1932 г. получил неудовлетворительную оценку на основании выводов, сделанных инспекторами Главлита. Несмотря на это до начала 1930-х гг. Уралобллит сохранял позиции центра политической цензуры на территории Уральской области. Созданный в 1932 г. уральский Облрпертком не имел своих уполномоченных на местах, и общее руководство контролем за зрелищами продолжало оставаться за Уралобллитом. Начавшаяся очередная административно-территориальная реформа на Урале не позволила последнему начальнику Уралобллита С.И. Тубанову реализовать намеченные в 1933 г. задачи по укреплению уральской цензуры. В начале 1934 г. Уралобллит был ликвидирован.

В исследовании изучению подверглись практики взаимодействия цензурных органов с партийными комитетами РКП–ВКП (б) и органами госбезопасности. На протяжении 1920–1930-х гг. уральские партийные комитеты проявляли интерес к деятельности органов Главлита, что называется, от случая к случаю. До середины 1930-х гг. низовой состав уральской цензуры формировался без прямого участия партийных органов. Примеры, приведенные в исследовании, дают основание предположить, что и в 1935–1940 гг. на местах, в подавляющем большинстве случаев, партийное «участие» в отборе кадров для цензуры оставалось формальным. Более того, были установлены факты, когда представители местной партийной элиты сознательно, в обход цензора, отправляли в типографию материалы без визы райлита. Решениями райкомов ВКП (б) начальники райлитов отправлялись в длительные командировки район, отсылали цензурное дело на самотек. Все это в целом подтверждает нашу позицию, что партийные комитеты не видели в работниках Главлита партнерскую структуру. Если уж уральские обкомы ВКП (б) не часто включали в повестку своих

бюро доклады начальников обллитов, то на местах подобная практика за редким исключением вообще отсутствовала.

В сравнении взаимодействие с органами госбезопасности было лучше. Исследование показало, что чекисты оказывали цензорам не только «техническую» помощь, но и информационную, а порой административную. Чекисты следили за соблюдением цензорами нормативов секретного делопроизводства. Пути цензоров и уполномоченных ОГПУ–НКВД постоянно пересекались. Был сделан вывод, что политконтролеры ОГПУ иногда вмешивались в работу цензоров. В свою очередь, и цензоры нередко брали на себя полномочия политконтролеров. Однако чаще всего на местах оба ведомства совместными усилиями занимались решением мобилизационных задач, выдвигаемых большевистским режимом.

В отдельной главе была предпринята попытка изучения проявлений политической цензуры в различных областях духовной жизни на Урале в 1920-1941 гг. В итоге были сделаны следующие выводы. Политический контроль за печатным словом являлся ведущим направлением в работе органов Главлита. Цензуре подвергался не только сам текст произведения, но и принципы его оформления, тираж, расход печатных материалов. Однако мы не склонны разделить точку зрения Н.Н. Клепикова, суть которой заключается в том, что в конце 1930-х гг. печать, а вместе с ней и все издательское дело в целом, находилась под полным контролем правящего режима, в том числе за счёт политической цензуры. Представляется, что в 1920–1930-е гг. только складывались принципы и механизмы цензурного контроля над деятельностью типографий и издательств. Органам Главлита постоянно и порой в тяжелой борьбе приходилось доказывать свое право на контроль. Уральские цензоры сталкивались с реальным противодействием со стороны издателей и редакций СМИ. Порой они сами путались в инструктивном материале и принимали свои решения на основе документов, уже утративших силу. Рост «прорывов» в печати был неизбежен. Это понимали руководители цензурных ведомств. Почти всегда вина за разглашение государственной тайны возлагалась на рядового цензора. Совсем уж единичными случаями было реальное привлечение к ответственности кого-либо из уральских издателей.

В 1923–1940 гг. уральские органы Главлита выполняли задачи по цензуре зрелищ. Объектом контроля был репертуар как советских учреждений (театры, филармонии, кино клубы, музыкальные заведения), так гастролирующих трупп и отдельных артистов. Анализ инструктивного материала по цензуре зрелищ позволил сделать вывод о том, что, следуя распоряжениям Главлита и Главреперткома, Уралоблит стремился охватить предварительным контролем все возможные вариации творческой мысли в области зрелищ. Однако на практике репертуарный контроль стал одним из самых слабых мест в деятельности уральских цензоров. В большинстве случаев работа по

контролю над репертуаром подменялась простой фиксацией фактов, ведением статистики поставленных в районе пьес, состоявшихся концертов и показанных кинофильмов. Не каждый цензор мог распознать уловки, к которым прибегали артисты, преследуя цель обойти существующие запреты. Большие хлопоты цензорам доставляли разборки с подконтрольными организациями – администраторами театров, кинопрокатных контор. На нарушителей составлялись акты, ходатайства в местные исполкомы Советов о привлечении их к уголовной ответственности. Не всегда, однако, местные власти удовлетворяли ходатайства цензоров. «Дело Жарковой» показало, что одна ошибка могла стоить цензору не только занимаемой должности, но и судебными тяжбами и материальными затратами. Развитие сети культурных заведений на Урале в 1930-е гг. привело к тому, что органы Главлита реально не справлялись с задачами по цензуре зрелищ. Появление новой структуры – областных реперткомов и их уполномоченных – не привело к разгрузке в работе служащих Главлита. На рубеже 1930–1940-х гг. уральские цензоры продолжали вести работу по контролю за репертуаром. Был сделан вывод, что цензурный контроль за зрелищами в уральском регионе так и не приобрел тотальные черты.

Характеризуя процесс становления цензуры за радиовещанием в советской провинции в 1920–1930-е гг., следует избегать формулировок «бдительный контроль цензоров», «тотальное засекречивание информации» и «строго отлаженный механизм радиоцензуры». Исследование показало, что уральские райлиты не всегда претворяли в жизнь циркуляры вышестоящих цензурных ведомств. В большинстве районов контроль за радиовещанием не был системным, а в некоторых вообще отсутствовал. Цензоры постоянно сталкивались с противодействием радиовещательных организаций. Конфликты со связистами в районах порой приводили совсем к курьезным случаям. Характерным примером является история с И.В. Пошляковым. Остается только отдать должное служащим радиовещательных организаций, которые не пасовали перед органами Главлита. Все это дает нам возможность предположить, что в отличие от центра цензура радио на Урале имела свои специфические черты, которые, несомненно, определяли пути дальнейшего развития радиовещания в регионе.

В исследовании решалась также задача проведения анализа количественного и профессионального кадрового состава уральских органов Главлита. В 1922–1929 гг. на Урале шли процессы формирования кадрового аппарата института политической цензуры. Его численный состав в 1922–1924 гг. был сравнительно небольшим. Исследование показало, что второстепенный характер Главлита в партийно-государственной системе проявлялся и в подборе кадров. Материальные трудности, отсутствие необходимого минимума финансирования деятельности первых цензурных органов вызывало «ужимание» их численности до предела. Численность работников цензуры в 1925–

1929 г. выросла в несколько раз за счет служащих политпросветов в районах. Среди них было немало случайных и малоавторитетных людей. Результаты их труда были малоэффективны.

В 1920-е гг. отсутствовала система повышения квалификации цензоров. Уралобллитом не были разработаны квалификационные характеристики, которым должен был соответствовать каждый цензор. Образовательный уровень уральских цензоров был невысоким, никто из них не имел высшего образования. Все же большинство цензоров осваивало курсы советских партийных школ, многие имели опыт педагогической работы. Следует также отметить, что каких-либо ассоциаций и организаций для работников цензурного ведомства в этот период времени не было создано.

В 1930–1933 гг. кадровый состав уральской цензуры находился в кризисном состоянии, которое усугублялось высокой текучестью кадров, «обезличкой» в работе, плохой материальной обеспеченностью цензурного дела, невниманием местных партийных и советских органов власти к нуждам цензуры. Поиск преодоления застоя начался накануне очередной административно-территориальной реформы Уральской области. Важно также отметить, что в этот период времени происходит постепенный отказ от услуг работников местных ОНО, политпросветорганизаторов. Полномочия по цензуре передаются цензорам газет и цензорам при государственных издательствах. В 1932–1933 гг. складывается практика назначения в горрайлиты инструкторов парткомов, заведующих районными культпропами, парткабинетами.

В 1934–1940 гг. продолжился процесс формирования кадрового состава уральских органов Главлита. Свердловский, Челябинский и с конца 1938 г. Пермский обллиты боролись с теми же проблемами, что и Уралобллит: материальные и бытовые неурядицы, «обезличка» в работе, высокая текучесть кадров, невнимание местных партийных и советских органов власти к нуждам цензуры и др. Вместе с тем этот период отличается от предыдущих важных новаций. Во-первых, возрастает представительство партийной номенклатуры, при этом доля служащих ОНО сокращается в несколько раз. В дальнейшем в 1940–1950-х гг. районными уполномоченными будут назначаться партийные функционеры. Во-вторых, хоть несколько запоздало, но все же коммунисты-цензоры получили возможность создавать первичные партийные и профсоюзные организации. Это придавало им больше уверенности в завтрашнем дне, укрепляло их веру в значимость своей работы для государства. В-третьих, существенно изменилась система финансирования органов цензуры. Отныне цензор ежемесячно получал заработную плату, мог рассчитывать на оплату командировочных, канцелярских и иных расходов. В-четвертых, посредством организации социалистических соревнований, производственных смотров, кустовых и областных совещаний обллиты постепенно решали пробле-

му «изоляции» районных уполномоченных. Начальники райгорлитов получили возможность перенимать опыт друг у друга, делиться новациями с коллегами. В-пятых, в кадровом составе уральской цензуры появились люди с высшим и средним профессиональным образованием. Эту прослойку А.В. Блюм назвал «советской служилой интеллигенцией».

Разбор и анализ протоколов партийных собраний Уральского и Свердловского обллитов дал возможность реконструировать практики профессиональной активности и повседневную жизнь партийной организации цензоров в 1930-е годы. Психологический климат в парторганизации был неустойчив, во многом раздираемый бытовыми неудобствами. Длительный путь в профессии цензора проходили единицы, люди с устойчивой психикой и верой в свои силы. Подавляющее большинство специалистов, попадавших в цензурный аппарат, быстро ломались и уходили, унося с собой непонимание и обиды. Тезис «о лучше устроенном человеке» М.И. Земскова находил себе множество сочувствующих. Невнимание властей к нуждам цензоров коробило последних, оскорбляло их чувства, а главное – надежды на приобщение к благам привилегированного слоя общества. Не получая морального удовлетворения от статуса профессии, испытывая материальную нужду, спустя некоторое время человек, до этого будучи уверенным в том, что он наконец нашел свое призвание, уходил из цензуры. Таким образом, не прекращавшееся обновление кадрового состава аппаратов обллитов во второй половине 1930-х – нач. 1940-х гг. можно объяснить не столько уже известными событиями (например, репрессии), сколько так называемым «человеческим фактором». Удовлетворение повседневных потребностей было все же первично, нежели профессиональные интересы.

Партийная организация Свердловобллита последовательно реагировала на вызовы времени. В период партийных «чисток», судебных процессов над «врагами» своевременно находились новые «жертвы». Разоблачение «врагов» принесло парторганизации обллита немалую пользу: отсутствие тотальных зачисток, как в случае с Ленинградским обллитом. Довольно быстро парторганизация сумела выйти из состояния страха и подозрительности. Преследование по «политическим мотивам» фактически прекратилось в начале 1938 г. Это позволило свердловским цензорам сохранить рабочий потенциал и активно заняться решением социально-бытовых проблем.

Наконец, в результате исследования были изучены биографии первых руководителей органов уральской цензуры, а также в приложениях даны справки по цензорам среднего звена. Исследование показало, что каждый из руководителей привнес в цензурное дело свое особое мироощущение и восприятие профессиональной деятельности. А.Д. Ослоновский и П.П. Бажов были равнодушны к писательской стезе. В деятельности М.Р. Ланге можно отчетливо проследить прак-

тику юриста. При этом С.И. Тубанов и М.Р. Ланге были людьми приезжими – оба с северо-запада России. Урал для них стал местом службы и профессиональных интересов. В конце 1930-х годов во главе уральских обллитов встали женщины: О.Д. Цветкова и А.П. Горских (Свердловский обллит), М.Н. Пермякова (Пермский обллит). Последней удалось более 11 лет возглавлять пермские органы Главлита.

История цензуры в уральском регионе захватывает и увлекает исследователя своими сюжетами. Еще остается достаточно белых пятен. Не все известно о судьбах первых цензоров, об их преемниках. Отдельного комплексного исследования требует вопрос о практике взаимоотношений выдающихся деятелей культуры и цензоров.

Список сокращений

Агитпроп ЦК РКП (б) – Агитационно-пропагандистский отдел Центрального комитета Российской Коммунистической партии большевиков

АППО – Отдел по агитации и пропаганде и печати ЦК ВКП (б)

врио – временно исполняющий обязанности

Всерабис – Всероссийский профессиональный союз работников искусств

ВСП – Всероссийский союз писателей

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профессиональных союзов

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАКО – Государственный архив Курганской области

ГАПК – Государственный архив Пермского края

ГАСПИТО – Государственный архив социально-политической истории Тюменской области

ГАТО – Государственный архив Тюменской области

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

ГИЗ – Государственное издательство

Главискусство – Совет по делам искусств НКП РСФСР

Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств

Главполитпросвет – Главный

горлит – городской отдел по делам литературы и издательств

ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР

губ. – губерния, губернский **губисполком** – губернский исполнительный комитет

губком – губернский комитет

гублит – губернский отдел по делам литературы и издательств

губоно – губернский отдел народного образования

губотдел – губернский отдел

ГУС – Государственный ученый совет НКП РСФСР

и.о. – исполняющий обязанности

исполком – исполнительный комитет

кр., к.-р. – контрреволюционер, контрреволюционный

Л. – лист

Лит – орган цензуры

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКПТ – Народный комиссариат почт и телеграфов

нарком – народный комиссар

Наркомат, НК – Народный комиссариат

Наркомпрос, НКП – Народный комиссариат по делам просвещения

Наркомфин, НКФ – Народный комиссариат финансов

Нарпит – государственная организация общественного питания

ОВЦ – Отдел военной цензуры

ОГИЗ – Объединение государственных издательств РСФСР

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

политико-просветительский
отдел
Главрепертком, ГРК – Глав-
ный репертуарный комитет
Госиздат, ГИЗ – Государ-
ственное издательство РСФСР
ОГИЗ – Объединение государ-
ственных издательств РСФСР
окрлит – окружной отдел по
делам литературы и изда-
тельств
окроно – окружной отдел
народного образования
окрфо – окружной финансовый
отдел
Оргбюро – Организационное
бюро ЦК РКП(б)
ОРИ – Объединение работни-
ков искусств
ПермГАНИ – Пермский госу-
дарственный архив новейшей
истории
Пермобллит – Пермское об-
ластное управление по делам
литературы и издательств
Политбюро – политическое
бюро ЦК РКП(б) / ВКП(б)
Политконтроль, ПК – отдел
политического контроля ГПУ
райлит – районный уполномо-
ченный по делам литературы и
издательств
районо – районный отдел
народного образования
РАПП – Российская ассоциа-
ция пролетарских писателей

ние при СНК СССР
окринспектор – окружной ин-
спектор печати и зрелищ
окрисполком – окружной испол-
нительный комитет
РВС – Революционный военный
совет
РВЦ – виза военной цензуры
РГАСПИ – Российский государ-
ственный архив социально-
политической истории
РКИ – Рабоче-крестьянская ин-
спекция
РОСТА – Российское телеграф-
ное агентство
Свердлобллит – Свердловское
областное управление по делам
литературы и издательств
Совнарком, СНК – Совет народ-
ных комиссаров
уоно – уездный отдел народного
образования
улит – уездный цензор
Уралобллит – Уральское управ-
ление по делам литературы и из-
дательств при Уралоно
Уралгиз – Уральское отделение
государственного издательства
ЦДООСО – Центр документации
общественных организаций
Свердловской области
Челябобллит – Челябинское об-
ластное управление по делам ли-
тературы и издательств

**Хронологическая таблица
по истории становления и развития органов Главлита
на Урале**

1922, 1 ноября	Создание Челябинского гублита.
1922, 20 ноября	Создание Тюменского гублита.
1922, 1 декабря	Создание Пермского гублита.
1922, 30 декабря	Создание Екатеринбургского гублита.
1922, 15 декабря	Образование Уральского областного управления по делам литературы и издательств. Подотдел УралОНО. Назначение А.Д. Ослоновского заведующим Уралобллитом.
1923, 17 января	Первая инструкция Уралобллита «Инструкция уездным цензорам». Образование Ирбитского улита.
1923, февраль	Положение «О губернских отделениях по делам литературы и издательства при губОНО Уральской области». Инструкция «Руководство по цензуре зрелищ».
1923, 24 марта	Представление Уралобллитом проекта «План Обллита по руководству гублитами».
1923, 29 октября	Циркуляр Уралобллита № 529 «О ликвидации гублитов и уездной цензуры».
1923, 12 ноября	Образование Уральской области.
1923, 1 декабря	Создание окрлитов и уполобллитов в городах Уралобласти.
1923, 10 декабря	Инструкция Уралобллита «По цензуре печати».
1924, 17 января	Инструкция Уралобллита «Инструкция по контролю за репертуаром»
1924, апрель	Изменение порядка перечисления денежных средств, поступаемых от цензурных сборов. С этого времени цензоры не собирали лично деньги, а только выписывали квитанции в кассу окрФО.
1924, 9 мая	Циркуляр № 3116/с отдела Политконтроля ОГПУ на Урале о передаче полномочий по проверке «книжного состава» органам Главлита.
1925, 14 апреля	Циркуляр Уралобллита № 104/с о введении новых грифов секретности в делопроизводство.
1925, 29 августа	Циркуляр Уралобллита № 10869 «О ликвидации реперткомов».
1925, 9 сентября	Инструкция Уралобллита «О приемах совместной работы Литов с органами ГПУ по контролю зрелищных предприятий».
1925, 30 сентября	Запрет бенефисов в репертуарах уральских театров.
1925, 7 октября	Отставка А.Д. Ослоновского с поста зав. Уралобллитом.
1926, 1 января	Назначение М.Р. Ланге начальником Уралобллита
1926, 26 мая	Циркуляр Уралобллита № 63/с, положивший начало цензурному контролю за радиовещанием на Урале.
1926, 20 июля	Инструкция «О деятельности Уралобллита и его местных органов». Организационная реформа Уралобллита.
1927, 24 июня	Отмена полистного сбора на Урале.
1927, июль	Инструкция Уралобллита «О порядке печатания и выпуска в свет печатных произведений».

1927, 30 августа	Введение запрета на издание «беллетристики» в Уралобласти
1928, январь	Появление «Рапортчики по изучению зрителя». Контроль за репертуаром кинолент.
1928, 10 июня	Доклад М.Р. Ланге в Главлит «О состоянии контроля над радиовещанием в Уральской области».
1928, 5 июля	Введение запрета на рекламу фармацевтических препаратов.
1928, ноябрь	Нижнетагильский окрлит. «Дело Жарковой».
1929, 20 февраля	Письмо Уралобллита «Об организации специальных курсов-конференций для работников Литов».
1929, 25 июня	Введение запрета на опубликование в СМИ сведений об эпидемиях, эпизоотиях и т.д.
1930, январь	Отставка М.Р. Ланге с поста зав. Уралобллитом.
1930, август	Ликвидация окрлитов на Урале. Реорганизация органов Главлита.
1930, 15 августа	Назначение П.П. Бажова на должность зав. Уралобллитом.
1931, 25 января	Поездка П.П. Бажова в Москву на совещание руководящих работников Главлита.
1931, осень	Образование при Уралобллите института уполномоченных при издательствах.
1931, декабрь	Постановление Уралобкома ВКП (б) об укреплении работы органов цензуры.
1932, январь	Докладная записка П.П. Бажова «О состоянии органов Литов в Уральской области».
1932, апрель-май	Обследование инспекцией Главлита деятельности аппарата управления Уралобллитом. Оценка: «Неудовлетворительно».
1932, 21 мая	Отставка П.П. Бажова с поста зав. Уралобллитом.
1932, сентябрь	Образование Облреперткома. Начальник П.Н. Шмелев.
1933, 14 января	Постановление Уралобкома «Об укреплении органов цензуры и улучшении их работы на местах».
1933, 20 января	Постановление Президиума Уральского облисполкома № 128 «Об укреплении работы райлитов».
1933, 23 февраля	Созыв в г. Свердловске первого областного совещания цензоров. Принятие тезисов «О работе и очередных задачах советской цензуры на Урале».
1933, июль	Назначение С.И. Тубанова на должность начальника Уралобллита
1933, 19 ноября	Создание при Уралобллите партийной организации цензоров.
1934, 17 января	Ликвидация Уральской области. Упразднение Уралобллита.
1934, январь-февр.	Образование обллитов: Свердловского, Челябинского.
1934, 4 января	Создание первичной парторганизации Свердловского обллита Сталинского районного комитета ВКП (б) г. Свердловска.
1934, 19 мая	Приказ Свердловобллита о передаче полномочий по цензуре зрелищ Облреперткому и его местным органам.
1934, 3-5 июля	Областное совещание начальников райлитов Свердловской области. Принятие резолюции.

1935, осень	Создание челябинского Облреперткома.
1935, 26 декабря	Докладная записка С.И. Тубанова «О работе райлитов за 1935 г.»
1936, август-декабрь	«Дело Юматова» в парторганизации Свердлобллита.
1936, октябрь	Кампания по чистке книжных фондов в библиотеках Свердловска
1937, 23 сентября	Доклад П.Н. Шмелева на бюро Челябинского обкома ВКП (б) «О состоянии цензуры в области».
1938, ноябрь	Образование Пермского обллита. Начальник А.М. Огибенин.
1939, 2 октября	Назначение М.Н. Пермяковой на пост начальника Пермобллита.
1940, весна	Организация курсов повышения квалификации в обллитах.
1941, февраль	Парторганизацией Свердлобллита впервые осуществлен прием работника цензуры в члены ВКП (б).

Биографические сведения о работниках уральской цензуры

1. АРЫКИН

Александр Григорьевич (1891-1966), цензор Ирбитского уезда Екатеринбургской губернии с февраля 1923 г. до марта 1924 г.

Родился в 1891 г. в г. Шадринске Пермской губернии в семье портного. Окончил три класса приходской школы. В возрасте 12 лет начал трудовую деятельность на купеческом заводе. В декабре 1914 г. был мобилизован в армию, служил в 563-й пехотной Саратовской дружине. В марте 1917 г. демобилизовался, вернулся в г. Шадринск, трудоустроился на фабрику помощником механика. В мае 1917 г. избран в Совет рабочих депутатов Шадринского уезда. Накануне октябрьского переворота вступил в ряды РСДРП (б). 3 января 1918 г. он был избран на должность председателя городского Совета рабочих депутатов, который в апреле месяце был преобразован в городской исполнительный комитет. Одновременно занимал должность комиссара труда Шадринского уезда. С июня 1918 по 1921 гг. воевал в частях Красной армии на Восточном фронте, прошел путь от командира отряда до командира полка. Переведен из действующей армии в январе 1921 г. на должность военкома Енисейского уезда, после занял пост секретаря Енисейской уездной контрольной комиссии.

13 октября 1922 г. А.Г. Арыкин получил назначение в г. Ирбит на должность помощника военного комиссара. 13 ноября 1922 г. избран членом Ирбитского Исполкома. В декабре 1922 г. утвержден в должности заведующего уездным отделом народного образования г. Ирбита. В начале февраля 1923 г. приступил к выполнению обязанностей цензора Ирбитского уезда, проработав в этой должности до марта 1924 г. Далее А.Г. Арыкин был назначен на пост заведующего организационно-инструкторским отделом Ирбитского окружкома ВКП (б). На партийной работе в г. Ирбите оставался до мая 1925 г. С 1925 по 1940 гг. занимал различные партийные посты в Перми, Верещагино, Мотовилихе, Кизеле, Троицке. На X Уральской областной партийной конференции был избран членом Уралобкома ВКП (б) и делегатом на XVI съезд ВКП (б). 1952-1965 гг. – директор краеведческого музея Шадринского района. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне в 1941-1945 гг.».

Соч.: Шадринцы в борьбе с контрреволюцией. Рукопись // ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-1011. Оп. 1. Д. 23; Начало гражданской войны в Шадринске. Рукопись // ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-1011. Оп. 1. Д. 24; А

Арх.: ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-1011. Оп. 1. Д. 1-5.

2. ИВАНОВСКАЯ

Анна Николаевна (1903-?), начальник Нижнетагильского горлита с лета 1934 г. по май 1935 г.

Родилась 10 декабря 1903 г. в г. Туле Московской губернии в семье рабочих. Накануне Февральской революции 1917 г. окончила школу. В 1919 г. вступила в профсоюз печатников, с этого же времени была избрана на должность секретаря местного отделения Всероссийского Союза работников просвещения. В 1920 г. уехала в Москву, где шесть месяцев училась на курсах при ВЦИК РСФСР. В 1921 г. вернулась в Тулу, где получила назначение на пост заведующего политпросветом при городском комитете РКСМ. В 1923-1924 гг. занимала аналогичную должность в г. Витебске. В 1924 г. Тульским обкомом ВКП (б) была принята в партию, получив партбилет № 0194619. Летом 1924 г. избрана в члены президиума тульского губернского отделения Союза Нарпит. В сфере государственной организации общественного питания проработала несколько лет. С 1926 г. по 1929 г. училась на тульском рабфаке, повышая образовательный уровень. В 1929 г. направлена в Ташкент на должность заведующей отделом контроля в Узбекснабторге. В 1930-1931 гг. училась на лечебном факультете в медицинском вузе в г. Москве. 5 мая 1931 г. была вновь отозвана в Ташкент и включена в Коллегию Наркомздрава Узбекской ССР. В конце 1931 г. отбыла в Москву, где продолжила свое обучение в мединституте. Однако врачом стать не пришлось. В 1933 г. была переведена на Урал.

В 1933-1934 гг. работала в Нижнем Тагиле в редколлегии газеты «Тагильский рабочий». Ее деловые качества были вскоре отмечены, и летом 1934 г. она получила приглашение работать в цензуре. С 1934 г. по май 1935 г. трудилась в должности начальника Тагильского горлита. Кроме того, являлась членом парторганизации Свердловского обллита. 20 мая 1935 г. от Тагильского горкома ВКП (б) получила путевку-направление в распоряжение орграспредотдела Свердловского обкома ВКП (б). 31 мая 1935 г. была назначена на должность заместителя начальника Свердловского обллита. Не сумев сработаться с коллегами, открыто критикуя начальство, вскоре была вынуждена уволиться из обллита. В октябре 1935 г. поступила на работу в Свердловский институт марксизма-ленинизма. До лета 1936 г. трудилась в этом учреждении. В органах Главлита более не работала. В 1937 г., очевидно, была репрессирована. В протоколе № 9 от 28 июня 1937 г. партийного собрания парторганизации Свердловобллита, в частности, говорилось: «Парторганизация Обллита также виновата в ротозействе и отсутствии политической бдительности. В наших рядах работали враги народа Юматов, *Ивановская*, и мы не сумели их вскрыть». Дальнейшая ее судьба нам неизвестна.

Арх.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об.; Д. 5. Л. 48об.-51; Оп. 20. Д. 1168. Л. 4-4об.

3. КАЗАНЦЕВ

Георгий Семенович (1903-?), начальник Пермского горлита с 15 октября 1932 г. до 26 июля 1934 г.

Родился в 1903 г. в г. Кизеле Пермской губернии в семье служащих. Учился в трехклассном начальном училище, затем в четырехклассном городском училище. С июня по август 1918 г. работал делопроизводителем в Кизеловском городском земельном отделе. Далее поступил в учительскую семинарию, где проучился до конца 1919 г. С января по март 1920 г. состоял в должности делопроизводителя вол-исполкома села Губдор Чердынского уезда. В это же время он был принят в ряды РЛКСМ, после чего продолжил свое обучение на курсах политграмоты.

В июле 1921 г. занял пост секретаря волисполкома и трудился в этой должности полгода. С января по август 1922 г. исполнял обязанности заведующего сельской библиотекой. В сентябре 1922 г. поступил в Пермский государственный университет на педагогический факультет. 29 марта 1927 г. он был принят кандидатом в члены ВКП (б). С 7 июля 1928 г. по 22 февраля 1929 г. являлся дипломантом педагогического факультета ПГУ. Заканчивая обучение, с 1 октября 1928 г. работал консультантом в партийном кабинете при агитационно-пропагандистском отделе Пермского окружкома ВКП (б). С 1 сентября 1929 г. по 1 февраля 1931 г. в должности преподавателя обществознания трудился в Пермском отделении Уральского областного медицинского техникума. 31 октября 1929 г. был принят в члены ВКП (б); получил партийный билет № 1803595. В феврале 1931 г. работал методистом-консультантом партийного кабинета в городском отделе образования.

15 октября 1932 г. горкомом ВКП (б) назначен на должность начальника Пермского горлита. По его собственному признанию, цензурная работа в Перми была по существу развалена. Первоочередными задачами видел постоянный контроль над печатными изданиями Пермского района (в частности газеты «Звезда», «Камский бумажник» и «Ленин Юллан») и 12 радиоузлами на предприятиях города. «Несмотря на то, что работали и днем и вечером, а часто и ночью... вел и горлитовскую работу, – писал пермский цензор. – Это было в высшей степени трудно, но тем не менее я вел». В связи с тяжелыми условиями работы неоднократно получал выговоры и предупреждения от Свердловобллита. Так, по итогам работы областного совещания 3-5 июля 1934 г. в г. Свердловске деятельность начальника пермского горлита была признана «совершенно неудовлетворительной». Поняв свое бессилие что-либо сделать в горлите, 26 июля 1934 г. оставил должность цензора и перешел на работу в типографию № 2 г. Перми. После этого в документах Главлита не упоминался.

Соч.: О деятельности Пермского горлита в 1932-1934 гг. Статья // Бюллетень Главлита РСФСР и ОВЦ. 1934. № 8. С. 20-21.

Арх.: ПермГАНИ. Учетная карточка образца 1926 г. Казанцев Г.С. 1903 г.р. Л. 1, 2; ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 123. Л. 12об.-13.

4. КОВНАТОР

Раиса Давыдовна (1901-?), политредактор Свердловского обллита с начала 1935 г. до марта 1938 г.

Родилась 10 февраля 1901 г. в г. Люцине Витебской губернии в еврейской семье. Училась в городской школе, в конце 1918 г. окончила двухмесячные курсы подготовки педагогов. Начала работать учителем в январе 1919 г. в школе I ступени деревни Терехи Люцинского уезда. В июле-сентябре 1919 г. обучалась на курсах переподготовки учителей. В январе 1920 г. была принята в члены РКП (б), получив партийный билет № 2015512. В 1920-1921 гг. работала учителем в первом полевом госпитале 15-й армии Западного фронта, а после – в первой объединенной школе им. ВЦИКа в г. Москве. В 1922-1924 гг. училась на рабфаке при Академии им. Н.К. Крупской в Москве. После успешного окончания курса обучения поступила на факультет общественных наук в Академию им. Н.К. Крупской, где проучилась почти пять лет. В 1926-1927 работала учителем школы II ступени в г. Ленинске (Кузбасс), проходя педагогическую практику. После окончания вуза зимой 1930 г. тяжело заболела и несколько месяцев находилась на лечении. Затем по распределению была командирована на Урал в качестве преподавателя общественных дисциплин. С ноября 1930 г. по декабрь 1931 г. работала в методкабинете при совнархозе, затем в Metallургическом техникуме г. Свердловска. С октября 1932 г. занимала должность инструктора областного партийного кабинета.

В начале 1935 г. назначена на должность политредактора Свердловского обллита при областном радиокомитете, сменив на этой работе В.М. Трухановского. Ее работа в цензурных органах неоднократно подвергалась замечаниям при последующем контроле. Отстаивая свою правоту перед начальством, все же была «поставлена на вид». Неоднократно выступала со своими идеями на партийных собраниях по вопросам внутренней организации аппарата цензуры. Известны факты конфликтных отношений с коллегами. Так, не найдя общего языка с уполномоченным обллита при издательстве газеты «Уральский рабочий» П.И. Нечаевой, осенью 1937 г. была исключена из ВКП (б) с формулировками: «за протаскивание контрреволюционных установок по радиовещанию, за потерю классовой бдительности, за отрыв от партии». В январе 1938 г. выговор был снят, прежний статус члена ВКП (б) восстановлен. В Свердловобллите продолжала работать до марта 1938 г. В 1938-1939 гг. трудилась в должности инспектора в институте местпрома г. Свердловска. Дальнейшая ее судьба нам неизвестна. В документах Главлита ее фигура более не упоминается.

Арх.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 1415. Л. 3-7об.

5. НЕУПОКОЕВ

Андрей Захарович (1900-?), уездный цензор Курганского уезда с 1 марта 1923 г. до ноября 1924 г. и в 1926-1927 гг.

Родился 30 ноября 1900 г. в деревне Памятной Тебеняжской волости Курганского уезда Челябинской губернии в крестьянской семье. В 1913 г. закончил трехклассную школу в селе Усть-Суерском. Во время революции 1917 г. был на родине, в Курганском уезде. Летом 1918 г. записался добровольцем в формирующееся партизанское соединение. В марте 1919 г. был мобилизован в белую армию. Три месяца прослужил телефонистом в команде связи 4-го Тюменского полка, располагавшейся в г. Кургане. В середине июня 1919 г. дезертировал из своей части и некоторое время спустя достигнул расположения войск Красной армии. 13 августа 1919 г. был зачислен в 7 роту 267-го стрелкового полка 30-й дивизии 1-й армии Восточного фронта. 15 сентября 1919 г., будучи красноармейцем, был принят в члены РКП (б), получил партийный билет № 143791. Вскоре заболел, попал в госпиталь. После выздоровления демобилизовался и вернулся в г. Курган. С марта по сентябрь 1920 г. трудился на должности переписчика в городском военкомате. 1 сентября 1920 г. поступил на службу в Курганскую уездЧК. В органах госбезопасности проработал до марта 1922 г., занимая должности информатора, следователя и военного цензора. Осуществляя с 1921 г. полномочия военного цензора по Курганскому уезду, имел представление о технологиях перлюстрации, а также доступ к секретным инструкциям Информационного отдела ВЧК. С 10 марта по 15 августа 1922 г. повышал свое образование в Военно-политической школе Приуральского военного округа в г. Екатеринбургe. После был командирован в г. Омск на должность военкома Артиллерийской школы среднего комсостава. Там же стал членом редакционной коллегии еженедельной газеты «Красная звезда». В начале 1923 г. вновь возвратился в Курган.

С 1 марта 1923 г. назначен на пост заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом в Курганский окружном ВКП (б). С этого же времени приступил к исполнению обязанностей уездного цензора – улита. В работе проявил ответственность, решительность, точность. Так, например, в отчетном докладе за апрель 1923 г. констатировал «нормальное» протекание цензурной работы в уезде. «Все требующееся по положению выполняется в точности...», – отмечалось в докладе. С 1 декабря 1924 г. по 1 июля 1926 г. трудился в должности заведующего учебной частью советской партшколы. На протяжении 1926-1927 гг. занимал пост заведующего окрполитпросветом, возглавляя курганский окрлит. После 1927 г. в документах Главлита и ОГПУ-НКВД более не упоминается. Дальнейшая судьба нам неизвестна.

Арх.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 3574. Л. 142-142об.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2478. Л. 1-5.

6. ТРУХАНОВСКИЙ

Вячеслав Михайлович (1890-?), уполномоченный при областном радиокомитете в Уралобллите с середины 1932 г. до 15 марта 1935 г.

Родился 11 июля 1890 г. в г. Нижнем Новгороде в семье преподавателя земледельческого училища. В 1902 г. семья переехала в Петербург, ребенка определили в гимназию. Учебное заведение закончил в 1910 г., достигнув возраста 20 лет. В этом же году поступил на физико-математический факультет в Петербургский университет. В мае 1916 г. оставил учебу и поступил волонтером в 16 Инженерно-строительную дружину Западного фронта, находившуюся в это время под Барановичами. До осени 1917 г. работал в дружине старшим рабочим-табельщиком. Затем, вернувшись в Петроград, решил снова учиться и поступил уже на медицинский факультет университета. Одновременно был принят на работу в издательства петроградских газет «Красная звезда» и «Петроградская правда». В январе 1918 г. получил назначение на должность выпускающего редактора газеты «Северная коммуна». В сентябре 1918 г., осваивая восьмимесячный курс советской партийной школы, партийным комитетом ВКП (б) 1-го городского района Петрограда был рекомендован в члены коммунистической партии. 5 января 1919 г. стал членом ВКП (б), получив партбилет № 195650. В мае 1919 г. был переведен из Петрограда в Вятку, заняв на новом месте должности секретаря и заместителя редактора газеты «Красный набат», органа печати 3-й армии Восточного фронта. Нередко для красноармейской газеты выезжал на передовую, принимая участие в боях, был ранен и некоторое время провел в госпитале. После демобилизации в начале 1920 г. поступил на работу в редакцию газеты «Уральский рабочий». В 1922-1924 гг. трудился в редакциях газет «Уральская новь» и «Уральский гудок». В январе 1924 г. был командирован в Тюменский округ на должность заместителя редактора тюменской газеты «Трудовой набат». Далее последовал перевод в Ишимский округ, где в 1925-1926 гг. работал редактором газеты «Серп и Молот». В 1926 г. оказался в Кунгуре и проработал здесь три года ответственным редактором окружной газеты «Искра». В 1929 г. вновь на редакторской работе в г. Свердловске. В 1930-1932 гг. занимал должности редактора газет «Гудок», «Голос рабочего», а также пост заведующего уральским отделением РОСТА.

В середине 1932 г. началась работа в уральском цензурном ведомстве. В Уралобллите занимал должность уполномоченного при областном радиокомитете. «Тов. Трухановский правильно подошел к организации цензурной работы по радио», – таков отзыв руководителей Главлита. Покинул Свердловлит 15 марта 1935 г. Уход из аппарата объясняется привлечением к партийной ответственности вследствие допуска в печать засекреченной информации. После получил назначение на должность управляющего свердловским областным отделом «Союзкинохроники». В кинематографии проработал до 1936 г.

Дальнейшая его судьба нам неизвестна. В документах Главлита его фигура более не упоминается.

Арх.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 3644. Л. 137-137об.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 5247. Л. 11-19.

7. УСТЮГОВ

Василий Демидович (1898-?), политредактор Свердловллита на Верхнеисетском заводе, парторг парторганизации Свердловллита в 1938-1941 гг.

Родился 27 февраля 1898 г. в селе Советинском Красноуфимского уезда Пермской губернии в крестьянской семье. В 1910 г. окончил двухклассную сельскую школу и в возрасте 12 лет устроился батраком в сельскохозяйственную артель. В 1913 г. был принят на работу в кузницу, принадлежащую местному купцу Пономареву. Осенью 1914 г. приехал в Суксун, трудоустроившись на железодельный завод. На заводе проработал до начала 1917 г., после чего был мобилизован в армию. Первые месяцы службы провел в Троицке, будучи зачисленным в учебную команду 131-го запасного полка. В этом качестве он встретил Февральскую революцию 1917 г. и октябрьский переворот большевиков. В ноябре 1917 г. демобилизовался и вернулся домой. 1 сентября 1918 г. вступил в ряды Красной армии и был направлен в Глазов в формирующийся 38-й стрелковый полк. В Глазове получил назначение на должность завхоза в полковую школу. В декабре 1918 г. общим партсобранием полка был принят кандидатом в партию, а 27 февраля 1919 г. зачислен в члены ВКП (б), выданный партбилет имел № 0455224. В конце 1919 г. получил назначение в Екатеринбург в 4 кадровую роту 131-го стрелкового полка. С октября 1920 г. по январь 1922 г. в составе действующих частей принимал участие в борьбе с дезертирами, бандформированиями в Сибири. В мае 1921 г. был избран в политпросветотдел 209-го стрелкового полка, исполнял обязанности агитатора. В январе 1922 г. демобилизовался и приехал в родное село Советинское. Некоторое время трудился в волкоме ВКП (б), а осенью 1922 г. получил назначение на пост секретаря Верхне-Суксунского волкома ВКП (б). С апреля 1923 г. по июнь 1924 г. В.Д. Устюгов исполнял обязанности председателя Верхне-Суксунского политпросвета. В ноябре 1924 г. занял должность заведующего Торговизской избой-читальней в Суксунском районе. В сентябре 1925 г. получил направление в г. Пермь для учебы в советской партшколе II ступени. Далее в октябре 1928 г. был переведен в Кунгур и работал здесь до 1930 г. в местном культпропе. В 1930-1931 гг. осваивал программы курсов комвуза г. Свердловска. В феврале был переведен из запаса вновь в РККА, в 170-й стрелковый полк, располагавшийся в г. Сретенске в Забайкалье, в должность политрука роты.

В июле 1937 г. после демобилизации трудоустроился пропагандистом на Верхисетский завод в г. Свердловске. С 29 августа 1937 г. был утвержден в должности штатного пропагандиста при парторганизации ВИЗа, а после этого рекомендован в аппарат Свердловобллита на должность политредактора. Довольно быстро сделал карьеру в цензурном органе. Уже 20 апреля 1938 г. на партийном собрании парторганизации обллита был избран парторгом. Руководил парторганизацией цензоров до 1942 г. О дальнейшем жизненном пути нам не известно. После в документах Главлита не упоминался.

Арх.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 5438. Л. 4-11; ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 17. Л. 55.

8. ЦВЕТКОВА

Ольга Дмитриевна (1905-?), и.о. начальника Свердловобллита с 3 декабря 1937 г. по июнь 1938 г.; до декабря 1938 г. зам. начальника обллита.

Родилась в декабре 1905 г. в д. Игнатьевой Верхницинской волости Ирбитского уезда Пермской губернии в крестьянской семье. В 1917-1920 гг. училась в сельской школе. В 1924 г. вышла замуж, вступила в ВЛКСМ. Муж занимал должность председателя сельрабочкома в с. Макушино Ирбитского округа. До 1928 г. нигде не работала, «была домашней хозяйкой, на иждивении мужа». Будучи безработной, в декабре 1926 г. была принята в партию Ирбитским окружкомом ВКП (б), получив партийный билет № 0957830. В ноябре 1928 г. начала свою трудовую деятельность, сменив мужа на посту председателя рабочкома с. Макушино Еланского района Ирбитского округа, где проработала до июля 1929 г. В августе 1929 г. поступила на учебу в советскую партшколу II ступени г. Нижнего Тагила. В июле 1931 г. получила направление в Нижне-Туринский район на должность заведующей парткабинетом при райкоме ВКП (б). В парткабинете проработала около года, после чего была переведена в Туринскую фабрично-заводскую школу. С сентября 1932 г. по апрель 1934 г. работала преподавателем истории и обществоведения. В апреле 1934 г. уехала в г. Свердловск на шестимесячные курсы в Институт марксизма-ленинизма. После их окончания получила направление в г. Реж на работу в издательство районной газеты «Большевик». Последующие два года она занимала должность заместителя редактора газеты.

В декабре 1936 г. Свердловским обкомом партии была отозвана в г. Свердловск. В январе 1937 г. утверждена в должности политредактора Свердловского обллита. Работая в цензурном аппарате, стремительно завоевывала ведущие позиции. 3 апреля 1937 г. была избрана парторгом парторганизации обллита. В новом качестве руководителя проявила организаторские способности, решимость на грани жесткости. После отставки С.И. Тубанова с поста начальника Свердловского

обллита в ноябре 1937 г. временно исполняла обязанности руководителя цензурного ведомства. Во главе Свердловобллита находилась с 3 декабря 1937 г. по июнь 1938 г. После этого была переведена на должность заместителя начальника Свердловобллита. В сферу полномочий входило осуществление последующего контроля за СМИ, скульптурно-художественной «продукцией», а также регистрация всех типографий и издательств по Свердловской области.

23 декабря 1938 г. подала заявление с просьбой об увольнении из Свердловобллита «в связи с переводом мужа на партийную работу в Москву». Парторганизация обллита удовлетворила ее ходатайство. Дальнейшая судьба нам неизвестна.

Арх.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 5856. Л. 1-3; Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 95-96; ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 13. Л. 3.

9. ЧУКАНЦЕВ-МУРОМЦЕВ

Василий Андреевич (1896-?), первый тюменский губернский цензор с 2 декабря 1922 г. до февраля 1923 г.

Родился в 1896 г. в Архангельской губернии в семье крестьянина. Три года учился в Милютинской учительской школе Мурманского уезда и получил аттестат педагога. По профессии проработал около года. В 1916 г. устроился рабочим на участок мурманской железной дороги. Осенью 1917 г. примкнул к большевикам и активно участвовал в установлении советской власти на севере Советской России. В 1918-1919 гг. трудился в должности помощника председателя Милютинского волисполкома близ г. Мурманска. В 1919 г. работал в городском госпитале санитаром в г. Москве. В этом же году Замоскворецкой парторганизацией РКП (б) был принят в члены партии большевиков, получив партийный билет № 224504. Вскоре стал секретарем партийной ячейки, после несколько месяцев занимал должность заместителя военкома. С марта по июль 1920 г. работал в должности инструктора в Сокольническом райкоме РКП (б) г. Москвы. В сентябре 1920 г. был командирован в один из подмосковных городов заведующим отделом образования, где проработал до февраля 1921 г. В 1922 г. получил назначение на Урал. В Екатеринбурге на партийной работе находился до октября 1922 г.

10 октября 1922 г. занял должность заместителя заведующего отдела политпросвета при губОНО г. Тюмени. 2 декабря 1922 г. утвержден в должности тюменского губернского цензора. Ответственно подходил к выполняемой работе, вносил конкретные предложения по улучшению цензурной работы в губернии. Первый из всех уральских цензоров поставил перед Уралобллитом вопрос о месте гублита в системе губОНО, предложил вместо уездной цензоры создавать цензурные отделения и управления, а также экспертные комиссии по налогам на цензуру зрелищ.

В феврале 1923 г. оставил пост начальника тюменского гублита. Вероятной причиной отставки явилось ухудшение состояния здоровья: «...упадок сил и истощение на почве плохого питания и переутомления и туберкулез легких, а также и все ухудшающийся слух». О дальнейшей судьбе бывшего тюменского цензора нам неизвестно. В документах Главлита его фигура более не упоминается.

Арх.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 6174. Л. 2-10; ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 547. Л. 14об.

10. ШМЕЛЕВ

Павел Николаевич (1903-?), инспектор Уралобллита с октября 1929 г. по лето 1932 г.; заведующий уральским Облрперткомом с осени 1932 г. по конец 1933 г.; начальник Челябинского обллита с февраля 1934 г. до 1941 г.

Родился 30 августа 1903 г. в пос. Невьянский завод в семье рабочих. В 1911-1915 гг. учился в местном народном училище. В возрасте 14 лет трудоустроился подручным токаря на Невьянский артиллерийский завод. На заводе проработал всего около года. В 1918 г. осваивал профессию плотника в кустарной мастерской, вступил в РКСМ. В 1919 г. был призван в Красную армию, служба длилась пять с половиной лет. В октябре 1919 г. был принят в члены РКП (б), партийный билет № 467554. Осенью 1924 г. демобилизовался, после чего вернулся на родину, в г. Невьянск.

С 1925 по 1926 г. П.Н. Шмелев работал в райисполкоме в должности финансового агента. В феврале 1926 г. был переведен на работу в отдел политпросвета, заведовал избой-читальней, возглавляя местную партийную ячейку ВКП (б). Имеются данные о его учебе в районной радиошколе, однако ее он не закончил. В политпросвете проработал чуть более полугода. В октябре 1926 г. устроился электриком на цементный завод г. Невьянска. На декабрь 1926 г. его заработная плата составляла 50 руб. 35 коп. Состоял в профессиональной организации Союза строителей. На заводе трудился до 1928 г.

В октябре 1929 г. П.Н. Шмелев получил назначение на должность инспектора в аппарате Уралобллита. Таким образом, работу в цензуре он начал еще при М.Р. Ланге. В 1930-1932 гг. осуществлял цензурную деятельность под руководством П.П. Бажова. Через несколько месяцев после отставки П.П. Бажова он занял пост заведующего уральским Облрперткомом. После ликвидации Уралобллита кандидатура П.Н. Шмелева была выдвинута на должность начальника Челябинского обллита. В феврале 1934 г. был утвержден в должности, и до 1941 г. являлся руководителем челябинских органов Главлита.

Арх.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 3675. Л. 101-101об.; ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 33. Л. 12.

11. ЮМАТОВ

Николай Иванович (1900-?), уполномоченный Свердловобллита при Свердловском отделении ГИЗа с 1934 г. по 1936 г.; зам. начальника обллита.

Родился 8 мая 1900 г. в г. Кунгуре Пермской губернии в семье рабочего кожевенного завода. В 1912-1915 гг. проходил курс обучения в Кунгурском высшем начальном училище. Трудовая деятельность началась в 1916 г. в слесарной мастерской железнодорожного депо на станции Кунгур, где проработал до весны 1918 г., после чего вступил в ряды Красной армии. В годы Гражданской войны воевал в составе 263-го полка 30-й стрелковой дивизии Восточного фронта, прошел путь от рядового до командира роты. В 1919 г. был принят в члены РКП (б), получив партийный билет № 522189. После демобилизации в 1922 г. вернулся в Кунгур и получил от местного исполкома Советов назначение на должность заведующего Домом отдыха железнодорожников. В 1923-1926 гг. повышал свой образовательный уровень в комвузе г. Свердловска. После его окончания был включен в состав партгруппы при Свердловском обкоме ВКП (б). Осенью 1927 г. был командирован в Кунгур, где занял должность инструктора агитационно-пропагандистского отдела окружкома ВКП (б) и по совместительству заведующего политпросветом. В этой должности впервые ознакомился со спецификой цензурной работы. Два года спустя был переведен в Артинский район на должность секретаря райкома ВКП (б), где проработал в 1929-1930 гг. В 1930 г. вернулся в г. Кунгур, где получил назначение на должность ответственного редактора местной газеты «Искра».

В 1933 г. был выдвинут на должность политредактора Уралгиза и вновь переехал в г. Свердловск. В начале 1934 г. был назначен на должность уполномоченного обллита при Свердловгизе. Проявил себя ответственным и исполнительным специалистом, работая под началом С.И. Тубанова, не раз замещал своего руководителя. Август 1936 г. резко изменил все дальнейшие планы на жизнь. В очередной раз был несправедливо обвинен в связи с «троцкистами», заклеямен коллегами, исключен из партии «как обманщик и двурушник». Исключение из партии повлекло и увольнение с работы в обллите. 30 декабря 1936 г. был осужден по ч. 10, 11 ст. 58 и ч. 1 ст. 182 УК РСФСР и приговорен к 5 годам лишения свободы с отбыванием всего срока в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ). О дальнейшем жизненном пути нам не известно. В период перестройки в СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. был реабилитирован. 27 июня 1989 г. бюро Свердловского обкома ВКП (б) приняло постановление «О реабилитации в партийном отношении т. Юматова».

Арх.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 37об.-38; Оп. 20. Д. 6754. Л. 1-10; Оп. 21. Д. 3746. Л. 2.

Эволюция организационной структуры органов Главлита на Урале

Схема 1.
Структура органов Главлита на 1.02.1923

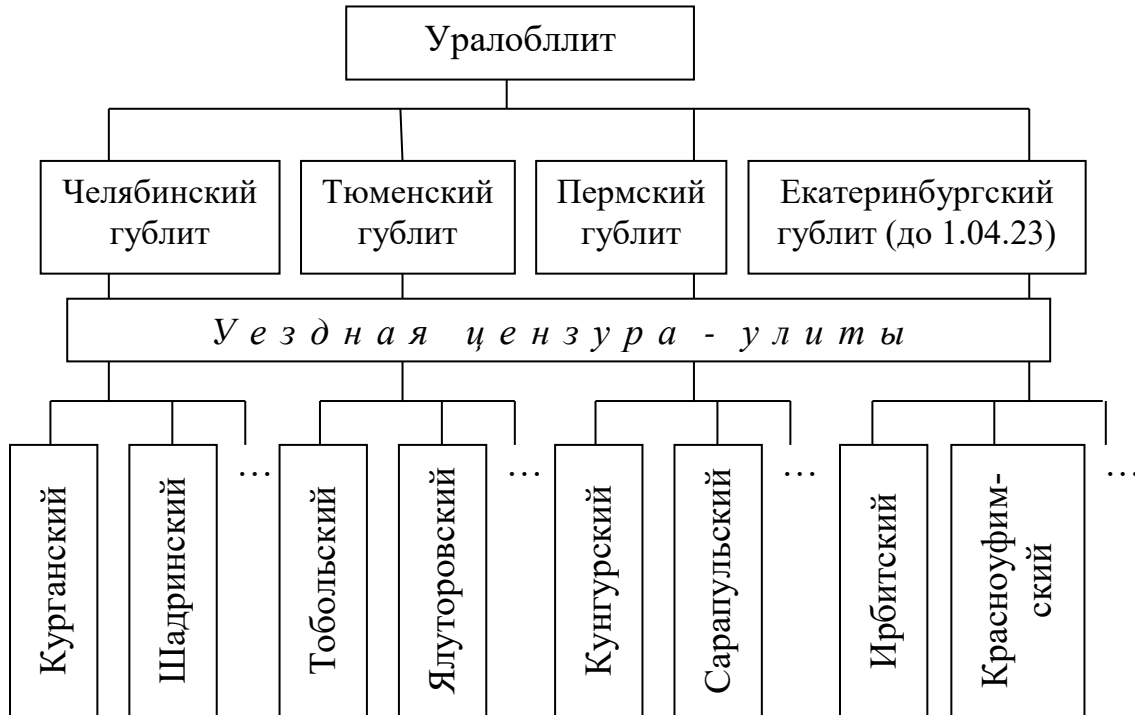
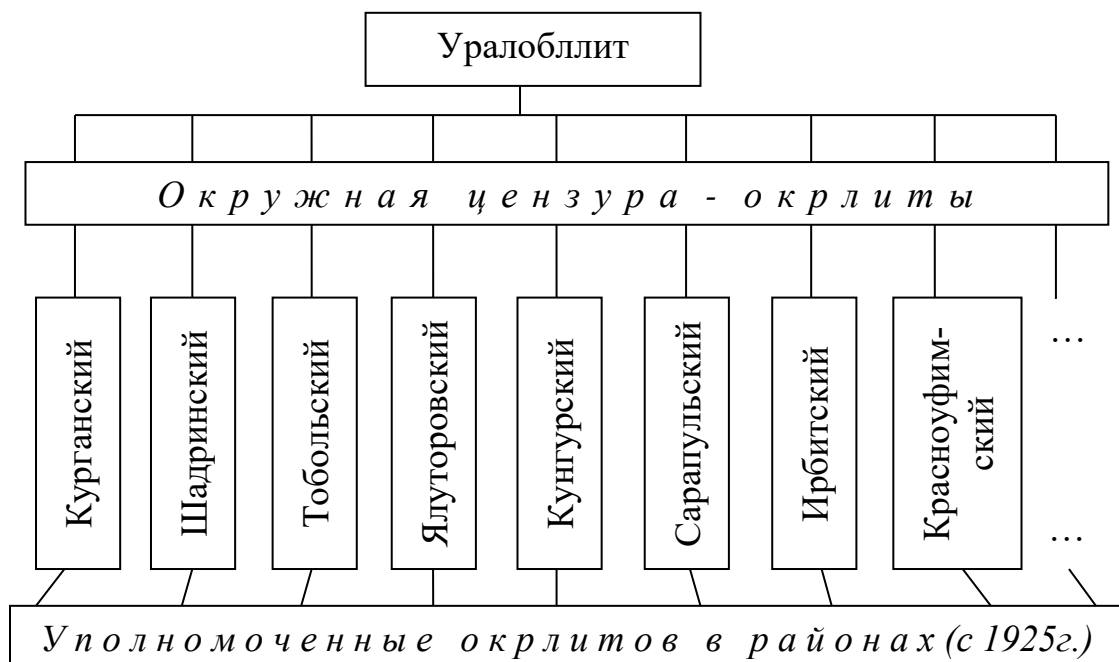

Схема 2.
Структура органов Главлита на 1.01.1924

Структура органов Главлита на 1.09.1930

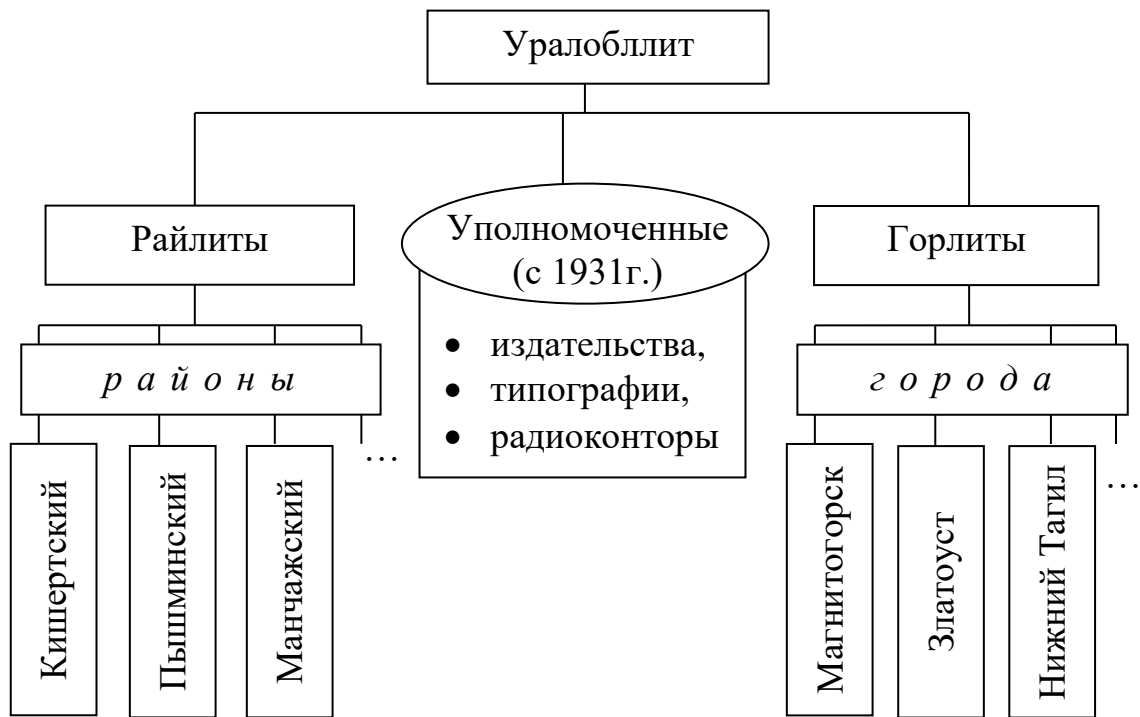
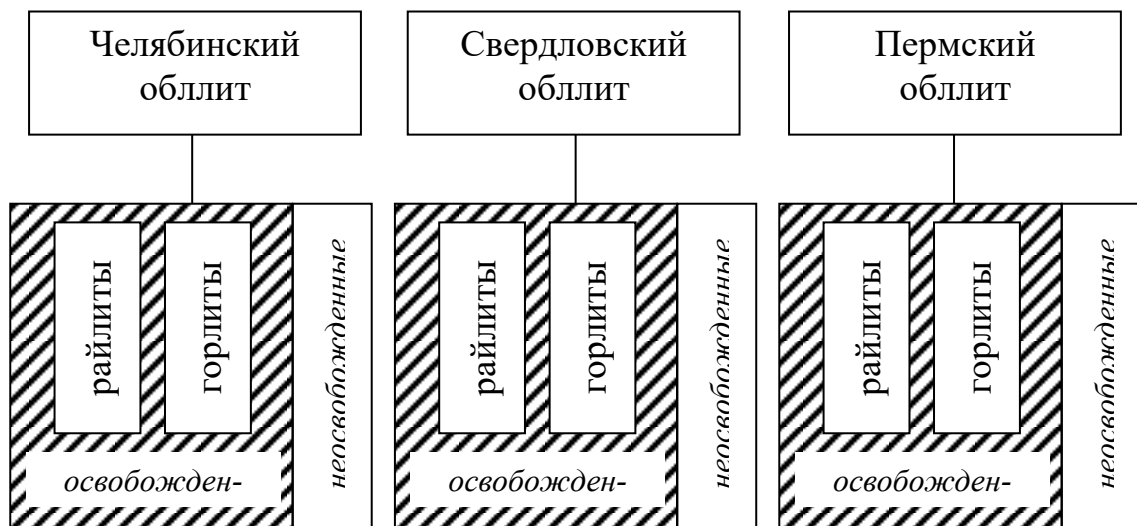

Схема 4.

Структура органов Главлита на 1.01.1939

Документы органов Главлита на Урале*

№1

Инструкция уездным цензорам Уральского областного управления по делам литературы и издательств

г. Екатеринбург

[без даты, не ранее середины января
1923 г.]

**И Н С Т Р У К Ц И Я
УЕЗДНЫМ ЦЕНЗОРАМ УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПО ДЕЛАМ ЛИТЕРАТУРЫ И ИЗДАТЕЛЬСТВ**

1. Декретом СНК от 6 Июня 1922 года, в целях объединения всех видов цензуры: политической, литературной и идеологической при Наркомпросе организовано Главное Управление по делам Литературы и Издательств и его местные органы при ОНО.

2. Все органы печати, за исключением освобожденных от Цензуры по Декрету, обязаны представлять в Главлит и его местные органы на предварительный просмотр все представленные для печати.

3. Главлит и его местные органы производят предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию или распространению произведений, как рукописных так и печатных, изданий периодических и непериодических, снимков, рисунков, карт, афиш, объявлений, плакатов, нот, и т.п. как российских, так с ввозимых из-за границы. Разрешение на печатание вышеуказанного материала в уездах дается уездным цензором.

4. Право выдачи разрешений на право издания отдельных произведений, ... органов печати периодических и непериодических, а также на право организации новых издательств дается Губорганами или Областным Управлением по делам Литературы и Издательств по представлению Уездных Цензоров подлинного материала.

ПРИМЕЧАНИЕ: В Екатеринбургской губернии цензура осуществляется Облитом.

5. Уездный цензор публикует списки произведений печати, запрещенных к продаже и распространению / как российской литературы, так и зарубежной/ на основании постановления Главлита 6. Цензура печатных произведений заключается:

а/ в недопущении к печати сведений носящих явно враждебный к коммунистической партии, к Советской власти характер.

б/ в недопущении к печати сведений не подлежащих оглашению .

---

* В приложениях сохранены орфография и пунктуация документов.

в/ в недопущении всякого рода печатных произведений, статей и проч. в которые производится враждебная нам идеология в основных вопросах ответственности, религии, экономики и национальном вопросе, и т.д.

г/ в недопущении бульварной прессы, порнографии и недобросовестной рекламы и т.д.

д/ в изъятии из статей наиболее острых мест, фактов, цифр, характеристик, компрометирующих Советскую власть и Комм. партию.

7. Уездному цензору предоставляется право возбуждать ходатайство перед Облитом о приостановлении деятельности отдельных изданий. Единолично уездному цензору закрывать издания не разрешается.

8. Уездному цензору предоставляется право надзора за распространением тиража типографии, книжной торговлей, ввозом и вывозом печатных произведений из пределов и в пределах [района]... согласно декрета от 6 июня 1922 г. Техническую помощь уездному Цензору в деле наблюдения за распространением печати оказывает Уполномоченный Г.П.У.

9. Уездный цензор берет на учет все существующие по уезду издательства, частные, профсоюзные, ведомственные, кооперативные, экономические, литературные и др. подробно выясняет персональный состав изданий, редакций, сотрудничавших авторов, лиц и общественных групп, финансирующие и вдохновляющие издательства... изучает типографии, книжные магазины, библиотеки, следит за тем, не печатаются и не продаются ли магазинами вещи запрещенные, не распространяются ли библиотеками книги не подлежащие распространению. Практически указанная работа осуществляется совместно с органами Политконтроля ГПУ. Сведения указанные выше, Цензор сообщает Управлению для принятия соответствующих мер.

10. Заведующие типографиями под страхом судебной ответственности обязаны представлять 5 экземпляров всякого печатного произведения Уездному Цензору, разрешенных к изданию, также другого печатного материала, разрешенного Уездным Цензором, из коих 3 экземпляра отдаются Цензором в Областное Управление, а 2 остаются у цензора для архива и справок.

11. За просмотр предназначенного к печати материала Уездный Цензор на основании Циркуляра Главлита от 17 декабря 1922 года взимает полистный сбор в размере 1 золотого рубля по курсу ... с каждого печатного листа, содержащего не менее 40 000 типографских знаков. Полистный сбор еженедельно сдается в кассу УОНО, от куда пересылаются в губоно и поступают в Губфинотдел на предмет дальнейшего перечисления.

12. В случае объявления местности на военном положении органы цензуры, в отдельных местностях по соображению военной необходимости в порядке соглашения с Р.В.С.Р. с Главлитом, переходят в

подчинение Военному ведомству или последнему предоставляется право вводить в них специального Цензора.

13. Вся партийная коммунистическая печать, а равно издания Главполитпросвета, Известия ВЦИК и научные труды Академии Наук освобождаются от Цензуры, а также конторские и канцелярские формы, бланки, отчетности, заказываемых госорганами, за исключением частных лиц.

14. Уездный Цензор предоставляет ежемесячно к 1 числу каждого месяца отчет о своей работе в Облит.

15. На всем печатном материале разрешенным Уездным Цензором, ставится виза " Цензор Облита №.... ".

16. Контроль за исполнением распоряжений, предписаний и указаний Облита и Уездного Цензора принадлежит органам Г.П.У. Замеченных при контроле случаев нарушения органы Г.П.У. уведомляют цензора.

При ревизии типографий, типо и хромо-литографий, книжных магазинов и складов, библиотек и др. учреждений органы Г.П.У. ставят об этом в известность Цензора и по окончании ревизии присылают ему акты.

17. В своей работе Уездный цензор неуклонно руководствуется распоряжениями, приказами, инструкциями Главлита и Облита, соблюдая точно параграфы и статьи и подотчетен непосредственно Облиту.

Зав. Областным Управлением
Главлита на Урале

О с л о н о в -

с к и й

Секретарь С м и р н о в

*Арх.: ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-3об.
Копия. Машинопись.*

№2

Утверждение А.Г. Арыкина на должность цензора Ирбитского уезда

г. Свердловск

17 января 1923 г.

Р.С.Ф.С.Р.

Н.К.П.

Уральское

Областное Управление

по Дела

Литературы и издательства

(Облит)

17/1 1923

№ 29/с

г. Екатеринбург

Секретно

Ирбитскому ЗавУОНО

т. Арыкину

Согласно постановления Завгубоно от 11 января 1923 года за № 19, Вам поручается цензура по *Ирбитскому уезду*. Кандидатура Ваша утверждена Областным управлением Главлита на Урале и с 15 января Вы назначены уездным цензором по *Ирбитскому уезду* по совместительству.

В своей работе Вам предлагается строго руководствоваться прилагаемой при сем инструкцией и декретом СНК от 6 июня 1922 года.

С 15 января с/г. благоволите немедленно приступить к работе, учесть все издательства типографии и книжные магазины.

Поставьте в известность все учреждения, кроме освобожденных от цензуры, что с 15 января весь предназначенный к печати материал представляется на предварительную цензуру Уездному Цензору и типографии не имеют права принимать его к печати, без предварительной визы цензора.

Бланки, отчетность, конторские и канцелярские книги госорганов временно от цензуры освобождаются.

Свяжитесь и договоритесь с Уполномоченным Г.П.У. в цензорской работе, которому даны директивы.

В случае неясности, недоразумений запрашивайте Обл-Лит.

Зав. Обл. Управлением Главлита на Урале

Ослоновский

Секретарь Смирнов

Арх.: ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. Подлинник. Машинопись. Автограф.

Извещение заведующего уездным ОНО А.Г. Арыкина предприятий и учреждений Ирбитского округа о своем вступлении в должность уездного цензора Уралоблита

г. Ирбит

12 февраля 1923 г.

Р.С.Ф.С.Р.
Ирбитский
Отдел Народного
Просвещения
Отдел Общий
12. II. 1923 г.
№ 540
г. Ирбит

Всем Учреждениям и Предприятиям

Согласно Постановления Губисполкома от 21/ХІІ-22 года за № 107 и распоряжения Губоно от II/I за № 19 во исполнение Декрета СНК от 6 июня 1922 года, цензурные функции Военного Цензора по городу Ирбиту и его уезду переходят к Уездному Цензору Уральско-го Областного Управления по делам Литературы и Издательства /Облит/, каковым утверждается Заведующий Уездным отделом Народного Образования. На Уездного Цензора Облита возлагается:

1/. Предварительный просмотр и выдача разрешений на право издания отдельных произведений.

2/. Надзор за распространением печатных произведений Типографиями, Издательствами и книжной торговлей.

По получении сего предлагается всем частным, государственным, партийным, Советским, профессиональным, кооперативным, ведомственным, Литературно-художественным, Педагогическим, Научно-техническим и другим издательствам, а также всем типографиям и книжным магазинам немедленно зарегистрироваться у Уездного Цензора Облита в УОНО.

Весь материал предназначенный к опубликованию и распространению, как периодический, так и непериодический, объявления, афиши, плакаты, снимки, рисунки и проч. необходимо представить для предварительного просмотра Уездного Цензора Облита, без визы которого типографии не имеют права принимать что-либо к печати.

На основании Циркуляра Главлита от 17/ХІІ-22 года за № 870 за просмотр произведений печати и выдачу разрешений Уездный Цензор Облита принимает полистный сбор в размере 1 золотого рубля по курсу Котировальной Комиссии с каждого печатного листа.

За напечатание материалов без визы Уездного Цензора Облита, а также за расклейку как печатных так и письменных объявлений,

афиш, плакатов и пр. не имеющих визы Уездного Цензора Облита и не оплаченных установленным полистным сбором, учреждения и организации будут привлекаться к судебной ответственности.

Надзор за выполнением постановлений Главлита возлагается на Политконтроль ГПУ и милицию.

Уездный цензор Облита
Зав. УОНО /Арыкин/
Секретарь /Романова/

Арх.: ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 26. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№4

Циркуляр Уралоблита о разграничении компетенции в области политической цензуры между уездными цензорами и уполномоченными ГПУ

г. Екатеринбург

24 февраля 1923 г.

Р.С.Ф.С.Р.
Уральское
Областное Управление
по делам
Литературы и Издательства
(ОБЛИТ)
24. II. 1923 г.
№ 129
г. Екатеринбург

Уездным Цензорам Екатеринбургской
губернии и Уполномоченным ГПУ
по уездам

С мест поступают сведения, что некоторые Уездные Цензоры требуют передачи всех функций Цензуры, от Уполномоченных ГПУ в свое ведение, что буквально противоречит изданным на сей предмет инструкциям Областного Управления Главлита на Урале от 17 Января 1923 г. за № 29.

В дополнение по всем циркулярным распоряжениям Обл-Лита и Декрета СНК от 6 Июня 1922 г. Областное Управление Главлита на Урале сообщает, что Уездный Цензор осуществляет только лишь предварительную цензуру, которая состоит в предварительном разрешении того или иного материала и напечатанию с точки зрения политической, военной, литературной и идеологической, последующая же цензура – т.е. сличение гранок с разрешенным подлинником, надзор и контроль осуществляется Политконтролем ГПУ.

На просмотренных гранках после сличения с подлинником Политконтролер ГПУ ставит свою визу для дальнейшего выпуска того или иного издания в свет.

Отсылка гранок Политконтролеру лежит исключительно на Зав. Типографиями. После выпуска в свет того или иного издания Зав. Типографиями представляют Уездному Цензору 5 экземпляров, а Политконтролеру 3 экземпляра. Означенные 5 экземпляров распределяются так: 3 отсылаются в Облит, а 2 остается для архива и Уездного Цензора.

Уездные Цензоры должны понять, что при перегруженности работы по ОНО, они не в состоянии вести и последующую цензуру, так как для этого нужен специальный аппарат, да и положениями, изданными на сей предмет, это не предусмотрено.

О всех неясностях, недоразумениях немедленно запрашивайте.

Зав. Областным Управлением
Главлита на Урале **О сл о н о в с к и й**

Нач. Политконтроля ГО ГПУ **К л о п о в**

*Арх.: ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 35-35об.
Копия. Машинопись.*

№5

Секретный циркуляр Уралоблита о реорганизации местных органов цензуры

г. Екатеринбург

8 декабря 1923

г.

Р.С.Ф.С.Р.
Уральский
Областной Исполнительный
Комитет
Рабоч. крестьян. и красноармейск.
Депутатов
Отд. народн. образован.
УРАЛОНО
Подотдел ОБЛИТ
8.12. 1923 г., № 609
г. Екатеринбург

Циркулярно
Секретно

Зав. ОКРОНО

В дополнение к циркуляру Уралоблита от 29 октября с/г. № 529 о порядке ликвидации Гублитов и Уездной цензуры настоящим Ура-

лоблит при Уралнаркомпросе на Урале считает необходимым добавить следующее:

В виду не утверждения Президиумом Наркомпроса отдельных работников по цензуре в Округах, исполнение цензорских обязанностей согласно постановления Уполнаркомпроса на Урале возлагается с 1 декабря на Завокроно, за исключением Пермского, Челябинского и Тюменского, где цензорская работа должна быть возложена на специально выделенного работника Упол-Уралоблита, содержащегося по штатам Окроно. Уполоблит назначается Округкомом РКП совместно с Завокроно и утверждается Уралоблитом. Пермский, Челябинский и Тюменский Завокроно к выделению Уполоблита должны приступить немедленно с таким расчетом, чтобы к 1 января кандидатуры их послать на утверждение в Уралоблит.

Дела по Уездной цензуре и весь архив с печатным материалом от Уездных цензоров должны быть переданы согласно инструктивного циркуляра от 29 октября с/г № 529 и общей инструкции Уполнаркомпроса по ликвидации Губоно и Уоно соответствующим Завокроно или Уполоблита, смотря по тому, к какому Округу отходит по районированию тот или иной уезд. Копии актов в принятии Завокроно и Уполоблитом дел и архива по цензуре прислать к 1 января 1924 г. в Уралоблит при Уполнаркомпросе. Директивами в работе Завокроно руководствоваться теми же, данными Завуоно и Гублитом. Новые инструкции Завокроно в цензорской работе и другие инструктивные материалы будут посланы в непродолжительном времени.

П.п. Врид. Уполнаркомпрос на Урале   Зверев
Зав. Уралоблитом   Ослоновский

Арх.: ГАСО. Ф. р-233. Оп.1. Д. 64. Л.43. Копия. Машинопись.

№6

**Разъяснение Уралоблита ОкрОНО по вопросу о реализации
цензурной практики в районных центрах**

г. Екатеринбург

11 марта 1924 г.

Р.С.Ф.С.Р.
Уральский
Областной Исполнительный
Комитет
Рабоч. крестьян. и красноармейск.
Депутатов
Отд. народн. образован.
УРАЛОНО
Подотдел ОБЛИТ
11.03.1924
г. Екатеринбург

Для Окрлита

На запросы Окроно в том, на кого должны быть возложены цензорские обязанности в районах и заштатных городах Уралоблит Уралоно настоящим сообщает, что этот вопрос должен быть разрешен непосредственно Окроно по их усмотрению.

Уралоблит Уралоно лишь предлагает установить в районах и заштатных городах дело цензуры так, что бы все данные нам инструкции по цензуре проводились неуклонно в жизнь.

За. Урал ОНО
Зав. Уралоблитом

Истомин
А. Ослоновский

Арх.: ГАСО. Ф. р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 76. Копия. Машинопись.

№7

Разъяснение Уралоблита местным органам, что задача содержания аппарата окрлита возлагается на окрОНО

г. Екатеринбург

4 апреля 1924 г.

Р.С.Ф.С.Р.
Н.К.П.
Уральское
Областное Управление
по Дела
Литературы и издательства
4/IV 1924 г.
№ 134
г. Екатеринбург

В общий отдел *Ирбитского* Окрисполкома

Для Окроно
на № 3918

Уралоблит при Ураломо сообщает, что содержание аппаратов Окромно происходит за счет жесткого бюджета. Никаких отдельных кредитов на Окрлит не отпускается и отпускаться областью не будет, а так же содержание технического работника выплачиваемое из сумм полистного сбора быть не может.

Зав. Ураломо Истомин
Зав. Уралоблитом Ослоновский

Арх.: ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 2. Л. 32. Копия. Машинопись.

№8

Циркуляр Уралоблита, содержащий разъяснение окрлитам функций органов Политконтроля ГПУ в деле реализации задач цензурной политики

г. Свердловск

3 ноября 1925 г.

Р.С.Ф.С.Р.

Н.К.П.

Уральское

Областное Управление
по Дела

Литературы и издательства

Облит

3/ХІ. 1925 г.

№ 2076

г. Свердловск

Циркулярно

Всем ОкрЛитам при ОКРОНО

Некоторые Окрлиты, как например, Пермский, возбуждают вопрос о том, чтобы отменить право Политконтроля ГПУ о недопущении к постановке произведений, числящихся запрещенными, которые иногда, порой сознательно, а иногда по ошибке, разрешаются Окринспекторами печати и зрелищ. Проще говоря: Окрлиты хотят разрешать к постановке запрещенные по спискам ГРК и чтобы ГПУ /на обязанности которого лежит контроль за недопущением к постановке запрещенных произведений/ не запрещало их само тотчас же после разрешения, а лишь сообщало высшим инстанциям о неправильных действиях Окрлитов.

Такая точка зрения неверна. На обязанности Политконтроля ГПУ лежит недопущение к постановке тех произведений, которые значатся запрещенными по спискам и если Окрлит разрешает подобное произведение к постановке, ГПУ обязано это запретить указав Окрлиту на неправильность действий, а также довести до сведения высших инстанций. Само собой разумеется, что ГПУ не вправе запретить какое либо произведение, разрешенное Окрлитом к постановке, если оно по мнению ГПУ, не годится к публичной постановке, но которого нет в списках запрещенных произведений. Тут Окрлит является самостоятельным.

Доводя об этом до Вашего сведения, Уралоблит УралОНО предлагает настоящее разъяснение принять к неуклонному руководству и исполнению. В случае каких либо недоразумений и неясностей в этом вопросе необходимо срочно запрашивать.

Зав. УралОНО Истомин
Зав. УралОблит Павловский

Арх.: ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 12. Копия. Машинопись.

№9

Требование УРАЛОНО к Зав. окрОНО не допускать смены окр- лита без согласования с Уралоблитом

г. Свердловск

8 апреля 1926 г.

Р.С.Ф.С.Р.
Уральский
Областной Исполнительный
Комитет
Рабоч. крестьян. и красноармейск.
Депутатов
УРАЛОНО
29.Х. 1926 г.
г. Свердловск

Циркулярно

Всем ОкрОНО

В ряде округов за последнее время допускались случаи частой смены работников по Окрлиту. Ввиду того, что такое положение самым пагубным образом отражается на состоянии литовской работы УРАЛОНО предлагает, ни в коем случае не допускать смены Зав. Окрлитом без согласования с Уралоблитом. При этом напоминает, что на основании существующих законоположений утверждение, а равно как и отвод работников по Литу – окончательно решается соответствующим органом Главлита. Поэтому придавая огромное зна-

чение подбору и закреплению работоспособного состава литовских работников УРАЛОНО сообщает, что вопрос о замещении таковых должен быть поставлен в надлежащих местных инстанциях, с решением которых материал, характеризующий работника должен пересылаться в Облит на утверждение. До утверждения и получения полномочий от Зав. Уралоблитом, все лица, работающие по Окриту считаются временно исполняющими обязанности.

Зав. УРАЛОНО Истомин
Зав. Уралоблитом Ланге

Арх.: ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 129. Копия. Машинопись.

№10

Инструкция УралОНО о деятельности Уралобллита и его местных органов

г. Свердловск

10 октября 1926 г.

Р.С.Ф.С.Р.
Уральский
Областной Исполнительный
Комитет
Рабоч. крестьян. и
красноармейск. депутатов
УРАЛОНО
Подотдел ОБЛИТ
20.VII.1926 г.
№ 90/с
г. Свердловск

СЕКРЕТНО

Утверждается
Зав. УРАЛОНО — Истомин

ИНСТРУКЦИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УРАЛОБЛИТА И ЕГО МЕСТНЫХ ОРГАНАХ

А. ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1. УралОблит, существуя в системе УРАЛОНО на правах самостоятельного подотдела, в тоже время является Краевым Органом Главлита, действующим в пределах области в качестве центра, направляемого и объединяющего деятельность органов контроля печати и зрелищ.

2. На территории округов Уральской области, в системе отделов Народного Образования, действуют Окриты в лице Округных инспекторов по делам печати и зрелищ, в качестве уполномоченных Облита в пределах данного округа, действующих на основании его

директив и указаний.

3. В районных центрах области исполнение функций по контролю печати и зрелищного репертуара возлагаются на районных политпросвет-организаторов, действующих в данном случае в качестве уполномоченных Окрлитов и ведут их работу на основании общих директив Облита и по указаниям Окрлитов.

4. Порядок назначения и отчисления инспекторов по делам печати и зрелищ устанавливается на основании положения о Главлите и Инструкции Главлита об организации местных его органов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Для планового руководства и согласования работы Облита с заинтересованными ведомствами и организациями при Облите учреждаются:

- а) Областная Репертуарная Комиссия и
- б) Литературная Коллегия (Коллегия Облита)

Б. ПОРЯДОК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

5. Инспектора по делам печати и зрелищ персонально ответственны за порученное им дело и в случае допущения нарушений Правил Цензуры и перечня вопросов не подлежащих оглашению подлежат ответственности в установленном порядке.

6. Право разъяснения основных директив цензурной политики по возникающим в процессе работ вопросам на территории области принадлежит исключительно Облиту, на разрешение которого также поступают все жалобы и заявления заинтересованных организаций и лиц по поводу действий окр. инспекторов.

Примечание: действия районных уполномоченных обжалуются перед Окрлитами.

7. Разрешительные визы местным органам печати, периодическим и непериодическим, даются инспектором от своего имени (Окрлита). Районные же уполномоченные визы от своего имени не дают, а пользуются №№, предоставляемыми им Окрлитами.

На репертуар разрешительные удостоверения даются райуполномоченными и окринспекторами от своего имени. При этом, райуполномоченные разрешают только тот репертуар, который имеется в списках, разрешенных, составляемых УралОблитом.

В. ПРАВА И ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ГЛАВЛИТА

8. Согласно положений о Главлите и о Главном Репертуарном Комитете, органы Главлита осуществляют все виды цензуры (военную, политическую, идеологическую и т.д.); контроль за книжным рынком и контроль за репертуаром во всех без исключения зрелищных предприятиях.

9. Все Издательства и органы печати, за исключением освобож-

денных от предварительной цензуры на основании п. 4 Положения о Главлите, обязаны представлять в УралОблит или его местные органы на предварительный просмотр все предназначенные к печати или иным способом размножению и распространению (книги, брошюры, статьи, рукописи, снимки, рисунки, плакаты, афиши и т.д.).

10. Органы Главлита просматривают весь указанный материал в целях:

а) Недопущения к печати сведений не подлежащих оглашению и составляющих государственную, военную или политическую тайну (См. Секретный перечень).

б) Недопущения к печати статей или других материалов, носящих явно враждебный к компартии и советской власти характер.

в) Недопущения всякого рода печатных материалов, через которые проводится враждебная марксизму и пролетариату идеология в основных вопросах общественности, религии, экономики, национальном вопросе, области искусств и т.д.

г) Недопущения бульварной прессы, порнографии, недобросовестной рекламы и т.д.

д) Изъятия из статей наиболее острых мест (фактов, цифр, характеристик), недостаточный или неправильный анализ которых может скомпрометировать государство трудящихся или центральную власть, а также политические и общественные организации рабочего класса.

ПРИМЕЧАНИЕ: по вопросам указанным в пункте А настоящего параграфа, УралОблит и его органы осуществляют контроль за всеми без исключения органами печати.

11. Помимо предварительного контроля, путем разрешения вопроса о праве печатанья того или иного материала, в отношении всей печати, за исключением освобожденной Положением о Главлите, органы Главлита осуществляют последующий контроль путем просмотра выпускаемых типографиями печатных материалов. Причем без последующей визы органов Главлита эти материалы не подлежат выпуску из типографий, под страхом персональной судебной ответственности заведующих типографиями.

12. Всякое вновь возникающее по области издательство может приступить к деятельности только после регистрации и утверждения его УралОблитом.

13. УралОблит и его местные органы совместно с органами политконтроля ОГПУ осуществляют контроль над книжным рынком и устраняют из обращения и продажи книги и др. печатные материалы, запрещенные Главлитом.

14. УралОблит пользуется правом приостанавливать отдельные издания, сокращать тираж, а также закрывать издательства при наличии преступной деятельности, передавая ответственных руководителей суду или передавая дело в органы ГПУ.

ПРИМЕЧАНИЕ: В случае необходимости закрыть какое-либо издательство Окринаспектора входят с представлением по этому поводу в УралОблит и только в случае срочности этой меры с ведома Зав. ОКРОНО могут временно приостановить издательство, донеся об этом в Облит на утверждение.

15. В осуществление приостановленных задач в области контроля и печати УралОблит и его органы издают правила, распоряжения и инструкции, обязательные для всех органов печати, издательства, типографий, библиотек и книжных магазинов.

16. В осуществление контроля за репертуаром УралОблит и его органы производят:

а) регистрацию всех зрелищных предприятий, действующих на данной территории;

б) выдают разрешения на открытие новых зрелищных предприятий;

в) предварительный просмотр всех театральных, музыкальных и эстрадных произведений и выдают разрешение на право публичного демонстрирования и исполнения их;

г) контроль демонстрируемых кино-картин в целях недопущения не имеющих разрешительных удостоверений Главреперткомом или неприемлемых в силу особых местных условий в данной аудитории;

д) выдачу удостоверений на право устройства кино-сеансов (форма №8), спектаклей, концертов и т.п. (форма №9);

е) последующий контроль исполнения всех произведений и репертуара: для осуществления которого все зрелищные предприятия обязаны отвести одно постоянное место для инспекции по делам печати и зрелищ.

17. Наблюдение за исполнением органами печати, издательствами и типографиями, а также зрелищными предприятиями правил и распоряжений, установленных в цензурных целях, а также всех распоряжений Облита и Окринаспекторов осуществляется органами Политконтроля ОГПУ, в круг ведения которых входит также и изъятие из обращения запрещенной органами Главлита литературы и снятие с постановок запрещенного органами Главлита репертуара.

Г. КРУГ ВЕДЕНИЯ УРАЛОБЛИТА И ЕГО МЕСТНЫХ ОРГА- НОВ

18. На основании Положения о Главлите и применительно к инструкции Главлита от декабря 1922 года в круг ведения Уралоблита входит:

а) Направление всей цензурной политики в пределах области и непосредственное руководство работой окружных инспекторов.

б) Регулирование деятельности и утверждение программ существующих по области издательств, рассмотрение вопросов об открытии новых и о закрытие старых издательств.

в) Установление правил издания и выпуска органов печати.

г) Составление перечней не подлежащих к опубликованию сведений, а также списков не разрешаемого к исполнению различного рода репертуара на основе директив Главлита.

д) Корректурa и купюра текста допустимого репертуара и разрешение вопроса о допустимости к демонстрированию и исполнению новых пьес и местных кино-фильмов.

е) Утверждение списков конфискуемых и устранимых из библиотеки и книжных магазинов учебников, книг и проч. печатных материалов на основании существующих правил.

ж) Осуществление всех иных функций органы Главлита по городу Свердловску.

19. На окружных инспекторов по делам печати и зрелищ возлагается:

а) Руководство работой уполномоченных Окрлита.

б) Непосредственное осуществление контроля местных издательств и органов печати на основе существующих положений и указаний Главлита.

в) Прием и направление в Облит заявлений об открытии новых издательств и о разрешении печатанья учебников, книг, пьес и др. крупных произведений печати и дачи отзывов по ним.

г) Осуществление контроля над репертуаром, учет зрелищных предприятий и выдача разрешений на открытие их и на публичное исполнение и демонстрирование пьес и кино-картин.

д) Совместное с органами ГПУ осуществление контроля над книжным рынком на основе существующих функций.

20. На уполномоченных Окрлитов в районах возлагается:

а) Просмотр всех материалов предполагаемых к печати согласно п. 9 настоящей инструкции в целях недопущения сведений перечисленных в особых перечнях Облита.

б) Выдача разрешений на право печатанья и размножения этих материалов.

в) Выдача разрешений на право публичного исполнения и демонстрирования (устройство спектаклей, кино-сеансов и проч.) репертуара имеющегося в числе разрешенных по спискам, составляемых УралОблитом, а также последующий контроль исполнения их.

г) Учет зрелищных предприятий и направление в Окрлит заявления об открытии новых зрелищных предприятий.

д) прием и направление в Окрлит заявлений на право печатания учебников, книг, брошюр и др. крупных неперидических изданий.

е) Наблюдение за осуществлением издательскими органами печати и типографиями, установленных Облитом правил.

П.П. ЗАВ. УРАЛОБЛИТОМ ЛАНГЕ

Верно: Секретарь Облита Плишкина

Арх.: ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-588. Оп.1. Д. 47. Л. 42-43. Копия. Машинопись.

№11

Докладная записка П.П. Бажова в Уралобком ВКП (б) (январь 1932 г.)

Секретно

ФРАКЦИЯ УРАЛОБЛИСПОЛКОМА

**Докладная записка
«О состоянии органов ЛИТа в Уральской области».**

Аппарат ОБЛИТа

Руководящий аппарат Облита со времени его организации в 1922-м году неизменно состоит на трех работников: заведующего, одного инспектора и секретаря, который тоже пользуется правами инспектора.

Как сектор УралОНО, Облит имеет право пользоваться техническим аппаратом УралОНО /машинка, экспедирование, множительные приборы/, но фактически это обслуживание крайне затруднительно. Причины: специфика Обллитовской переписки /секретной по преимуществу/, огромная нагрузка технического аппарата другими секторами УралОНО и территориальная оторванность /Обллит помещается на улице 8-го Марта/.

Возможно, что в прошлом, когда число издания в Свердловске измерялось десятком, и все окружные издания были известны на перечет, Облит в составе трех человек справлялся с работой, как предварительного, так и последующего контроля, на основе которого мог инструктировать Окрлиты, а также имел возможность значительную часть времени уделять репертуарной политике. С 1931-го года, в связи с бурным ростом районной печати и развертыванием издательской деятельности ОГИЗа, разрыв между объемом печати и состоянием руководящего органа контроля достиг размеров, создающих полную безответственность за всякого рода пропуски и нарушения в печати требований военно-экономического характера.

Если ко дню печати 1931-го года, как отмечено в постановлении Уралобкома ВКП (б) от 6 мая 1931 года, число районных газет по области выросло с 16 в 1930 году до 86, при 188 многотиражках, то теперь этот рост еще более увеличился. На сегодняшний день по данным сектора печати Уралобкома имеется по области 156 районных, молодежных, красноармейских и колхозных газет. Число многотиражек доходит до 800; из них 30 стеклографических, остальные печатаются типографским путем. Учтенных нацгазет имеется по области 18 и, кроме того, 17 многотиражек. Рост продукции УралОГИЗа можно характеризовать следующей таблицей основных показателей:

	1930 г.	1931 г.	Контр. цифры 1932 г.
Названий	177	17,71	650
Листов	108,6	301,5	2600
Экземплов	750.000	3.086.000	10.400.000
Оттисков	1.707.690	9.873.000	40.000.000

Естественно – что при таком объеме газетно-книжной продукции Обллит в составе 3-х работников обеспечить даже самый поверхностный последующий контроль не мог. Тем более, что в связи с общим ростом печати соответственно выросла и печать, издающаяся в Свердловске/ с многотиражками ближайших фабрик и заводов/, и Обллит по существу вынужден был перейти на положение Свердловского Горллита, занимаясь по преимуществу предварительным просмотром. За год по Свердловску было пропущено 3620 названий типа книжно-газетной, литературы и 2373 названий лозунг-плакатной, афишной и изо-продукции.

В значительной степени основной работе Обллита мешало и то обстоятельство, что функции между сектором искусств УралОНО и Облитом не были четко разграничены, в силу чего Обллит по прежнему приходилось часть времени уделять предварительному просмотру и согласованию репертуара тех или других работников УЗП и Гомэца.

Состояние периферии Обллита.

До ликвидации округов было 16 работников, имевших специальную ставку и занятых исключительно работой контроля печати и зрелищ.

После ликвидации округов таких специально-занятых контролем работников не стало. Работа была возложена на райполитинспектору в порядке совместительства.

Такое положение неизбежно внесло элементы случайности, текущей, полной неподготовленности и безответственности. Были случаи, что райполитпросветинспектор района, где начинала издаваться

районная газета, не имел основного руководящего документа по контрольной работе, а Обллит не имел права выслать строго- секретный документ и адрес райполитпросветинспектора вообще, т.к. при подборе работников эти категории вовсе не имеется в виду обязательный допуск к секретным материалам.

Многочисленность работы райполитинспектуры, требующая частных выездов на места, сводит контрольную работу к пустой, формальности – отметка рядовых номеров райлита вовсе без просмотра.

В общем, с райлитами получалось положение на основе проводимых совещаний Поволжья, Урала, Башреспублики, Москва и Ленинграда, Иванова и Смоленска коротко охарактеризовал: «райлитификация».

Типографии.

Новым, еще мало освоенным элементом, является вновь организованные в течение истекшего года районные типографии. Большинство из них не укомплектованы в должной мере, даже руководящим составом, не говоря уже о классовой проверке и подборе рабочей силы таких ответственных групп, как наборщики и печатники.

Если в старых типографиях ни один наборщик не примет к набору рукопись самого ответственного на соответствующей территории органа без виза Лито, то во вновь организованных районных типографиях нередко случаи либеральничания и некчемных размышлений на темы: кто выше - райком или райлит.

Эта же неуккомплектованность районных типографий при полном почти отсутствии контроля над ними создает невозможность точного учета всех изданий области. Те цифры газет, которые приведены выше, не могут быть приняты, как вполне точные, иногда издания из районов вовсе не поступают или поступают несвоевременно.

В этих условиях бесконтрольная типографий нередко контрреволюционные опечатки, в том числе и определенно умышленные, как, например было в Манчажской районной типографии.

Прорывы в Уральской печати.

Наряду с прорывами идеологического порядка, сгустки которых с истощающей полнотой вскрыты в постановлениях Бюро и секретариата Обкома ВКП (б) о Пермском Пединституте и УралаППа, в печати Урала немало нарушений и военно-экономического характера, таких, которые регламентированы совершенно точно и поэтому пропуск их должен рассматриваться безоговорочно, как служебное преступление.

Таких нарушений за последний квартал 1931 года Главлит насчитал за уральской печатью 17 случаев. Но эта цифра далеко не соответ-

ствуется действительной. Судя по числу изъятой из одной Свердловской печати /259 случаев за год/ можно утверждать, что счет нарушений требования военно-экономического порядка в районах, где таких изъятий почти не производится должен идти на сотни.

При чем приходится констатировать, что нарушения этого вида, свидетельствуя о крайней слабости и неавторитетности райлитов, определенно говорят и о недооценке этих требований со стороны редакций и других местных органов.

В Перми, например, была конфискована по распоряжению Обллита брошюра «Материалы по развитию хозяйства Пермского района в системе УКК», райлиту был объявлен строгий выговор, но через несколько времени пермская «Звезда» /№ ОТ 12/ХІІ-31 г. повторила те же сведения, за разглашение которых была конфискована брошюра.

Березниковская газета «Ударник» в списке Главлита занимает видное место /упоминается 3 раза из 17/., но в действительности делает нарушения гораздо чаще. Этому не помогают ни выговоры райлиту, ни специальная поездка в Березники работника Обллита, ни смена людей.

А в результате такого отношения заметки Пермской и Березниковской газеты, по сообщению работника Главлита т. Романовского, уже не раз использовались в заграничной печати, как политический документ с соответствующими комментариями.

Имеются нарушения и по линии красноармейской печати.

Меры принимаемые Облитом для улучшения контрольной работы.

В целях разгрузки Обллита для его основной работы-последующего контроля – в 1931 – году/ во втором полугодии удалось организовать институт уполномоченных при издательствах/ один работает при издательстве Облика, на общей работе, и один – при ОГИЗе/. Был уполномоченный при типографии «Гранит», но был снят по требованию Уралиграфа, из-за отсутствия специальных кредитов по этой должности.

Уполномоченный по Сталинскому району тоже был снят. Тоже «средств не нашлось», и только после 17/ХІІ-31 года эти средства нашлись.

Свердловский Горлит находится в зачаточном состоянии. Имеется один работник, но у него нет помещения, ни технического аппарата.

Очередные мероприятия.

Тот сдвиг в отношении лито-работы, который имеется в связи с постановлением Секретариата Уралобкома ВКП/б/ от 17/ХП-1931 года и спущены на основе этого постановления письмом Культпропа Обкома, должен быть закреплен мероприятиями по линии соцаппарата.

Для этого в первую очередь необходимо:

1. В нацокругах усилить работу Окрлитов введением в штат одного техработника, чтобы обеспечить возможность введения статистических данных.

2. В районах новостроек и городах с широко развитой сетью изданий, а также в пунктах особо ответственной промышленности выделить специальных работников по контролю печати и зрелищ.

В частности утвердить следующие штаты:

В Свердловске.....	2 инспектора
Перми.....	2
Магнитогорске.....	2
Челябинске.....	2
Тагиле.....	2
Березниках.....	2
Златоусте.....	1
Тюмени.....	1
Молотове.....	1
Красноуральске.....	1
П-Уральске.....	1
Невьянске.....	1
Чердыни.....	1
Сталинском районе....	1

3. Как в этих пунктах, так и во всех остальных районах, где работа контроля ведется по совместительству, должна быть введена строгая персональная ответственность райлитов не только в партийном, но и судебном порядке на пропуск в печати неразрешенных сведений, для чего назначение и смещение райлитов /по рекомендации Райкомов ВКП (б) и согласования с органами ОГПУ/ проводить по постановлению Президиума Рика с обязательным представлением на утверждение Обллита.

Одновременно должна быть создана соответствующая обстановка для работы /допуск к руководящим секретным материалам, возможность секретной работы, оперативная поддержка по линии контроля типографией, принимаемые условия для хранения документов, помещение, телефон, возможность обслуживания техаппаратом. Основным требованием должно быть, чтобы ни один вид газетной и

книжной продукции не выпускался из типографии без действительно-го просмотра и визы Райлита.

4. В целях скорейшей разгрузки Обллита для его основной оперативно-организационной работы:

а) форсировать организацию Свердловского Горллита, выделив для этого из наличного состава Обллита тов. Шмелева – зав. Горлитом.

б) Поручить УралОНО в пятидневный срок на основе нового «Положения краевых и областных отделах народного образования» этого разграничить функцией между сектором искусств и управлением по делам печати и издательств, оставив за последним в отношении зрелищ лишь права и обязанности последующего контроля.

5. Обллит укомплектовать до полного штата, утвержденного нашей Наркомпроса и РКИ.

Для укрепления Обллита квалифицированными кадрами, кроме отозванных уже в его распоряжение Обкомом тов. Рекланова /редактор быв. Крановской газеты/ и тов. Кафонова /нацмен инспектор Ялуторовского РайОНО/ просить Обком ВКП/б/ отозвать еще следующих товарищей: Васильева, Середкина /Зав. Школой ФЗУ Березниковского района/, Кушина /Культпроп Н-Туринского Райкома ВКП/б/, Боброва /Райполитинспектор Шадринского района/, Петрову, Пищагина.

7. Считая неправильным, что при Обллите не хранится книжно-газетная продукция, предложить УралОНО выделить работника, помещение и необходимые средства для организации специального хранилища, где бы сосредоточить всю выпускаемую на Урале типографиями продукцию, в том числе и афишно-плакатную.

8. Председателю Свердловского Горсовета тов. Попкову поручить в месячный срок представить помещение для Свердловского Горллита, а также для Обллита, обеспечивающее возможность для развертывания работы.

Тов. Попкову обеспечить вызываемых из районов работников Обллита квартирами.

9. Всему составу Обллита поручить в первую очередь произвести переучет всех изданий, точный учет работников своей периферии и разработать для них подробную инструкцию.

Основные условия Обллита в тоже время должны быть направлены на организацию научно-партийной общественности, с помощью которой полно и возможно поставить квалифицированный последующий просмотр книжно-газетной продукции.

Массовые мероприятия по вовлечению в круг длительности Обллита партийной части наборщиков и печатников должны проводиться в самом срочном порядке.

Зав. Обллитом

П. БАЖОВ

Арх.: ГАСО. Ф. р-577. Оп. 2. Д. 22. Л. 58-63. Копия. Машинопись.

№12

Приказ № 39 от 15 мая 1934 г. по Свердловскому обллиту

Секретно

Приказ № 39
По Свердловскому Управлению по делам литературы
и издательств /Свердлобллиту/

15 мая 1934 г.

§1

Считать утвержденными в должностях начальников горлитов и райлитов по состоянию на 15/V – 34 г., по области следующих товарищей:

1.	Свердловский Горлит	т. Шляпина	Члена ВКП(б) с 1920 г.
2.	Помощ. нач. Горлита	т. Шульгину	Члена ВКП(б) с 1928 г.
3.	Пермского Горлита	т. Казанцева	Члена ВКП(б) с 1924 г.
4.	Ворошиловского Горлита	т. Лунегова	Члена ВКП(б) с 1927 г.
5.	Молотовского Горлита	т. Бояринов	Члена ВКП(б) с 1924 г.
6.	Н. Тагильского Горлита	т. Ивановскую А.Н.	Члена ВКП(б) с 1924 г.
7.	Калатинского Горлита	т. Мамонова А.Т.	Члена ВКП(б) с 1916 г.
8.	Кабаковского Горлита	т. Колотовкина	Члена ВКП(б) с 1930 г.
9.	Кизеловского Горлита	т. Каменева	Члена ВКП(б) с 1930 г.
10.	Кушвинского Горлита	т. Костину З.А.	Члена ВКП(б) с 1932 г.
11.	Алапаевского Горлита	т. Белоусову В.А.	Члена ВКП(б) с 1926 г.
12.	Чернушинского Горлита	т. Пономарева Г.Г.	Члена ВКП(б) с 1927 г.
13.	Красноуфимск. Горлита	т. Селянина Н.Н.	Члена ВКП(б) с 1921 г.
14.	Сивинского Горлита	т. Русину	Члена ВКП(б) с 1926 г.
15.	Лялинского Горлита	т. Радченко Ф.М.	Члена ВКП(б) с 1928 г.

16. Кишертского Горлита	т. Киселева Ф.Г.	Члена ВКП(б) с 1931 г.
17. Шалинского Горлита	т. Якимова А.И.	Члена ВКП(б) с 1931 г.
18. Бардынского Горлита	т. Халилова Р.А.	Члена ВКП(б) с 1929 г.
19. Лысьвенского Горлита	т. Колыхматова	Члена ВКП(б) с 1928 г.
20. Щучье-Озерского Горлит	т. Шихова И.С.	Члена ВКП(б) с 1928 г.
21. Нытвенского Горлита	т. Ощепкова А.И.	Члена ВКП(б) с 1932 г.
22. Артинского Горлита	т. Стенина А.А.	Члена ВКП(б) с 1930 г.
23. Еловского Горлита	т. Смольникова В.	Члена ВКП(б) с 1925 г.
24. Салдинского Горлита	т. Темпалова И.А.	Члена ВКП(б) с 1928 г.
25. Чермозского Горлита	т. Фаломеева В.С.	Члена ВКП(б) с 1931 г.
26. Ивдельского Горлита	т. Папина П.И.	Члена ВКП(б) с 1928 г.
27. Ординского Горлита	т. Фефилова И.А.	Члена ВКП(б) с 1929 г.
28. Осинского Горлита	т. Казанцева М.П.	Члена ВКП(б) с 1929 г.

§2

Ввиду невыполнения приказа по Обллиту и Отделу Военной цензуры от 16/1 – 34 г. за № 10/3 райлитами – Асбестовским, Слабодотуринским, Верхнегородским, Чусовским, Манчажским, Воткинским, Куединским, Сосновским, Краснополянским, Еманмелинским, Первоуральским, Сухоложским, Полевским, Нытвенским, Кунгурским, Махневским, Режевским, Табардинским, Чердынским, Н.-Сергинским и Гаринским, всех лиц, ведущих цензурную работу в райлитах указанных районов без полномочий Обллита привлечь к уголовной ответственности, передав дела о них в декадный срок областному прокурору.

§3

За совершенное непредставление отчетности по установленным Главлитом формам объявить выговор с занесением в трудовые списки;

1. Начальнику Бардынского райлита т. Халилову
2. Начальнику Кишертского райлита т. Киселеву
3. Начальнику Сивенского райлита т. Русиной.

Предупредить всех начальников райлитов, что за невыполнение распоряжений и приказов Обллита и Отдела Военной Цензуры они будут привлекаться к строжайшей партийной и уголовной ответственности.

Начальник Обллита и
Отдела Военной Цензуры

/ С.И. Тубанов/

Арх.: ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 69-69об.

№13

Докладная записка уполномоченного обллита при Челябинском тракторном заводе М.П. Дымарева в Челябинский обллит

Начальнику Челябинского обллита
от уполномоченного обллита по ЧТЗ
Дымарева Михаила Прокофьевича

Докладная записка

Настоящим сообщаю, что политический ляпсус напечатанный в газете «Наш трактор» от 10 августа в воспоминании участника дальневосточных событий в 1929 г. в порядке некоего давления на меня как на сотрудника редакции, особо после снятия моей статьи о призыве 1912 г. Здесь в редакции вызывались насмешки со стороны Члахова – сотрудника редакции «Обллит да литы всегда Вас проведу как захо-чу» и т.д. Черепанов «Вы не разрешаете мне выпускать литстраничку, мальки» и т.д. Тогда редактор: «Мы тебя искать не будем, а будем печатать» так и продолжает печатать.

После этого как получился пропуск этой статьи 14.VIII. с/г я слышал этот иронический смех со стороны секретаря парткома т. Чудновского, который при встрече в МСУ выразился «Ну здорово

уважаемый политконтроль, как оно делишки». 14.VIII. с/г в столовой партактива такую насмешку я встретил со стороны инструктора парткома т. Лямина и Казицкой из культпропа ИК ВКП(б).

Доношу, что в течение месяца моей работы Уполномоченным обллита на ЧТЗ я не встретил помощь ни со стороны бывшего секретаря парткома Васькина, а сейчас т. Чудновского.

Много пригласительных билетов и других вещей печатаются помимо как уполномоченного Обллита и я как сотрудник редакции не в состоянии совместить одно с другим.

О чем докладываю Вам и прошу освободить меня от обязанности уполномоченного Обллита по ЧТЗ, так как решение парткома ЧТЗ от 14.VIII. 34 г. постановило, решение парткома от 17.VII отменить, то есть об освобождении меня от политконтроля газеты «Наш трактор». В моей просьбе прошу не отказывать.

25.VIII.1934

Уполном. Обллита по ЧТЗ

Дымарев

Арх.: ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 29-29 об.

№14

Резолюция первого совещания работников цензуры Свердловской области (3-5 июля 1934 г.)

Резолюция

по докладам начальников райлитов на областном совещании Свердловской области 3 – 5/VII – 1934 г.

1. Заслушав доклады о работе райгорлитов Пермского, Чусовского, Н. Тагильского, Молотовского, Калатинского и Окрлита Коми-Пермяцкого округа, совещание признает работу Пермского Горлита /нач. Горлита тов. Казанцев/ и Чусовского райлита совершенно неудовлетворительной. Одновременно совещание констатирует о значительном улучшении работы в Н. Тагильском и Молотовском Горлитах за последние два месяца /со времени назначения нач. гор. т. т. Бояршинова и Ивановской/.

2. Основной причиной неудовлетворительной работы Пермского Горлита совещание считает непроведением Пермским ГК ВКП /б/ в жизнь постановления Уралобкома ВКП /б/ от 7/X – 33 г. и своего по-

становления от 15/IV – 34 г. об органах цензуры. Нормальных условий для работы Горлита не создано. Контроль за печатной продукцией /28 газет/, радиоузлами /16 радиоузлов/, выставками, открытыми собраниями, фото-артелями, скульптурной и художественной продукцией осуществляет один работник.

Все это способствовало дальнейшему рассекречиванию государственных тайн и пропуску в печати политически неверных формулировок /пример – помещение лозунга о свержении диктатуры пролетариата в газетах за первое мая/. В связи с тем, что в своем выступлении на совещании тов. Казанцев обвинил секретаря Пермского ГК ВКП /б/ тов. Корсунова в прекращении им уголовного дела по привлечению к ответственности заведующего типографией № 2, довести об этом факте до сведения Уполномоченного КПК. Свердловской области.

Просить культпроп Свердловского Обкома ВКП/б/ об укреплении Пермского Горлита работниками и Пермский ГК ВКП/б/ о немедленном создании нормальных условий для работы Горлита /помещение, несгораемый ящик, прикрепление к распределителю, выделение актива и двух работников/.

3. Признать, что основной причиной совершенно неудовлетворительной работы Коми-Пермяцкого Окрлита является непроведение окружкомом ВКП /б/ в жизнь решения Обкома партии от 7/Х–33 г. В работе Окрлита существует самотек. Номера Окрлита даются случайным работникам. Совершенно отсутствует руководство Окрлита райлитами на территории округа. В печати округа имели место случаи рассекречивания государственных тайн и извращение политики партии по национальному вопросу на Коми-Пермяцком языке. Ставка, отпущенная по решению Обкома на второго работника Окрлита, используется не по прямому назначению. Выделенный на должность начальника Горлита тов. Механошин не прикреплен к распределителю партактива, не имеет соответствующего помещения для работы и используется для длительных командировок. Несмотря на просьбу Обллита в Коми-Пермяцкий Окружком ВКП /б/ об укреплении окрлита работниками и создания нормальных условий для его работы, окружком никаких мер в этом отношении не принял.

Просить Бюро Свердловского Обкома ВКП /б/ о даче указаний Коми-Пермяцкому Окружкому ВКП /б/ об укреплении Коми-Пермяцкого Окрлита двумя партийно выдержанными работниками.

4. Комментируя, что нач. Калатинского района тов. Мамонов удовлетворительно провел работу по организации цензуры в районе, одновременно отметить, что им допущена грубая ошибка в статье «Цех три, опять в позорном прорыве» с данными о выработке продукции в рублях по оборонному цеху завода.

Обязать тов. Мамонова не допускать в дальнейшем прорывов подобного рода, организовать актив в помощь себе и вести работу по плану.

Просить Калатинский райком ВКП /б/ выслушать доклад тов. Мамонова о работе райлита и создать кроме условия для его работы – выделить отдельное помещение и приобрести несгораемый ящик для хранения секретных документов.

5. Просить Чусовской райком партии обратить на работу райлита самое серьезное внимание и создать вновь назначенному начальнику райлита тов. Кондратьеву нормальные условия для работы: прекратить посылки в командировки, выделить засекреченного заместителя, отвести помещение для работы, приобрести несгораемый ящик, предоставить квартиру, своевременно выдавать зарплату.

6. Предложить начальнику Молотовского Горлита тов. Бояршинову строго руководствоваться в своей работе указаниями начальника Обллита тов. Тубанова, данными при обследовании и перечнем по охране военных и экономико-политических гостайн, не допускать проникновения в печать, радио и выставки сведений о производимой заводом продукции. Особое внимание в своей работе уделить на организацию актива, своевременную посылку отчетности в Обллит и ведение всей работы в плановом порядке.

7. Совещание обязывает начальника Н. Тагильского Горлита тов. Ивановскую центр внимания в своей работе сосредоточить на выполнение директив Обллита по реализации решений 17-го съезда ВКП /б/, особенно в части организации актива, развертывания соцсоревнования на лучшую постановку цензурной работы и усиления контроля за типографиями и издательствами в Н. Тагиле.

8. Совещание констатирует, что, несмотря на недостатки в работе отдельных райгорлитов в Свердловской области, в цензурной работе за последнее полугодие произошло значительное улучшение: усилилось руководство Обллита райлитами, улучшилась живая связь с ними: обследовано 19 райлитов, проинструктировано 27 начальников райлитов, проведено два совещания, закреплено на работе 50 начальников райлитов, выделенных райкомами партии и райисполкомами.

Центр тяжести в работе органов цензуры переместился на предварительный контроль и предупреждение нарушений /всего с февраля по июнь проведено изъятий и вычерков 61/. Одновременно сократилось количество нарушений в порядке последующего контроля /за 1933 г. было нарушений в среднем 22 – 23 за мес., за 1934 г. – 6 – 8 нарушений/. Материально-бытовые условия большинства начальников райлитов улучшились почти в два раза по сравнению с прошлым годом /ставки от 250 – 300 руб./

9. Совещание констатирует, что живая связь Обллита с райлитами, несмотря на ее улучшение, все еще недостаточна и должна быть усилена путем регулярных выездов на места работников Обллита, проведения кустовых совещаний, курсов по переподготовке работников цензуры и освещения работы Обллита и райлитов в специально организованном бюллетене Обллита.

10. Совещание признает, что отдельные начальники райлитов /Воткинск, Оханск, Куеда, Первоуральск/ все еще недооценивают ответственности, возложенной на них партией и правительством ведением цензурной работы. В связи с организацией по директивам ЦК ВКП /б/ и Совнаркома СССР военной цензуры, совещание требует от всех начальников райлитов постановки цензурной работы на такую высоту, чтобы в контролируемой печати, радио и т.д. совершенно не было рассекречивания дислокации воинских частей и выработки продукции оборонных предприятий. Цензурная работа в районах с предприятиями оборонного значения и расположения воинских частей должна быть поставлена на военный образец.

11. Для более быстрой и неуклонной организации постановлений ЦК ВКП /б/ и Совнаркома СССР о военной цензуре райлитами, совещание просит Обллит поставить вопрос перед Свердловским обкомом ВКП /б/ о вынесении решения запретить командировки начрайлитов без согласия начальника отдела военной цензуры.

12. Совещание отмечает, что в районной печати имели место случаи пропуска политически-неверных, извращающих директивы партии и правительства отдельных лозунгов и формулировок и т.п. /Пермь, Первоуральск, Оханск, Шалинск/. Все это указывает на недостаточную классовую бдительность отдельных начрайлитов и на безответственное отношение их к цензурной работе. Совещание требует от всех работников цензуры усиления революционной классовой бдительности и недопуска в печати и радио политических извращений, директив партии и правительства.

13. Совещание отмечает, что сосредотачивая центр внимания на печатной продукции, райлиты почти не уделяют внимания на другие участки цензурной работы: радио, выставки, открытые собрания, фото-артели, изготовление и распространение скульптурной и художественной продукции. Необходимо в ближайшее время добиться охвата контролем всех участков цензурной работы. При этом лиц, виновных в нарушении Советского законодательства о выпуске в свет печатной продукции и порядке изготовления и распространения художественной и скульптурной продукции /портретов вождей, барельефов, статуэток и пр./, привлекать к самой строгой уголовной ответственности.

На основе распоряжения Свердловского Областного прокурора райпрокурорам, начальники райлитов должны добиться, чтобы все дела, передаваемые райлитами в судебные органы рассматривались во внеочередном порядке.

14. Считая, что политическая подготовка многих начальников райлитов крайне низка, совещание обязывает их систематически повышать свой теоретический уровень, обязательно включившись в одну из форм партийной учебы: вечерние комвузы, кружки ленинизма, заочные курсы и т.п.

15. Собрание констатирует о недостаточном разворачивании соцсоревнования между райлитами на лучшую постановку цензурной работы. К настоящему времени соревнуются райлиты Калатинский с Красноуральским; Чердынский с В-Городским; Артинский с Нытвенским; Ивдельский с Махневским; Лысьвенский с Воткинским; Кушвинский с Кулебяжским /Горьковского края/; Еловский с Кишертским.

Вызваны на соревнования начальники Кабаковского райлита тов. Колотовкиным уполном. по Мурому /Горьковского края/; нач. Ворошиловского райлита тов. Лунеговым нач. Дзержинского райлита /Горьковского края/; уполном. при УЗТМ тов. Ларионовой упол. по Сормово /Горьковского края/; нач. Молотовского горлита тов. Бояршиновым и Пермского горлита тов. Казанцевым упол. по Вятке /Горьковского края/; нач. Кизеловского райлита тов. Каменевым по Вятке /Горьковского края/.

Собрание категорически требует от всех работников цензуры не на словах, а на деле взяться за проведение социалистического соревнования, обязательно заключение договора по соц. соревнованию между райлитами.

16. Собрание отмечает случаи рассекречивания военных гостайн в печатных материалах и телеграммах отделения СвердРОСТА и просит Обллит усилить контроль за рассылаемыми СвердРОСТА в районы материалами.

17. Зорко следить за охраной гостайн в печати, радио, выставках и собраниях. Нач. Райлитов в то же время обязаны не допускать перегибов и самостраховок в цензурной работе.

18. Собрание категорически обязывает всех нач. райлитов немедленно выполнить директивы Обллита о реализации решений XVII-ого съезда ВКП/б/ и указаний вождя партии и мирового пролетариата тов. Сталина.

Утверждаю:

Нач. Свердлобллита и ОВЦ

/ С.И. Тубанов/

Нап. 80 экз.

Арх.: ГАПК. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 49-52.

Письмо начальника Каменского горлита Д.Т. Токарева в Главлит

Челябинская область,
г. Каменск, ул. Пионерская, д. 2
13.XI. 1940

Копия

Москва – Главлит

Работая начальником Горлита в г. Каменске 3 года, к моему стыду до настоящего времени не могу разобраться в таком вопросе: могу ли я требовать от типографии и обязана ли она предоставлять отдельную (изолированную) комнату в типографии для дежурного цензора, где, чтобы можно было читать в нормальных условиях газету и иметь под рукой руководящие материалы и т.д., или, если типография отказывается предоставлять нормальные условия для работы цензора, то могу ли я предъявить к типографии, чтобы она предоставляла, т.е. несла газеты в Горлит, где бы мог дежурить цензор.

С этим вопросом я обращался в Челябинобллит, лично разговаривал с т. Тюртюбеком, но точного ответа не получил. Он рекомендовал, что так как Горлит находится от типографии на расстоянии 300-400 метров, то можно установить дежурства цензора /ночью/ в Горлите. Но какие основания, положения имеются для того, чтобы я мог потребовать от типографии, ничего нет.

А директор типографии г. Каменска т. Быков категорически отказывается носить газету, говорит, что цензор обязан приходить в типографию и там читать. Также категорически отказал в предоставлении отдельной комнаты для работы дежурного цензора.

Но в таких условиях, как в настоящее время работает цензор – абсолютно работать нельзя. Цензор приходит на дежурство в 9 час. Вечера и находится там до 5-6 ч. утра. К тому же, вследствие плохой организации труда в типографии и отсутствии должной дисциплины, работа с газетами систематически задерживается. Газеты приходится читать на ходу, когда на окне, на стуле и т.д. Кругом шум, гам, стук машин и т.п. Конечно, при таких условиях работы неминуемо будет брак, ошибки, разглашение гостайн. Кроме того, что-либо оказалось для цензора сомнительным или он должен делать наобум, на память и допускать брак, или он вынужден идти в Горлит за получением той или другой справки в материале.

В результате плохое качество работы и непроизводительная трата времени.

Мною был поставлен вопрос на бюро Горкома ВКП(б), где вынесено решение от 7.X.1940, обязывающее директора типографии выделить отдельную комнату в типографии и предоставить в распоряже-

ние Горлита, но он это решение не выполняет, говорит, что у него есть указания от Челябинполиграфтреста другого порядка.

Прошу вашего вмешательства и воздействия через Челябинполиграфтрест на директора Каменской типографии т. Быкова о предоставлении комнаты при типографии для создания нормальных условий в работе цензора.

Уполномоченный Челябинобллита
по г. Каменску и району / *Д. Токарев*

Арх.: ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 12. Л. 107.

№16

Циркулярное письмо начальника Главлита Н.Г. Садчикова в Челябинский обллит

г. Москва

16 ноября 1940 г.

Главное Управление
по делам
Литературы и Изда-
тельств
«Главлит»
16 ноября 1940 г.
Москва

Уполномоченному Челябинского Обллита
тов. Тимофееву

Начальнику Челябинского Облита
тов. Шмелеву

На Ваше письмо Главлит сообщает:

1. Рабочий день цензоров считается ненормированным. Поэтому, если цензору иногда приходится работать более 8 часов в этом ничего противозаконного нет. Систематическое пребывание в типографии по 15 и более часов показывает неправильную организацию вашего труда. Необходимо по договоренности с редакцией и типографией установить для Вас график выхода на работу в расчете максимальной загрузки Вашего рабочего времени.

2. Мы рекомендуем Обллиту приобрести справочную литературу, для чего средства будут отпущены по новому бюджету.

3. О переводе Вас на работу в другую область просим сообщить нам Ваши мотивы и в какую область Вы намерены перевестись.

Уполномоченный СНК СССР по охране
воен. тайн в печати и начальник Главлита / *Н. Садчиков*

Арх.: ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 12. Л. 104.

Список использованных источников и литературы

1. Источники

1.1. Архивные документы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. Р-9425 – Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМИ СССР (Главлит).

Оп. 1. Проекты постановлений по вопросам цензуры, переписка с ЦК ВКП (б) по цензурным вопросам, отчетные доклады Главлита.

Д. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 10, 13, 14, 18.

Оп. 2. Приказы уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита, штатное расписание органов Главлита.

Д. 8, 10, 11, 28.

2. Ф. А-2306 – Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР.

Оп. 36. Д. 97. Штатное расписание Главлита на 20.10.1922.

Оп. 69. Переписка с Главлитом, отчеты Главлита.

Д. 63, 192, 514, 1587, 2078.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

3. Ф. 17. Центральный Комитет РКП (б) – ВКП (б).

Оп. 9. Материалы Всесоюзной партийной переписи 1926 г.

Д. 3439 (П.П. Бажов), 3544 (М.Р. Ланге), 3574 (А.З. Неупокоев), 3644 (В.М. Трухановский), 3675 (П.Н. Шмелев).

Оп. 60. Отдел агитации и пропаганды; Отдел печати.

Д. 751, 752, 753, 808, 809.

Оп. 62. Бюллетени Главлита РСФСР.

Д. 991.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

4. Ф. Р-577. Свердловское областное управление по делам литературы и издательств «ОБЛЛИТ».

Оп. 1. Руководящие материалы по печати Уралобллита, переписка с Главлитом, периодическая отчетность окружной цензуры (1925-1928, 1932-1933).

Д. 1, 2, 3, 5, 7, 8, 9, 30, 41, 43, 47, 50.

Оп. 2. Распоряжения и циркуляры Главлита, материалы о реорганизации органов цензуры в 1930 г., приказы Свердлобллита (1925-1939 гг.)

Д. 2, 3, 17, 22, 23, 33, 38.

Оп. 3. Стенограммы областных совещаний цензоров, конференций, материалы по социалистическому соревнованию, приказы Свердлобллита (1933-1940).

Д. 2, 3, 5, 6, 10, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20.

5. Ф. Р-233 – Уральский областной отдел народного образования (Ураломо).

Оп. 1. Д. 64. Инструкции и циркуляры Обллита Ураломо (1923-1924).

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО)

6. Ф. 4 – Уральский областной комитет РКП (б) – ВКП (б).

Оп. 13. Отдел культуры и пропаганды.

Д. 443.

Оп. 14. Переписка отдела культуры и пропаганды с Обллитом.

Д. 385.

Оп. 19. Д. 132 (Павел Петрович Бажов).

Оп. 20. Анкетные данные членов уральских парторганизаций ВКП (б).

Д. 1168 (А.Н. Ивановская), 1425 (Р.Д. Ковнатор), 2353 (С.И. Тубанов), 2355 (И.Д. Тулакин), 2478 (А.З. Неупокоев), 2777 (А.Д. Ослоновский), 5247 (В.М. Трухановский), 5438 (В.Д. Устюгов), 5856 (О.Д. Цветкова), 6174 (В.А. Чуканцев-Муромцев), 6754 (Н.И. Юматов).

7. Ф. 4284 – Парторганизация Свердлобллита Сталинского районного комитета ВКП (б) г. Свердловска.

Оп. 1. Протоколы партийных собраний (1933-1941).

Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Государственный архив Пермского края (ГАПК)

8. Р-684 – Кишертский районный исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся.

Оп. 3. Циркуляры Уралобллита по цензуре печати, переписка начальника Кишертского райлита со Свердловобллитом, резолюции областных совещаний цензоров (1931-1934).

Д. 70, 88, 111, 123 (Бюллетень Главлита и ОВЦ. № 8. 1934).

9. Р-1156 – Управление по охране государственных тайн в печати при Пермском облисполкоме.

Оп. 3. Отчетные материалы Пермского обллита (1939-1940).

Д. 1, 2.

Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ)

10. Ф. 105 – Фонд личных дел.

Оп. 243. Д. 1879 (М.Н. Пермякова).

11. Учетная карточка образца 1926 г. Казанцев Г.С., 1903 г.р.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО)

12. Ф. Р-496 – Челябинское областное управление по делам литературы и издательств «ОБЛЛИТ».

Оп. 1. Приказы и распоряжения Челябобллита за 1934-1941 гг., списки штатного состава, переписка обллита с районными уполномоченными и политредакторами.

Д. 2, 3, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13.

Оп. 2. Сведения о кадровом составе цензуры, отчеты о расходовании финансовых средств, перечень вакантных должностей в городах и районах Челябинской области.

Д. 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12.

13. Ф. Р-1402 – Уполномоченный Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром по Челябинской области.

Оп. 1. Приказы Уполномоченного ГУРК (1935-1941)

Д. 1, 2.

Государственный архив Тюменской области (ГАТО)

14. Ф. Р-84 – Тюменский окружной отдел политпросвета.

Оп. 1. Д. 156. Переписка тюменского окрлита с Уралобллитом.

15. Ф. Р-1800 – Управление по охране государственных тайн в печати Тюменского облисполкома.

Оп. 1 (1944-1977). Предисловие к описи.

**Государственный архив социально-политической истории
Тюменской области (ГАСПИТО)**

16. Ф. 1 – Тюменский губернский комитет РКП (б).

Оп. 1. Переписка губкома РКП (б) с учреждениями и организациями (1919-1923).

Д. 533, 547.

**Государственный архив Курганской области
(ГАКО)**

17. Ф. Р-47 – Отдел народного образования Курганского уездного исполнительного комитета (УОНО).

Оп. 1. Циркуляры, письма Курганского УОНО, отчеты о работе улита за 1923 г.

Д. 175, 190, 198, 203.

18. Ф. Р-48 – Округной отдел народного образования Курганского окрисполкома (ОКРОНО).

Оп. 3. Переписка ОКРОНО с учреждениями и организациями (1923-31).

Д. 2, 6.

19. Ф. Р-1737 – Управление по охране государственных тайн в печати при Курганском облисполкоме.

Оп. 1 (1943-1963). Предисловие к описи.

ГУ «Государственный архив в г. Шадринске»

20. Ф. Р-213 – Шадринский округной отдел народного образования.

Оп. 1. Переписка ОКРОНО с учреждениями и организациями, материалы по работе райлитов (1924-1927).

Д. 805.

21. Ф. Р-588 – Верхтеченский районный исполнительный комитет.

Оп. 1. Д. 47. Дело по работе Верхтеченского райлита за 1926-1927 гг.

22. Ф. Р-1011 – Личный фонд Александра Григорьевича Арыкина.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 23, 24, 25.

МУ «Кунгурский городской архив»

23. Ф. Р-143 – Кунгурский окружной отдел народного образования.

Оп. 1. Переписка ОКРОНО с учреждениями и организациями, материалы по работе окрлита (1926-1929).

Д. 15, 18, 82.

МУ «Нижнетагильский городской исторический архив»

24. Ф. Р-21 – Нижнетагильский окружной исполнительный комитет.

Оп. 1. Переписка окрисполкома с учреждениями и организациями, сведения о работе окрлита (1928-1929).

Д. 620, 1112, 822, 1036, 1038.

ГБУ «Государственный архив в городе Ирбите»

25. Ф. Р-472 – Ирбитское окружное управление по делам литературы и издательств.

Оп. 1. Циркуляры Главлита, инструктивный материал Уралобллита, переписка Уралобллита и улита (1923 г.), отчеты и доклады в обллит (1923-1929).

Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

1.2. Опубликованные документы и материалы

26. «Без визы не допускать...»: политическая цензура на Урале в период НЭПа: сб. архив. матер. / вступ. ст., сост. и ред. С. А. Дианов. Пермь, 2009. 222 с.

27. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917 – 1956 / сост. Л.В. Максименков. М.: МФД: Материк, 2005. 752 с.

28. «Великая книга дня...». Радио в СССР. Документы и материалы / сост. Т.М. Горяева. М., 2007. 1059 с.

29. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД: Материк, 2002. 872 с.

30. Действующее законодательство о печати. Систематический сборник. / сост. Л.Г. Фогелевич. 1-е изд. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР. 1927. 304 с.
31. Законы о печати / сост. С.И. Сахаров. М.: Изд-во Всероссийского комитета помощи инвалидам войны при ВЦИК Советов, 1923. 63 с.
32. Издательское дело в СССР (1923–1931 гг.). Сборник документов и материалов / сост. Е.А. Динерштейн, Э.В. Гольцева. М.: Книга, 1978. 256 с.
33. История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы, ноябрь 1920-1929. М.: Книга, 1979. 294 с.
34. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М.: Политиздат, 1985. 472 с.
35. «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. 270 с.
36. О контроле за зрелищами и репертуаром. Официальный сборник положений, инструкций и распоряжений ГРК / Наркомпрос РСФСР. М., Учпедгиз. 1935. 63 с.
37. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сб. документов и материалов / ред. кол.: А.З. Окороков и др. М.: Мысль, 1972. 635 с.
38. Основные директивы и законодательство о печати. 1919–1934 / сост. Л.Г. Фогелевич. 4-е изд. М.: Советское законодательство, 1934. 240 с.
39. Основные директивы и законодательство о печати / сост. Л.Г. Фогелевич. 6-е изд. М.: Советское законодательство, 1934. 246 с.
40. Резолюции и постановления XII съезда РКП (б). М., 1923.
41. Русская журналистика в документах: История надзора / сост. О.Д. Минаева. М.: Аспект Пресс, 2003. 397 с.
42. Сборник директив по библиотечной работе / сост. М. Потопов. 2-е изд. М.: Гос. учеб. пед. изд-во, 1935. 145 с.
43. Сборник материалов по радиовещанию (В помощь уполномоченному). Ростов-н/Д. Азеркрайрадиокомитет, 1936. 30 с.
44. Схема полугодического отчета Губ. и ОблОНО // Еженедельник Наркомпроса РСФСР. М., 1925. № 3. С. 28-36.
45. «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997. 273 с.
46. Цензура в Советском Союзе. 1917-1991. Документы / сост. А.В. Блюм. М.: РОССПЭН, 2004. 576 с.

1.3. Справочно-информационные издания

47. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.) /под ред. В.П. Петровой; ФГУ «Тюмень». Тюмень, 2003. 304 с.
48. Административно-территориальное деление Курганской области (1917-2004 гг.): справочник. Курган, 2005. 302 с.
49. Бажовская энциклопедия / ред.-сост. В.В. Блажес, М.А. Литовская. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2007. 639 с.
50. Большая энциклопедия: в 62 т. Т. 57. М.: ТЕРРА, 2006. 592 с.
51. Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник / под ред. А.Н. Яковлева; авт.-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД: Материк, 2003. 768 с.
52. Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Пермь, 1994. Вып. 1. 90 с.
53. СССР по районам. Уральская область / сост. О.А. Константинов. М.; Л.: ГИЗ, 1926.

1.4. Труды государственных деятелей и руководителей цензуры

54. Лебедев-Полянский П.И. О пролетарской культуре (Стенограмма речи, произнесенной в Москве 20 ноября 1920 г.) / П.И. Лебедев-Полянский. Донское обл. отд. ОГИЗ. Ростов-н/Д, 1921. 32 с.
55. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 12. 5-е изд. М., 1968. С. 100-101.
56. Ленин В.И. Речь по вопросу об Учредительном собрании / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 35. 5-е изд. М., 1977. С. 136-137.
57. Троцкий Л.Д. Литература и революция / Л.Д. Троцкий. М.: Красная Новь. 1923. 394 с.
58. Пельше Р.А. Основные задачи политико-просветительной работы / Р.А. Пельше // Политпросветработа и искусство. М.: ГИЗ, 1926. 120 с.
59. Пельше Р.А. Проблемы современного искусства / Р.А. Пельше. М.: ГИЗ, 1927. 130 с.

2. Литература

1. *Абрамов К.И.* Истоки советской цензуры библиотечного дела / К.И. Абрамов // Библиотекосведение. 1996. № 6. С. 66-67.
2. *Авторханов Г.А.* Технология власти / Г.А. Авторханов. М.: Слово, 1991. 638 с.
3. *Агапова Е.А.* Феномен цензуры / Е.А. Агапова. ИПО ПИ ЮФУ. Ростов н/Д, 2008. 184 с.
4. *Азаров В.Н.* Преследования интеллигенции и судьба НЭПа / В.Н. Азаров // Толерантность и власть: судьбы Российской интеллигенции. Пермь: ПРИПИТ, 2002. С. 9-11.
5. *Баканова А.И.* Из истории цензуры на Урале (обзор источников) / А.И. Баканова // Цензура в России: мат. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 53-60.
6. *Бакунин А.В.* Советский тоталитаризм: генезис, эволюция и крушение / А.В. Бакунин. Екатеринбург, 1993. 110 с.
7. *Батурин Ю.М.* Политический осциллятор: «Новый Карфаген» против гласности (из российской истории) / Ю.М. Батурин // Политические институты и обновление общества. М., 1989. С. 168-184.
8. *Батурин Ю.М.* Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 г. / Ю.М. Батурин // Советское государство и право. 1989. № 3. С. 134-142.
9. *Белова Т.В.* Культура и власть / Т.В. Белова. М.: МГУ, 1991. 260 с.
10. *Блюм А.В.* За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917-1929 / А.В. Блюм. СПб.: Академический проспект, 1994. 320 с.
11. *Блюм А.В.* От неолита до Главлита / А.В. Блюм. СПб.: Изд. им. Н.И. Новикова, 2009. 272 с.
12. *Блюм А.В.* Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953 / А.В. Блюм. СПб.: Академический проспект, 2000. 312 с.
13. *Блюм А.В.* У мысли стоя на часах...»: Ленинградская печать в годы Большого террора: хроника цензурных репрессий / А.В. Блюм // Новый журнал. 1998. № 1. С. 176-190.
14. *Боффа Дж.* История Советского Союза / Дж. Боффа. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1994. 570 с.
15. *Винниченко О. Ю.* Номенклатура и репрессии 30-х гг. (на материале местных Советов Урала) / О.Ю. Винниченко // История репрессий на Урале в годы Советской власти: тез. докл. науч. конф. Екатеринбург: УрГУ, 1994. С. 16-17.
16. *Gaev A.* Soviet Press Control // Bulletin of the Institute for the Study of History and Culture of the USSR. Munchen. 1955. № 5. P. 3.
17. *Галин С.А.* Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти (1917-1925): монография / А.С. Галин. М.: Высшая школа, 1990. 144 с.

18. *Гимпельсон Е.Г.* НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки / Е.Г. Гимпельсон. М.: Собрание, 2004. 304 с.
19. *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы. 20-е годы. (Руководящие кадры государственного аппарата СССР) / Е.Г. Гимпельсон. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2001. 225 с.
20. *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы: 1917-1923 гг. / Е.Г. Гимпельсон. М.: Наука, 1995. 232 с.
21. *Глазков М.Н.* Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917-1939) / М.Н. Глазков. Российская государственная библиотека. М.: Пашков дом, 2001. 104 с.
22. *Глазков М.Н.* Цензура общедоступных библиотечных фондов в России в 1930-е – начале 1940-х гг.: курс лекций / М.Н. Глазков. М.: МГУКИ, 2007. 74 с.
23. *Голомшток И.Н.* Тоталитарное искусство / И.Н. Голомшток. М.: Галарт, 1994. 294 с.
24. *Горчева А.Ю.* Главлит: становление советской тотальной цензуры / А.Ю. Горчева // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1992. № 2. С. 32-40.
25. *Горяева Т.М.* Журналистика и цензура (По материалам советского радиовещания 1920-30-х годов. Источниковедческий аспект) / Т.М. Горяева // История СССР. 1990. № 4. С. 112-123.
26. *Горяева Т.М.* Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры / сост. Т.М. Горяева. Минск: Старый Свет-Принт, 1995. 334 с.
27. *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917-1991 / Т.М. Горяева. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с.
28. *Горяева Т.М.* Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – 1930-х годах / Т.М. Горяева. М. РОССПЭН, 2000. 175 с.
29. *Горяева Т.М.* Радиогазета 1920-1930-х годов как исторический источник / Т.М. Горяева // История СССР. 1984. № 1. С.72-87.
30. *Динерштейн Е.А.* Положившие первый камень. Госиздат и его руководители / Е.А. Динерштейн. М.: Книга, 1972. 172 с.
31. *Еголин А.М.* Тридцать лет советской литературы / А.М. Еголин. М., 1948. 125 с.
32. *Елина Е.Г.* Журналистика и цензура в советской России 1920-х годов / Е.Г. Елина // Цензура как социокультурный феномен. Саратов, 2007. С. 176-190.
33. *Ефремова Е.Н.* Партийная цензура историко-краеведческих изданий 1920-1930-х гг. на Урале / Е.Н. Ефремова // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 4 (82). С. 183-197.
34. *Ефремова Е.Н.* Статус советского цензора в отчетах Свердловллита / Е.Н. Ефремова // Жизнь провинции как феномен духовно-

сти: сб. ст. по матер. Всерос. науч. конф. Нижний Новгород, 2010. С. 345-353.

35. *Жидков В.С.* Театр и время: От Октября до перестройки / В.С. Жидков. М., 1991. 403 с.

36. *Жирков Г.В.* История советской цензуры: Период комиссаро-державия (1917–1919) / Г.В. Жирков // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 1994. № 2. С. 82-92.

37. *Жирков Г.В.* История советской цензуры: Период диктата государственного издательства (1919–1921 гг.) / Г.В. Жирков // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 3. 1995. № 16. С. 78-86.

38. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX-XX вв.: учебное пособие / Г.В. Жирков. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.

39. *Зак Л.М.* История изучения советской культуры / Л.М. Зак. М.: Наука, 1981. 223 с.

40. *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы: монография / М.В. Зеленов. Нижний Новгород, 2000. 540 с.

41. *Зеленов М.В.* Высший цензурный комитет СССР между властью и обществом в 1920-е –1930-е годы / М.В. Зеленов // Цензура и доступ к информации: история и современность / Отв. ред. М.Б. Ко-нашев. СПб., 2005. С. 69-70.

42. *Зеленов М.В.* Главлит и историческая наука 20-30-х годов / М.В. Зеленов // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 21-36.

43. *Зеленов М.В.* Партийный контроль за изданием сочинений В.И. Ленина и литературы о нем в 1924–1937 годах / М.В. Зеленов // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 3-27.

44. *Зеленов М.В.* Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы / М.В. Зеленов // Отечественная история. 2000. № 2. С. 129-141.

45. *Зеленов М.В.* Цензура и органы цензуры в постановлениях Наркомпроса РСФСР / М.В. Зеленов // Цензура в России: история и современность. СПб., 2008. С. 254-290.

46. *Игишева Е.А.* Деятельность правоохранительных органов на Урале в 1920-е гг.: современная историография / Е.А. Игишева // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 59. С. 75-83.

47. *Игишева Е.А.* Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в современной отечественной историографии / Е.А. Игишева Екатеринбург: УрГУ, 2008. 268 с.

48. *Игрицкий Ю.И.* Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе / Ю.И. Игрицкий // История СССР. 1990. № 6. С. 172-189.

49. *Игрицкий Ю.И.* Снова о тоталитаризме / Ю.И. Игрицкий // Отечественная история / Ю.И. Игрицкий. 1993. № 1. С. 3–17.

50. *Измозик В.С.* Руководство РКП(б) и организация советской цензуры / В.С. Измозик // *Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Выпуск 1.* СПб.: РНБ, 2001. С. 102–111.
51. *Измозик В.С.* Перлюстрация в первые годы советской власти / В.С. Измозик // *Вопросы истории.* 1995. № 8. С. 26-35.
52. *Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России* / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. 600 с.
53. *История советской политической цензуры* / отв. сост. Т.М. Горяева. М., 1997. 302 с.
54. *История Урала. XX век: учеб.* / под ред. Б.В. Личмана. Кн. 2. Екатеринбург, 1998. 400 с.
55. *Историческая наука и историческое образование: сб. ст.* Екатеринбург, 2000. 395 с.
56. *Каганский В.Л.* Центр-провинция-периферия-граница / В.Л. Каганский // *Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии.* М. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С.72-101.
57. *Kandler G.* Pressezensur in Sowjet-Russland / G. Kandler // *Osteuropa.* 1925/1926. S. 256-258.
58. *Kapp Э.* История Советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923 / Э. Карр. М.: Прогресс, 1990. 768 с.
59. *Кино: политика и люди (30-е годы).* М.: Материк, 1996. 231 с.
60. *Клепиков Н.Н.* Механизм ограничения информации в свете международной дискредитации СССР в начале 1930-х гг. (на примере Северного края) / Н.Н. Клепиков // *Цензура и доступ к информации: история и современность* / отв. ред. М.Б. Конашев. СПб., 2005. С. 73-75.
61. *Козлов В.П.* Проблемы доступа в архивы и их использования. Некоторые размышления над опытом работы российских архивов 90-х годов XX века / В.П. Козлов. М.: РОИА, 2004. 96 с.
62. *Конашев М.Б.* Академия наук и цензура: 1917-1927 гг. / М.Б. Конашев // *Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 1.* СПб., 2001. С. 117-118.
63. *Конашев М.Б.* Внутрипартийная борьба 20-х - 30-х гг. в СССР и концепция становления советской цензуры / М.Б. Конашев // *Цензура и доступ к информации: история и современность* / отв. ред. М.Б. Конашев. СПб., 2005. С. 75-76.
64. *Красногоров В.А.* Гласность и безгласность. Заметки по истории отечественной цензуры / В.А. Красногоров // *Нева. Ежемесячный литературный журнал.* 1990. № 3. С. 146-165.
65. *The Red pencil. Artists, Scholars, and Censors in the USSR* / Ed. by M.T. Choldin and M. Friedberg. Boston. London-Sydney-Wellington. 1989. 243 p.

66. *Коржихина Т.П.* Советская номенклатура: становление и механизм действия / Т.П. Коржихина, Ю.Ю. Фигантер // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25-38.
67. *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР / Т.П. Коржихина. М.: Высшая школа, 1986. 398 с.
68. *Кретов Б.И.* Средства массовой информации – элементы политической системы общества / Б.И. Кретов // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 101-115.
69. *Кузнецова Н.В.* Репрессированный П. Бажов и его репрессированные книги / Н.В. Кузнецова // Цензура в России: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 66-70.
70. *Куренков Г.А.* 1922 год. Что было государственной и военной тайной в РСФСР / Г.А. Куренков // Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 80-86.
71. *Левин М.* Советский век / М. Левин. М.: Европа, 2008. 680 с.
72. *Левченко И.Е.* Парадоксы цензуры / И.Е. Левченко // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 2. СПб., 2005. С. 172.
73. *Левченко И.Е.* Уралобллит как «блюстителем» общественных нравов / И.Е. Левченко // Социальные проблемы Уральского региона / Материалы IX Уральских социологических чтений. Екатеринбург, 1994. С. 34-36.
74. *Листов В.С.* Россия, революция, кинематограф / В.С. Листов. М.: Материк, 1995. 250 с.
75. *Лямзин А.В.* Периодическая печать как исторический источник по организации антирелигиозной работы (на материалах уральских газет 1920-х годов) / А.В. Лямзин // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия: тез. докл. Всерос. науч. конф. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2000. С. 44-45.
76. *Мазур Л.Н.* Методы исторического исследования: учеб. пособие / Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 2101. 608 с.
77. *Максименков Л.В.* Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция / Л.В. Максименков. М.: Юридическая книга, 1997. 320 с.
78. *Максимов А.А.* Советская журналистика 20-х гг. Краткий очерк журнальной периодики / А.А. Максимов. Л.: ЛГУ, 1964. 150 с.
79. *Макушин Л.М.* Цензура: часть и целое / Л.М. Макушин // Цензура и доступ к информации: история и современность / отв. ред. М.Б. Конашев. СПб., 2005. С. 38-39.
80. *Малиновский Б.* Научная теория культуры / Б. Малиновский. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
81. *Малыхин Н.Г.* Очерки по истории книжно-издательского дела в СССР / Н.Г. Малыхин. М.: Книга, 1965. 448 с.

82. *Мартынова Л.С.* Деятельность Окрлита Омска в 1925 г. / М.С. Мартынова // Изв. Омск. гос. историко-краеведческого музея. 1994. № 3. С. 174-177.
83. *Маслов В.* Сталинские репрессии и советская юстиция / В. Маслов, Н. Чистяков // Коммунист. 1990. № 10. С. 102-112.
84. *Медушевский А.Н.* История сталинизма: итоги и проблемы изучения / А.Н. Медушевский // Российская история. 2009. № 5. С.189-196.
85. *Медушевская О.М.* Источниковедение: Теория, история и метод / О.М. Медушевская. М.: РГТУ, 1996. 244 с.
86. *Мозохин О.Б.* ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата / О.Б. Мозохин. М.: Эксмо, 2004. 448 с.
87. *Молчанов Л.А.* Газетный мир антибольшевистской России: (окт. 1917-1920 гг.) / Л.А. Молчанов. М.: Посев, 2001. 159 с.
88. *Московская Д.С.* НЭП в оценке краеведов – ученых и писателей // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: сб. ст. участников Междунар. науч. конф. (Саратов, 23-25 сентября 2010 г.) / под ред. И.Ю. Иванюшиной. Саратов: Наука, 2010. С. 284-290.
89. *На подступах к спецхрану:* труды межрегион. науч.-практич. конф. «Свобода научной информации и охрана гос. тайны: прошлое, настоящее, будущее» (Санкт-Петербург, 24-26 сентября 1991 г.). СПб., 1995. 107 с.
90. О свободе доступа к информации и разумном балансе интересов // Отечественные архивы. 1997. № 4. С. 25-34.
91. *Олейникова Т.В.* Деятельность специальных органов идейно-политической цензуры литературных произведений в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (по материалам Сибири) / Т.В. Олейникова // Развитие книжного дела Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1993. С. 66-82.
92. *Осоцкий В.Д.* Как управляли литературой / В.Д. Осоцкий // Вопросы литературы. 1991. С. 158-185.
93. *Павлова Т.Ф.* Рассекречивание документов в государственных архивах: некоторые итоги, законодательная база, проблемы / Т.Ф. Павлова // Вестник архивиста. 1994. № 1–2. С. 2–11.
94. *Павлова Т.Ф.* Рассекречивание документов в государственных архивах РФ (1991–2006) / Т.Ф. Павлова // Новая и Новейшая история. 2007. № 4. С. 86-92.
95. *Павлова И.В.* Понимание сталинской эпохи и позиция историка / И.В. Павлова // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 3-18.
96. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
97. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

98. *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. М., 2006. 240 с.

99. *Подгорнова А.И.* Советское книгоиздание в 1920-е гг.: Историко-правовое исследование / А.И. Подгорнова. М.: Наука, 1984. 112 с.

100. *Подлубнова Ю.С.* НЭП и нэпманы в екатеринбургском фелетоне 1920-х годов / Ю.С. Подлубнова // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: сб. ст. участников Междунар. науч. конф. (Саратов, 23-25 сентября 2010 г.) / под ред. И.Ю. Иванюшиной. Саратов: Наука, 2010. С. 331-337.

101. *Подлужная А.М.* Борьба с «чуждыми элементами» в процессе чисток на территории Среднего Поволжья в 1928–1930 гг. / А.М. Подлужная // Актуальные проблемы исторической науки: Межвузовский сборник научных трудов молодых ученых / под общей редакцией О.В. Ягова. Вып. 3. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. С. 164-169.

102. *Подлужная А.М.* Цензура зрелищ в 1920-е гг. (на материалах Пензенской губернии) / А.М. Подлужная // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб.: Книжный Дом, 2007. С. 99-103.

103. *Попов Н.Н.* Сталинские репрессии на Урале во второй половине 30-х гг. / Н.Н. Попов // История репрессий на Урале в годы советской власти: тез. докл. науч. конф. Екатеринбург: УрГУ, 1994. С. 73-79.

104. *Проблемы российской истории.* М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МАГУ, 2010. Вып. X. 564 с.

105. *Радаев В.В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы / В.В. Радаев // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 3. С. 5-26

106. *Революционеры Прикамья.* 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Перми / сост. Н.А. Аликина, И.Г. Горовая. Пермь: Пермское книжное издательство, 1966. 823 с.

107. *Романенко А.П.* Герменевтические принципы советской цензуры / А.П. Романенко // Цензура как социокультурный феномен. Саратов, 2007. С. 142-163.

108. *Рыжак Н.В.* Цензура в СССР и Российская государственная библиотека / Н.В. Рыжак // Румянцевские чтения. М.: Пашков дом, 2007. С. 284-291.

109. *Рябцев Ю.С.* История русской культуры / Ю.С. Рябцев. М.: РОССПЭН, 2003. 382 с.

110. *Рябчикова Н.С.* «Пролеткино»: от «Госкино» до «Совкино» / Н.С. Рябчикова // Киноведческие записки: Историко-теоретический журнал. 2010. № 94-95. С. 90-108.

111. *Савельев Д.Л.* Деятельность Наркомпроса по финансированию учреждений культуры и образования в 1920-х годах (на материа-

лах Тюменской губернии) / Д.Л. Савельев // Наука и образование: VII Общерос. межвуз. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых: матер. конф.: в 5 т. Томск, 2003. С. 25-29.

112. *Савельев Д.Л.* Местные органы Главлита – основа политической цензуры в сфере культуры (1920-е гг.) / Д.Л. Савельев // Тюменский исторический сборник / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2000. Вып. 4. С. 76-81

113. *Савельев Д.Л.* Политическая цензура как социокультурный феномен / Д.Л. Савельев // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: по материалам Всерос. конф.: в 2 кн. Барнаул, 2003. С. 46-54.

114. *Савин В.А.* Из истории создания и функционирования спецхрана в архиве / В.А. Савин // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 18-26.

115. *Сибиряков И.В.* Всерабис: страницы истории / Сибиряков И.В. Челябинск: ЮрГУ, 2006. 255 с.

116. *The Soviet Censorship* / Ed. by M. Dewhurst, R. Farrell. Metuchen, New Jersey, 1973. 270 p.

117. *Simmons E.J.* The Origins of Literature Control / E.J. Simmons // Survey. London. № 36/37. 1961. 34 p.

118. *Смыкалин А.С.* Перлюстрация корреспонденции и почтовая цензура в России и СССР / А.С. Смыкалин. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2008. 315 с.

119. *Сосновских С.В.* Политические репрессии середины 1930-х гг. на Урале в творчестве современных историков / С.В. Сосновских // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 52. С. 319-328.

120. *Степанова Г.И.* Деятельность органов цензуры в документах Центра документации общественных организаций Свердловской области (1918-1991 гг.) / Г.И. Степанова // Цензура в России: матер. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 30-34.

121. *Степанова Г.И.* История органов цензуры в партийных документах / Г.И. Степанова // Архивы Урала. 1996. № 2 (4). С. 171-182.

122. *Степанова Г.И.* Политический контроль за печатным словом // Толерантность и власть: судьбы Российской интеллигенции / Г.И. Степанова. Пермь: ПРИПИТ, 2002. С. 140-143.

123. *Сушков А.В.* Май 1937: Трагедия секретаря Свердловского обкома / А.В. Сушков // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: В 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 247–251.

124. *Тупицын И.В.* Кадровая политика РКП (б) и периодическая печать (1921-1925 гг.) / И.В. Тупицын. Армавир: Изд. центр АГПИ, 1998. 140 с.

125. *Ученова В.В.* Партийно-советская печать восстановительного периода (1921-1925) / В.В. Ученова. М.: Наука, 1964. 257 с.

126. *Урал в панораме XX века.* Екатеринбург, 2000. 406 с.

127. *Ушаков А.* Конец цензуры / А. Ушаков. М.: Фонд Мир. 2010. 349 с.
128. *Фэйнсод Мерл.* Смоленск под властью Советов / Перевод с англ. Л.А. Кузьмина (вступит статья Е.В. Кодина). Смоленск, 1995. 489 с.
129. *Федотов М.А.* Был ли разрушен «новый Карфаген»? (из истории советского законодательства о цензуре) / М.А. Федотов // Политические институты и обновление общества. Москва, 1989. С. 185-194.
130. *Федотов М.А.* Гласность и цензура: возможность сосуществования / М.А. Федотов // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 80-89.
131. *Федюкин С.А.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭП / С.А. Федюкин. М.: «Наука», 1977. 352 с.
132. *Фельдман М.А.* Уральские организации ВКП (б) в 1938 – июне 1941 года / М.А. Фельдман // История репрессий на Урале в годы советской власти: тез. докл. науч. конф.. Екатеринбург: УрГУ, 1994. С. 130-136.
133. *Финадеев А.П.* Рассекречивание архивных документов в интересах общества и государства / А.П. Финадеев // Мат. науч.-практ. конфер. «Архивы России на службе общества и государства», посвященной 90-летию создания архивной службы России. Челябинск, 2008. С. 114-117.
134. *Хаустов В.Н.* Репрессии второй половины 30-х гг. / В.Н. Хаустов // История репрессий на Урале в годы советской власти: тез. докл. науч. конф. Екатеринбург: УрГУ, 1994. С. 98-102.
135. *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы / О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.
136. *Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр.* Вып. 1 / сост. ред. М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева. СПб.: РНБ, 2001. 272 с.
137. *Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр.* Вып. 2 / сост. ред. М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева. СПб.: РНБ, 2005. 288 с.
138. *Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр.* Вып. 3 / сост. ред. М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева. СПб.: РНБ, 2007. 320 с.
139. *Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр.* Вып. 4 / сост. ред. М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева. СПб.: РНБ, 2008. 487 с.
140. *Цензура в России: история и современность: тез. конф.* 20-22 сентября 1995 г. Санкт-Петербург. СПб., 1995. 66 с.
141. *Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конф.* 24-27 мая 1993 г. Москва. М.: Рудомино, 1995. 175 с.

142. *Цензура* иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе: Каталог выставки. Москва, 1993. 104 с.
143. *Цензурный режим* переходных эпох: матер. Всерос. науч. конф. факультета журналистики, 19 ноября 2003 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 133 с.
144. *Чиркова Т.В.* Литературная цензура в период перехода России от феодализма к капитализму: монография / Т.В. Чиркова. М.: Альфа, 2002. 100 с.
145. *Чуфаров В.Г.* Повседневность как историческая реальность: 1930-е годы на Южном Урале и культурное строительство / В.Г. Чуфаров // Архивное дело в Челябинской области. 1997. № 2. С. 69-88.
146. *Шереметьевская Н.Е.* Танец на эстраде / Н.Е. Шереметьевская. М.: Искусство, 1985. 416 с.
147. *Шереметьевская Н.Е.* Прогулка в ритмах степа / Н.Е. Шереметьевская. М.: Печатное дело, 1996. 240 с.
148. *Шикман А.П.* Совершенно нескретно / А.П. Шикман // Советская библиография. 1988. № 6. С. 3-12.
149. *Шмелев Г.* Перед поворотом / Г. Шмелев // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. С. 55-67.
150. *Щегельский А.В.* К вопросу о рассекречивании архивных документов / А.В. Щегельский // Отечественные архивы. 1995. № 1. С. 6-10.
151. Just Artur W. Die Presse der Sowjetunion / Just Artur // Osteuropa. 1925/1926. S. 559-563.

3. Диссертационные исследования

3.1. Диссертации

1. *Бондарева Г.А.* Советская цензура зрелищ в период Новой экономической политики (1921-1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Г.А. Бондарева. М., 2003. 225 с.
2. *Володина Н.А.* Идеологема коллективизма и ее внедрение в массовое сознание в 1930-е гг. (на материалах Средне-Волжского края): дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Володина. Пенза, 2002. 242 с.
3. *Горяева Т.М.* История советской политической цензуры. 1917-1991 гг.: дис. ... д-ра ист. наук / Т.М. Горяева. М., 2000. 669 с.
4. *Зеленов М.В.* Политика аппарата ЦК РКП (б) – ВКП (б) в области цензуры исторической науки в 1919-1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук / М.В. Зеленов. Нижний Новгород, 2000. 774 с.

5. *Клепиков Н.Н.* Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук / Н.Н. Клепиков. Архангельск, 2005. 246 с.

6. *Подлужная А.М.* Политическая цензура в Пензенском регионе в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук / А.М. Подлужная. Пенза, 2007. 267 с.

7. *Ружников В.Н.* Становление советской радиожурналистики. Начальный период. 1917-1924 гг. дис. ... канд. филол. наук / В.Н. Ружников. М., 1981. 264 с.

8. *Суров А.В.* Цензурная политика Советского государства в 1917–нач. 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук / А.В. Суров. Ярославль, 2002. 235 с.

9. *Ярмолич Ф.К.* Цензура на Северо-Западе СССР. 1922 – 1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Ф.К. Ярмолич. СПб., 2010. 210 с.

3.2. Авторефераты диссертаций

10. *Володина Н.А.* Идеологема коллективизма и ее внедрение в массовое сознание в 1930-е гг. (На материалах Средне-Волжского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Володина. Пенза, 2000. 23 с.

11. *Демин В.И.* Борьба партийно-государственных органов с инако-мыслием в советской провинции: 1917–1945 гг. (На материалах Курского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.И. Демин. Курск, 2005. 20 с.

12. *Клепиков Н.Н.* Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920-1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.Н. Клепиков. Архангельск, 2005. 24 с.

13. *Левченко И.Е.* Цензура как общественное явление: автореф. дис. ... канд. филос. наук / И.Е. Левченко. Екатеринбург, 1995. 20 с.

14. *Макарова Н.Н.* Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929-1935 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.Н. Макарова. Челябинск, 2010. 31 с.

15. *Подлужная А.М.* Политическая цензура в Пензенском регионе в 1920-1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.М. Подлужная. Пенза, 2007. 21 с.

16. *Семенов С.В.* Политические репрессии в сфере образования и культуры Южного Урала в 30-е годы XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.В. Семенов. Самара, 2009. 18 с.

17. *Тетерятник О.П.* Культура Южного Урала в период НЭПа. 1921-1927 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.П. Тетерятник. Оренбург, 1996. 21 с.

4. Ресурсы сети Интернет

Клепиков Н. Нужна ли нам цензура? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arhpress.ru/arkhangelsk/2004/3/20/10.shtml> (дата обращения: 04.05.2011)

Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/history/20/krivova/kriv05.html> (дата обращения: 06.08.2011).

Пушкарева Н.Л. История повседневности как направление исторических исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 10.03.2011).

Расцветаева Е.Р. Комплексное использование документов фонда Р-496 «Челябинское областное управление по делам литературы и издательств» ГУ «Объединенного государственного архива Челябинской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://arhiv74.ru/taxonomy/term/3> (дата обращения: 20.08.2011).

Электронное периодическое издание «Открытый текст» [Электронный ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru> (дата обращения: 1.09.2011).

Якунина О. «Чудесная книжка» // Премьер – новости за неделю. 2010. № 3. 19-25 января [Электронный ресурс]. URL: <http://premier.region35.ru/gazeta/np642/s8.html> (дата обращения: 10.07.2011).

Основные публикации автора по данной теме

Монографии:

1. «Крепкая узда пролетарской диктатуры»: органы Главлита на Урале в 1922-1941 гг. / С.А. Дианов. Пермь, 2010. 164 с.

2. Уральская цензура в лицах. Политическая цензура на Урале в 1920-1930-е гг. / С.А. Дианов. Пермь, 2011. 202 с.

Научные издания:

1. «Без визы не допускать...»: политическая цензура на Урале в период НЭПа: сборник архивных материалов / вступ. ст., сост. и ред. С. А. Дианов. Пермь, 2009. 222 с.

Статьи:

А) Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Взаимоотношения органов политической цензуры и ОГПУ-НКВД на Урале в 1920-1930 гг. / С.А. Дианов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. 1. С. 56-60.

2. Издательское дело на Урале в 1920-1930 гг.: цензурный контроль / С.А. Дианов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. 1. С. 51-55.

3. Кадровый вопрос и становление системы повышения квалификации цензоров на Урале в 1920-1941 гг. / С.А. Дианов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета. Красноярск, 2011. № 3 (22). С. 35-41.

4. Организационное строительство местных органов Главлита на Урале в 1922-1934 гг. / С.А. Дианов // Вестник Удмуртского государственного университета. Ижевск, 2012. № 1. С. 87-94.

5. Органы Главлита и цензура зрелищ на Урале в 1922-1940 гг. / С.А. Дианов // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2011. Выпуск 3 (17). С. 49-55.

6. Повседневная жизнь партийной организации обллита в 1930-е г. / С.А. Дианов // Вестник Томского государственного университета. Сер. «История». Томск, 2011. № 3 (15). С. 97-104.

7. Политическая цензура на Урале в период НЭПа / С.А. Дианов // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 167-174.

8. Практики взаимодействия местных органов Главлита и партийных комитетов ВКП (б) на Урале в 1920-1930-е годы / С.А. Дианов // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2011. № 12. Вып. 45: История. С. 40-46.

9. Репрессивные практики в парторганизации Свердловского обллита в 1930-е г. / С.А. Дианов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12). Ч. 1. С. 69-73.

10. Формирование кадрового аппарата советской цензуры на Урале в 1920-е г. / С.А. Дианов // Гуманитарные и социальные науки. Серия «История». Ростов-н/Д. 2011. № 5. С. 79-86.

Б) Публикации в международных изданиях:

1. Советская цензура в 1920–1930-е гг.: проблема подготовки кадрового аппарата (на примере Уральской области) / С.А. Дианов // Дни науки исторического факультета 2009: материалы II Междунар. науч. конф. ученых, посвящ. 175-летию Киевского национального ун-та им. Тараса Шевченко. Киев, 2009. Вып. II. Ч. 3. С. 65-67.

2. Функции цензуры в политической системе СССР / С.А. Дианов // Актуальные достижения европейской науки: матер. 7 Междунар. науч.-практ. конф. София: Бял ГРАД-БГ ООД, 2011. Т. 26. История. С. 39-43.

В) Другие публикации:

1. Политическая цензура в советской провинции: принципы организации и деятельности в 1920-е гг. (на материалах Пермского края) / С.А. Дианов // Матер. IX Всерос. науч. конф. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. С. 90-93.

2. К вопросу об источниках финансирования деятельности местных органов Главлита в 1920-е гг. / С.А. Дианов // Матер. X Всерос. науч. конф. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2009. С. 65-66.

3. Цензоры Уральской области и большевистская бдительность: проблема эффективности деятельности органов цензуры в провинции / С.А. Дианов // Емельяновские чтения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (г. Курган, 23-24 апреля 2009 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. С. 44-47.

4. Радиовещание на Урале как объект политической цензуры в 1920-1930-х годах / С.А. Дианов // Актуальные вопросы истории Сибири: седьмые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 182-185.

5. «Строго бороться с проникновением обывательского и мещанского репертуара...»: цензура зрелищ на Урале в 1920-1930-е гг. / С.А. Дианов // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: матер. IX Всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. А.В. Бакунина. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 315-319.

6. «Участок контроля за радио – очень важный участок работы органов Главлита на местах...»: цензура радио на Урале в 1926-1940

гг. / С.А. Дианов // Исторический Ежегодник / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2009. С. 94-101.

7. Формирование системы подготовки кадрового аппарата Главлита в конце 1920-х – 1930-е гг. (на материалах Урала) / С.А. Дианов // Научное, педагогическое и просветительское наследие М.К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономической и политической истории России и ее регионов XVI-XX вв. Уфа: Изд-во БПГУ, 2010. С. 173-176.

8. Два портрета уральской цензуры: А.Г. Арыкин и П.П. Бажов / С.А. Дианов // Страницы истории Урала. Вып. 5. Власть и общество: межвуз. сб. науч. ст. / науч. ред. В.А. Державин. ПГПУ; Пермь, 2010. С. 63-70.

9. Заведующие Уралобллитом: П.П. Бажов / С.А. Дианов [Эл. ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/mestnaia/uralobllit/> (дата размещения: 31.01.2011).

10. Местные органы цензуры: Уралобллит / С.А. Дианов [Эл. ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/mestnaia/uralobllit/> (дата размещения: 5.06.2011).

11. Пермский обллит: М.Н. Пермякова / С.А. Дианов [Эл. ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/mestnaia/perm/managers/> (дата размещения: 31.01.2011)

12. Организационное строительство местных органов Главлита на Урале в 1922-1941 гг. / С.А. Дианов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/dianov/> (дата размещения: 1.10.2010).

Учебные пособия:

1. Цензура на Урале в 1920-30-е гг.: механизмы управления культурной жизнью региона: учеб.-метод. комплекс спецкурса / РИО ПГПУ. Пермь, 2009. 20 с.

Научное издание

Дианов Сергей Александрович

**ОРГАНЫ ГЛАВЛИТА НА УРАЛЕ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920-1941 гг.)**

Монография

Редактор *Е.Е. Покровская*

Компьютерная верстка, дизайн обложки *Ю.В. Дианова*

ИБ № 406

Свидетельство о государственной аккредитации вуза
№ 1806 от 11.03.2009

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001

Подписано в печать 12.09.11. Формат 60x90 1/16

Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Компьютерный набор

Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 19,0

Тираж 500 экз. Заказ №123

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного педагогического университета

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,

тел. (342) 238-63-12

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе

«ОТ и ДО»

614094, г. Пермь, ул. Овчинникова, 19

тел. (342) 224-47-47